

Михаил Геллер

**КОНЦЕНТРАЦИОННЫЙ МИР
И
СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА**

Overseas Publications Interchange Ltd.

Михаил Яковлевич Геллер родился в 1922 г. После окончания исторического факультета Московского университета занимался научной работой. С конца 1968 г. живет в Париже. Преподает в Сорбонне «советскую цивилизацию» и историю советской литературы. Защитил в Парижском университете докторскую диссертацию. Книга «Концентрационный мир и советская литература» вышла на французском языке в лозаннском издательстве «L'Age d'Homme» и на польском языке в парижском издательстве «Культуры».

КОНЦЕНТРАЦИОННЫЙ МИР
И
СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

**THE WORLD
OF CONCENTRATION CAMPS
AND
SOVIET LITERATURE**

by

Michael Heller

**Overseas Publications Interchange Ltd.
London 1974**

Михаил Геллер

**КОНЦЕНТРАЦИОННЫЙ МИР
И
СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА**

**Overseas Publications Interchange Ltd.
London 1974**

© Russian edition — M. Heller

© Other languages — 1974 Editions l'Age d'Homme, Lausanne

All rights reserved. No part of this publication
may be reproduced or translated, in any form or
by any means, without permission.

ISBN: 0 903868 01 7

ВСТУПЛЕНИЕ

Концентрационные лагеря открываются в советской республике летом 1918 г., через полгода после Октябрьского переворота. Они создаются как дополнительный инструмент террора, необходимого для защиты революции. В то время слово это не вызывает еще никаких ассоциаций. «Советская власть, — пишет молодой офицер, арестованный летом 1918 г. и прошедший затем по его подсчетам 26 тюрем, — очень любит смягчать названия, касающиеся наказания ее граждан... За недостатком места в старых тюрьмах, во многих местах построены или заняты деревянные бараки, рассчитанные на большое количество арестантов. Советская власть мягко называет их «концентрационными лагерями».¹

Связь между первыми советскими концлагерями и «концлагерным миром» сталинской эпохи носит не только этимологический характер. Первые же документы, возвещающие появление нового карательного института, определяют его характернейшие, неизменные черты: концентрационные лагеря — суровое наказание; подвергаются ему потенциальные враги, а не люди совершившие преступления; наказание — заключение в концлагерь — носит внесудебный характер. Первые советские концентрационные лагеря полностью соответствуют дефиниции, которую дала этому понятию «Большая советская энциклопедия» в томе, вышедшем в 1937 г., когда сталинский террор достиг своего апогея, а концлагерная империя — невиданного размаха, «Концентрационные лагеря — особые

¹ Безсонов — 26 тюрем и побег с Соловков. Париж, 1928, стр. 37.

места заключения, созданные фашистскими государствами. Создается дополнительная к тюрьмам система концентрационных лагерей. В последних, являющихся местом заключения революционных деятелей и антифашистов, царит неограниченный произвол, жесточайшее обращение с заключенными (пытки, истязания, прямые убийства). Политзаключенные в концлагерях поставлены в условия, неизмеримо худшие, чем уголовные преступники. В концентрационные лагеря фашисты направляют без конкретной вины, во внесудебном порядке и на неопределенный срок.»² Многочисленные свидетельства и документы, часть из которых приводится ниже, подтверждают точность этой дефиниции по отношению к советским лагерям, в частности и там, где она говорит о заключении «революционных деятелей и антифашистов».

Наличие такого института как концентрационные лагеря не может не оказать решающего влияния на общество, как не может организм остаться нечувствительным к раковой опухоли в легких. Метастазы проникают во все органы — общество превращается в «концлагерный мир», в котором страх, ложь, насилие, террор становятся нормой. Первые советские концентрационные лагеря, открытые летом 1918 г., были зерном будущей концлагерной империи, «Архипелага Гулаг», по выражению Александра Солженицына, не только потому, что они были — с первых дней — жестоким, внесудебным видом наказания для потенциальных врагов революции, а потому, что они почти сразу же превратились в орудие принудительного труда.

Концентрационные лагеря рождаются вместе с XX веком. В 1901 г. генерал Китчинер, командующий английскими войсками в войне с бурами, стоняет в них мирное население, стремясь ограничить размах партизанской войны. Создатели советских концлагерей целиком изменяют характер этого института, превращая его по выражению Феликса Дзержинского в «школу труда».

Исторический парадокс заключается в том, что вскоре после Октябрьской революции концентрационные лагеря становятся мерой наказания не только для

² БСЭ, I изд., т. 34, стр. 176.

врагов (или потенциальных врагов) революции, но и для тех, ради кого революция совершилась — для рабочих и крестьян. «Новый диктатор, явившийся на смену помещикам и буржуям, принявшись за новое строительство, в первый момент оказался в блестящем одиночестве»,³ — так несколько высокопарно, но по сути очень точно, определил положение партии большевиков после революции редактор книги, посвященной деятельности ВЧК в первые послереволюционные месяцы. Концентрационные лагеря с первых дней своего существования используются для преодоления этого «блестящего одиночества». Популярный пролетарский поэт того времени верит, что так и надо: «Сердца единой верой сплавим. Пускай нас мало. Не беда! Мы за собой идти заставим многомиллионные стада».⁴ В первом издании этого стихотворения поэт еще более выразителен: вместо «многомиллионные стада», он пишет: «к бичам привыкшие стада».

Концентрационные лагеря становятся — с момента своего появления — бичом, с помощью которого партия большевиков хочет загнать в рай сопротивляющийся народ, прежде всего — рабочих и крестьян.

В книге использованы только советские источники: документы и другие материалы, опубликованные в первые послереволюционные месяцы, когда новая власть еще не стыдилась своей жестокости, находя отпущение всех грехов в революции.

Небольшое количество документов было опубликовано в короткий период «оттепели» в исторической науке в первой половине 60-х годов. Важнейшим, однако, источником изучения советского «концентрационного мира», советской «тюремной цивилизации» может служить советская литература.

«Один день Ивана Денисовича» А. Солженицына, напечатанный в 1962 г., был первым правдивым свидетельством существования концлагерей, официально подтвержденным государством. Но повесть Солженицына не была первым произведением о советском

³ Красная книга ВЧК. Под ред. П. Макинциана, т. I, М. 1920, стр. 111.

⁴ Василий Князев — Красные звоны и песни. Изд. Петроградского совета рабочих и красноармейских депутатов. 1918, стр. 2.

концлагерном мире. Всю советскую литературу можно рассматривать с точки зрения ее отношения к «концлагерному миру», как отражение тех или иных граней «тюремной цивилизации». «Лагерная литература» верно отражает эволюцию «лагерного мира». На первом этапе — это литература о «кающемся чекисте», о революционере, ставшем волей революции тюремщиком, палачом, понимающим необходимость «грязной», «кровавой» работы, но верящим, что это — работа временная. Впервые в русской литературе героем становится не узник, а тюремщик, впервые виновным становится не убийца, а убитый, впервые отвергается принцип, на котором стояла русская литература — защита униженных и угнетенных. Рождается новый принцип — защита революции высшее благо, высшее моральное оправдание. На втором этапе — то, что изображалось, как революционная необходимость, представляется отныне как государственная необходимость, а следовательно — как добродетель. Государство становится мерой вещей. Исчезают сомнения и представления о временности насилия, остается и проповедуется убеждение в пользе и вечности концлагерей, как средства формирования «нового человека», лжи — как «возвышающего обмана», страха — как полезной воспитательной меры.

На третьем этапе блеснувшую правду о лагерях пытаются затемнить утверждениями о «случайности лагерей», бывших якобы лишь одной из «ошибок Сталина». Правду о лагерях пытаются скрыть, представляя их в мемуарах и беллетристике, как справедливое наказание для подлинных преступников и «суровое испытание» нестигаемой веры в партию для «ошибочно осужденных» подлинных коммунистов.

Исследование советской «лагерной литературы» в сочетании с анализом исторических фактов, связанных с генезисом концентрационных лагерей в советском государстве, позволяет понять причины превращения советского общества в «концентрационный мир», в «тюремную цивилизацию», по выражению Надежды Мандельштам. Причины того, что спустя почти 60 лет после революции Советский Союз продолжает оставаться по словам Андрея Сахарова «гигантским концентрационным лагерем».

Книга ни в коей мере не претендует на представление даже «в самом сжатом очерке» истории совет-

ских лагерей. Поэтому в ней не использована богатейшая мемуарная литература, изданная на Западе — сотни книг русских и иностранцев, бывших узников Архипелага Гулага. Ограничение хронологических рамок книги годами правления Ленина и Сталина не позволило использовать литературу о лагерях 60-х и 70-х годов, представленную, в частности, такими свидетельствами, как «Мои показания» Анатолия Марченко, «Дневники» Эдуарда Кузнецова, «Бельмо» Михайлы Осадчего. Эта литература свидетельствует о том, что если быть может сократились размеры концлагерной империи, то характер ее остался неизменным.

Глава первая

НОВОЕ ГОСУДАРСТВО И ТРУД

1. *«Владыкой мира будет труд»*

Октябрьский переворот произошел с легкостью, удивившей не только побежденных, но и победителей. Все оказалось очень простым. Победители верили, что программа, намеченная Лениным накануне самой революции в брошюре «Государство и революция», будет осуществлена в ближайшее время. Казалось, что достаточно заменить у кормила власти буржуазию пролетариатом и государственный корабль уверенно пойдет в порт всеобщего счастья. Ленин заявляет, что происходит «величайшая в истории человечества смена труда подневольного трудом на себя».¹

В действительности, однако, условия, в которых произошла революция, вынуждают новую власть, выступающую от имени рабочего класса, с самого начала отказаться от понятия «свободный труд», заменив его понятием «труд на себя», включающим принуждение.

С первых же шагов новое государство использует труд, как меру наказания. «Принудительные работы как мера наказания вводятся в советском уголовном праве почти вслед за организацией судебной и судебно-исправительной системы и сразу же этому наказанию... предоставляется значительное место в общей системе карательных средств.»²

Труд как форма наказания, применяемая первоначально к буржуазии, распространяется и на рабочих.

¹ В. И. Ленин. — Полное собр. сочинений, т. 35, стр. 196.

² «История советского уголовного права», М. 1948, стр. 127, цит. по И. А. Бушуев — Исправительные работы. М., 1968, стр. 5.

Это оказывает влияние на отношение к труду вообще. Рождается «новое отношение к труду».³

И здесь мы переходим к поискам ответа на ключевой вопрос: почему оказалось необходимым принуждать к труду — сразу же после победы советской власти, — принуждать не только буржуазию, но и рабочих?

Политическую победу партии большевиков в октябре 1917 г. Ленин объяснял чрезвычайной политической зрелостью «пролетариата, выявившего способность стойко противостоять буржуазии».⁴ Вождь Октябрьской революции утверждал, что рабочий класс в состоянии совершить «лежащую на нем гигантскую задачу», т. е. совершить социалистическую революцию, «во-первых, потому, что он самый сильный и передовой класс цивилизованного общества; во-вторых, потому, что в наиболее развитых странах он составляет большинство населения, в третьих, потому, что в отсталых капиталистических странах, вроде России, большинство населения принадлежит к полупролетариям».⁵ Утверждая необходимость для пролетариата государственной власти, «централизованной организации силы»,

³ В чем выражается это «новое отношение к труду» легко понять, познакомившись с коротким разговором между журналистом и шахтером Владимиром Ивановичем Орловым, имевшим место в 1965 г. Орлов, попавший во время войны в плен к немцам, был привезен на остров Олерон на работы по строительству Атлантического вала и принял активное участие в движении Сопротивления. Вернувшись на родину, он начал работать — как и до войны — на шахте, но вскоре был арестован как «агент трех разведок — английской, французской, американской». Орлов рассказывает:

«Исписал следователь целую папку бумаги. Что я ему ни говорю, не верит. Пишет свое. Надоело. Измором взял.

— Черт с ним, думаю. — Все равно в шахте работать, что тут, что там. «Раскололся», подписал всю его стряпню». (В. Андреев, В. Соснинский, Л. Прокша — Герои Олерона. Изд. «Беларусь», Минск, 1965, стр. 79—80).

Удивительное признание шахтера Орлова — «все равно в шахте работать, что тут, что там» — т. е., что в лагере, что на свободе — необычайно убедительно, на мой взгляд, показывает характер отношения к труду в советском обществе.

⁴ В. И. Ленин, т. 35, стр. 146.

⁵ Там же, т. 39, стр. 16.

Ленин ставил перед этой силой две задачи — подавление сопротивления эксплуататоров и руководство «громадной массой населения, крестьянством, мелкой буржуазией, полупролетариями . . .»⁶

Пролетариат, таким образом получает роль руководителя «громадной массы населения»: крестьянства, мелкой буржуазии и «полупролетариев», составляющих будто бы большинство населения.⁷ В работах по истории советского государства мы встречаем разные цифры, относящиеся к социальной структуре русского общества накануне революции и после нее. Объясняется это, повидимому, трудностями, с которыми приходилось бороться советским историкам в течение многих лет.

В работе Л. М. Спирина,⁸ посвященной вопросу классовой структуры русского общества до и после революции, мы находим следующие цифры.

В 1913 г. из 139,3 млн. населения страны (в границах СССР до 1939 г.) рабочие и служащие составляли 23,3 млн. (16,7%); мелкая буржуазия деревни (трудящиеся крестьяне, кустари, ремесленники) — 90,7 млн. (65,1%); помещики, крупная и мелкая городская буржуазия, кулаки, торговцы — 22,1 млн. (15,9%), остальные (учащиеся, армия, пенсионеры и др.) — 3,2 млн. человек (2,3%).⁹

Таблица, составленная В. С. Немчиновым, представляет классовую структуру русского общества в 1913 г. совершенно иначе:

рабочий класс — 14,8%, единоличное крестьянство — 66,7%, эксплуататорские классы, в том числе кулаки — 11,4%, интеллигенция — 2,2%.¹⁰ В монографии «Классы, социальные слои и группы в СССР»¹¹ численность рабочих и служащих в 1913 г. определяется цифрой — 12,9 млн. (следовательно меньше 10%).¹²

⁶ Там же, т. 33, стр. 26.

⁷ «Полупролетариями» Ленин называл «беднейшее крестьянство». См. В. Ленин, т. 35, стр. 262.

⁸ Л. М. Спирин — Классы и партии в гражданской войне в России. М. «Мысль», 1968.

⁹ Там же, стр. 32.

¹⁰ Цит. по «Очерки по историографии . . .», стр. 348.

¹¹ Академия наук СССР. Институт философии. Из-во «Наука», Москва, 1968.

¹² Там же, стр. 6.

Советские авторы не согласны между собой и в оценке численности «основного ядра пролетариата-промышленных рабочих».¹³ Л. Спирин говорит о 2,7 млн. промышленных рабочих (без семей),¹⁴ а в «Классах, социальных слоях и группах» называется цифра — 3,9 млн, в том числе в машиностроении и металлургической промышленности — 595 тыс. человек.¹⁵

К 1917 г. одновременно с увеличением населения страны, составившем более 140 млн. человек,¹⁶ увеличивается и численность промышленного пролетариата. Л. Спирин определяет эту численность в 3,2 млн. человек, а вместе с железнодорожными рабочими — в 3,5 млн. человек.¹⁷ Американский историк Джеймс Беньян, ссылаясь на изданную в 1922 г. в Москве книгу Я. С. Розенфельда «Промышленная политика СССР», полагает, что число промышленных рабочих в 1917 г. составляло 3.024.000 человек.¹⁸

Особенностью русской промышленности накануне войны была ее высокая концентрация, что влекло за собой концентрацию пролетариата. В 1914 г. на предприятиях с числом рабочих свыше тысячи человек было сосредоточено 41,4⁰/о всех рабочих.¹⁹ Основные массы русского пролетариата находились в Петрограде, Центрально-Промышленном районе, Донбассе, на Урале. Концентрация пролетариата в определенной степени возмощала его немногочисленность.

Если первые два лозунга, с которыми большевики шли к власти, которые их привели к власти — мир и земля — не нуждались в комментариях, были понятны всем, то третий лозунг, выражавший желания пролетариата — рабочий контроль, — был менее четок. Стоит отметить, что декрет о введении рабочего контроля был принят не в ночь с 7 на 8 ноября 1917 г., то есть в ночь переворота — как первые два — а двадцать дней спустя — 27 ноября 1917 г.

Контроль над производством рабочие начали брать в свои руки сразу же после Февральской революции.

¹³ Л. М. Спирин, стр. 32.

¹⁴ Там же, стр. 32.

¹⁵ «Классы, социальные слои и группы в СССР», стр. 6.

¹⁶ Л. Спирин, стр. 33.

¹⁷ Там же, стр. 33—34.

¹⁸ James Bunyan — The Origin of forced Labor in the Soviet State, p. 172.

¹⁹ Л. Спирин, оп. цит., стр. 34.

«За март—май фабрично-заводские комитеты отстранили от руководства администрацию более сотни фабрик и заводов, на железных дорогах заставили уйти около 1000 старых администраторов».²⁰ Следовательно, процесс начавшийся после свержения царского самодержавия, советское правительство должно было лишь оформить законом и расширить на всю промышленность.

Декрет, принятый 27 ноября и подписанный председателем Совета народных комиссаров В. Лениным и наркомом труда А. Шляпниковым предусматривал: «Рабочий контроль над производством, куплей, продажей продуктов и сырых материалов, хранением их, а также над финансовой стороной предприятия».²¹

Все казалось очень просто. Рабочие устанавливают контроль над производством и это сразу же решит все экономические проблемы. Выступая на III Всероссийском съезде советов 24 января 1918 г. Ленин убеждал слушателей: «Вы — власть, делайте, что вы хотите делать, берите все, что вам нужно, мы вас поддержим, но заботьтесь о производстве... Вы будете делать ошибки, но вы научитесь».²²

Все казалось очень просто. Казалось, что каждая кухарка действительно может управлять государством. Но формула рабочего контроля была слишком неясной, слишком непонятной для большинства рабочих и предпринимателей.²³

21 мая 1918 г. в газете «Новая жизнь» № 95 появилась статья «Как действует рабочий контроль»: «Прежде всего необходимо констатировать, что большинство рабочих, особенно в провинции, не зная ничего об условиях рынка, функции банков и т. п., искренне верили что как только начнется «контроль» появится множество денег, которые прятали саботажники-предприниматели... Вот что рассказывал о поисках денег один из рабочих-коммунистов: «Я явился на завод и начал осуществлять контроль. Я вскрыл

²⁰ История СССР с древнейших времен до наших дней в 12 томах. Т. VII, М. 1967, стр. 38.

²¹ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства, 1917, № 3.

²² В. И. Ленин, т. 35, стр. 275.

²³ «Новая жизнь», № 95.

несгораемый шкаф, чтобы взять на учет деньги. Но денег там не было» ...

В этот период проявились две главные тенденции. Рабочие либо проявляют тенденцию к «национализации», то есть захвату предприятия в свои руки; либо они входят в «контакт» с предпринимателем, требуя (от государства) деньги и сырье для предприятия».

Горьковскую «Новую жизнь» можно было бы упрекнуть в неприязненном отношении к большевикам и, следовательно, в пристрастии. Но факты, изложенные в газете, подтверждают и официальные источники.

Орган ВЦСПС писал: «Рабочие стали хозяевами положения, фабрики и заводы были в их руках, но рассматривались ими, особенно в первый период пролетарской революции, без всякой связи с народным хозяйством, наоборот, формировалось представление о переданной в руки пролетариев промышленности, как о неосушимом море, из которого можно без ущерба выкачивать бесчисленное количество благ, как из имевшихся на лицо запасов, так и из выработки их собственного производства. На данной фабрике или заводе рабочие часто распределяли эти блага между собой».²⁴

Признавал это и Ленин: «Конечно, не все рабочие сразу освоились с новым положением. Некоторая часть их относилась к труду на фабриках и заводах ставших собственностью народа, по старинке: «урвать кусок побольше и удрать».²⁵

Введение рабочего контроля, утверждает проф. Прокопович «совершенно дезорганизовало работу фабрик, заводов и копей».²⁶ Наоборот, советский историк заявляет, что введение рабочего контроля в России «сыграло великую историческую роль: был сломлен саботаж капиталистов, предотвращен окончательный развал промышленности и транспорта, сохранено имущество промышленных предприятий от расхищения».

Ленин подтверждает правоту оценки, данной проф. Прокоповичем. «Теперьшнее состояние дезорганизации,

²⁴ «Вестник труда», 1920, № 3, стр. 91.

²⁵ В. И. Ленин, Соч., т. 36, стр. 198.

²⁶ С. Н. Прокопович, Народное хозяйство СССР. Из-во им. Чехова, 1952 г., том I, стр. 322.

— пишет Ленин в марте 1918 года, — есть состояние перехода... Теперешние советские учреждения и те экономические организации, которые характеризуются понятием рабочего контроля в промышленности — эти организации находятся еще в периоде брожения и полной неустановленности...»²⁷

Но дезорганизация, о которой в марте 1918 г. так еще спокойно и снисходительно к слабостям рабочего класса говорит Ленин, охватила все отрасли народного хозяйства, бросила страну в объятия жесточайшего экономического кризиса. Неудержимо падает производительность труда. Рабочий контроль, который был главным лозунгом большевистской партии после Февральской революции, начинает подвергаться все более суровой критике.

Все чаще начинают раздаваться голоса о необходимости укрепления дисциплины среди рабочих. Все очевиднее становится, что ждать пока русский рабочий станет высокосознательным, пока он поймет, что такое социализм²⁸ — нельзя. Констатируя, что в первой половине 1918 г. «во всей промышленности страны производительность труда была слишком низкой», «История СССР»²⁹ объясняет это изношенностью оборудования, недостатком топлива, сырья, плохим питанием и упадком «дисциплины среди многих рабочих и служащих». Председатель ЦСПС Томский отмечает: «Падение производительности труда в настоящий момент дошло до той роковой черты, за которой (вернее, на которой) производству грозит полнейшее разложение и крах. Это положение характеризуется тем, что работник создает меньше ценностей, чем получает, менее того, что ему необходимо для самого скудного существования. При таком положении работник-производитель превращается в пенсионера государства, в паразита, живущего на чужой счет... Если производительность не восстановится до нормального, при дан-

²⁷ В. И. Ленин Соч., т. 36, стр. 154.

²⁸ «Известия» (№ 58, 27 марта 1918 г.) писали: «Идеи социализма часто интерпретируются... как возможность делить имущество... и рабочие уносят машины... с заводов..., думая, что они принадлежат им».

²⁹ «История СССР», т. VII, стр. 371.

ных условиях, минимума, неизбежно последует общий хозяйственный кризис, разложение производства».³⁰

Тяжелым должно было быть положение, если глава профсоюзов называет рабочих паразитами. Обвинение Томского повторяет Алексей Гастев, выступая на I съезде совнархозов, объясняя положение «экономической отсталостью страны». Но Гастев идет дальше, он утверждает, что рабочие не просто не работают, они не хотят работать: «По существу, мы сейчас имеем дело с громадным миллионным саботажем. Мне смешно, когда говорят о буржуазном саботаже, когда на испуганного буржуа указывают как на саботажника. Мы имеем саботаж национальный, народный, пролетарский».³¹

Следовательно, уже в мае 1918 г. (дата выступления Гастева) имел место конфликт между государством, называвшим себя рабочим, и рабочим классом. Конфликт этот не становится менее острым от того, что Гольцман говорит о «несознательном» саботаже, эпидемия которого «царит на наших фабриках».³² Этот конфликт не становится менее острым от того, что В. Ногин, отвечая Гастеву, объясняет катастрофическое падение производительности труда голодом, приводя убедительные цифры: рост заработной платы (он берет в качестве примера Петербург) по сравнению с 1914 г. составил в начале мая 1918 г. 945%, а рост стоимости минимального пайка — 7.700%.³³

Получался как бы заколдованный круг — рабочие производили мало, ибо голодали, но низкая производительность труда не давала возможности улучшить экономическое положение страны и рабочих. Национализация промышленности, которой к августу 1918 г. было охвачено более 2.000 крупных, средних и мелких предприятий,³⁴ положения не улучшила.

К лету 1918 г. стало очевидным, что рабочие не только отказываются работать на заводах и фабриках

³⁰ «Профессиональный вестник», № 7—8, май 25, 1918, стр. 7.

³¹ Труды I Всероссийского съезда советов народного хозяйства, М. 1918, стр. 380.

³² А. Гольцман, Регулирование и натурализация заработной платы. М. 1918, стр. 76, цит. по Прокопович, стр. 332.

³³ Труды I Всероссийского съезда совнархозов, стр. 381—382.

³⁴ История СССР, т. VII, стр. 375.

с прежней производительностью, они просто отказываются работать и уходят с предприятий в деревню. Подписание Брестского мирного договора с Германией (3 марта 1918 г.), означавшее, как казалось, конец войны, повлекло за собой закрытие военных заводов, увольнение рабочих. Но одной из важнейших причин сокращения численности пролетариата было нежелание рабочих трудиться за мизерную зарплату. Если в свое время Ленин говорил, что русские солдаты «проголосовали за мир ногами», убегая с фронта, можно бы перефразируя, сказать, что теперь они голосовали ногами против новой системы управления промышленностью, против экономической политики государства.

Л. Спирин приводит в своей книге следующие цифры: 1917 г. — 2.596 тыс. рабочих, конец августа 1918 г. — 2.072 тыс. промышленных рабочих.³⁵ В работе Ю. Ларина и Л. Крицмана цифры значительно более выразительны: январь 1917 г. — 2.048 тыс. рабочих, 31 августа 1918 г. — 1.400 тыс. рабочих.³⁶

2. Пролетарская революция и «Рабочая революция» Махайского

Политику советского правительства по отношению к рабочему классу наиболее острой критике подверг А. Вольский (Ян Вацлав Махайский) в журнале «Рабочая революция», единственный номер которого вышел в июне—июле 1918 г.

Автор трех памфлетов, носящих одинаковое название «Умственный рабочий» и написанных между 1899 и 1904 годами, Ян Вацлав Махайский, писавший под псевдонимом А. Вольский, создал теорию, имевшую немного активных сторонников, но отражавшую сильные антиинтеллигентские настроения, царившие среди русских пролетариев.

Поляк по происхождению, выросший в русской культуре, член Польской социалистической партии, арестованный за революционную деятельность в 1892 г.,

³⁵ Л. М. Спирин, *Классы и партии...*, стр. 113.

³⁶ Ю. Ларин и Л. Крицман, *Очерк хозяйственной жизни и организация народного хозяйства Советской России*. 1 ноября 1917 — 1 июля 1920. М. Гос. изд-во, 1920, стр. 38—39.

25-летний Махайский просидел три года в тюрьме, а затем был сослан на 5 лет в далекий Якутский край.

Там вырабатывал он свою теорию, отвергающую и марксизм и социализм в пользу подлинного освобождения рабочих. В 1918 г., уже после Октябрьского переворота, Махайский напишет: «Освобождение рабочих, низвержение рабочей неволи, существующей испокон веков, есть дело покрупнее социализма».³⁷

Высказанные им мысли, не всегда достаточно ясные, выражали сокровенные, подлинные чувства многих русских рабочих и распространялись, несмотря на малую известность Махайского, на недоступность его работ.³⁸ Если положительная программа Махайского кажется наивной, утопической, то его критика социалистических программ, его предвидения о возрождении в будущем «социалистическом государстве» властвующей элиты представляют несомненный интерес.

Принимая марксистский тезис о наличии классовой борьбы в капиталистическом обществе, Махайский утверждает, однако, что марксисты, социалисты ведут борьбу с капитализмом не в интересах рабочих, а в своих собственных интересах. Он говорит о наличии в обществе двух категорий рабочих — умственных рабочих, т. е. интеллигенции, и ручных рабочих — настоящих рабочих, пролетариев.

Умственные рабочие называют себя революционерами, руководят т. н. революционными, социалистическими партиями, но даже достигнув своей цели, даже победив, социалисты не дадут ничего «ручным рабочим».

В 1898 г. Махайский пишет: «Социализм XIX в., вопреки убеждению всех верующих в него, не есть нападение на основу строя неволи, существующего на протяжении веков, в виде всякого цивилизованного общества-государства. Он нападает лишь на одну из форм этой неволи, на господство класса капиталистов... Экспроприация класса капиталистов вовсе еще не означает экспроприации всего буржуазного общества. Одним упразднением частных предпринима-

³⁷ А. Вольский — Умственный рабочий. Международное литературное судружества, 1968, стр. 407.

³⁸ В 1968 г. «Умственный рабочий» и журнал «Рабочая революция» были переизданы в одном томе в Соединенных Штатах (на русском языке).

телей современный рабочий класс, современные рабы не перестают быть рабами, обреченными на пожизненный ручной труд; стало быть не исчезает, а переходит в руки демократического государства-общества создаваемая ими национальная прибыль, как фонд для паразитного существования всех грабителей, всего буржуазного общества. Последнее, после упразднения капиталистов, остается таким же как и раньше господствующим обществом, образованным правителем, миром белоручек, остается владельцем национальной прибыли, которая распределяется в виде столь же приличных, как и ныне, «гонораров» «умственных рабочих» и, благодаря семейной собственности и семейному укладу жизни, сохраняется и воспроизводится в их потомстве.³⁹

В этом пророческом предвидении неизбежности рождения в будущем социалистическом государстве «нового класса» эксплуататоров, класса «умственных рабочих», занимающих место, изгнанных капиталистов — суть теории Махайского. Экспроприация капиталистической собственности ничего не дает «ручным рабочим», ибо «умственные рабочие», белоручки сохраняют свою собственность — знания.

Необходимо, — проповедует Махайский, — произвести «экспроприацию не только капиталистов, но и всего образованного общества, всех потребителей доходов, превышающих доход рабочего».⁴⁰ Лишь тогда «ручные рабочие» «завоюют возможность для каждого человеческого существа родиться равным с другими владельцами богатств и цивилизации, приобретать своим рождением право и материальные средства на одинаковое для всех проведение детства и юности, на равное воспитание и образование»⁴¹

«Махаевщина» — то есть система взглядов Махайского — была одним из самых бранных слов в «большевистском языке» с момента создания партии. Нет, однако, никакого сомнения, что вражда к интеллигенции, к «умственным рабочим» является одним из элементов советской идеологии. Подозрительное отношение к интеллигенции Ленина, враждебность к «спецам»-вредителям, типичная для 30—40 годов — харак-

³⁹ А. Вольский, стр. 45.

⁴⁰ А. Вольский, стр. 45.

⁴¹ Там же, стр. 45.

терные явления, отражающие внутреннюю убежденность рабочего в том, что интеллигенция была и остается его врагом.

И если «махаевщина» остается одним из самых бранных слов в «коммунистическом языке», «интеллигент» остается одним из самых ругательных слов в русском языке.

Максим Горький, веривший, что интеллигенция должна и может спасти Россию, очень хорошо видел ненависть, которую народ питает к интеллигенции, к «белоручкам», ненависть, вспыхнувшую ярким пламенем в дни революции. Горький описывает один из революционных митингов, свидетелем которого он был.

«Зубы рвать надо с корнем, — провозглашал оратор. — Чиновников — сколоть. Также и ученую часть, и ее — не служи ослеплению разума нашего, не выдавай копейку за рубль, да! Мы, дескать, ученые, вы, дескать, слушайте нас, мы вам законы напишем! Написали, наклеили везде закон: не пейте сырой воды! А? Хе-хе-хе...

И кривя личико, торжествующе спрашивал: — А мы — как: пьем ее, сырую-то, али не пьем, а? — Публика посмеиваясь, отвечала в несколько голосов: — Пьем. — Живы, а? — Будто — живы. — То-то! Вот они, законы эти... За это и сколоть».⁴²

Было бы несправедливо проводить прямую аналогию между горьковским «оратором», требующим «сколоть», уничтожить чиновников и «ученую часть», всю интеллигенцию, диктующую народу странные законы, и Махайским, выступающим за «рабочую революцию», которая добьется, наконец, уравнивания «оплаты ручного труда с оплатой труда умственного»,⁴³ — но позиции их во многом идентичны.

Написав свою книгу в начале века, когда имя Ленина лишь начинало приобретать известность, Махайский в единственном номере своего журнала «Рабочая революция» доказывает, что революция, совершенная партией Ленина не была еще подлинной рабочей революцией.

Всякая рабочая борьба, — по Махайскому, — сводится всегда к борьбе за более высокую оплату физи-

⁴² М. Горький — Заметки из дневника. Воспоминания. «Книга». Берлин, 1924, стр. 186.

⁴³ А. Вольский, стр. 395.

ческого труда, за облегчение каторги физических рабочих. «Социалисты всевозможных толков старались отвлечь рабочих от их «низменной» борьбы «за пятачок», призывая их к «возвышенной» борьбе за «чистый светлый социалистический идеал... Но социалистические призывы оказываются в большинстве случаев простым надувательством, их ученые программы — пустыми баснями.»⁴⁴ «Единственным, неизменным, безошибочным путем рабочей борьбы во всем мире остается борьба за наивысшую оплату ручного труда».⁴⁵

Анализируя с этой точки зрения Февральскую и Октябрьскую революции, Махайский замечает, что «после февральского *буржуазного* переворота рабочая плата сильно повысилась и завоеван восьмичасовой рабочий день, после Октябрьской *пролетарской* революции рабочие не получили ничего.» Материальное положение рабочих стало не улучшаться, а ухудшаться, а когда «на Россию обрушился голод, картина в «социалистическом отечестве» получилась та же, что и в отечестве буржуазном, что и при царе: рабочий народ пухнет с голоду, в столицах и в провинции среди бедноты свирепствуют эпидемии, а тут же обок богачи и все привилегированные люди хоть немного и стеснены, все же голода не ощущают».⁴⁶

Но Махайский замечает еще одну черту, характеризующую политику новой власти, черту, быть может менее очевидную, чем сокращение жизненного уровня рабочих, но — пожалуй — еще более важную. Он видит, что новый хозяин обращается к старым методам для увеличения производительности труда, обращается к старым методам для того, чтобы заставить рабочих работать больше, быстрее и лучше. Рабочие не хотят работать — «голодный не станет добровольно носить на своей спине сытых паразитов».⁴⁷ В один прекрасный день, — пишет он, — новая власть пришла к выводу, что «Россия совсем разучилась работать». И те, кому рабочие дали сильную диктаторскую власть для свержения и подавления буржуазии, заявляют

⁴⁴ А. Вольский, стр. 394.

⁴⁵ Там же, стр. 359.

⁴⁶ Там же, стр. 359.

⁴⁷ А. Вольский, стр. 361.

теперь, что «эта власть нужна для введения порядка и дисциплины в среде самих рабочих».⁴⁸

Махайский нащупывает самое больное место нового строя. «Та привычка к труду, которую привили массам помещики своим кнутом, а капиталисты — угрозой голода и безработицы, еще недостаточна для успешного ведения рабочего хозяйства. Твердая власть большевистской диктатуры должна завершить эту выучку . . .»⁴⁹

3. Труд как наказание

Насилие — неотъемлемый элемент каждой революции. Октябрьский переворот был, по словам его организаторов, первой в истории революцией совершенной большинством народа против меньшинства, против которого и должно было быть направлено острие насилия. С первых же дней революции одной из мер наказания становится труд. Эта мера наказания еще не имеет названия — исправительные работы, общественные работы, социальнополезные работы. Но с первых дней своего существования рабочее государство превращает труд в форму наказания. Правда, на первых порах трудом наказываются представители бывших правящих классов. В статье «Удержат ли большевики власть?», написанной за три недели до Октябрьского переворота, Ленин излагал программу использования всеобщей трудовой повинности по отношению к капиталистам и богачам вообще, для того, чтобы «пустить в ход государственную машину, преодолеть сопротивление капиталистов и подчинить их пролетарскому государству».⁵⁰

Подчеркнем это двойственное отношение к труду — с одной стороны, для рабочего труд становится — в рабочем государстве — трудом освобожденным, творческим, с другой — для бывшего капиталиста — труд становится наказанием. Это двойственное отношение к труду — очень важный элемент новой, создаваемой только, идеологии. Труд — и дело чести (как стали

⁴⁸ Там же, стр. 360.

⁴⁹ Там же, стр. 360—361.

⁵⁰ В. И. Ленин, т. 34, стр. 311.

говорить позднее), и наказание. В зависимости от воли того, кто этим трудом распоряжается.

В телеграмме Антонову-Овсеенко Ленин пишет (12 января 1918 г.) «Особенно одобряю и приветствую арест миллионеров-саботажников в вагоне I и II класса. Советую отправить их на полгода на принудительные работы в рудники».⁵¹ И если мы даже абстрагируемся от этой толпы миллионеров, разъезжающих в I и II классах и от странной манеры председателя Совнаркома давать «советы» о том, как наказывать этих миллионеров, мы не можем не обратить внимания на саму меру наказания: работы в рудниках, очевидно вместе с «вольными» шахтерами.

8 мая Ленин подписывает декрет о борьбе со взяточничеством, предусматривающий в числе наказаний «наиболее тяжелые принудительные работы»,⁵² а 22 июля того же 1918 г. декрет о борьбе со спекуляцией предусматривающий в числе наказаний «тягчайшие принудительные работы».⁵³

Мы видим как характер принудительных работ меняется, становится все более суровым, все более тяжелым. Еще недавно Ленин видел в принудительных работах средство не только наказания, но и перевоспитания правонарушителей.⁵⁴ Теперь речь идет только о наказании. Следующим этапом будет создание концентрационных лагерей.

Одновременно с обострением характера принудительных работ идет и другой процесс, процесс расширения контингента подлежащих наказанию принудительными работами и изменения отношения к рабочим.

Первоначальная идея использования принудительного труда только по отношению к «бывшим» отбрасывается. Рождается мысль о необходимости использовать принуждение по отношению к рабочему классу. Мы говорили выше о катастрофическом падении производительности труда, о бегстве рабочих, о развале экономики. Власть приходит к выводу, что рассчитывать на «сознание пролетариата» нельзя. Не имея воз-

⁵¹ Там же, т. 50, стр. 21—22.

⁵² История советского государства и права, т. I, стр. 442. «Еженедельник ВЧК», № 2, стр. 4.

⁵³ История советского государства и права, т. I, стр. 442, «Еженедельник ВЧК», № 2, стр. 15.

⁵⁴ Там же, стр. 212.

возможности использовать экономические стимулы, партия обращается к силе. «Вдруг раздается грозный окрик коммунистического хозяина: Железная дисциплина на фабриках! усиленный труд! трибуналы для «саботажников» рабочих!»,⁵⁵ — так характеризовал Махайский новую политику советского правительства, начало которой можно отнести к марту—апрелю 1918 г.

Главным лозунгом дня становится — трудовая дисциплина, «железная дисциплина». Ленин пишет: «Надо научиться соединять вместе бурный, бьющий весенним половодьем, выходящий из всех берегов, митинговый демократизм трудящихся масс с железной дисциплиной во время труда, с *беспрекословным повиновением* — воле одного лица, советского руководителя, во время труда».⁵⁶

Нельзя сказать, чтобы это отношение к дисциплине, к необходимому насилию было у Ленина неожиданным. Всего через несколько дней после прихода к власти, в разговоре с руководителем американского Красного креста Реймондом Робинсом, «единственном из иностранцев, которого Ленин всегда готов был видеть, единственном, личность которого импонировала бесстрастному большевику»,⁵⁷ вождь Октябрьской революции утверждал: «Я заставляю достаточное количество людей работать с достаточной скоростью, чтобы производить то, что нужно России».⁵⁸ Нельзя считать, быть может, разговор с глазу на глаз достаточным аргументом, свидетельствующим о том, что советское правительство с первых дней революции хотело обратиться к принуждению, как средству спасения экономики. Таким аргументом, мне кажется, можно считать изменение отношения к рабочему классу.

Ленин — до революции — отлично отдавал себе отчет в достоинствах и недостатках русского рабочего класса, хорошо видел его неорганизованность, несознательность. «Не особые качества, а лишь сложившиеся исторические условия сделали пролетариат России на

⁵⁵ А. Вольский, стр. 359.

⁵⁶ В. И. Ленин, т. 36, стр. 203.

⁵⁷ Robert Bruce Lockhart — *Memoirs of a British Agent*. Penguin Books, 1950, p. 217.

⁵⁸ Raymond Robins — *My own Story*. Цит. по Robert Payne — *The Life and Death of Lenin*. Pan Books 1964, p. 408.

известное, может быть очень короткое, время, застрельщиком пролетариата всего мира».⁵⁹ Успех Октябрьского переворота как бы изменил — на мгновение — мнение Ленина. Но жестокая реальность быстро вернула его на старые позиции.

«Рабочий класс для Лениных, — писал ярый противник Октябрьского переворота Максим Горький, — то же, что для металлистов руда. Возможно ли при всех данных условиях — отлить из этой руды социалистическое государство? Повидимому невозможно, однако, — отчего не попробовать? Чем рискует Ленин, если опыт не удастся?»⁶⁰

С первых же дней советской власти появляется необходимость в принуждении, не в принуждении вообще, не в принуждении по отношению к враждебным классам — это неизбежно при каждой революции, но в принуждении по отношению к трудящимся — и к крестьянам, и к рабочим.

С первых же месяцев советской власти начинает создаваться не только система принудительного труда, но и своеобразный психологический штамп: рабочий (и крестьянин) не хочет работать, на его инициативу нельзя полагаться, ему нужны директивы, его надо заставлять работать. Обратная сторона этого психологического штампа: рабочий (и крестьянин) всегда виноват перед государством, все беды, все несчастья — его вина, все успехи, все блага — заслуга государства.

После завершения первого — победоносного, периода революции, после упрочения политической власти в Петрограде и Москве, после распространения советской власти, «триумфального шествия советской власти», как выразился Ленин, в провинции, после заключения мирного договора с Германией, глава партии и правительства приступает к разработке плана строительства нового государства. «Задача преодоления и подавления сопротивления эксплуататоров в России окончена в своих главных чертах... И на очередь ставится теперь задача управления государством».⁶¹ А эта задача

⁵⁹ В. И. Ленин, т. 3, стр. 91.

⁶⁰ «Новая жизнь», 10 (23) ноября 1917 г. М. Горький — Несвоевременные мысли. Париж, 1971, стр. 113.

⁶¹ В. И. Ленин — первоначальный вариант статьи «Очередные задачи советской власти», «Коммунист», № 14, 1962, стр. 4.

управления государством сводится «прежде всего и в первую очередь к чисто экономической задаче излечения страны от нанесенных ей войной ран, восстановления производительных сил, налаживания учета и контроля за производством и распределением продуктов, повышения производительности труда, — одним словом, она сводится к задаче экономической реорганизации». ⁶²

Приведенные мною цитаты взяты из статьи Ленина «Очередные задачи советской власти», написанной в конце марта — начале апреля 1918 г. И хотя основное положение статьи — «задача преодоления и подавления сопротивления эксплуататоров в России окончена в своих главных чертах» — оказалось неверным, ибо вскоре после написания статьи начинается гражданская война, которая будет продолжаться более трех лет, статья представляет исключительный интерес, как важнейший, быть может, документ, определяющий основные черты «военного коммунизма». Значение этой статьи становится еще более очевидным после ознакомления с ее первоначальным вариантом, продиктованным стенографу между 23 и 28 марта 1918 г. и опубликованным впервые в 1962 г. в журнале «Коммунист» (а потом в томе 36 пятого издания «Собраний сочинений»). ⁶³

Первый вопрос, который ставит — ставит по-новому — в этой статье Ленин — это вопрос о власти. Еще в январе рабочим и крестьянам говорилось: «Вы власть, делайте, что вы хотите делать..., заботьтесь о производстве.» В апреле Ленин пишет совершенно иначе, отражая изменения, происшедшие в стране: «Мы, партия большевиков, Россию *убедили*. Мы Россию *отвоевали* — у богатых для бедных, у эксплуататоров для трудящихся. Мы должны теперь Россией *управлять*». ⁶⁴

Речь идет уже не о рабочем классе и беднейшем крестьянстве, речь идет о партии, которая «убедив» и «отвоевав» Россию — «должна» теперь ею управлять. Управлять страной, Россией, это значит — по Ленину — «излечить страну от нанесенных ей войной ран», восстановить производственные силы. А для

⁶² Там же, стр. 5.

⁶³ Первоначальный вариант статьи цитирую по журналу «Коммунист», № 14/1962.

⁶⁴ В. И. Ленин, т. 36, стр. 172.

этого необходимо во-первых организовать «учет и контроль за производством и распределением продуктов», а во-вторых, повысить производительность труда.⁶⁵ Решение всех этих проблем Ленин находит в опыте Германии. Германская военная экономика кажется ему «зародышем социализма» в экономике, как советское государство зародышем социализма в политике. «Остается лишь слить эти два зародыша воедино, — иронизирует Махайский, — создать кайзеревскую экономику в советской России, и засияет рай полного обобществления, падет рабство рабочих и буржуазный грабеж».⁶⁶

Подробно изложил Ленин свой план заимствования германских военных методов ведения хозяйства в марте—апреле 1918 г., но в самый день Октябрьского переворота он обращается к большевику-экономисту Ю. Ларину: «Вы занимались вопросом организации германского хозяйства, синдикатами, трестами, банками — займитесь этим и у нас».⁶⁷ Ларин писал затем, что военно-хозяйственные предприятия Германии «во многом служили нам образцом при первоначальном построении советского строя в 1917—1919 гг. ... Особенно это относится к организации нами национализированной нами промышленности и к нашим мерам в области «изъятия излишков», продовольственной разверстки, «коллективного товарооборота», классового нормирования продуктов, вообще продовольственной политики советской власти в первые ее годы».⁶⁸

Среди практических мер по реализации этого плана перенесения германских методов в русскую экономику

⁶⁵ Утверждения Ленина о том, что война привела к разрушению русской экономики не подтверждаются цифрами. Если принять валовую продукцию промышленности в 1913 г. за 100, то в 1915 г. она равнялась — 102,7, в 1916 — 109,4. Производительность труда составляла в 1915 г. — 108,6 (1913 = 100), в 1916 — 103,1.

Сокращение валовой продукции началось после революции — в 1917 г. — 75,7. То же самое произошло и с производительностью труда — 1917 — 74,7.

См. С. Н. Прокопович — Народное хозяйство СССР, т. I, стр. 321, 322.

⁶⁶ А. Вольский, стр. 405.

⁶⁷ Ю. Ларин — У колыбели. «Народное хозяйство», 1918, XI, стр. 16, цит. по: С. Н. Прокопович, т. II, стр. 18.

⁶⁸ Ю. Ларин — Государственный капитализм военного времени в Германии. М.—П. 1928, стр. 5—6.

мику была еще одна, о которой Ларин не упоминает. Говорит о ней зато Ленин:

«Германский империализм, представляющий в настоящее время наибольший прогресс не только военной мощи и военной техники, но и крупной промышленной организации в рамках капитализма, ознаменовал, между прочим, свою экономическую прогрессивность тем, что раньше других государств осуществил переход к трудовой повинности.»⁶⁹

Был таким образом найден ключ, позволяющий решить экономические проблемы, стоявшие перед советским государством: трудовая повинность, знаменующая, по мысли Ленина, «экономическую прогрессивность».

Значение этого «ключа» состояло прежде всего в том, что трудовая повинность, введение которой предусматривал план, должна была стать всеобщей. «Понятно, — пишет Ленин, — что советская власть, переходящая от капиталистической организации общества к социалистической должна начать осуществлять трудовую повинность совсем не с того конца, с которого начал осуществлять ее германский капитализм. Для капиталистической и империалистической Германии трудовая повинность означала закабаление рабочих. Для рабочих и беднейших крестьян России трудовая повинность должна означать прежде всего и больше всего привлечение к несению общественной службы богатых и имущих классов. Трудовую повинность мы должны начать с богатых».⁷⁰ Трудовая повинность — это «закабаление рабочих», это рабский труд. Тут сомнений не было. В России начать надо с богатых, не только потому, что «советская республика является социалистической республикой», но и потому, что богатые и имущие классы своим сопротивлением — военным и пассивным (саботажем) «затруднили более всего дело излечения России от нанесенных ей войной ран».⁷¹ Следовательно — трудовая повинность для буржуазии диктуется не только экономической необходимостью, нуждой государства в рабочей силе, но и желанием наказать имущие классы.

⁶⁹ В. И. Ленин, «Коммунист», стр. 6—7.

⁷⁰ «Коммунист», № 14/1962, стр. 6—7.

⁷¹ Там же, стр. 6—7.

Ленин пишет: «трудовую повинность мы должны начать (курсив мой — М. Г.) с богатых». Но несколькими страницами дальше Ленин расширяет свой план: «От трудовой повинности в применении к богатым советская власть должна будет перейти, а вернее, одновременно должна будет поставить на очередь задачу применения соответственных принципов к большинству трудящихся, рабочих и крестьян».⁷²

Как мы видим — трудовая повинность одновременно применяется ко всем классам, в том числе и к рабочему. С той лишь разницей (эфемерной, как мы увидим ниже), что для богатых — трудовая повинность — наказание, а для рабочих — долг, к выполнению которого он должен побуждаться трудовой дисциплиной и самодисциплиной.

И здесь мы переходим к теме чрезвычайно важной, с моей точки зрения, для понимания основ новой, советской идеологии. В приведенной выше цитате, Ленин говорит о необходимости применения принципов трудовой повинности к «большинству трудящихся, рабочих и крестьян». Почему к большинству, почему не ко всем?

Потому, что лишь немногие трудящиеся были «настоящими» трудящимися, потому что лишь немногие рабочие были «подлинными» пролетариями. «В. И. Ленин относил к рабочим только тех, кто на самом деле, по своему жизненному положению усвоил пролетарскую психологию».⁷³ «Пролетарская психология», пролетарская «классовая сила» представляются как некое мистическое, а может быть магическое свойство, что-то вроде «благодати», которую, однако, можно приобрести после «многих лет пребывания на фабрике без всяких посторонних целей, а по общим условиям экономического и социального быта».⁷⁴

Известно даже, сколько именно лет нужно было работать на заводе, чтобы «усвоить пролетарскую психологию». Ленин насчитывал три прослойки в русском рабочем классе. Первая — кадровые (еще лучше — потомственные) пролетарии, работающие на производстве всю жизнь. Это был самый передовой,

⁷² «Коммунист», № 14/1962, стр. 13.

⁷³ Очерки по историографии, стр. 252.

⁷⁴ В. И. Ленин, т. 45, стр. 20.

самый сознательный отряд рабочих.⁷⁵ Следующий слой — люди, работающие на производстве сравнительно длительное время (10—15 лет), но еще не потерявшие окончательной связи с деревней. Эта группа рабочих в острые периоды классовой борьбы могла оказаться неустойчивой. Наконец, третий слой — это рабочие, недавно пришедшие на производство. Они заражены мелкобуржуазной психологией.⁷⁶

Почти дословно повторяет эту классификацию и один из главных теоретиков партии Н. Бухарин: «Пролетариат приходит к своему господству, как класс. Но это отнюдь не означает сплошного характера этого класса... Пролетарский авангард активно ведет за собой других. Он увлекает за собой сочувствующую середину, которая инстинктивно «сочувствует» перевороту, но не может ясно формулировать цели и точно наметить пути... За серединой сочувствующих есть слой индифферентных, а затем и так называемых шкурников.»⁷⁷

С другой стороны все чаще стали поговаривать о врожденных недостатках пролетариата. «Рабочий, став передовым вождем бедноты, не стал святым. Он вел вперед народ, но он и заражался болезнями мелко-буржуазного развала.»⁷⁸ Или: «Пролетариат... не лишен недостатков и слабостей капиталистического общества. Он борется за социализм и вместе с тем борется против своих собственных недостатков».⁷⁹

В это время рождается формула: пережитки капитализма в сознании людей, объясняющая множество самых противоречивых вещей.

Главную вину за недостаточную сознательность рабочих, Ленин возлагает на мировую войну, благодаря которой «состав передовых отрядов рабочего клас-

⁷⁵ Церковный писатель Тертуллиан (160—230) утверждал, что христианами не рождаются, а становятся, Ленин провозглашал нечто противоположное: подлинными пролетариями не становятся, а рождаются.

⁷⁶ Л. М. Спирин, стр. 116.

⁷⁷ Н. Бухарин — Экономика переходного периода. М. 1920 г. Цит. по изданию Н. Бухарин — Путь к социализму в России. Избранные произведения. Омикрон Букс, Нью-Йорк, 1967, стр. 116.

⁷⁸ В. И. Ленин, т. 36, стр. 364

⁷⁹ Там же, т. 38, стр. 197—8.

са изменился далеко не лучшим образом».⁸⁰ Лучшие рабочие, подлинные пролетарии были взяты в армию, ушли на фронт, после революции — ушли на партийную, правительственную работу. Член Петроградского исполкома, возмущаясь забастовками на предприятиях города, говорил: «Да разве это вообще рабочие бастуют? Настоящих рабочих в Петербурге нет: они ушли на фронт, на продовольственную работу и т. д. А это все — сволочи, шкурники, лавочники, затесавшиеся во время войны на фабрики, чтобы укрыться от воинской повинности».⁸¹

Состав рабочего класса в период войны несомненно подвергся изменениям, но именно этот рабочий класс и совершил революцию, именно его «политическую зрелость» хвалил после Октябрьских дней Ленин. Теперь, внезапно, происходит как бы растворение, исчезновение класса, партия которого совершила революцию в его интересах. Теперь, то есть всего через несколько месяцев после революции, партия как бы заново видит «свой» рабочий класс и находит его не удовлетворительным. Возможность признавать или не признавать того или другого рабочего «настоящим» пролетарием открывает широкие возможности для партийного руководства. «Подлинным» пролетарием считается тот, кто всецело поддерживает политику партии. В связи с этим, например, появляются «ненастоящие» советы. Если бывают «непролетарские» пролетарии, то теперь случаются «несоветские» советы. «Во многих губернских Советах до конца июля находились левые эсеры, а в уездных — до сентября 1918 г. . . . Деревенская буржуазия нашла защиту в партии, находившейся в Советах».⁸² Был, таким образом, случай выступления советов против советской власти.

Именно в это время Роза Люксембург пишет свою брошюру «Русская революция», в которой предупреждает об опасности диктатуры, «но не диктатуры пролетариата, а диктатуры горстки политиков в буржуазном смысле этого слова . . . да, мы можем пойти еще дальше: эти условия должны неизбежно приве-

⁸⁰ В. И. Ленин в «Коммунист», № 14/1962, стр. 13—14.

⁸¹ Ф. Дан — Два года скитаний (1919—1921). Берлин, 1922, стр. 122.

⁸² Л. М. Спирин, стр. 179.

сти к господству насилия в общественной жизни».⁸³ Но Роза Люксембург даже не подозревала насколько узкой была социальная база большевистской партии в тот период.

Неудача системы рабочего контроля, постепенный, стихийный переход к национализации⁸⁴ лишь способствовали нарастанию экономического кризиса. Отказ крестьян сдавать государству хлеб влечет за собой контрмеры — установление системы разверстки, продовольственные экспедиции рабочих в деревню. Летом 1918 г. начинается гражданская война, охватывающая почти всю территорию бывшей русской империи.

Недовольство рабочих, бросающих свои предприятия и бегущих в деревню, чтобы спастись от голода, недовольство крестьян, не желающих отдавать свои продукты бесплатно, недовольство интеллигенции, пошедшей на службу новой власти, но ощущающей недоверие, подозрительность. «Если когда нибудь, — писал Ленин в марте 1919 г. — будущий историк соберет данные о том, какие группы в России управляли эти 17 месяцев, какие сотни, тысячи лиц несли на себе всю эту работу, несли на себе всю неимоверную тяжесть управления страной, — никто не поверит тому, что можно было этого достигнуть при таком ничтожном количестве сил».⁸⁵

По документам того времени, — пишет советский историк, — слой, управлявший Россией, составлял всего «несколько сот тысяч передовых пролетариев».⁸⁶

Отсутствие широкой социальной базы вынуждало руководителей государства все шире и шире прибегать к силе. И здесь следует отметить чрезвычайно харак-

⁸³ Цит. по Peter Nettl — Rosa Luxemburg, Oxford University Press, 1969, p. 434.

⁸⁴ Среди советских историков идет спор относительно того, какой характер носила национализация — стихийный или плановый. В 1923 г. А. Панкратова называла первый период — с начала революции до весны 1918 г. — периодом «стихийной карательной национализации». В 1956 г. В. Насырин («Вопросы истории», № 5) также доказывал, что национализация проводилась в связи с саботажем предпринимателей, а не по заранее обдуманному плану. Концепция Насырина подверглась резкой критике В. Виноградовым и В. Маевским в журнале «Коммунист» (№ 16, 1956 г.).

⁸⁵ В. И. Ленин, т. 38, стр. 145.

⁸⁶ Л. М. Спирин, стр. 328.

терный феномен, определяющий отношение правящей партии к действительности. Сформулировать этот феномен можно было бы так: отношение к необходимости, как к добродели. Вынужденная и на первых порах проводимая неохотно национализация распространяется⁸⁷ затем на всю промышленность (к концу 1920 г. национализирована не только крупная, но и вся средняя промышленность), потом на торговлю.⁸⁸ Всеобщая мобилизация, объявленная 10 апреля 1919 г., касалась не только мобилизации в армию, но и мобилизации рабочей силы. Следовательно, наряду с национализацией промышленности и торговли, осуществлялась и национализация рабочей силы.

Создатели системы военного коммунизма рассматривали, однако, все эти меры не как вынужденные гражданской войной, трудным экономическим положением, а как очередные шаги на пути в социалистическое общество, на пути в коммунизм.

Н. Бухарин теоретически обосновывает необходимость принудительных мер по отношению к рабочему классу: «Одной из главных принудительных мер нового типа, действующих в сфере самого рабочего класса, является уничтожение так называемой «свободы труда»... С точки зрения пролетариата, как раз во имя действительной, а не фиктивной свободы рабочего класса необходимо уничтожение так называемой «свободы труда». Ибо последняя не мирится с правильно организованным, «плановым» хозяйством и таким же распределением рабочих сил. Следовательно, — делает вывод Бухарин, — режим трудовой повинности и государственного распределения рабочих рук при диктатуре пролетариата выражает уже сравнительно высокую степень организованности всего аппарата и прочности пролетарской власти вообще».⁸⁹

Свобода есть несвобода, а несвобода — есть свобода. Начинается семантическая игра, превращающая мир в комплекс неопределенных элементов, меняющих — по желанию — свой смысл, свое значение, свое место. С

⁸⁷ Декрет о всеобщей национализации был принят 28 июня 1918 г.

⁸⁸ 26 ноября 1918 г. был принят декрет о государственной монополии на внутреннюю торговлю, фактически ликвидировавший легальную частную торговлю какими бы то ни было товарами.

⁸⁹ Н. Бухарин, стр. 118.

великолепной прозорливостью отметил это рождение «диалектического» подхода к явлениям и фактам Евгений Замятин.

Герой романа «Мы», — написанного в 1920 г., — объясняет: «Есть запах ландыша — и есть мерзкий запах белены: и то и другое запах. Были шпионы в древнем государстве — и есть шпионы у нас... Но ведь ясно же: там шпион — это белена, тут шпион — ландыш».⁹⁰ Там, в капиталистическом обществе, мог бы сказать Бухарин, «свобода труда» — белена, у нас — трудовая повинность — ландыш.

Первым официальным документом, в котором говорилось о всеобщей трудовой повинности, была Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа, принятая III Всероссийским съездом советов 12 января 1918 г. «На первых порах, однако, она (трудовая повинность) проводилась лишь в отношении эксплуататорских элементов», с целью «уничтожения паразитических слоев общества и организации хозяйства».⁹¹

Следует обратить здесь внимание на, подчеркнутую уже Бухариным, связь между принудительным трудом и организацией хозяйства. Мысль о том, что плановое хозяйство обязательно нуждается в принудительном труде, почерпнутая в опыте кайзеровской Германии, была, как мы отмечали выше, подробно аргументирована Лениным.

Первая советская конституция, конституция РСФСР, утвержденная 10 июля 1918 г., включала полностью текст Декларации и, признавая труд обязанностью всех граждан Советской республики, провозглашала лозунг: «не трудящийся не ест».

В течение первых месяцев советской власти был принят ряд декретов, регулировавших трудовые отношения — закреплен законодательным путем восьми-часовой рабочий день (он был введен Временным правительством), введен оплачиваемый двухнедельный отпуск, приняты меры по регулированию заработной платы (что, как мы отмечали выше, не имело серьезного значения в связи с катастрофической инфляцией).

⁹⁰ Евгений Замятин — Мы. Междун. Литер. Содружество, 1967, стр. 35.

⁹¹ История советского государства и права. Т. I, стр. 326.

В апреле 1918 г. (после статьи Ленина «Очередные задачи Советской власти») ВЦСПС утвердил резолюцию «О трудовой дисциплине», рекомендуя ввести на всех государственных предприятиях строгие правила внутреннего распорядка, учет производительности труда, сдельную оплату его, систему премий, нормы выработки и следить за их выполнением, применяя меры наказания к нарушителям трудовой дисциплины.⁹² По мере того, как шла национализация промышленности и государство становилось единственным предпринимателем, усиливалась борьба за «новую, социалистическую трудовую дисциплину», борьба, которая велась «с прислужниками буржуазии путем большой воспитательной работы, проводимой с отсталыми элементами из рабочих, с малосознательными молодыми пролетариями, пришедшими из деревни».⁹³ «Воспитательная работа» включала и наказания, носившие в тот период времени административный характер: перевод на другое место, увольнение.

Принятый в ноябре 1918 г. Кодекс законов о труде (КЗоТ), как бы подытоживал проделанную работу по регламентации трудовых отношений, выражая одновременно господствовавшие в этой области тенденции. Прежде всего, КЗоТ включал декрет ВЦИК от 31 октября 1918 г. «Общие принципы принудительного труда». Карр считает, что «кодекс избегает касаться общего вопроса повинности и принуждения».⁹⁴ Советские историки полагают, однако, что «Кодекс законов о труде» устанавливал трудовую повинность для всех граждан РСФСР.⁹⁵ «В качестве важнейшего положения КЗоТ выдвигал обязательное привлечение к труду всех трудоспособных граждан».⁹⁶

⁹² «История СССР», т. VII, стр. 371.

⁹³ История советского государства и права, т. I, стр. 328.

⁹⁴ E. H. Carr — The Bolshevik revolution. Vol. 2, p. 202.

⁹⁵ История СССР, VII, стр. 657.

⁹⁶ История советского государства и права, т. I, стр. 333. В «Истории СССР», утверждается, что «Кодекс законов о труде» был опубликован 10 октября 1918 г., а в «Истории советского государства и права» говорится, что КЗоТ рассматривался в заседании ВЦИК 4 ноября 1918 г. и был передан для окончательной разработки в комиссию. Был принят в самом конце 1918 г. Стр. 333.

Кодекс предусматривал не только, что все должны работать, он гласил, что каждый рабочий может себе выбрать работу по квалификации. Правда, в следующем параграфе указывалось, что в случае отсутствия соответствующей работы обязательно принимать — временно — другую. Нужно отметить, что КЗоТ говорил не о «праве на труд», а о «праве на применение труда».

Важная особенность КЗоТ — фактическое ограничение роли профсоюзов, которые должны были представлять на утверждение народного комиссариата труда соглашение о тарифных ставках, т. е. о заработной плате.⁹⁷

Кодекс законов о труде остался, однако, чистой формальностью, мертвой буквой. «Создалось положение, при котором нормы КЗоТ, рассчитанные на нормальные условия работы, должны были отступить на задний план перед другими актами, чрезвычайными и по обстоятельствам появления, и по своему содержанию».⁹⁸ Положение, сделавшее необходимым применение «чрезвычайных актов» — война, интервенция — не могут, однако, объяснить всего.

4. Рождение КЦ и ВЧК

В марте 1919 г. в газете «Известия» появилась неподписанная статья, анализировавшая сложившееся положение. Признавая, что, повидимому, каждая революция неизбежно влечет за собой снижение производительности труда, автор статьи приходит к выводу, что русский пролетариат «проявил крайнюю близорукость, после того, как он взял в свои руки управление важнейшими отраслями промышленности в стране. Пролетариат совершенно неспособен понять интересы государства, даже интересы своего класса или одного предприятия... Единственное в чем пролетариат заинтересован — это зарплата...». В частности, рабочие установили на предприятиях «чудовищно низкие нормы».⁹⁹

⁹⁷ История советского государства и права, т. I, стр. 333.

⁹⁸ Там же, стр. 333.

⁹⁹ «Известия», № 65, 26 марта 1919 г. В конце статьи была помещена заметка, в которой редакция заявляла, что не отвечает за взгляды автора статьи.

Автор статьи, дав безжалостную оценку пролетариату, «оказавшемуся недостаточно способным, энергичным или дисциплинированным для того, чтобы предотвратить дальнейший развал промышленности и транспорта», предложил единственный рецепт спасения: введение, наряду с политической, экономическую диктатуру. Экономическую диктатуру в тылу, подобную той которая существует на фронте. Сила, которой можно было поручить осуществление «экономической диктатуры», к этому времени уже имелась. Это была та же самая сила, которая осуществляла диктатуру политическую. Для того, чтобы понять характер и место этой силы в структуре государственной власти, необходимо вернуться к первым дням революции.

В первый период после Октябрьского переворота идут одновременно два процесса — разрушения старого судебного аппарата и строительство нового суда. Отсутствие стройной системы пролетарского суда ведет к ожесточенным спорам среди большевиков, свою концепцию защищают левые эсеры, входившие в это время в правительство (левый эсер Штейнберг был наркомом юстиции). Не дождавшись одобрения проекта нового суда ВЦИКом, СНК собственной властью издает 22 ноября «Декрет о суде № I». Народные суды создавались советами, которые избирали состав суда и физически руководили их деятельностью. Новые суды при рассмотрении дел должны были руководствоваться декретами СНК, революционной совестью и революционным правосознанием.¹⁰⁰

Одновременно с народными судами Декрет о суде № I предусматривал создание революционных трибуналов для борьбы против контрреволюционных сил, ограждения революции и ее завоеваний, для борьбы с «мародерством и хищничеством, саботажем и прочими злоупотреблениями торговцев, промышленников, чиновников и пр. лиц».¹⁰¹

Отметим широкие полномочия ревтрибуналов, подчеркнутые их туманным изложением в Декрете — «прочие злоупотребления», «прочие лица».

¹⁰⁰ История советского государства и права, т. I, стр. 188.

¹⁰¹ СУ, 1917, № 4, стр. 50. Цит. по «Из истории ВЧК», стр. 54.

После первых радостных дней, после заверений — «террор, какой применяли французские революционеры, которые гильотинировали безоружных людей, мы не применяем и, надеюсь, не будем применять, так как за нами сила»,¹⁰² после распоряжений — «ввиду упрочения Советской власти полагаем, наступил момент прекращения систематических репрессий против лиц, учреждений и печати»¹⁰³ — приходят будни.

Разгон Учредительного собрания становится как бы водоразделом, показывает партии большевиков, что она находится в меньшинстве, что об упрочении советской власти говорить еще рано.

В этот период для Ленина становится очевидной мягкость существующих судов и трибуналов. Начиная с января 1918 г. Ленин резко критикует слабость карательных действий судов и трибуналов, требует ее усиления: «... Наши революционные и народные суды непомерно, невероятно слабы.» «Никакой пощады этим врагам народа, врагам социализма, врагам трудящихся. Война не на жизнь, а на смерть богатым и их прихлебателям, буржуазным интеллигентам, война жуликам, тунеядцам и хулиганам».¹⁰⁴

14 января впервые Ленин говорит о необходимости применения террора: «Пока мы не применим террора — расстрел на месте — к спекулянтам, ничего не выйдет... Кроме того с грабителями надо также поступать решительно — расстреливать на месте».¹⁰⁵

21 февраля 1918 г. СНК обращается к «трудящемуся населению всей России» с призывом-декретом «Социалистическое отечество в опасности», написанным Лениным. В связи с начавшимся немецким наступлением Совет народных комиссаров объявил отечество в опасности. Декрет узаконивал террор, о необходимости которого Ленин говорил пять недель назад, еще до германского наступления, вводил смертную казнь, которая была отменена после Октябрьской революции. Выполнение декрета СНК возложил не на судебные органы, а на Всероссийскую чрезвычайную

¹⁰² В. И. Ленин, т. 35, стр. 63.

¹⁰³ «Известия ВЦИК», 31 января 1918 г. Телеграмма Наркомюста всем Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

¹⁰⁴ В. И. Ленин, т. 36, стр. 196, 197.

¹⁰⁵ В. И. Ленин, т. 35, стр. 311.

комиссию по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией (ВЧК).

Декрет 21 февраля был, если так можно выразиться, днем второго рождения ВЧК. «До 21 февраля, — пишет историк этой организации, — права ВЧК были ограничены. Она вела только предварительное следствие... В дальнейшем все дела направлялись в Военно-революционный трибунал для определения меры наказания.»¹⁰⁶

Днем первого рождения Чрезвычайной комиссии был 7 (20) декабря 1917 г. В этот день СНК, по инициативе Ленина, изложившего в записке Дзержинскому цели комиссии и методы ее работы, постановил создать при Совете народных комиссаров особый орган и назвать его «Всероссийской чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией и саботажем». Комиссии поручалось лишь предварительное следствие и предлагалось «обратить в первую голову внимание на печать, саботаж и т. д. правых с.-р., саботажников и стачечников».¹⁰⁷ Заключительная фраза постановления несколько противоречит § 3, в котором говорилось, что комиссия занимается «только предварительным следствием», и перечисляет меры наказания имеющиеся в распоряжении ВЧК: «конфискация, выдворение, лишение карточек, опубликование списков врагов народа и т. д.».¹⁰⁸

Обдумывая план создания чрезвычайного органа, Ленин хотел, чтобы его возглавил «хороший революционный якобинец, русский Фуке-Тенвилль». Необходимые качества оказались у Феликса Дзержинского.

Постановление СНК от 7 (20) декабря позволяет утверждать, что ВЧК создавалась прежде всего как чрезвычайный орган большевистской партии, ей предлагалось обратить внимание в первую очередь на действия (печать, саботаж, забастовки), руководимые правыми эсерами (в этот момент левые эсеры были членами правительства). Левые эсеры попытались поставить ВЧК под надзор народных комиссариатов юстиции и внутренних дел. Но им это не удалось. Ленин

¹⁰⁶ Из истории ВЧК, стр. 95.

¹⁰⁷ Там же, стр. 78, 79. Первая публикация документа, хранящегося в ИМЛ при ЦК КПСС.

¹⁰⁸ Из истории ВЧК, стр. 79.

лично поправил текст постановления СНК о взаимоотношениях ВЧК и комиссариата юстиции (возглавлявшегося левым эсером), еще раз подчеркнув партийный характер Чрезвычайной комиссии. Параграф 6 проекта гласил: «Аресты и возбуждение дел против членов Учредительного собрания и других лиц, задержание которых имеет выдающееся политическое значение, происходит лишь с ведома Народного комиссариата юстиции и внутренних дел».¹⁰⁹ Окончательный текст, отредактированный Лениным, гласил: «Об арестах, имеющих выдающееся политическое значение, комиссии извещают Народные комиссариаты юстиции и внутренних дел».

ВЧК, следовательно, могла арестовывать всех, кто выступал против политики партии, не испрашивая ничего разрешения, лишь потом извещая (либо не извещая, как свидетельствуют документы) соответствующие наркоматы. Единственным хозяином ВЧК стал Центральный комитет партии большевиков.

Декрет СНК от 21 февраля 1918 г. «предоставил ВЧК право непосредственной расправы с активными контрреволюционерами».¹¹⁰ Интересно отметить, что в «Объявлении», опубликованном ВЧК 22 февраля, она расширила свои права за пределы чрезвычайно широких прерогатив, предоставленных ей декретом.

Параграф 8 декрета гласил: «Неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы расстреливаются на месте».¹¹¹ Перечисляя всех тех, кто будет «беспощадно расстреливаться отрядами комиссии на месте преступлений», «Объявление ВЧК» дополнительно к декрету включило в список врагов «саботажников и прочих паразитов». Таким образом расстрел мог быть применен в качестве наказания почти за любое преступление. Суды и трибуналы потеряли свое значение — ВЧК стала единственным карательным органом, «органом непосредственной расправы».¹¹²

¹⁰⁹ Там же, стр. 86.

¹¹⁰ Из истории ВЧК, стр. 95.

¹¹¹ В. И. Ленин, т. 35, стр. 358. Характерной особенностью юридических документов того времени является их умышленная неопределенность — «и т. д.», «прочие паразиты».

¹¹² Д. А. Голиков — Крах вражеского подполья, стр. 71.

Заключение Брестского мира (3 марта 1918 г.) казалось бы ликвидировало опасность, вызвавшую необходимость создания внесудебного «органа непосредственной расправы». ВЧК, однако, как бы пользуясь случаем, развертывает активную, прежде всего организационную деятельность. 22 марта ВЧК принимает постановление «О создании местных чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией»: «Предлагается всем советам на местах и в районах немедленно организовать означенные, с одинаковым названием, комиссии». На всей территории Советской республики создается сеть чрезвычайных комиссий.

Выступление чехословацких военнопленных против советской власти (май 1918), начавшее гражданскую войну, стимулировало дальнейшее развитие системы чрезвычайных комиссий. Состоявшаяся 14 июня I всероссийская конференция чрезвычайных комиссий постановила «взять на себя на всей территории республики всю тяжесть беспощадной борьбы с контрреволюцией, спекуляцией, злоупотреблениями по должности».¹¹³ Конференция, указав на «ненадежность железнодорожной охраны в подавляющем большинстве мест Советской России», обратилась к Совнаркому с просьбой передать эту охрану «в надежные руки», в руки ВЧК.¹¹⁴ Конференция указала на необходимость создания «специального корпуса для охраны Советской власти внутри страны и всей сети железных дорог и территории Советской России». Конференция констатировала, в заключении, что «Чрезвычайные комиссии являются высшим органом административной власти Советской России».

Было завершено создание «стройной сети чрезвычайных комиссий», которые появились «при каждом областном, губернском Совдепе, а также при крупных уездных Совдепах, узловых железнодорожных центрах, крупных портах, в пограничной полосе».

¹¹³ Из истории ВЧК, стр. 137—138. Опубликовано впервые.

¹¹⁴ СНК удовлетворил просьбу ВЧК. Переход охраны железных дорог, единственного средства, связывавшего воедино огромную территорию страны, в руки ВЧК давал ЧК огромную власть.

5 сентября 1918 г., через шесть дней после покушения на Ленина, СНК издает «Постановление о красном терроре», принятое по докладу Дзержинского и гласящее, что «при данной ситуации обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью». Проведение террора поручалось ВЧК.

В руки Чрезвычайной комиссии давался — в дополнение ко всем прочим — новый, совсем недавно родившийся карательный инструмент — концентрационный лагерь: «... Необходимо обезопасить Советскую республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях, подлежат расстрелу все лица прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам.»¹¹⁵

Это не было первым упоминанием концентрационных лагерей в советских официальных документах. Честь первого использования этого термина принадлежит Троцкому. В приказе народного комиссара по военным делам от 4 июня 1918 г., изданного в связи с началом чехословацкого мятежа, Троцкий требует заключения в концентрационные лагеря чехословаков, не желающих сдать оружие.¹¹⁶ 26 июня 1918 г. в меморандуме, адресованном Совету народных комиссаров, Троцкий предлагает установить режим принуждения для «паразитических элементов», принять меры для того, чтобы наиболее неприятную работу выполняла буржуазия, причислить к буржуазии бывших офицеров, не желающих вступить в Красную армию, и заключить их в «концентрационные лагеря».¹¹⁷

Можно предположить, что летом 1918 г., когда стало очевидным, что молодой советской республике не избежать гражданской войны, когда стала очевидной необходимость усиления борьбы с врагами и одновременно неизбежность использования их (прежде всего офицеров) для строительства государства, Троцкий обращается к опыту англичан, первыми использовавших в 1901 г. в ходе войны с бурами концентрационные лагеря для враждебного населения. Троцкий по-своему осмысливает этот термин, содержание которого быстро

¹¹⁵ Цит. по «История ВЧК», стр. 182—3.

¹¹⁶ Л. Д. Троцкий — Как вооружалась революция, М. 1923, т. I, стр. 216.

¹¹⁷ Л. Д. Троцкий — Сочинения, т. XVII, ч. I, стр. 290—291.

меняется и расширяется. 4 июня Троцкий предназначает концлагеря для мятежных чехословаков, а 26 июня — для офицеров, не желавших служить советской власти. 8 августа 1918 г., через два дня после поражения Красной армии под Казанью, Троцкий пишет в приказе по армии: «Советская республика в опасности! Назначенный мною начальник обороны железнодорожного пути Казань—Москва тов. Каменщиков, распорядился о создании в Муроме, Арзамасе и Свияжске концентрационных лагерей, куда будут заключаться темные агитаторы, контрреволюционные офицеры, саботажники, паразиты, спекулянты...»¹¹⁸ Концентрационный лагерь становится универсальным средством террора.

На следующий день после подписания Троцким приказа, 9 августа, Ленин, озабоченный размахом крестьянского восстания в Пензенской области и неудовлетворительным с его точки зрения ходом подавления телеграфирует в пензенский губернский исполком (копия уполномоченной СНК Евгении Бош): «Провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города».¹¹⁹

Можно, следовательно, заключить, что в первой декаде августа 1918 г. термин «концентрационный лагерь» был уже хорошо знаком и совершенно понятен не только узкому кругу руководителей но и широким массам. Троцкий грозит концлагерями в приказе по армии, Ленин обращается к работникам губернского исполкома — среднего звена советской власти.

Из первых документов, в которых упоминаются концлагеря, видно, что инициаторы их создания еще не знают точно, что они создают, они как бы ощупью, эмпирическим путем ищут черты нового инструмента террора. Ленин значительно расширяет круг «клиентов», включая в него всех «сомнительных». Постановление СНК говорит о «классовых врагах» — дефиниции чрезвычайно широкой.

Как наказание концентрационные лагеря шли сразу же вслед за расстрелом, предназначены же были для «классовых врагов», не имевших касательства к

¹¹⁸ Л. Д. Троцкий — Как вооружалась революция, т. I, стр. 232—233.

¹¹⁹ В. И. Ленин, т. 50, стр. 143—144.

контрреволюционной деятельности. Все «прикосновенные» — расстреливались.

ВЧК становится главной опорой советской власти, точнее — партии. Так, впрочем, говорит и один из вождей Зиновьев. Красой и гордостью партии он называет — «отряды Красной армии и отряды Чрезвычайных комиссий».¹²⁰ Спустя полстолетие советский историк повторяет слова Зиновьева (лишь слегка их модифицируя): «Опыт классовой и партийной борьбы в России в 1917—1920 гг. учит, что пролетариат для защиты завоеваний социалистической революции должен иметь свою армию и свои карательные органы».¹²¹

Необычайно интересным источником для изучения краткого периода после объявления «Красного террора», периода, когда ВЧК приобрела все необходимые качества, позволившие ей превратиться в государство в государстве, является «Еженедельник ЧК», начавший выходить в сентябре 1918 г. с целью «разоблачения клеветы на ЧК» и, если так можно выразиться, рекламирования своей деятельности. Это, вероятно, самый удивительный рекламный журнал в истории. Наивная уверенность в том, что все действия «в пользу революции» хороши, превратила «Еженедельник ВЧК» в зеркало, с наибольшей возможной верностью отражавшее действительность. Целыми страницами идут списки расстрелянных Чрезвычайными комиссиями в разных областях республики, списки страшные и правдивые в своей небрежности. На стр. 27, №6¹²² перечислены имена 132 расстрелянных — некоторые имеют имя и отчество и — основание: офицер, чиновник, капиталист, или более подробное — «Каплан, за покушение на тов. Ленина», «Хвостов, быв. министр внутренних дел, контрреволюционер», — но большинство названо лишь по фамилиям, без всяких дополнительных данных.

Значительное место занимают в «Еженедельниках» официальные документы, красноречиво демонстрирующие место ВЧК в структуре власти. В циркуляре № 47, подписанном заместителем председателя ВЧК Петерсом говорилось: «В своей деятельности ЧК совершенно самостоятельна, производя обыски, аресты

¹²⁰ Еженедельник ЧК, № 6, 27 октября 1918 г., стр. 10.

¹²¹ Л. М. Спирин, стр. 410.

¹²² После выхода шестого номера «Еженедельника» издание было прекращено.

и расстрелы, давая после отчет СНК и ВЦИК». ¹²³ Действия ЧК, следовательно, задним числом апробировались верховными государственными органами. Эти действия охватывают все стороны государственной деятельности.

«Феликс Эдмундович, — вспоминал один из ближайших соратников Дзержинского, — не в состоянии примириться с тесными рамками буквально понимаемой контрреволюции. Разве контрреволюционер только тот, кто работает в направлении свержения Советской власти с оружием в руках?.. А тот, кто преднамеренно или непреднамеренно разрушает транспорт или товарообмен, кто мешает хотя бы своим попустительством развитию производительных сил страны и строит препятствия на пути изобретательного духа народа, разве все они не работают на руку контрреволюции? Разве до них нет ВЧК никакого дела? Нет, все это вредно, подлежит искоренению, и ВЧК должно всем этим заняться.» ¹²⁴

ВЧК занимается всем, причем настолько старательно, что приходится напоминать местным комиссиям: «Вмешиваясь как бы во „все“ дела других учреждений, ЧК должны запомнить, что этим вмешательством они призваны *помогать* (подчеркнуто автором статьи), *налаживать* все советские органы власти, изгоняя из них всяческих контрреволюционеров и прочих врагов, а не разрушая их своим вмешательством.» ¹²⁵ О размерах этого вмешательства можно судить по многочисленным жалобам местных, провинциальных советов на то, что Чрезвычайные комиссии отстраняют их от всех дел, беря власть в свои руки. Выступая на конференции ЧК Северной коммуны, Зиновьев сообщил, что в одной из ЧК возник вопрос: может ли она в случае надобности арестовать Совет народных комиссаров? ¹²⁶ Зиновьев не считал такое расширение прерогатив ЧК опасным для партии, но ряд влиятельных коммунистов резко против этого возражали.

Это не был вопрос праздный, ибо на основании циркуляра № 47 ВЧК имела право производить «обыски,

¹²³ «Еженедельник», № 2, 29 октября 1918 г., стр. 11.

¹²⁴ М. Лацис — Дзержинский и ВЧК. В сборнике «Феликс Дзержинский». М. 1931, стр. 173—4.

¹²⁵ Еженедельник, № 5, стр. 4.

¹²⁶ Там же, № 6, стр. 21—22.

аресты, выемки и т. д. у лиц, которые входят в состав правительства, членов ВЦИК», но должна была «испрашивать согласие». ¹²⁷

8 октября в «Правде» появилась статья М. Ольминского остро критикующая «незаконные деяния» ВЧК, и требующая ограничения ее прав, установления неких «норм». ¹²⁸

ВЧК отвечает резкими выступлениями против тех, кто критикует ее деятельность. В «Еженедельнике» появляется, в частности, письмо из города Нолинска, Вятской губернии, подписанное руководителями местной партийной организации и ЧК. Авторы письма, озаглавленного, видимо в редакции, упреком: «Почему вы миндальничаете?», возмущались мягкостью ВЧК, которое проявилось в освобождении английского дипломата Локкарта, уличенного в антисоветской деятельности.

«Скажите, — говорилось в письме, — почему вы не подвергли его, этого самого Локкарта, самым утонченным пыткам, чтобы получить сведения и адреса... Скажите почему вы вместо того, чтобы подвергнуть его таким пыткам, от одного описания которых холод ужаса охватил бы контрреволюционеров, скажите почему вы вместо этого позволили ему «покинуть» ВЧК? Или вы полагаете, что подвергать человека ужасным пыткам более бесчеловечно, чем взрывать мосты и продовольственные склады с целью найти союзника в муках голода для свержения Советской власти...

«Довольно миндальничать... Пойман опасный прохвост. Извлечь из него все, что можно и отправить на тот свет.» ¹²⁹

Рой Медведев в своей книге о Сталине «К суду истории» упоминает об этой статье, но подчеркивает, стремясь доказать, что «нарушения социалистической законности» начались только при Сталине, «возмущение в широких партийных кругах» ею вызванное. Рой Медведев отмечает также, что президиум ВЦИК резко статью осудил. ¹³⁰ Дело в том, однако, что прези-

¹²⁷ Там же, № 2, стр. 11.

¹²⁸ «Правда»; № 216.

¹²⁹ «Еженедельник», № 3, стр. 7—8.

¹³⁰ Рой Медведев — К суду истории. Нью-Йорк, 1971, стр. 573—575.

диум ВЦИК являлся высшим органом власти в советской республике лишь номинально.

Письмо «Почему вы миндальничаете?» было написано в форме непарламентарной, но в нем ставилась проблема отношения к врагам — действительным или потенциальным — именно так, как ее понимали те, кто считал себя призванным спасти революцию. Письмо почти буквально повторяет аргументацию Ленина: «Наше дело — ставить вопрос прямо. Что лучше? Выловить и посадить в тюрьму, иногда даже расстрелять сотни изменников из кадетов, беспартийных, меньшевиков, эсэров, «выступающих» (кто с оружием, кто с заговором, кто с агитацией против мобилизации, как печатники или железнодорожники из меньшевиков и т. п.) *против Советской власти, то есть за Деникина?* Или довести дело до того, чтобы позволить Колчаку и Деникину перебить, перестрелять, перепороть до смерти десятки тысяч рабочих и крестьян? Выбор не труден».¹³¹

Для Ленина выбор ясен: кто против Советской власти, тот за Деникина. К сторонникам Деникина он относит и социалистов — не большевиков, и рабочих — печатников, железнодорожников «и т. п.». Неудивительно поэтому, что осуждение президиумом ВЦИК призыва применять к врагам «ужасные пытки», осталось на бумаге, а 12 декабря 1918 г. ЦК партии принимает по докладу Дзержинского «о злостных статьях о ВЧК, появившихся в печати» решение, которое можно бы назвать установлением догмата о непогрешимости ВЧК: «На страницах партийной и советской печати не может иметь место злостная критика советских учреждений, как это имело место в некоторых статьях о деятельности ВЧК, работа которого протекает в особо тяжелых условиях».

Запрещение критики ВЧК, именно о ней шла речь, а не о других «советских учреждениях», которые продолжали критиковаться, породила знаменитую формулу, которую потом мы будем постоянно встречать в советской литературе (и в жизни, конечно): «ВЧК (ОГПУ, НКВД, КГБ) — никогда не ошибается».

Спустя год после революции окончательно конституируется административный орган, обладающий широчайшей, распространяющейся на всю страну властью,

¹³¹ В. И. Ленин, т. 39, стр. 442.

в том числе правом арестовывать, заключать в концлагерь, расстреливать. В дополнение к этой власти этот орган — ВЧК — получает право на «непогрешимость», ибо критиковать его действия запрещается. Власть и практическая бесконтрольность ставят этот орган в привилегированное положение в государстве. Он становится важнейшим инструментом осуществления диктатуры пролетариата.

Начинается процесс, о котором говорил еще Н. К. Михайловский, процесс превращения политической диктатуры в полицейскую диктатуру.

5. Концентрационные лагеря — школа труда

В начале 1919 г. открывается новая глава в истории советских концентрационных лагерей. К этому времени они уже существовали примерно полгода, но создавались стихийно — то местными советами, то армейскими особыми отделами, то ЧК, то революционными трибуналами.

На первых порах в концлагеря заключались представители бывших господствующих классов, потенциальные враги и — значительная в количественном отношении категория — заложники. Инициатором создания института заложников был Троцкий, требовавший летом 1918 г. заключения в концлагеря жен и детей офицеров, мобилизованных в Красную армию. Без этой меры, полагал Троцкий, «революция будет побеждена».¹³²

Одновременно с объявлением «Красного террора» народный комиссар внутренних дел Петровский разослал всем Советам телеграфный приказ: «взять из буржуазии и офицерства... значительные количества заложников... Местные губисполкомы, — подчеркивалось в телеграмме, — должны проявлять в этом отношении особую инициативу».¹³³

Аресты «заложников» приобретают такой размах, что вынужден вмешаться сам Дзержинский, направивший всем ЧК разъяснительный приказ: «Что такое заложник... Это пленный член того общества или той

¹³² I. Deutscher — Trotsky, Vol. I, p. 546.

¹³³ «Еженедельник», № I, стр. 11.

организации, которая с нами борется». Дзержинский подчеркивает, что брать в заложники нужно лишь таких «членов, которые имеют какую-нибудь ценность, которыми этот противник дорожит». И перечисляет кого не стоит брать в заложники, но кого очевидно очень часто арестовывали: «За какого-нибудь сельского учителя, лесника, мельника, или мелкого лавочника, да еще еврея, противник не заступится и ничего не даст». Председатель ВЧК предлагает «взять на учет всех лиц, имеющих ценность как заложников», а также специалистов, указывая, что «лиц подобных категорий мы по обыкновению (подчеркнуто мною. — М. Г.) подвергаем аресту или как заложников, или же помещаем в концентрационные лагеря на общественные работы.»¹³⁴

Говоря, что в начале 1919 г. открывается новая глава в истории концентрационных лагерей, я имею в виду во-первых, их официальное признание, а во-вторых, включение в контингент заключенных — рабочих.

Объяснялось это двумя причинами. С одной стороны часть рабочего класса активно выступила против советского правительства (восстания рабочих в Ижевске, Воткинске), с другой — производительность труда продолжала падать.

«Концентрированное насилие» — по выражению Бухарина — обращается и против самого рабочего класса, «вовнутрь», но не только для борьбы с теми, кто перешел на сторону реакции, но и — это вторая причина включения в контингент заключенных концлагерей рабочих — для «самоорганизации и принудительной самодисциплины трудящихся».¹³⁵

Страна переживала тяжелый кризис, — говорится о 1919 г. в «Истории СССР». Объем валовой промышленной продукции снизился по сравнению с 1913 г. в 6 раз, а число рабочих, занятых в промышленности уменьшилось почти вдвое.¹³⁶ Производительность труда рабочих составляла 29,1% выработки 1913 г.¹³⁷ Ю. Ларин формулировал положение так: «Рабочий работает 70% довоенного времени, в каждый час про-

¹³⁴ Из истории ВЧК, стр. 346. Первая публикация.

¹³⁵ Н. Бухарин, стр. 114.

¹³⁶ История СССР, т. VII, стр. 504.

¹³⁷ Н. Прокопович, т. I, стр. 332.

изводит 75% довоенной продукции, получает половину необходимых калорий». ¹³⁸

Рабочие потеряли всякий интерес к труду. «На свою заработную плату рабочие на рынке практически ничего не могли купить. Так, на московских рынках фунт хлеба стоил 170 рублей, фунт соли — 350 рублей, пищевой паек в 2.700 калорий — 107,5 рублей, а средний заработок рабочего весной 1919 г. равнялся 19—26 рублям». ¹³⁹ Другой источник говорит, что летом 1919 г. фунт черного хлеба стоил в Москве — 45—50 рублей, фунт сахара — 230—250 рублей. ¹⁴⁰

Какую бы цену не принять, очевидно, что рабочий был вынужден голодать, ибо получаемый им «классовый паек», даже по самой высшей категории, давал лишь половину необходимых калорий.

В апреле 1918 г. Ленину казалось, что можно добиться повышения производительности труда путем использования новейших методов научной организации труда, в частности системы Тейлора — последнего слова «самой бесшабашной капиталистической эксплуатации.» Правильно руководимое самими трудящимися, применение системы Тейлора могло бы, по словам Ленина «привести к громадному повышению производительности человеческого труда», при одном, правда, условии — если рабочие «будут достаточно сознательными». ¹⁴¹

Сознательность в тот период означала безропотное несение тяжелейших жертв ради будущего. Когда оказалось, что рабочие не хотят, или не в состоянии нести этих жертв, были найдены другие методы, рассчитанные на повышение производительности.

«Русский человек — это плохой работник по сравнению с передовыми странами... Учиться работать — эту задачу Советская власть должна поставить перед народом во всем ее объеме». ¹⁴² Как бы отвечая на это заявление Ленина, Дзержинский выдвигает проект использования административных принудительных мер против трудящихся. 17 февраля 1919 г. председатель

¹³⁸ Ю. Ларин — Производственная пропаганда..., стр. 7.

¹³⁹ История СССР, т. VII, стр. 657.

¹⁴⁰ Л. М. Спирин, стр. 326.

¹⁴¹ В. И. Ленин — Первоначальный вариант..., «Коммунист», № 14/62, стр. 10—11.

¹⁴² В. И. Ленин, Соч., т. 36, стр. 189—190.

ВЧК выступает с длинной речью на заседании ВЦИК. С одной стороны он, учитывая улучшившееся положение на фронтах, ратует за сокращение масштабов административных репрессий. С другой, однако, настаивает на необходимости реорганизации революционных трибуналов с тем, чтобы они слились с системой ВЧК.

Наиболее важное предложение Держинского касалось концентрационных лагерей. «Кроме приговоров по суду, — говорил председатель ВЧК, — необходимо оставить административные приговоры, а именно концентрационный лагерь». Далее он перечисляет кого следует в концлагеря заключать: «Я предлагаю оставить эти концентрационные лагеря для использования труда арестованных, для господ проживающих без занятий, для тех, кто не может работать без известного принуждения, или если мы возьмем советские учреждения, то здесь должна будет применена мера такого наказания за недобросовестное отношение к делу, за нерадение, за опоздание и т. д. Этой мерой мы сможем подтянуть даже наших собственных работников.

Таким образом предлагается создать школу труда...»

Концентрационные лагеря перестают следовательно быть местом заключения потенциальных врагов советской власти, заложников. Они становятся «школой труда», предназначенной для тех «кто не может работать без известного принуждения», для тех, кто «недобросовестно относится к делу», для тех, кто «нерадиво», плохо работает, для тех, кто опаздывает на работу и — как обычно — для «т. д.».

Предлагая превратить концентрационные лагеря в «школу труда», Держинский одновременно сформулировал следующее предложение: «ВЧК предоставляется право заключения в концентрационный лагерь.»¹⁴³

ВЦИК принял в тот же день постановление, параграф 8 которого буквально повторял формулировку Держинского: «ВЧК предоставляется право заключения в концентрационный лагерь».¹⁴⁴

¹⁴³ Стенограмма выступления Ф. Э. Держинского на 8-ом заседании ВЦИК 17 февраля 1919 г. Первая публикация: «Исторический архив», № I, 1958 г., стр. 6—11.

¹⁴⁴ Декреты советской власти, т. IV, стр. 401.

Таким образом внесудебное заключение в концентрационный лагерь, как и внесудебный расстрел, становится законом. Ни в коем случае нельзя, однако, считать 17 февраля 1919 г. датой появления концлагерей. В «Истории советского государства и права» в комментарии к постановлению ВЦИК подчеркивается: «За ВЧК сохранилось право заключать в концлагеря в административном порядке классово чуждые элементы».¹⁴⁵

Обратим внимание на слова: «сохранилось право», свидетельствующие, что это право ВЧК имело и раньше, а также на слова «классово чуждые элементы». Через два месяца «были временно учреждены лагеря для изоляции классово враждебных элементов».¹⁴⁶

17 февраля — принимается закон о заключении в концентрационные лагеря «классово чуждых элементов», а 15 апреля — о заключении в лагеря «классово враждебных элементов». Попробуем разобраться, какая между ними разница.

Временные «лагеря для классово враждебных элементов» назывались в декрете ВЦИК «лагерями принудительного труда».¹⁴⁷ Заключались в них лица, «относительно которых состоялось постановление отделов управления чрезвычайных комиссий, революционных трибуналов, народных судов и других, коим представлено это право».¹⁴⁸ Первое различие, следовательно, в том, что концентрационные лагеря были исключительной собственностью ВЧК, а лагеря принудительного труда заполнялись и ЧК, и революционными трибуналами, и народными судами, и «другими органами». Лагеря принудительного труда (как и концентрационные) создавались губернскими ЧК, ими управлялись, а по распоряжению центральных властей передавались в ведение административных отделов советов.

Характерной особенностью лагерей принудительного труда было не только многообразие органов, имевших право заключать в эти лагеря, но и возможность организации их в любом количестве и в любом месте. В статье I закона указывалось, что лагеря на-

¹⁴⁵ История советского государства и права, т. I, стр. 441.

¹⁴⁶ Там же, стр. 442.

¹⁴⁷ СУ, 1919, № 12, стр. 124.

¹⁴⁸ М. Д. Шаргородский, стр. 77.

ходятся в юрисдикции губернских советов, однако, примечание 2 оговаривало, что можно их создавать и в уездах, но «только с разрешения народного комиссариата внутренних дел».¹⁴⁹ Оговорку эту можно считать простой формальностью, ибо с 16 марта 1919 г. пост наркомвнутдела занимал председатель ВЧК Дзержинский. Решение о совмещении этих двух постов было принято ЦК ВКП(б), а только две недели спустя утверждено ВЦИК.¹⁵⁰

Можно полагать, что лагеря принудительного труда принимают часть заключенных из концентрационных лагерей. О составе концентрационных лагерей можно судить по декрету об амнистии, оглашенному 1 ноября 1919 г. В ознаменование годовщины Октябрьской революции Советское правительство решило «освободить из мест заключения и концентрационных лагерей всех членов тех политических партий, которые объявили мобилизацию своих членов в защиту Советской Республики, как это сделали интернационалисты, революционные коммунисты, поалейционисты, группа социалистов-революционеров «Народ», РСДРП (меньшевики) и бундовцы, за исключением тех из них, к которым предъявлено обвинения в участии в контрреволюционных организациях».¹⁵¹

Из этого декрета видно, что все члены социалистических партий, ведущих политическую деятельность заключались либо в тюрьму, либо в концентрационный лагерь. Можно предположить, что концентрационные лагеря стали прежде всего местом заключения врагов большевистской партии. В письме ЦК от 8 февраля 1919 г. так и говорилось: «ЧК созданы, существуют и работают лишь как прямые органы партии, по ее директивам и под ее контролем».¹⁵²

Постановление ВЦИК от 17 февраля 1919 г. предусматривало разработку в двухнедельный срок инструкции о порядке заключения в концентрационный лагерь.¹⁵³ Эта инструкция в указанный срок не появилась, но 17 мая 1919 г. ВЦИК утвердил инструкцию,

¹⁴⁹ СУ, 1919, № 2, ст. 124.

¹⁵⁰ А. Тишков, стр. 59.

¹⁵¹ «Известия ВЦИК», 5 ноября 1919 г.

¹⁵² Из истории ВЧК, стр. 250.

¹⁵³ Декреты Советской власти, т. IV, стр. 401—402.

касающуюся лагерей принудительного труда. Можно допустить, что она применялась и в концлагерях.

Инструкция предусматривала создание в каждой губернии лагеря, рассчитанного не менее, чем на 300 заключенных,¹⁵⁴ в примечании указывалось, что лагеря принудительного труда в уездах создавались с разрешения Управления принудительного труда НКВД. Параграф 31 гласил: «Все заключенные посылаются на работу немедленно по прибытии в лагерь и направляются на физический труд на все время пребывания в лагере. Характер труда определяет лагерная администрация».¹⁵⁵

Продолжительность рабочего дня равнялась 8 часам, но можно было увеличивать рабочий день — в соответствии с указаниями КЗоТ. Труд заключенных оплачивался по ставкам, установленным профсоюзам и за подобный труд в данном районе. Заключенные возмещали стоимость питания, помещения, административные расходы и оплату охраны. Вычеты не должны были превышать 2/3 заработка заключенного.

Вводилась необычайно строгая ответственность за побег, неизвестная ранее русскому законодательству. За первую попытку к побегу первоначальный срок наказания увеличивался в десять раз, за вторую попытку к побегу заключенный передавался в трибунал, имевший право применить расстрел. Лагерная администрация имела право вводить групповую ответственность за побег.¹⁵⁶

В 1919 г. идут одновременно два процесса — процесс превращения всякого труда в принудительный труд и процесс все более широкого использования концентрационных лагерей, как метода принуждения к труду, как метода воздействия на рабочих. Принимаются первые декреты о мобилизации рабо-

¹⁵⁴ В 1917 г. в России насчитывалась 101 губерния.

¹⁵⁵ СУ, 1919, № 20, ст. 235.

¹⁵⁶ СУ, № 20, ст. 235. В Уголовных кодексах 1922 и 1926 г. побег рассматривался как естественное право заключенного и наказывался сравнительно легко. Лишь в конце 30-х годов побег из лагеря стал приравливаться к саботажу (ст. 58, пункт 14), что влекло за собой дополнительные 10 лет лагеря, либо расстрел.

чих, о запрещении ухода с работы,¹⁵⁷ о милитаризации предприятий и учреждений¹⁵⁸ т. е. приравнении всего их состава к военным служащим. Издаётся декрет о введении трудовых книжек для всех граждан РСФСР, достигших 16 лет.¹⁵⁹ 5 декабря 1918 г. были введены трудовые книжки для представителей буржуазии. 25 июня 1919 — они стали обязательными для всех.

«Различие между военной службой и трудовой службой стало, — по словам Карра, — нереальным»,¹⁶⁰ исчезло. Теоретики военного коммунизма, исходя из того, что рабочее государство имеет такое же право мобилизовать своих граждан на работу, как и на фронт, утверждали, что таким образом труд перестаёт быть товаром, как в капиталистическом обществе, а становится услугой, оказываемой обществу. Следовательно происходит переход к коммунизму. «Мы начали со свободного найма и, пройдя несколько стадий, сделали переход к массовой рабочей мобилизации, основанной на принципе всеобщего принудительного труда». Таким образом прокладывался «путь к коммунистической организации труда».¹⁶¹

Но прежде чем принять закон о всеобщем принудительном труде,¹⁶² Совнарком 14 октября 1919 г. декретировал создание дисциплинарных товарищеских судов, специального органа призванного бороться «за создание новой, социалистической трудовой дисциплины».¹⁶³ Дисциплинарные товарищеские суды, создаваемые «в связи с исключительно тяжёлым военным, продовольственным и топливным положением в Советской Республики», имели целью «повысить рабочую дисциплину и производительность», а также «наиболее рациональным образом использовать все производственные силы страны».¹⁶⁴

¹⁵⁷ История советского государства и права, т. I, стр. 571.

¹⁵⁸ Там же.

¹⁵⁹ СУ, 1919, № 28, ст. 315.

¹⁶⁰ Carr, op. cit., Vol. 2, p. 209.

¹⁶¹ А. Аникст — Организация рабочей силы в 1920 г. М. 1920, стр. 63.

¹⁶² Закон о всеобщем принудительном труде был принят СНК 29 января 1920 г. СУ, 1920, № 8, ст. 49.

¹⁶³ История советского государства и права, т. I, стр. 571.

¹⁶⁴ СУ, 1919, № 56, ст. 537.

Для выполнения этих задач на всей территории советской республики при местных (губернских, уездных и районных) советах профсоюзов создавались суды, в которые включались представители администрации (местной или центральной), профсоюза и общего собрания рабочих предприятия, на котором суд работал. Суды могли применять следующие наказания: а) выговор, б) временное лишение права быть избранным в руководящие органы профсоюза, в) перемещение на низшую должность сроком до одного месяца, г) посылку на тяжелые общественно необходимые работы. «Упорные нарушители из рабочих, которые неоднократно отказываются подчиняться дисциплинарным мерам, подвергаются, как нерабочие, увольнению и заключению в концентрационный лагерь».¹⁶⁵

Декрет о прогулах, принятый 27 апреля 1920 г.¹⁶⁶ и предусматривавший в случае трехдневного прогула передачу дела в дисциплинарный товарищеский суд, посылавший нарушителя в концлагерь, закончил создание инструмента принуждения, оказавшегося необходимым при введении всеобщего принудительного труда.

Нельзя никоим образом согласиться с утверждением, подготовленным для делегации английских профсоюзов, прибывшей в 1920 г., что в концентрационных лагерях, в которых заключенные выполняют «различного рода трудную и неприятную работу», содержатся «главным образом члены бывших правящих классов».¹⁶⁷ К началу 1920 г. концлагеря стали важной мерой принуждения, широко использовавшей-

¹⁶⁵ Там же. В «Истории советского государства», т. I, стр. 572, пункт о заключении рабочих в концлагери изложен, как «увольнение с лишением свободы».

¹⁶⁶ История государства и права, т. I, стр. 572. Подобный декрет о прогулах был принят в июне и августе 1940 г.

¹⁶⁷ Ю. Ларин, Л. Крицман — Очерки хозяйственной жизни..., стр. 126; По статистическим данным к концу 1919 г. в 33 губерниях Европейской России проживало 75 млн человек, в том числе в деревне — 62 млн., в городах — 13 млн. Пролетариат (города и деревни) составлял 17%, деревенская беднота — 21%, средние слои населения (в городе и деревне) — 51%, буржуазия — 11%. См. Л. М. Спирин — Классы и партии в гражданской войне в России, стр. 383—385.

ся именно против рабочего класса. Убедительно свидетельствует об этом декрет ВЦИК о революционных трибуналах, принятый 18 марта 1920 г. Трибуналы, казалось бы, ограничивали полномочия ВЧК, являясь органами не административными, а судебными. Но это был суд особый. Его отличием от обычного суда были в соответствии с Приказом № 48 «необычайная быстрота, во-первых, и необычайная суровость, во-вторых, где подсудимый имеет минимум прав и где его интересы сознательно приносятся законом в жертву интересам целого».¹⁶⁸ Одновременно закон запрещал жаловаться на постановления трибунала. Для трибуналов была выработана «особая инструкция о так называемом «упрощенном порядке рассмотрения дел», которая сводила все судопроизводство «к прочтению обвинительного заключения, допросу обвиняемого и вынесению приговора».¹⁶⁹

Несмотря на эти широчайшие возможности трибуналов, из их ведения были изъяты все лица «в отношении коих данных для судебного наказания недостаточно и где всякий суд, даже самый суровый, их всегда или в большей части оправдает».¹⁷⁰

Дела этих лиц были оставлены в ведении ВЧК. Декрет формулировал это так: ... «Если дознанием не установлено достаточных данных для направления дел в порядке уголовного преследования, за ВЧК и губернских и ЧК с утверждения ВЧК сохраняется право заключения таких лиц в лагерь принудительного труда на срок не свыше 5 лет».¹⁷¹

Если, следовательно, оснований для «уголовного преследования» не было, ЧК имело право заключить такого — с точки зрения закона, даже самого сурового, невинного человека в лагерь на срок до 5 лет. Первыми в перечне тех, кто мог подвергаться этому внесудебному наказанию были «нарушители трудовой дисциплины».¹⁷²

¹⁶⁸ Приказ № 48 Президиума ВЧК всем губернским ЧК о взаимоотношении ЧК с трибуналами, 17 апреля 1920 г. Цит. по «Из истории ВЧК», стр. 383. Документ опубликован впервые.

¹⁶⁹ Там же, стр. 387.

¹⁷⁰ Приказ № 48, лит. по «Из истории ВЧК», стр. 386.

¹⁷¹ СУ, 1920, № 22—23, ст. 115.

¹⁷² Там же.

В «Приказе № 48» разъяснялось подробнее, кого имел в виду закон: «Лица, нарушающие трудовую дисциплину или саботирующие хозяйственную жизнь республики в формах, которые не могут быть подведены под явное и злостное саботирование».¹⁷³ Каждое действие, каждое слово неудовольствия могло, таким образом, рассматриваться как саботаж.

6. Конец первого этапа

В конце 1919 — начале 1920 гг. стало очевидным, что принятые меры по предотвращению экономической катастрофы результатов не дают. Победы на фронтах гражданской войны делали положение советской республики более прочным, но ее народное хозяйство неустойчиво катилось в пропасть. Становилось очевидным, что ключ проблемы — в отношении рабочих к труду.

В 1920 г. население России (в границах до сентября 1939 г.) составляло 134,2 млн. человек, сократившись по сравнению с 1917 г. на 6 млн.¹⁷⁴ Особенно сильно сократилось число городских жителей составлявших к концу лета 16% всего населения, вместо 18% в 1913 г. и около 19% в 1917 г.¹⁷⁵ Продолжало сокращаться число промышленных рабочих. На 1 июня 1920 г. их насчитывалось всего 867 тыс. человек (в 31 губернии Европейской России). А еще 31 августа 1918 г. их было 1.254 тыс.

Острая нехватка рабочих рук и низкая производительность труда ограничивали возможности восстановления народного хозяйства. Победы, одержанные над врагами революции, убедили руководителей госу-

¹⁷³ Цит. по «Из истории ВЧК», стр. 386.

¹⁷⁴ Л. М. Спирин, стр. 381. Спирин ссылается на статистические сборники и на работу С. Г. Струмилина, опубликованную в сб. «Советская социалистическая экономика. 1917— 1957». В 1920 г. Струминин приводил несколько иные цифры («Народное хозяйство», декабрь, 1920), он полагал, что потери населения России в период с 1 января 1918 г. до 1 июня 1920 г. составляли более 7 млн. или 7% от 100 млн. населения, которые он взял в качестве основы подсчета. См. Bunyan, p. 172.

¹⁷⁵ Там же, стр. 381.

дарства, что с помощью военной дисциплины, единого руководства, создав мощный центральный аппарат управления, как это сделал народный комиссариат по военным делам, можно совершить невероятные, казалось бы, дела.

В середине 1919 г. Троцкий, создавший в тяжелейших условиях Красную Армию, разработал детальный план «вывода России из нынешнего состояния разрухи производственных сил и экономического хаоса».¹⁷⁶ Троцкий предлагал использовать военные методы в области народного хозяйства, превратив все население страны в «трудовую армию». Троцкий предложил «милитаризовать» экономику, а всех граждан сделать солдатами, наказывая за уход с работы, как за дезертирство.

17 декабря 1919 г. в «Правде» появились 24 «тезиса», предложения Троцкого. Были они предназначены для обсуждения в узком кругу руководителей партии, но Бухарин «по ошибке» их опубликовал.¹⁷⁷

Троцкий исходил из двух основных положений. Во-первых, принцип «кто не работает, тот не ест» — лежит в основе советского государства и не подлежит дискуссии. Во-вторых, «человек, как правило старается избежать работы. Ему не присуще усердие; оно создается экономическим нажимом и воспитанием».¹⁷⁸ Принудительный труд является для Троцкого неотъемлемой чертой социалистического общества и периода перехода к нему. «Исторически каждая форма общества, — говорил он на IX съезде партии, — это форма организации труда... В прошлом общество состояло в принудительной организации труда в интересах меньшинства... Теперь, впервые в истории, мы пробуем организовать труд в интересах трудящегося большинства. Это, конечно, не исключает применения принуждения, которое будет продолжать играть большую роль на протяжении длительного исторического периода».¹⁷⁹ Отвергнув буржуазное понятие «свободного» труда, Троцкий противопоставляет ему милитаризацию труда, или введение «режима, при котором

¹⁷⁶ Л. Троцкий — Сочинения, т. XV, стр. II, Госиздат, Москва, 1927.

¹⁷⁷ Deutscher, op. cit. p. 642.

¹⁷⁸ L. Trotski — *Terrorisme et Communisme*, Paris 1920, p. 176

¹⁷⁹ Девятый съезд РКП(б), стр. 79—81.

каждый рабочий чувствует себя солдатом труда, не имеющим права свободно распоряжаться собой. Получив приказ, он должен его выполнить. Если он его не выполнит, он будет дезертиром, которого наказывают».¹⁸⁰

Мы вернемся к вопросу наказания ниже, а сейчас остановимся на двух основных методах введения режима «милитаризации труда»: мобилизациях и трудовых армиях.

29 января 1920 г. СНК легализировал всеобщую трудовую повинность особым декретом, предусматривавшим мобилизацию всего трудового населения для выполнения, в дополнение к своим обычным обязанностям, разных видов принудительного труда, а также использование частей Красной армии и флота для трудовых целей. Создавался Главный комитет по всеобщей трудовой повинности (Главкомтруд) и соответствующие комитеты в губерниях и уездах.¹⁸¹ 19 февраля председателем Главкомтруда был назначен Дзержинский, продолжавший оставаться председателем ВЧК.

На протяжении 1920 г. было объявлено более 20 мобилизаций рабочих — шахтеров, металлистов, железнодорожников, строителей, работников водного транспорта и т. д. и т. д.¹⁸² Мобилизация означала обязанность регистрироваться всем рабочим данной специальности (с 18 до 50 лет), являться в отделы Главкомтруда и выезжать на работу по назначению (нередко под конвоем).

Вторым важнейшим источником рабочей силы должны были стать армейские части, которые после окончания военных действий не демобилизовывались, а превращались в «рабочие армии». В качестве примера первой была превращена в «рабочую» 3-я Уральская армия, затем Украинская (где находился в то время Сталин) и другие. Троцкий — инициатор использования красноармейцев в качестве рабочей силы — считал, что с такой же легкостью, как во время войны можно было приказать — наступать в том или другом направлении, теперь, в мирное время, можно будет

¹⁸⁰ Там же.

¹⁸¹ СУ, 1920, № 8, ст. 49.

¹⁸² Bunyan, *op. cit.*, pp. 160—164.

приказывать — нарубить столько-то саженой дров, добыть столько-то тонн угля и т. д.

«Условиями целесообразности применения в широких размерах воинского труда является: а) простой характер работы, б) применение системы уроков, при невыполнении которых понижается паек; в) применение премиальной системы».¹⁸³ Бросается в глаза, что эти условия очень похожи на условия труда в лагере — простой труд (обычно тяжелый), норма, при невыполнении которой снижают паек, премия за ее выполнение (обещание премии).

Проект Троцкого, принятый IX съездом партии,¹⁸⁴ вызвал острые протесты со стороны многих профсоюзных деятелей, со стороны «демократических централистов», со стороны меньшевиков. Важнейшим среди упреков, предъявляемых «милитаризации труда», был упрек в непроизводительности принудительного труда. Троцкий, главный защитник плана, горячо возражал: «Говорят, что принудительный труд непроизводителен. Если это верно, то все социалистическое хозяйство обречено на слом, ибо других путей к социализму, кроме властного распределения хозяйственным центром всей рабочей силы страны, размещения этой силы соответственно потребностями общегосударственного хозяйственного плана быть не может... Если эта принудительно-организованная и распределенная рабочая сила непроизводительна, то ставьте на социализме крест».¹⁸⁵

Не имея возможностей доказать, что принудительный труд производителен, Троцкий надеется, что он производителен, ибо иначе «ставьте на социализме крест». Мы еще встретимся со спорами о производительности принудительного труда, труда заключенных концлагерей в 30—40—50 годы. Никто, однако,

¹⁸³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 2, стр. 161—2.

¹⁸⁴ Во вступительной заметке к резолюции IX съезда говорится: «Против линии партии по вопросам хозяйственного строительства выступил Троцкий, пытавшийся навязать партии решение новых экономических задач методами голого принуждения и милитаризации промышленных предприятий. Съезд отверг... военно-бюрократическую линию Троцкого». А затем идет текст резолюции, целиком принимающей все тезисы Троцкого.

¹⁸⁵ Trotsky — *Terrorisme et Communisme*, pp. 188—189.

не связывал так неразрывно производительность принудительного труда с судьбой социализма, как это делал Троцкий. Суть споров сводится к вопросу: можно ли построить «плановую социалистическую экономику теми же методами, какие египетские фараоны применяли на строительстве пирамид»?¹⁸⁶ Троцкий уверял, что «милитаризация труда, которая встречает сопротивление рабочих — это аракчеевщина. Милитаризация труда в согласии с волей рабочих — это метод диктатуры пролетариата».¹⁸⁷ В качестве доказательства согласия рабочих на принудительный труд, Троцкий приводил «субботники». Обращаясь к рабочим трудовых армий, он патетически писал: «Всюду где это возможно, начинайте и кончайте работу под звуки гимнов и социалистических песен. Ваш труд — это не рабский труд, а дело чрезвычайно важное для социалистической родины».¹⁸⁸

Милитаризация труда не дает, однако, желаемых результатов. Рабочие не хотят работать из под палки. Тогда «милитаризация» оборачивается другой своей стороной — наказаниями. Декрет СНК о мобилизации бывших железнодорожных рабочих предусматривает за неявку на регистрацию передачу дела в революционный трибунал (то есть обычно расстрел), либо заключение в концлагерь на 5 лет.¹⁸⁹

Резолюция IX съезда партии о «трудовом дезертирстве» является признанием того, что «милитаризация труда» — является аракчеевщиной. Резолюция признает факт массового ухода рабочих с предприятий и принимает решительные меры для борьбы с этим явлением. «В виду того, что значительная часть рабочих... самовольно покидает предприятия, переезжает с место на место, чем наносит дальнейшие удары производству и ухудшает общее положение рабочего класса, съезд одну из насущных задач советской власти видит в планомерной, систематической, настойчивой, суровой борьбе с трудовым дезертирством, в частности, путем публикации штрафных дезертирских списков, создания из дезертиров штрафных рабочих

¹⁸⁶ Третий Всероссийский съезд профсоюзов. Госиздат, Москва, 1921. Часть I, стр. 96—97. Из речи Р. Абрамовича.

¹⁸⁷ Trotsky — *Terrorisme et Communisme*, p. 194.

¹⁸⁸ Deutscher, *op. cit.*, p. 652.

¹⁸⁹ Bunyan, *op. cit.*, p. 184.

команд и, наконец, заключения их в концентрационный лагерь».¹⁹⁰

Как рефрен сопровождают эти слова — «концентрационный лагерь» — все государственные и партийные решения периода военного коммунизма. Одним из наиболее красноречивых документов, свидетельствующих о внутреннем кризисе, переживаемом советской республикой, является «Приказ ВЧК о карательной политике органов ЧК»,¹⁹¹ подписанный Дзержинским 8 января 1921 г. Он начинается констатацией победы: внешних фронтов нет. Опасность буржуазного переворота отпала. «Острый период гражданской войны закончился, но он оставил тяжелое наследие — переполненные тюрьмы, где сидят главным образом рабочие и крестьяне, а не буржуи». Дзержинский требует от органов ЧК в корне изменить «карательную политику по отношению к рабочим и крестьянам», рассматривая их не как классовых врагов, а «как совершивших проступки в силу социальных условий переходного периода от капитализма к социализму». Желая подчеркнуть необходимость особенно хорошего отношения к рабочим и крестьянам в лагерях, Дзержинский предлагает «принять меры к изоляции в местах заключения буржуазии от арестованных рабочих и крестьян. Создать для буржуазии особые концентрационные лагеря».

Особые концлагеря для рабочих и крестьян. Особые — для буржуазии. Так в 1921 г. выражался классовый характер рабочего государства.

1921 год был годом политического завершения периода «военного коммунизма». X съезд партии принимает решение о переходе к НЭПу. В условиях новой экономической политики оказывается ненужной всеобщая трудовая повинность, которая отменяется в 1921 и 1922 гг.

В 1922 г. принимается Уголовный кодекс РСФСР, который должен был отражать уголовную политику послереволюционного государства, а в 1924 г. — Исправительно-трудовой кодекс РСФСР, определявший фор-

¹⁹⁰ КПСС в резолюциях . . . , стр. 162.

¹⁹¹ Приказ ВЧК о карательной политике органов ЧК. Первая публикация: «Исторический архив», № I, 1968, стр. 13—16.

мы и методы трактовки заключенных. Отражая новый этап в развитии государства, кодексы несли на себе неизгладимую печать первых послереволюционных лет.

«В УК была сделана попытка закрепить очень важное демократическое начало, согласно которому право назначать наказание принадлежало только судебным органам. Однако вскоре же после введения в действие уголовного кодекса коллегии ОГПУ¹⁹² было предоставлено право применять уголовную репрессию при рассмотрении... дел о контрреволюционных преступлениях».¹⁹³ ОГПУ сохраняет не только право внесудебной репрессии, оно сохраняет в своем ведении и лагеря. Несмотря на упразднение лагерей и бывшего Главного управления принудительных работ¹⁹⁴ «в ведении ВЧК, а затем ОГПУ осталось... несколько специальных лагерей».¹⁹⁵

Новая экономическая политика, приведшая на первых порах к безработице, делает ненужным принудительный, лагерный труд. ВЧК, а затем ОГПУ сохраняет «специальные лагеря», концентрационные лагеря¹⁹⁶ для наказания «врагов республики». В этот период — 1922—1928 гг. — врагами были представители бывших правящих классов, члены социалистических партий, нэпманы, нарушавшие экономические законы государства, а также уголовники-рецидивисты.

Изменение экономической политики кодификация права не изменили самого главного, важнейшей черты государства, родившегося после революции — его отношения к насилию, как главному средству перевоспи-

¹⁹² 6 февраля 1922 г. декретом ВЦИК ВЧК и ее местные органы были упразднены, все функции ВЧК были переданы Государственному политическому управлению (ГПУ). См. Д. Л. Голинков — Крах вражеского подполья, стр. 298, 299.

¹⁹³ История советского государства и права, т. 2, стр. 575.

¹⁹⁴ Там же, стр. 590.

¹⁹⁵ Там же.

¹⁹⁶ Наиболее известным был концлагерь на Соловецких островах, в помещениях Соловецкого монастыря, основанного в 1437 г. Можно отметить, как любопытную деталь, что до конца 20-х годов, концлагеря обычно размещались в монастырях.

тания большинства населения и устранения явных врагов. Эту мысль четко и ясно выразил Ленин, в письме наркому юстиции Курскому по поводу проекта Уголовного кодекса: «Основная мысль, надеюсь, ясна... открыто выставить принципиальное и политически правдивое (а не только юридически-узкое) положение, мотивирующее *суть и оправдание* террора, его необходимость, его пределы.

Суд должен не устранить террор; обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас».¹⁹⁷

В период НЭПа машина, созданная в годы военного коммунизма, работает как бы вполоборота. Но машина уже построена. Уже есть убеждение в необходимости применения принуждения по отношению к трудящимся. Есть убеждение, что плановая экономика невозможна без принудительного труда. Есть особая форма принудительного труда — концентрационные лагеря, используемая и как экономическая мера, и как мера наказания. Есть, наконец, орган — ВЧК, а потом ОГПУ — способный практически организовать необходимое принуждение. В 1928 г., когда руководители государства ощутят нужду в этой необходимости — все будет готово. Машина начнет работать на полных оборотах.

Подготовленной оказывается и литература. За немногими исключениями советские писатели с готовностью принимают необходимость принуждения, насилия, необходимость «перековки» человека, с готовностью отождествляют интересы революции с интересами государства.

В 1929 г. Эдуард Багрицкий формулирует это отношение советских писателей к советской действительности словами, которые позднее будут названы формулой «мужественного гуманизма»:¹⁹⁸

Век поджидает на мостовой...
Оглянешься — а вокруг враги;
Руки протянешь — и нет друзей;

¹⁹⁷ В. И. Ленин, т. 45, стр. 190.

¹⁹⁸ Первый всесоюзный съезд советских писателей 1934. Стенографический отчет. ГИХЛ, М. 1934, стр. 514. Из выступления А. Суркова.

Но если он скажет: «Солги», — солги.
Но если он скажет: «Убей», — убей.¹⁹⁹

Эта формула — в стихотворении поэту ее диктует Дзержинский — становится обязательной. Лишь немногие находят силы и мужество, чтобы выразить свое нежелание принять ее, свой протест, свое безнадежное отчаяние.

И некуда бежать от века-властелина . . .²⁰⁰
Мне на плечи кидается век-волкодав,
Но не волк я по крови своей,
Запихай меня лучше, как шапку в рукав
Жаркой шубы сибирских степей . . .²⁰¹

Итак, все готово. Начинается так называемый период культа личности.

¹⁹⁹ Эдуард Багрицкий — Стихотворения и поэмы. Советский писатель. М.—Л. 1964, стр. 126. Почти дословно повторяет формулу Багрицкого Бертольд Брехт в инструктивной пьесе: «Высшая мера»: «Нет лекарств, чтоб казались горьки умирающим. Каких низостей не сделал бы, чтоб ликвидировать в мире низость? Перестроить мир можно ли, оберегая чистоту рук?.. В грязи утопай. Пируй с палачами. Только мир измени». В книге — Берт Брехт — Эпические драмы. Перевод С. Третьякова, Гихл, М.—Л., 1934, стр. 175.

²⁰⁰ Осип Мандельштам — Собрание сочинений в трех томах. Междун. литерат. содружество, 1967. Том I, стр. 111.

²⁰¹ Там же, стр. 162.

Глава вторая

ДВАДЦАТЫЕ ГОДЫ

1. «На благо народа»

*«Что такое «концлагерь»? На лике столетья горит,
словно след пятерни этот странный словесный гибрид.
Лагерь — это известно... «Лагерь» — это знакомо...
Что же значит приставка, нарост неестественный
«конц»...
Может быть, нерадивый напортил наборщик — юнец.
Поспешил, пропустил? И читать надо это «конец»?¹*

Эти вопросы задает поэт в 1968 году. Задает в эпоху, когда «этот ублюдочный слог в каждом доме живет, он обыденным сделаться смог.» Понадобилось, однако, немало времени, чтобы «концлагерь» стал «обыденным слогом», «живущем в каждом доме», стал символом «конца человека, конца человечности».

Новый вид наказания — концентрационные лагеря — созданный в первую, революционную эпоху борьбы за удержание власти переходит, если так можно выразиться, естественно, в следующую эпоху, эпоху укрепления и кодификации власти.

Первый большой политический процесс, проходивший «со всеми так называемыми судебными гарантиями». ² — дело «Тактического центра» — в пе-

¹ Юлий Даниель — А в это время... (поэма, написанная в лагере, опубликованная без позволения автора в журнале «Грани», № 77, 1970, стр. 6—14).

² «Известия ВЦИК», 17 августа 1920 г., цит. по «История ВЧК», стр. 401.

риод, когда «миновал острый момент» и «аппарат революционной расправы уступил место революционному трибуналу»,³ закончился осуждением большой группы обвиняемых к расстрелу (замененному тюремным заключением) и к заключению в концентрационный лагерь на разные сроки — от 3 лет до «окончания гражданской войны».⁴

Наиболее точную и полную дефиницию термина «концентрационный лагерь» дала, как я упомянул, «Большая советская энциклопедия», не имея само собой разумеется в виду советских лагерей, но определяя основные качества этого института, несомненно на основании советского опыта.

«Концентрационные лагеря, говорится в энциклопедии, особые места заключения, созданные фашистскими государствами в Германии, Польше, Австрии и др. Фашизм, как режим варварства и уничтожения народов непрерывно увеличивает массу заключенных, разместить которых обычные тюрьмы не в состоянии. Создается дополнительная к тюрьмам система концентрационных лагерей. В последних, являющихся местом заключения революционных деятелей и антифашистов, царит неограниченный произвол, жесточайшее обращение с заключенными (пытки, истязания, прямые убийства). Политзаключенные в концентрационных лагерях поставлены в условия, неизмеримо худшие, чем уголовные преступники. В концентрационный лагерь фашисты направляют без конкретной вины, во внесудебном порядке и на неопределенный срок».⁵

³ Там же. Замена «аппарата революционной расправы», т. е. ВЧК, Революционным трибуналом носила, как я уже отмечал выше, чисто формальный характер. Достаточно сказать, что председателем Ревтрибунала был заместитель председателя ВЧК Ксенофонов, осуществлявший «персональную унию» между двумя органами.

⁴ Символичным можно было бы назвать осуждение в этом процессе на 3 года концлагеря дочери Льва Толстого Александры. См. «Из истории ВЧК», стр. 406; Д. Голинков — Крах вражеского подполья, стр. 223—225; Александра Толстая — Проблески во тьме, Вашингтон, 1965, стр. 76—80.

⁵ Большая советская энциклопедия, I издание, т. 34, М. 1937, стр. 176.

Причиной создания концлагерей энциклопедия называет нехватку мест в тюрьмах.⁶ Мне кажется, что несомненно доля истины в таком объяснении имеется.

Царский режим оставил в наследие советской власти в общей сложности, включая монастырские тюрьмы, крепости и т. д., — 201.774 тюремных мест.⁷ Этого количества оказалось недостаточно, ибо ВЧК считала массовые аресты единственным возможным методом работы. «Когда целое учреждение, полк или военная школа замешаны в заговоре, — объяснял один из ближайших соратников Дзержинского Лацис, — то какой другой способ, как арестовать всех, чтобы предупредить ошибку и в процессе тщательного разбора дела выделить и освободить невинных?»⁸

Совершенно понятно, что этот принцип — ты виновен до тех пор, пока не докажешь своей невинности — требовал значительного количества мест заключения, превышавшего наличные.

Положение не изменилось и после окончания первого периода борьбы за сохранение власти. В 1924 г., отмечает историк, в Советской республике наблюдается «перегрузка мест заключения», происходящая «несмотря на то, что преступность в стране снижалась».⁹

В качестве важнейшей характерной черты концлагерей дефиниция БСЭ называет «внесудебный характер» заключения. Советские концентрационные лагеря носят как бы «частный» характер, являются собственным владением ОГПУ. В инструкции по охране концлагерей для войск внутренней охраны (ВОХР), находившихся в ведении ОГПУ, говорилось:

⁶ Немецкие концлагеря, созданные весной 1933 г., после прихода Гитлера к власти, насчитывали в 1939 г. (до начала войны) в общей сложности 21.400 заключенных. Можно предположить, что в гитлеровской Германии эта причина — нехватка мест в тюрьмах — играла меньшую роль, чем в советской республике. См. Alan Bullock — Hitler, p. 152, 153. Der Grosse Brockhaus in 12 Vol., Vol. 6, p. 549.

⁷ М. Гернет — История царской тюрьмы, т. IV, стр. 18—20.

⁸ М. Лацис — Два годы работы ВЧК, стр. 24.

⁹ История советского государства и права, т. 2, стр. 594. Парадоксальное противоречие между сокращением преступности и ростом числа заключенных автор не объясняет.

«Конвоиры, сопровождающие и охраняющие заключенных должны помнить, что их надзору поручены лица либо уличенные в преступлениях (спекулянты, саботажники и т. п.), либо заведомые угнетатели и эксплуататоры трудового народа и приверженцы буржуазного либо дворянского строя в государстве.»¹⁰

Конвоиры следовательно, охраняют *либо* преступников, уличенных в определенных преступлениях, *либо* людей, не уличенных в преступлениях, не совершивших преступлений, но являющихся «заведомыми», то есть осуждаемыми без суда «угнетателями», «эксплуататорами» и «приверженцами» как буржуазного, так и дворянского строя.¹¹

Все перечисленные в инструкции категории заключенных отправлялись в концентрационные лагеря по решению Особого совещания (ОСО) ОГПУ, во «внесудебном порядке».

«В новых условиях, — пишет советский историк, имея в виду период НЭПа, — права ГПУ на применение внесудебной репрессии значительно сузились.»¹² С этим, однако, трудно согласиться, если учесть, что были восстановлены ссылка и высылка¹³ в административном порядке. Был восстановлен так называе-

¹⁰ Центральный государственный архив Советской армии, ф. 42, оп. I, д. 1390, л. 35. Впервые опубликована в книге А. Тишкова — Первый чекист, стр. 39.

¹¹ К числу «приверженцев» буржуазного строя относят в это время членов социалистических партий — эсеров, анархистов, меньшевиков, число которых в концентрационных лагерях заметно увеличивается после процесса эсеров в 1922 г., хотя и до этого, в особенности в связи с Кронштадским мятежом 1921 г., социалисты широко арестовываются. Многие из них возвращаются в те же тюрьмы, в которых они сидели при царском режиме, нередко заставляя старых надзирателей. В этот период социалисты относятся к категории политзаключенных и обладают определенными правами.

¹² История советского государства и права, т. 2, стр. 403.

¹³ Ссылка — удаление осужденного из места его жительства с обязательным поселением в определенной местности. Высылка — удаление осужденного из места его жительства с запрещением проживать в определенных местностях. См. Уголовный кодекс РСФСР, М. 1962, стр. 18, 19. В кодексе 1922 г. имелась ссылка, а с кодекса 1926 г. — и высылка. См. «Энциклопедия государства и права под ред. П. Стучки, изд. Коммунистической академии, М. 1925—1927, т. III, стр. 1355.

мый «минус».¹⁴ Были восстановлены все формы репрессий и наказаний, существовавшие в царской России, в дополнение к тем новым, в первую очередь концлагерям, появившимся после революции. Причем все эти виды репрессий могли носить, как судебный, так и внесудебный характер.

На двух других характерных чертах концентрационного лагеря, упоминаемых дефиницией БСЭ, я остановлюсь позже, отметив лишь, что и в отношении «неограниченного произвола», «жесточайшего обращения с заключенными», и в отношении предпочтительного трактования уголовников, советские концлагеря — как свидетельствуют документы и показания свидетелей — полностью соответствовали определению, данному гитлеровским лагерям.

Концентрационный лагерь становится узаконенным видом наказания, кодифицируется, но в рассматриваемый нами — второй период его истории — характер этого института — по сравнению с первым периодом — несколько меняется.

Отличительная черта концентрационных лагерей эпохи НЭПа состоит в том, что они перестают использоваться в качестве меры укрепления трудовой дисциплины и повышения производительности труда. Переход к новой экономической политике, введение экономических стимулов оказались средствами значительно более действенными. Но как бы предчувствуя, что концентрационные лагеря лишь временно отказались от одной из своих функций, ВЧК, а затем ОГПУ, продолжают считать одной из своих важнейших обязанностей внимательнейшее наблюдение за экономической жизнью страны.¹⁵ При каждом хозяйственном кризисе, при каждом затруднении Дзержинский, прибавляет к букету своих должностей новое назначение — он возглавляет все важнейшие комиссии — от Глав-

¹⁴ Запрещение проживать в определенном количестве местностей страны. Например, минус 38 означает запрещение проживать в 38 областных городах. С 1932 г. особая пометка делается в паспорте.

¹⁵ Для проникновения в народное хозяйство используются самые разные формы. 18 марта 1921 г. Дзержинский, в записке одному из своих сотрудников предлагает создать «чекистские группы (скажем тройки)» в профсоюзах. См. Из истории ВЧК, стр. 436, записка опубликована впервые.

ного комитета по труду до Чрезвычайной комиссии по борьбе со снежными заносами,¹⁶ одним своим именем напоминая о последствиях невыполнения обязанностей, об аппарате, который стоит за ним. В 1924 г. Дзержинский назначается на должность председателя Всесоюзного совета народного хозяйства (ВСНХ)¹⁷ и получает таким образом руководство всей экономической страны в свои руки, в руки председателя ОГПУ.

Положение в стране в самом начале рассматриваемого периода, красноречиво описывает Владимир Короленко в письме к Горькому, рассказывая о разговоре с «товарищем председателя всероссийской чрезвычайки»:¹⁸ «Каковы, дескать, ваши впечатления, Владимир Галактионович?» Я ответил правду, что если бы жандармы в свое время имели право не только ссылать нас, но и расстреливать административно, то это было бы то самое, что теперь происходит на моих глазах. Но, ведь это, Владимир Галактионович, на благо народа! — Я выразил сомнение, чтобы для блага народа были пригодны даже и такие средства.»¹⁹

2. Уголовный кодекс и ОГПУ — две параллельные системы

Начало нового периода в истории советского государства характеризуется оживленной кодификационной деятельностью. Одним из первых принимается — 26 мая 1922 г. — Уголовный кодекс РСФСР, который вводится в действие с 1 июня 1922 г. Анализируя этот кодекс, необходимо прежде всего обратить внимание на введение в советское уголовное право нового понятия — мера социальной защиты.²⁰ В 1922 г. это понятие существует еще наряду с понятием наказания. Но очень скоро эта двойственность терминологии исчезает. Остаются только «меры социальной защиты». «Наказаний» в нашем законодательстве быть не

¹⁶ А. Тишков — Первый чекист, стр. 79.

¹⁷ А. Тишков — Первый чекист, стр. 120.

¹⁸ Имеется в виду Вячеслав Менжинский.

¹⁹ «Накануне», Литературное приложение, № 4, 21 мая 1922 г.

²⁰ История советского государства и права, т. 2, стр. 574.

может»,²¹ — пишет один из виднейших советских юристов в 1925 г. И действительно, в 1926 г., в новой редакции Уголовного кодекса РСФСР, остается лишь «социальная защита». Исчезает и понятие «преступления», а нарушение общественных и уголовных норм рассматривается как пережиток капиталистического общества, как наследие «проклятого прошлого».

Впоследствии «теория и практика советского уголовного права признали ошибочность отказа от понятия наказания.»²² Впрочем, признает советский историк, фактически «под мерами социальной защиты подразумевалось наказание».²³

Второй особенностью советского уголовного права было введение кодексом понятия аналогии. Закон формулировал это так: «В случае отсутствия в Уголовном кодексе прямых указаний на отдельные виды преступления наказание или меры социальной защиты применяются согласно статей Уголовного кодекса, предусматривающих наиболее сходные по важности и роду преступления».²⁴

Таким образом, подход к преступлению не как к нарушению закона, а как к социально-опасному деянию и применению аналогии, привели к тому, что вина перестала быть необходимым основанием для уголовного преследования.

В Уголовном кодексе 1922 г. контрреволюционное преступление определялось, в соответствии с указанием Ленина, как действие «в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к насильственному ее свержению, путем ли интервенции, или блокады, или шпионажа, или финансирования прессы и т. под. средствами...»²⁵ Но всего через год после вступления в силу Уголовного кодекса, закон от 10 июля 1923 г. значительно расширяет определение контрреволюционного преступления, включая в него также деяния, непосредственно не на-

²¹ Ширвиндт Е. — Наше исправительно-трудовое законодательство. М., 1925, стр. 17.

²² История советского государства и права, т. 2, стр. 582.

²³ Там же.

²⁴ Там же, стр. 574.

²⁵ В. И. Ленин, т. 45, стр. 190.

правленные на свержение или ослабление Советской власти, но вместе с тем заведомо для преступления, содержащие «в себе покушение на основные политические или хозяйственные завоевания пролетарской революции».²⁶

Закон, следовательно, предусматривает не только прямой, но и эвентуальный умысел. Любой разговор, любая — даже — мысль, содержащая «заведомо для преступника» не непосредственное деяние, а нечто, что можно рассматривать как «покушение на... завоевания пролетарской революции», рассматривались как преступление.

Основные начала уголовного законодательства Союза ССР, принятые 31 октября 1924 г., распространяли закон 1923 г., обязательный только для РСФСР, на всю территорию страны. «Основные начала» допускали применение мер социальной защиты к лицам невиновным с точки зрения закона. Суд мог применить меру социальной защиты к лицам признанным социально опасным как «за совершение определенного преступления, так и в том случае, когда они, будучи привлечены по обвинению в совершении определенного преступления, будут судом оправданы, но признаны социально опасным».²⁷

Признание «социально опасным», следовательно, влекло за собой наказание, даже и в случае отсутствия всякой вины. Одновременно произошло чрезвычайное расширение понятия «социально опасного» элемента. Социально опасным признавались, как те, кто обвинялся в преступной деятельности, так и те, кто обвинялся в связях с «преступной средой».²⁸ Преступной средой могла быть и семья преступника, что влекло за собой наказание не только лица, виновного в преступной деятельности, но и членов его семьи.

Уголовный кодекс 1926 г.²⁹ еще больше расширил признаки социальной опасности, служившие основанием для применения мер социальной защиты. Эти меры применялись «в отношении лиц, совершивших

²⁶ История Советского государства и права, т. 2, стр. 580.

²⁷ История советского государства и права, т. 2, стр. 582.

²⁸ Там же.

²⁹ Уголовный кодекс 1926 г., с различными модификациями, сохранял свою силу до 1 января 1960 г., когда вошел в силу новый кодекс.

общественно опасные действия или представляющих опасность по своей связи с преступной средой или по своей прошлой деятельности».³⁰

Таким образом, имелись три категории лиц, на которых могла обрушиться вся сила закона: совершившие общественно опасные деяния (сюда включались и те, кто эвентуально мог это сделать); связанные с преступной средой; однажды совершившие общественно опасные деяния, жившие затем в полном согласии с законом, но как «бывшие преступники», являвшиеся «социально опасным элементом».

Понятия «социальной опасности» и аналогии давали судебным органам широчайшие возможности.

Третьей особенностью советского уголовного законодательства было сохранение и после завершения гражданской войны исключительных прав за административными органами. В Уголовном кодексе 1922 г. «была сделана попытка закрепить очень важное демократическое начало, согласно которому право назначать наказание принадлежало только судебным органам».³¹ Но попытка эта очень скоро потерпела крах. «Вскоре же после введения в действие кодекса коллегии ОГПУ было предоставлено право применять уголовную репрессию при рассмотрении в специальных заседаниях дел о контрреволюционных преступлениях».³² Через месяц с небольшим после вступления в силу УК особая комиссия при НКВД получила право применять высылку в административном порядке по отношению к лицам, причастным к контрреволюционным преступлениям.³³ 16 октября 1922 г. ВЦИК наделил ГПУ правом применять внесудебные репрессии, вплоть до расстрела, по отношению к бандитам. Этот же закон предоставил комиссии при НКВД право высылать и заключать в лагеря сроком до трех лет деятелей антисоветских политических партий и лиц дважды судившихся за опасные и распространенные уголовные преступления.³⁴

³⁰ История советского государства и права, т. 2, стр. 584.

³¹ История советского государства и права, т. 2, стр. 575.

³² Там же, стр. 580.

³³ Там же.

³⁴ Там же. В адресной и справочной книге «Вся Москва» за 1923 г. перечислены 8 концентрационных лагерей ОГПУ и 5 тюрем НКВД, находящихся в столице. См. «Вся Москва», стр. 111.

Мы видим, следовательно, что органы административной репрессии получили те же права, что и суды. Кодифицируется таким образом наличие двух параллельных систем — судебной и внесудебной, имеющих одинаковые права. С той, однако, разницей, что суд для вынесения приговора должен был иметь доказательства виновности, а ОГПУ — в доказательствах не нуждалось, имея возможность применять все виды наказания предусмотренные Уголовным кодексом — от заключения в концентрационный лагерь на разные сроки до расстрела — на основании донесений тайных агентов, доносов и т. д.

Двум параллельным системам уголовного преследования соответствовали две системы отбывания наказания. С одной стороны существовали места заключения, для осужденных судом, находившиеся в ведении НКВД, а с другой — места заключения, подведомственные ОГПУ.

В местах заключения, находившихся в ведении НКВД, действовал принятый в 1924 г. Исправительно-трудовой кодекс, явившийся по высокопарному заявлению Е. Ширвиндта «подлинной революцией в тюремном деле».³⁵ Отбрасывались, как «наследие чуждой идеологии» пережитки первобытного «таллона» — воздания за зло — злом равным. Кодекс определял, что содержание в исправительно-трудовых учреждениях «должно быть целесообразно и не должно иметь целью причинения физических страданий и унижения человеческого достоинства».³⁶ Отменялось старое название — «принудительные работы» и вводилось новое — «исправительно-трудовые работы». Лишение свободы имело своей целью не кару, а исправление и перевоспитание преступника.³⁷

³⁵ Е. Ширвиндт, стр. 17.

³⁶ История государства и права, т. 2, стр. 591.

³⁷ Исправление — это достижение целей специального предупреждения, выработка у осужденных моральных качеств, которые не исключают возможность совершения ими новых преступлений. Перевоспитание осужденного — это определенная перестройка в мировоззрении, изменение взглядов, строя мыслей, которые делают человека не только общественно безвредным, но и социально полезным. См. И. Бушуев-Исправительные работы. Изд. «Юридическая литература», М. 1968, стр. 59.

Обязательный труд в гуманных условиях и культурно-просветительная работа были «китами», на которых строилось исправительно-трудовое дело.³⁸ «Всякие другие методы воздействия на заключенных, — указывает Е. Ширвиндт, в течение многих лет занимавший пост начальника управления мест заключения НКВД, — являются недопустимыми». Но тут же он признает, что имеются места заключения, в которых происходит «некоторое отклонение» от этих принципов, «вызываемое главным образом, условиями переживаемой нами эпохи».³⁹

Таковыми исключениями были места заключения, находившиеся в ведении ОГПУ: концентрационные лагеря и политизоляторы.

Рассматриваемый нами период, завершающийся вместе с концом НЭПа в 1928—1929 гг., характеризуется следовательно кодификацией уголовного права, узаконивающей наличие двух систем уголовного преследования и двух систем отбывания наказания: судебной и внесудебной. Включение в кодекс понятий «аналогии» и «эвентуального умысла» создало условия для применения репрессий по отношению к лицам, не нарушавшим существующих законов и норм.

Этот период характеризуется значительным интересом к вопросам перевоспитания уголовных преступников. Исчезает даже слово — «тюрьма», заменяемое терминами — «исправительный дом», «дом заключения». Официальная теория гласит, что «преступника» создает классовое общество, что «преступность» — социальная болезнь, возникающая на гнилой почве частной собственности. Стоит лишь уничтожить экономическую основу классового общества — частную собственность — будет легко уничтожена и преступность.

В 1929 г. Горький пишет: «Совнарком РСФСР постановил уничтожить тюрьмы для уголовных в течение ближайших пяти лет и применять к «правонарушителям» только метод воспитания трудом в условиях возможно широкой свободы».⁴⁰

Новые, прогрессивные веяния в исправительно-трудовой политике по отношению к уголовным пре-

³⁸ Е. Ширвиндт, стр. 66.

³⁹ Там же, стр. 67.

⁴⁰ М Горький, — Собрание сочинений в 30 томах, т. 17, стр. 230.

ступникам не проникает в сферу деятельности ОГПУ, в подведомственные ему концентрационные лагеря.

Утратив после введения новой экономической политики функцию «обучения труду» рабочих, концлагеря сохранили функцию изоляции, жестокого наказания для всех кого государство считало своим врагом, либо потенциальным врагом.

3. Соловки — первый опыт

«Концлагерь» — становится в середине 30-х годов словом вызывающим ужас и отвращение во всем мире. В это время становятся известными имена первых гитлеровских концлагерей — Дахау, Ораниенбаум. В Советской России с начала 20-х годов слова символизирующие насилие, бесправие, жестокость — это ОГПУ, Лубянка,⁴¹ Соловки.

Название группы небольших островов в Белом море — самый крупный из них назывался Соловецкий остров — за короткий срок приобретает известность, какую не могли ему дать 4 века монахи, построившие на негостеприимной земле монастырские кельи и крепость для защиты северных границ России.

Первые крупные партии заключенных начали приходить в Соловки (называвшиеся отныне Соловецкие лагеря особого назначения, сокращенно — СЛОН) летом 1923 г.⁴² Прибывали они на Соловки из других северных концентрационных лагерей — Архангельского, Холмогорского, Пертоминского⁴³ и делились на

⁴¹ На Лубянке — ныне площадь им. Дзержинского — в помещении быв. страхового агенства «Россия» размещалось ОГПУ.

⁴² Соловкам посвящена обильная литература, как мемуарная, так и художественная, написанная, однако, вне Советского Союза, главным образом бывшими узниками Соловецкого концлагеря, которым удалось спастись и попасть на Запад. В 1971 г. издательство «Посев» опубликовало, давно уже распространяемую Самиздатом книгу Екатерины Олицкой «Мои воспоминания». Олицкая — эсерка, проводшая в лагерях более 25 лет, начала свой каторжный путь с Соловков.

⁴³ Название лагеря у разных авторов дается по разному — Портаминский, Петроминский. В «Атласе СССР», м., 1955, карта 23—24, значится «Пертоминск». О жизни «досоловецких» лагерей сохранились очень скудные сведения. В

три основные группы — контрреволюционеры (сокращенно «казры»), уголовники и политические.

Лишь последняя категория была определена достаточно точно. ОГПУ относило к политическим заключенным — эсеров, меньшевиков и анархистов.

Члены других политических партий — кадеты, трудовики, народные социалисты и т. д. считались контрреволюционерами и содержались вместе с уголовными преступниками. Различные параграфы статьи 58 Уголовного кодекса, статьи «контрреволюционной», получали бывшие офицеры царской армии, бывшие чиновники, крестьяне-участники вооруженных восстаний, церковные деятели и простые священники, а кроме того нэпманы и различного рода аферисты, обвинявшиеся в «экономической» контрреволюции.

Соловки были лагерем ОГПУ и все заключенные, попавшие в этот лагерь, приезжали с приговором коллегий ГПУ. Сроки наказания колебались от 3 до 10 лет.

Линия, делившая всех заключенных на две неравные части проходила между политическими и всеми другими. Первые имели право на «политический режим». Они получали лучшее питание — «политпак», сохраняли при себе все свои личные вещи, могли выписывать журналы и газеты, жили вместе и, главное, были освобождены от принудительных работ.⁴⁴ Политические заключенные добивались улучшения режима ценой голодовок, коллективных выступлений, протестов. Лагерное и тюремное начальство шло на уступки лишь в случаях крайней необходимости. В истории Соловецкого лагеря известен расстрел прогулки политических заключенных 19 декабря 1923 г. По гуляющим во дворе заключенным охрана внезапно открыла огонь, убив шесть человек и тяжело ранив двоих.⁴⁵

Архангельске и Холмогорах содержались матросы—участники Кронштадского мятежа.

«Пертоминский лагерь, — предназначенный для социалистов и анархистов, — устроен в старом полуразвалившемся здании бывшего монастыря без печей, без нар, без пресной воды, которую выдают в очень ограниченном количестве, без достаточного питания, без всякой медицинской помощи». См. С. П. Мельгунов — Красный террор в России. 1918—1923. Издание 2, Берлин, 1924, стр. 266.

⁴⁴ Е. Олицкая — Мои воспоминания, т. I, стр. 217—219.

⁴⁵ Там же, стр. 222.

Через два месяца в газете «Известия» было помещено коммюнике: «19 декабря 1923 г. в 18 часов во дворе Саватьевского скита Соловецкого лагеря имел место печальный инцидент, выразившийся в столкновении заключенных с отрядом красноармейцев, карауливших названный скит».⁴⁶

Положение заключенных, находившихся на общем режиме, нельзя даже сравнивать с положением политических. Подавляющее большинство узников Соловецкого лагеря мерзло, голодало, умирало от тифа, от цинги, выполняло тяжелую работу в тяжелейших условиях, в условиях полного произвола начальства.

А. Солженицын вспоминает о знаменитых соловецких «комариках».⁴⁷ При отправке с участка на участок заключенные требовали, чтобы им завязывали руки за спиной и чтобы было записано в акте». Такова была самозащита арестантов от лаконичной формулы «убит при побеге» или «убит при попытке к бегству».

Характерной особенностью соловецкого концентрационного лагеря было «самоуправление». Если не считать начальника лагеря, его заместителя и начальника спецчасти, все посты в лагере занимали заключенные. В подавляющем своем большинстве это были бывшие сотрудники ЧК или ГПУ, совершившие служебные или иные преступления. Были среди лагерного начальства и уголовные преступники и даже — в очень редких случаях — «казры». Многие особенности концлагерей связаны с «самоуправлением», с передачей власти людям, лишенным прав, старающимся выслужиться и заслужить снижение срока.

Террор становится саморазвивающейся системой. Терроризованные заключенные используются для терроризирования других. Жертвы принуждаются к сотрудничеству с палачами, сами становятся палачами.

Соловки служат как бы полигоном для испытания новых форм и методов лишения человека свободы, новых форм и методов принуждения.

⁴⁶ «Известия», № 34, 10 февраля 1924 г.

⁴⁷ Летом привязывали голыми на ночь в лесу, на съедение комарам. Зимой за ту же провинность — за отказ от работы — запирали в дощатом помещении в одном белье. См. А. Солженицын — Архипелаг ГУЛаг, т. 2. В главе 2 «Архипелаг рождается из моря» писатель рассказывает историю Соловков.

Это были, по выражению современного писателя, лишь «робкие зачатки лагерной культуры, седой каменный век, цыпленок, едва вылупившийся из яйца...»⁴⁸ Но для тех, кто не мог видеть будущего, Соловки были последним кругом ада.

Есть и вторая причина, по которой Соловки навсегда вошли в историю концентрационных лагерей. Именно там была изобретена, открыта возможность использования рабского труда заключенных. И в этом отношении Соловки были опытным полем.

Советская республика уже знала принудительный труд в концентрационных лагерях 1918—1920 годов, знала трудовые мобилизации. В 1925—1926 гг. на Соловках начинается использование заключенных, примерно так, как они использовались в рабовладельческих обществах древней Греции или Египта.

В первой советской конституции 1918 г. было сказано: «Кто не работает — тот не ест». Это был девиз нового общества.

Первые концентрационные лагеря были одновременно и местом наказания и местом перевоспитания. Трудом учили, трудом наказывали. Труд — как мера наказания и воспитания нового человека — кладется в основу советской пенитенциарной системы в начале 20-х годов.

В середине 20-х годов на Соловках труд заключенных начинает использоваться как товар и как цена свободы.

До этого времени заключенные работали главным образом для лагеря. Теперь они начинают работать «на экспорт», кроме того создаются отделения Соловецкого лагеря на побережье, предназначенные для выполнения определенных работ. «СЛОН» превращается в «УСЛОН», в Управление северных лагерей особого назначения.

В. Шаламов называет первые шаги новой системы «великим экспериментом растления человеческих душ, распространенным потом на всю страну...»⁴⁹

Новая система использования заключенных включала — самоохрану, питание в зависимости от выработанной нормы, зачеты рабочих дней в зависимости

⁴⁸ Вас. Гроссман — Все течет..., стр. 95.

⁴⁹ В. Шаламов — Визит мистера Поппа, стр. 3 (рассказ не опубликован).

от результатов труда. Усиленный труд оплачивался лучшим питанием и досрочным освобождением.

Вопросы вины, преступления, наказания теряют свой смысл. Значение сохраняет лишь одно — работа. Работа — искупает все. Тот кто хорошо, много работает — тот перевоспитался, стал полезным членом общества.

Судьба и характер человека, которого можно назвать «изобретателем» новой системы использования труда заключенных символизирует и эту систему и эпоху, в которой система родилась.

Начало карьеры Нафтали Френкеля покрыто туманом легенды. На Соловках одни рассказывали, что он австрийский фабрикант, приехавший в Россию по торговым делам,⁵⁰ другие, что он одесский еврей, занимавшийся контрабандой в гигантских масштабах.⁵¹ Совершенно точно лишь одно — в 1925 г. он прибыл в качестве заключенного на Соловки. А затем как пишет официальный историограф, «начав с простого лесоруба в Соловках, Френкель прошел всю лестницу лагерной жизни и получил пост, на котором под его начальством оказались десятки тысяч человек».⁵² Френкель проявляет качества, которые превращают его в героя нового времени, в героя эпохи, когда главным становится не идея, а — власть. «Он считает, что главное для начальства — это власть, абсолютная, незыблемая и безраздельная. Если для власти нужно, чтобы тебя боялись, — пусть боятся, если нужно, чтобы не любили, — пусть не любят. Но воля подчиненных должна быть целиком в воле начальника».⁵³ Писатель, давший эту восторженную, но точную характеристику советскому руководителю нового типа, подчеркивает основное в судьбе Френкеля: «Всем своим успехом, он обязан той системе, в которой он оказался».⁵⁴ Имеется в виду — система лагерей.

⁵⁰ А. Клиnger — Советская каторга. Архив русской революции, т. XIX, стр. 173.

⁵¹ Борис Ширяев — Неугасимая лампада, стр. 138—148. А. Солженицын приводит иные биографические данные и рисует яркий образ «изобретателя лагерей». См. Архипелаг ГУЛаг, т. 2.

⁵² Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. История строительства. Стр. 219.

⁵³ Там же, стр. 213.

⁵⁴ Там же, стр. 219.

Зловещей иронией оборачивается смысл плаката, встречавшего заключенных, прибывавших на Соловки: «Мы путь земле укажем новый — владыкой мира будет труд!»

4. М. Горький и лагеря

20 июня 1929 г. Максим Горький «приезжает на остров Соловки. Знакомится с жизнью Соловецкого лагеря».⁵⁵ В конце года, в двух номерах журнала, озаглавленного «Наши достижения», писатель публикует рассказ о своих впечатлениях.

Очерк М. Горького представляет интерес не только сам по себе, но и потому, что он намечает темы рождающейся «лагерной литературы», отношение к обитателям лагерей, к лагерному труду. Очерк Горького становится образцом нового отношения к действительности, образцом новой литературы, которая пять лет спустя получит название литературы социалистического реализма.

Для того, чтобы понять важнейшие черты рождающейся «лагерной литературы», необходимо познакомиться с эволюцией взглядов Горького на советскую действительность в десятилетие, прошедшее после Октябрьской революции.

Горький, поддерживавший всеми бывшими в его распоряжении средствами большевистскую партию долгие годы до революции, связанный дружбой со многими ее вождями, в том числе и с Лениным, встретил Октябрьский переворот резко враждебно. В редактируемой им газете «Новая жизнь», Горький печатает в 1917—1918 гг.⁵⁶ свои публицистические статьи «Несвоевременные мысли», резко критикуя захват власти большевиками.

Горький упрекает советскую власть в «придушении... газет враждебных ей»,⁵⁷ в отсутствии свободы слова, в том, что она пытается «создать новую госу-

⁵⁵ Летопись жизни и творчества А. М. Горького. Изд-во АН СССР, М. 1959, т. 3, стр. 729.

⁵⁶ «Новая жизнь» была окончательно закрыта (до этого закрывалась на время) 16 июля 1918 г.

⁵⁷ «Новая жизнь», № 89 (304), 14 (1) мая 1918 г. М. Горький — Несвоевременные мысли. Статьи 1917—1918 гг. Париж, 1971.

дарственность на основе старой — произволе и насилии»,⁵⁸ во множестве других грехов.

Основная причина расхождения между Горьким и большевистской партией была, однако, в другом. Убежденный в том, что он знает Россию и русских значительно лучше вождей большевистской партии, Горький считал, что русский народ, еще не готов к такой революции, какую начал Ленин. Горький был убежден, что, разбуженный радикальными революционными лозунгами, народ в стихийном гнев и ненависти уничтожит все элементы цивилизации, которые были с огромным трудом внесены в Россию горсткой интеллигентов.

Горький не перестает предупреждать: в крестьянской стране социалистическая революция невозможна, ибо крестьяне, составляющие 85⁰/₁₀₀ населения, еще в ней не нуждаются.

Горький констатирует: «Окруженные взволнованной русской стихией (большевики) ослепли интеллектуально и морально и уже теперь являются бессильной жертвой в лапах измученного прошлым и возбужденного ими зверя».⁵⁹ Он ссылается на историю: «Парижскую коммуну зарезали крестьяне...»⁶⁰ Он пророчествует: «Не черное ли это воронье и не заключает ли оно насмерть городской пролетариат?»⁶¹

И в итоге оказывается, что Горький расходится с большевиками лишь в одном. Они верят в свою силу. Он не верит в их силу, в их возможность обуздать крестьянскую стихию. Он боится того, что власть окажется в руках мужика. «Я особенно подозрительно, особенно недоверчиво отношусь к русскому человеку у власти, — недавний раб, он становится самым разнузданным деспотом, как только приобретает возможность быть владыкой ближнего своего».⁶²

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ «Новая жизнь», № 13 (227), 19 января (1 февраля) 1918 г. «Несвоевременные мысли», стр. 159.

⁶⁰ «Новая жизнь», № 48 (263), 22 (9) марта 1918 г., Там же, стр. 174.

⁶¹ «Новая жизнь», № 62 (227), 9 апреля (27 марта) 1918, Там же, стр. 191.

⁶² Maxime Gorki — Lénine et le paysan russe. Traduits avec l'autorisation de l'auteur par Michel Dumesvil de Gramont. Aux Editions du Sagittaire. Paris, 1925 p. 47.

Власть в руках мужика, в руках русского крестьянина представляется Горькому самой страшной катастрофой в истории России, ибо он убежден, что «основным препятствием на пути России к европеизации и культуре является факт преобладания безграмотной деревни над городом, зоологический индивидуализм крестьянства и полное отсутствие в нем социальных эмоций».⁶³

Выехав из советской России в 1921 г., Горький в эмиграции приходит постепенно к убеждению, что он ошибся в главном, в оценке возможностей большевистской партии удержать власть и навязать свою волю крестьянской стихии.

В центре всех забот Горького стоит интеллигенция — то главное без чего Россия жить не может. И когда дело идет о голоде, поглотившем миллионы жертв, голоде, борьбе с которым Горький отдает все свои силы и находясь в России, и в эмиграции, он прежде всего думает об ителлигенции. В письме американке Джейн Адамс, написанном 10 июня 1922 г., Горький пишет, что голод в России еще не прекратился, что попрежнему нужна помощь для спасения от смерти миллионов крестьян, и продолжает:

«Позвольте также... обратить Ваше внимание и в сторону русской интеллигенции, главным образом — русских ученых... Это — лучший мозг страны, творцы русской науки и культуры, люди необходимые России более, чем всякой другой стране. Без них — нельзя жить, как нельзя жить без души...»

Их во всей России только 9000, — ничтожная цифра для такой огромной страны и для культурной работы, необходимой русским».⁶⁴

Гневно протестуя против суда над социалистами-революционерами, Горький заявляет 1 июня 1922 г. в письме заместителю Ленина Алексею Рыкову: «Если процесс социалистов-революционеров будет закончен убийством, — это будет убийство с заранее обдуманым намерением, — гнусное убийство.» И продолжает: «Я прошу Вас, сообщить Л. Д. Троцкому и другим, что это мое мнение. Надеюсь оно не удивит Вас, ибо Вам известно, что за все время революции я ты-

⁶³ Там же.

⁶⁴ Письмо впервые опубликовано в «Новый журнал», № 79, 1966, стр. 285—287.

сячекратно указывал Советской власти на бессмыслие и преступление истребления интеллигенции в нашей безграмотной и некультурной стране.»⁶⁵

Отношение Горького к крестьянству (народу) и к интеллигенции легче всего понять, мне кажется, вспомнив об отношении Горького к труду. «Мне казалось, — писал Горький о волжском купце Бугрове, — что к труду он относился почти религиозно... Это совпадало с моим отношением к труду; для меня труд — область, где воображение мое беспредельно.»⁶⁶ Всю свою жизнь Горький особенно отмечал, особенно любил людей, которые умеют, любят работать. Он отмечал и любил их тем более, что видел, как их мало в России. «Народ хочет есть как можно больше и работать как можно меньше, он хочет иметь все права и никаких обязанностей... В особенности это относится к массе русских крестьян»...⁶⁷ Горький в этом отношении полностью разделял взгляды Ленина, считавшего, что «русский человек — плохой работник по сравнению с передовыми нациями...»,⁶⁸ что «работать мы умеем хуже всех.»⁶⁹

Горький выделяет из этой массы русского народа, не желающего и не умеющего работать, горстку интеллигентов — творцов науки и культуры.

В середине 20-х годов⁷⁰ он приходит к выводу, что Россия меняется в главном для него — в отношении

⁶⁵ Письмо неопубликовано. Хранится в архиве Б. Николаевского в Институте Гувера. Фотокопия помещена в книге Bertram D. Wolfe — *The Bridge and Abyss. The Troubled Friendship of Maxim Gorky and V. I. Lenin*. Pall Mall Press. London, 1967.

⁶⁶ М. Горький — Собрание сочинений в 18 томах, т. 18, стр. 205.

⁶⁷ М. Gorki — *Lénine et le paysan russe*, p. 104—105.

⁶⁸ В. Ленин, т. 36, стр. 189.

⁶⁹ В. Ленин, т. 45, стр. 247.

⁷⁰ Густав Герлинг-Грудзинский в эссе «Семь смертей Максима Горького» относит перелом в отношении к советской власти у Горького к июлю 1925 г., когда в Сорренто гостил у писателя Петр Крючков, ставший затем личным секретарем Горького, связанный с ОГПУ и расстрелянный в 1938 г. за «участие в убийстве Горького». Если даже приезд Крючкова сыграл какую-то роль, то несомненно, что Горький был уже готов к перемене своего отношения к советской России. См. Gustav Herling-Grudziński — *Drugie przyjście oraz opowiadania i szkice*. Instytut Literacki. Paryż, 1965.

к труду, что Россия начинает работать по-настоящему. В ОГПУ видится ему главный учитель труда.

Уже в первый свой приезд в Россию — после семилетнего отсутствия Горький наряду со строительством Днепровской гидростанции и новостройками в кавказских республиках посещает трудовые колонии ОГПУ в Болшево и Харькове. Деятельность ОГПУ по превоспитанию малолетних преступников с помощью труда кажется писателю «совершенно изумительным, глубоко важным делом.»⁷¹

Вернувшись через год в Советский Союз, Горький 20 июня 1929 года приезжает в Соловки. В начале лета, в солнечный день — вспоминает очевидец-заключенный, — в соловецкую гавань «пароход привезет Горького... Окруженный чекистами, Горький с сыном и невесткой сойдет с парохода, приехавшие и встречавшие усядутся в блестящие лаком коляски... По пути будут стоять махальные, — наши властители, старосты и командиры рот: при приближении экипажей они будут давать сигналы дальше, чтобы все впереди успели убрать с дороги все, могущее оскорбить глаза приехавшего. Взволнованные заключенные будут стараться увидеть Горького: ведь приехал Горький, буревестник свободы! Горький, столько лет боровшийся против горя и несправедливости!»⁷²

Начало своего очерка Горький посвящает бывшим обитателям Соловков — монахам, в том числе тем из них («больше полусотни»)⁷³ кто остался на острове и после превращения его в концлагерь. «На пароходе из Кеми в Соловки я спросил монаха...: — А начальство как относится к вам? — Начальство тут желает, чтобы все работали. Мы — работаем».⁷⁴ Монахи — для Горького представители старого, разложившегося, неисправимого мира, мира религиозного обмана, «политико-экономический смысл» которого «для нашего

⁷¹ Летопись жизни и творчества А. М. Горького, т. 3, стр. 638; М. Кольцов — В монастыре. Избранные произведения в трех томах. Том I, ГИХЛ, М. 1957, стр. 300—6.

⁷² Г. Андреев — Соловецкие острова. 1927—1929. «Грани», № 8, 1950, стр. 76.

⁷³ М. Горький — Собрание сочинений в 30 томах, т. 17, стр. 204.

⁷⁴ Там же, стр. 204.

времени вскрывается очень просто»,⁷⁵ мира разврата и пьянства.

Вступив на остров, Горький встречается с новым миром. «Хороший ласковый день. Северное солнце благосклонно освещает казармы, дорожки перед ними, посыпанные песком, ряд темнозеленых елей, клумбы цветов, обложенные дерном. Казармы новенькие, деревянные, очень просторные: большие окна дают много света и воздуха.»⁷⁶

В этих условиях живут заключенные, о которых Горький хочет писать, которые его интересуют. Не интересуют его — политические. «Партийных людей, — пишет он, — за исключением наказанных коммунистов,⁷⁷ — на острове нет, эсеры, меньшевики переведены куда-то.»⁷⁸

Не интересуют Горького и те, кого он называет «политическими» в кавычках: «сторонники террора», «экономические шпионы», «вредители», вообще «худая трава», которую «из поля-вон» выбрасывает справедливая рука истории.»⁷⁹ Не интересуют его уголовники с «дегенеративными лицами».

Внимание писателя привлекают малолетние преступники,⁸⁰ посланные в Соловки для «перевоспитания трудом». «Ночь Горький проведет в колонии малолетних преступников, — вспоминает очевидец. — Всю ночь он будет слушать воровские песни, рассказы малолеток о своей жизни, о Соловках. А на другой

⁷⁵ Там же, стр. 202.

⁷⁶ М. Горький — Собрание сочинений в 38 томах, т. 17, стр. 207.

⁷⁷ Горький имеет в виду не оппозиционеров, а коммунистов, совершивших уголовные преступления.

⁷⁸ Е. Олицкая («Мои воспоминания», т. I, стр. 275—290) рассказывает о вывозе весной 1925 г. политических заключенных из Соловков в политизоляторы. Но осенью этого же года политических заключенных-меньшевиков, эсеров — стали снова посылать на Соловки. См. Социалистический вестник, № 1 (143), 15 янв. 1927 г.

⁷⁹ М. Горький, т. 17, стр. 223.

⁸⁰ УК допускал применение наказания по отношению к несовершеннолетним, начиная с 14 лет. См. «История советского государства и права», т. 2, стр. 575. Описывая своих собеседников, Горький называет их «ребята», но указывает одновременно, что «по внешности — все это люди возраста от 20 до 30 лет». По закону — «малолетки» — дети от 14 до 18 лет.

день он уедет в Москву, в мир, увозя с собой и показанное чекистами и услышанную правду.»⁸¹

«Услышанная правда» в передаче Горького звучит двойственно. «Выспрашиваю ребят, ближайших ко мне: «Трудно вам здесь? — Не легко. — Прямо говори — тяжело! — советует другой. Жалуются довольно откровенно, однако единогласия нет: то один, то другой «вносят поправки». — Все-таки не тюрьма!... За моей спиной спорят вполголоса: — Шкуру дерут... — Кто дерет? Своя рука. — Не зря называется: рабочекрестьянская... — Н-ну... Для своей — тяжела.»⁸²

Горький резко противопоставляет уголовных преступников некоему молодому человеку, который приносит писателю «лист бумаги, сложенный вчетверо» — заявление. Появление «человечка» вызывает «громкие крики ребят: «Это шпион!... Он против советской власти. Рябой парень, сосед мой, ворчал: — Мы воры, а на такие штуки не ходим... Родину не продаем.»⁸³

Так намечается конфликт, многократно повторенный в советской литературе — конфликт между «честным» советским вором и шпионом, либо вредителем, продающим Родину. Как для Горького, так и для тех писателей, которую используют этот сюжет, совершенно очевидно, что вор — легко исправим, шпион — неисправимый враг.

«Рабочий — пишет Горький, — не может относиться к «правонарушителям» так сурово и беспощадно, как он вынужден отнести к своим классовым, инстинктивным врагам, которых — он знает — не перевоспитаешь... «Правонарушителей», если они — люди его класса — рабочие, крестьяне, — он перевоспитывает легко».⁸⁴

Горький формулирует в законченной форме одну из характернейших черт советских концентрационных лагерей: уголовники — «социально близкий» элемент, контрреволюционеры (и все те, кого в эту категорию включали) — «социально чуждый элемент».

Осмотрев Соловки, поговорив с малолетними преступниками, побывав на концерте, устроенном заклю-

⁸¹ Г. Андреев — Соловецкие острова. «Грани», № 8, 1950, стр. 76.

⁸² М. Горький, т. 17, стр. 209, 210.

⁸³ Там же, стр. 212, 213.

⁸⁴ Там же, стр. 230.

ченными, Горький приходит к «ясному выводу». «Мне кажется, — пишет он, — вывод ясен: необходимы такие лагеря, как Соловки...»⁸⁵ Горький повторяет формулу Дзержинского — концентрационные лагеря — это школа труда, заявляя: «Соловецкий лагерь» следует рассматривать как подготовительную школу...»⁸⁶

Не только одно поклонение труду диктовало Горькому его положительное отношение к Соловецкому лагерю. Анализируя очерк «Соловки», нельзя не прийти к выводу, что несмотря на серьезные, следует полагать, усилия хозяев, гостю — Горькому удалось увидеть кое-что из подлинной действительности лагеря. Он заметил наличие самоохраны, «работают, — как выражается писатель, — под наблюдением своих же товарищей.»⁸⁷ Он заметил наличие круговой поруки, т. е. коллективной ответственности за побег.⁸⁸ Но заметив все это, заметив некоторые из страшных сторон соловецкой жизни, Горький не написал об этом. И не потому, что этого не напечатали бы, а потому что он не хотел этого писать.

И здесь мы переходим ко второй важнейшей черте, определяющей мировоззрение Горького. Мы говорили о его отношении к труду. Теперь следует остановиться на его отношении к правде и лжи.

В 1954 г. в «Социалистическом вестнике» были напечатаны воспоминания П. Мороза, сопровождавшего Горького во время его поездки по Советскому Союзу в 1929 г., встречавшегося с писателем и потом. На вопрос Мороза: «Как вы могли допустить появление в таком виде в печати вашей статьи о Соловецких островах?» Горький якобы ответил: «Что же касается статьи с моими впечатлениями о Соловецких островах, опубликованной в печати, то там карандаш редактора не коснулся только моей подписи — все остальное со-

⁸⁵ М. Горький — т. 17, стр. 231. Александр Солженицын, вспоминая о лагерях, носивших имя Максима Горького, замечает: «Скажешь лихое словечко, глядь — а ты ведь уже не в литературе». («Архипелаг ГУЛаг», т. I, стр. 509). Не было ли одним из таких «словечек» утверждение: «необходимы такие лагеря, как Соловки...»?

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же, стр. 227.

⁸⁸ Там же, стр. 229.

вершенно противоположно тому, что я написал, и неизвестно». ⁸⁹

Объяснение это выглядит неубедительным и потому, что Горький уезжал в 1929 г. снова в Италию и мог, если бы действительно так исковеркали его текст, возразить, и потому, что есть письма, в которых он — без редактора — выражает свои взгляды, противоречащие утверждению об имевшем якобы место искажению его статьи о Соловках, и потому, наконец, что всю свою жизнь Горький утверждал примат «возвышающего обмана» над «низкими истинами».

Лишь однажды после Октябрьского переворота, в период «Несвоевременных мыслей», Горький изменяет своему всегдашнему убеждению, что о человеке нужно говорить только хорошо — и тогда он станет хорошим, что «горькая правда» хуже «сладкой лжи». «Отступничество» Горького клеймит пролетарский поэт Василий Князев в стихотворении «Травимый народ»:

Пусть так — гнила его порода,
Пусть так — темна и вяла Русь, —
Пороков русского народа
Клеймить пером я не решусь.
В порыве ложном благородства
Отцовских язв не покажу,
Зевакам падким до уродства,
Следов цепей не покажу . . .
Пусть Горький возит по музеям,
Во имя истины, слепца, —
Я иноземным ротозеям
Родного не предаю отца!
Затру его страданий ложе
Непроницаемую тьмой:
Покой болящего дороже
Мне даже истины самой!⁹⁰

После первого визита в Советский Союз Горький, если так можно выразиться, «берет на вооружение»,

⁸⁹ Цит. по книге Д. Шуб — Политические деятели России. Издание «Нового журнала», Нью-Йорк, 1969, стр. 343.

⁹⁰ В. Князев — Красные звоны и песни. Петроград, 1918, стр. 27—28.

почти дословно, все аргументы Князева,⁹¹ потому, конечно, что это были его собственные мысли, от которых он отказывался лишь на очень короткое время.

В письме Екатерине Кусковой, написанном в 1929 г., Горький четко излагает свое «кредо»: «Вы привыкли говорить о фактах, которые вызывают у вас отвращение. Со своей стороны, я не только считаю своим правом молчать о них, но я рассматриваю мою способность это делать одним из моих главных достоинств... Вы скажете — неморально... Пусть так. Дело в том, что я искренне и непреклонно ненавижу ту правду, которая является проклятием и ложью для 99 процентов народа. Вы знаете наверное, что во время моего пребывания в России я публично выступил, как в печати, так и на встречах с товарищами, против самокритики, против привычки мешать и ослеплять народ вредной и роковой пылью повседневной правды... Этим людям не нужна мелкая проклятая правда, которую они сами создают для себя...»⁹²

В письме к сельскому учителю Новоселову, написанному примерно в то же время, что и письмо Кусковой, Горький повторяет свою мысль о необходимости видеть в первую очередь «хорошее». «Надо помнить, — пишет он, — что люди до ужаса тонко умеют и делать и понимать плохое, они учились этому веку».⁹³ Поэтому Горький остро протестует против самокритики, ибо она во-первых, понижает «культурно-революционный пафос крестьянской и рабочей молодежи», а во-вторых, «самокритика» в принятых у нас формах играет в руку нашим врагам.»

⁹¹ Есть основания полагать, что Горький, доброжелательно относившийся к Князеву до революции (см. Л. Евстигнеева — Журнал «Сатирикон» и поэты-сатириконцы. «Наука», М. 1968, стр. 353) резко изменил к нему отношение после этого стихотворения и помнил обиду до смерти (см. Литературное наследство. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. Изд. АН СССР, М. 1963, стр. 24, 196, 678—681; Илья Шкапа — Семь лет с Горьким. Советский писатель, М. 1966, стр. 290—293). Может быть обида была особенно острой, потому, что Князев так точно выразил взгляды Горького.

⁹² Е. Кускова — На рубеже двух эпох: Памяти А. М. Горького. «Последние новости», 26 июня, 1936 г.

⁹³ Литературное наследство, т. 70. Горький и советские писатели, стр. 293.

Провозглашенная Горьким вера в человека, в то, что в глубине души человек хорош, но не знает об этом, вера в благодетельные свойства труда, высвобождающие все хорошее в человека, приводят писателя к убеждению в необходимости «спасительного обмана», во вреде «горькой правды». Совпадение между взглядами Горького и постановлением ЦК ВКП(б) гласящим: «Усилить освещение положительных фактов нашего строительства... Обратит внимание на тщательный выбор фактов, давая примеры подлинно хорошего...»,⁹⁴ объясняется, мне думается, не изменением взглядов Горького в угоду ЦК, не его изменой самому себе, а действительной встречей взглядов Горького и советской власти, действительным их совпадением.

«Соловки» Горького — первый образец советской апологетической лагерной литературы, первая проба не оправдания лагерей, а утверждения их необходимости и благотворности.

Чтобы представить себе насколько необычным для русской литературы был подобный подход к лишению свободы лучше всего вспомнить «Остров Сахалин» Чехова: поездку совершенную Чеховым на каторжный «остров страданий» в условиях ничем не похожих на условия, в которых путешествовал Горький, страшные своей суровой объективностью и достоверностью записи о сахалинской действительности. В мои намерения не входит сравнительный анализ очерков Чехова и Горького. Достаточно убедительным примером различного отношения двух писателей к тюрьме и заключенным может служить, мне кажется, их отношение к музыке на каторге.

Горький присутствовал на концерте в соловецком театре и подробно, одобрительно рассказав о нем, пишет: «Концерт был весьма интересен и разнообразен.»⁹⁵

Чехов пишет, что ему приходилось читать о «гармониках и разудалых песнях» на Сахалине. Сам он этого не слышал и не видел, но «даже если бы мне случилось услышать, кроме звона цепей и крика надзирателей, еще разудалую песню, то я почел бы это

⁹⁴ Постановление «О первых итогах проведения самокритики», «Правда», 20 августа, 1928 г.

⁹⁵ Горький — Соловки, стр. 225.

за дурной знак, так как добрый и милосердный человек около тюрьмы не запоеет.»⁹⁶

5. «Кающийся» чекист

Я назвал «Соловки» Горького первым образцом советской апологетической лагерной литературой. «Соловки» — написаны о лагере. Мне кажется, однако, неверным ограничивать понятие «лагерной литературы», только описанием лагерей. В «лагерную литературу» необходимо, мне думается, включить как книги, посвященные непосредственно лагерям, то есть жизни их обитателей — заключенных, так и книги, посвященные тем, кто лагерь наполняет. Лагерная литература — это литература о жертвах и палачах. С тем, однако, что литература, рождающаяся после революции меняет эти понятия — жертва и палач — местами. Тот кто убивает изображается жертвой, ибо ему приходится выполнять тяжелую, грязную, неприятную работу — для счастья человечества. Тот кто гибнет — виноват вдвойне: и потому, что он мешает продвижению человечества к счастью, и потому, что вынуждает убивать себя.

Василий Розанов писал: «... Если бы русский и от себя заговорил в духе: «падающего еще толкни», — его бы назвали мерзавцем и вовсе не стали бы читать.»⁹⁷ Русская послереволюционная литература рождается именно под знаком: «падающего толкни». Но она еще слишком сильно связана с литературой предреволюционной, с классической русской литературой, чтобы не задуматься над психологией нового героя, получающего в наследство от старых героев рефлексивность, духовные терзания, которые нередко, несмотря на новое качество — твердую убежденность в своей правоте, приводят к трагическому концу.

Советская лагерная литература рождается, как литература о палачах, о чекистах. Не умея еще обходиться без жертвы, русская литература делает жертвой, страдальцем за народное счастье нового «святого» — чекиста. Мы видим, как Рахметов — становится че-

⁹⁶ А. П. Чехов — Собрание сочинений в 12 томах. ГИХЛ, М., 1956, т. X, стр. 245.

⁹⁷ Василий Розанов — Избранное. Изд-во А. Нейманис, 1970, стр. 38.

кистом, как Писарев возглавляет Губчека. От старой литературы эти герои взяли отказ от жалости к себе, новая — дает им безжалостность к другим.

Всю ночь огни горели в губчека.
Коллегия за полночь заседала.
Семенова усталая рука
Пятнадцать приговоров подписала . . .
И вот землей засыпаны тела . . .
Семенов сел в хрипящую машину,
И лишь на лбу высоком залегла
Еще одна глубокая морщина.⁹⁸

Но гораздо чаще, чем чекистов типа Семенова-Рахметова, мы встречаем чекистов типа Рудина.

Чекист в первых произведениях советской литературы представляет собой как бы персонификацию пролетариата — героической массы трудящихся, заполнившей стихотворения пролетарских поэтов в первые же дни революции.

«Мы несметные, грозные миллионы труда . . .»⁹⁹

« . . . Мы идем . . . Откровенья и наряды миру новые несем.»¹⁰⁰

«Мы все возьмем, мы все познаем . . .»¹⁰¹

Две главные черты характеризуют эту гигантскую массу, — пролетариат, которому принадлежит будущее — жажда творческого труда и готовность к разрушению всех ценностей, в том числе и отдельного человека — ничтожного атома космического «Мы».

«Выдержал под наковальней — Станешь подобен Марксу,

Не вынес — туда и дорога . . .»¹⁰²

«Сорок тысяч в шеренгу . . . Поверка линии-залп . . .
Тридцать лбов слизано, — люди в брак.»¹⁰³

⁹⁸ Г. Лелевич — Коммунэра о чекисте Семенове. «Молодая гвардия», Ж 2, 1923 г.

⁹⁹ Владимир Кириллов — Зори грядущего. Стихотворения. Библиотека Пролеткульта, изд. 3, Петербург, 1919, стр. 12.

¹⁰⁰ Илья Садофьев — Динамо-стихи. Биб-ка Пролеткульта. Петроград 1918, стр. 5.

¹⁰¹ Михаил Герасимов — Мы.

¹⁰² А. Дорогойченко — «Чугунный улей». Вятка, 1921. Цит. по А. Меньшутин, А. Синявский — Поэзия первых лет революции, 1917—1920. «Наука», М. 1964, стр. 182.

¹⁰³ Алексей Гастев — Пачка ордеров. Рига, 1921, стр. 5.

В пролетарской поэзии — герой-масса. В прозе эта масса начинает расслаиваться, индивидуализироваться, выделять — руководителей. Настоящих пролетариев. Пролетариев, конденсирующих в себе «пролетарскость» — коммунистов.

«Они смотрят немного исподлобья, кряжистые, крепкие и юные. У этих мертвая хватка: как вцепятся, хоть за ноги тащи — не оторвешь... Крепкошее, будто неловкие, а чувствуешь затаенность огромной быстроты движения, неповоротливости, волчьей цепкости, и клыки свешиваются.»¹⁰⁴ Давая пролетария — коммуниста крупным планом, писатель доводит идеализацию до обожествления, лишая героя индивидуальных черт, наделяя его чертами ангельскими. «Политком... как бог, без пятнышка, стало быть всегда в первых рядах... Другой может устать, политком — нет. Другой захочет выпить, ну, душу хоть немного отвести, это же естественно, политком — нет. Другой поухаживает за женщиной, политком — нет. Другой должен поспать 6—7 часов в сутки, политком бодрствует 24 часа в сутки.»¹⁰⁵

Кончается гражданская война и квинтэссенцией пролетария-коммуниста становится — чекист, беззаветный защитник завоеваний революции. В 1922 г. — в первом послевоенном году советской республики появляются две книги пролетарских писателей с новым героем: «Записки Терентия Забытого» Александра Аросева и «Шоколад» Александра Тарасова-Родинова.

Почти сразу же за ними выходит третья книга на эту же тему — «Жизнь и гибель Николая Курбова»¹⁰⁶ Ильи Эренбурга.

¹⁰⁴ А. Серафимович — Волчий выводок. Собрание сочинений в 7 томах, М. 1959, т. 6, стр. 160—161. В 30-е годы писатель изменил название очерка на «Львиный выводок».

¹⁰⁵ А. Серафимович — Политком. Там же, стр. 154. В первоначальном варианте (1918 г.) политком, сын литовского крестьянина, художник с увлечением и огромным уважением говорит о Чурленисе. В позднейших — после 30-х годов — редакциях — Чурленис заменен Репиным.

¹⁰⁶ «Записки Терентия Забытого» выходят первоначально — в 1922 г. — в Берлине, в издательстве «Русское творчество», а затем в московском издательстве

Три повести написаны представителями двух основных течений рождающейся советской литературы — пролетарскими писателями Аросевым и Тарасовым — Родионовым и «попутчиком» Эренбургом. Но несмотря на различное отношение их авторов к революции¹⁰⁷ и советской власти, несмотря на различный уровень мастерства, многие черты — не говоря об идентичности тематики и времени выхода в свет¹⁰⁸ — позволяют рассматривать «Записки Терентия Забытого», «Шоколад» и «Жизнь и гибель Николая Курбова» как явления одного порядка.

В «Записках Терентия Забытого» — чекист Клейнер персонаж эпизодичный. Он чрезвычайно нужен автору, ибо представляет собой развитие, концентрацию черт главных героев — пролетариев, партийных деятелей. Значение повести в том, что этот герой — правдив, подлинен, документален. Имея в виду, в частности, Аросева, критик писал: «Они — вряд ли белетристы. Пожалуй лишь хорошие мемуаристы, протоколисты, которые так много знают Wahrheit, что им просто нет нужды в Dichtung. Они не раскапывают горных пород: просто нагибаются и берут с поверхности полными горстями: вот вам рядовые фигуры революции, без достоевщины, без анекдота, без чей-миней...»¹⁰⁹

«Круг» в 1923 и 1924 гг. Вера Александрова, включившая повесть в сборник «Опальные повести», Нью-Йорк, 1955 г., ошибочно утверждает, что «Записки» были изданы только за границей. См. И. Владиславлев — Литература великого десятилетия. ГИЗ, М.—Л., 1927, стр. 36.

«Шоколад» был опубликован в журнале «Молодая гвардия», VI—VII, 1922, а затем — в 1925 и 1927 гг. в книжных изданиях.

«Жизнь и гибель Николая Курбова» напечатана в 1923 г. в изд. «Новая Москва», а затем в томе VI одиннадцатитомного собрания сочинения, изд-во «ЗИФ», 1925 г. Позднее эти произведения в Советском Союзе не переиздавались.

¹⁰⁷ Аросев и Тарасов-Родионов — члены партии большевиков, участники Октябрьской революции. Расстреляны в 1938 г.

¹⁰⁸ Повести вышли в начальный период НЭП, который все три писателя рассматривают как отказ от многих идеалов революции.

¹⁰⁹ Михаил Левилов — О пятнадцати — триста строк. «Леф», № I, стр. 247.

В этой оценке может вызывать возражение лишь отказ чекисту Аросева в «достоевщинке». Вот как описывает Клейнера писатель: «Растительности на лице Клейнера не было, как у кастрата. Глаза пустые и маленькие, как дырки. Нос прямой, а посреди его заживший рубец...»

Клейнер — особенный человек. «Чекист» с ног до головы. Может быть лучший экземпляр этого слоя.»¹¹⁰

Но писатель подчеркивает необычность, может лучше сказать ненормальность, этого человека. Это — спартанец: «Клейнер редко умывался. Носил на себе и зиму и лето, и день, и ночь все одну и ту же кожаную куртку».¹¹¹ В своей жизни Клейнер улыбнулся лишь один раз, «да и то неудачно: какой-то просительнице-старушке сообщил о расстреле ее сына и улыбнулся невольно от волнения. Старушка упала в обморок. С тех пор Клейнер уже больше не улыбался.»¹¹²

Вот эта неожиданная черточка-«улыбка от волнения» при объявлении матери о расстреле сына, — и есть то, что можно, мне кажется, назвать «достоевщиной», душевным изломом людей цельных, свято верящих в свое призвание.

«Оставь герою сердце, что же он без него? Тиран...» — писал Пушкин. Авторы первых книг о чекистах не сомневаются в том, что их герой — тиран, но желая сохранить его геройство, они «оставляют ему сердце», оставляют человеческие слабости, человеческие чувства. И тогда возникает конфликт, столкновение между чувствами, между сердцем и революцией. Конфликт этот разрешается победой революции и смертью человека. Мы не узнаем продолжения биографии Клейнера, но автор не скрывает его ненормальности. Логический исход — сумасшедший дом. Гибнут герои «Шоколада» и «Николая Курбова» — чекисты Зудин и Курбов. Одного расстреляют товарищи, другой убьет себя сам.

Старый большевик, верный сын рабочего класса, председатель губчека Алексей Зудин погибает позорнейшим образом — от руки своих же товарищей —

¹¹⁰ А. Аросев — Записки Терентия Забытого. «Опальные повести», изд-во им. Чехова, Нью-Йорк, 1955, стр. 42, 43.

¹¹¹ Там же, стр. 42.

¹¹² Там же, стр. 42.

потому, что однажды впустил в свое сердце жалость к классово чуждому человеку — бывшей балерине Вальц.

Старый большевик, видный революционный деятель Николай Курбов — один из ответственных работников ВЧК кончает жизнь самоубийством, ибо в его сердце входит любовь.

Приветствуя революцию, как победу трудящихся, победу «Мы», массы, пролетарские поэты подчеркивали нерасчлененность коллективного «Мы», подчеркивали с одной стороны количественный признак — множество, с другой качественный — слитность, монолитность.

Мы и Вы — едино Тело,
Вы и Мы — неразделимы.
Нас, товарищ, много, много,
Целью спаяных одной.¹¹³

Первая важная черта, отличающая рассматриваемые нами повести от стихов пролетарских поэтов — бросающаяся в повестях в глаза разделенность — «Мы» и «Вы». Уже нет монолитности. Есть с одной стороны «Мы», а с другой «Вы» или даже «Они». Причем, и это необходимо подчеркнуть, линия раздела проходит не между рабочим классом и эксплуататорами. Раздел проходит между руководителями и руководимыми, между партией, с одной стороны, остальными — с другой. Мышление большими числами продолжается, но лишь в отношении — тех, других, не наших.

Конечно, пропасть между миром сытых и миром голодных сохраняется, ощущается писателями, как чрезвычайно важная. Но колеблются в своей вере в революцию даже рабочие. Доходит до того, что «в Совете, в нашем Совете» поднимают вопрос о роспуске чека. Самое же страшное: «За это голоснула добрая часть наших коммунистов, не говоря уже о всех беспартийных.»¹¹⁴ Курбов, после разговора с рабочим, некогда товарищем по революционной борьбе, а теперь, когда революция победила, заявляющего вдруг: «Говорил я ничего из этого не выйдет»,¹¹⁵ осознает вне-

¹¹³ Илья Садофьев — Динамо — стихи. Стр. 16.

¹¹⁴ А. Аросев . . . , стр. 402.

запно, что воевать надо не только против буржуев, но и «против этих, может-быть — дух захватывало — против всех.»¹¹⁶

Используя метафорику, любимую пролетарскими поэтами, прежде всего Гастевым, Аросев и Эренбург представляют вождей, руководителей геометрическим элементом, вносящим форму и порядок в русскую революционную стихию.

Услышав выступление на митинге наркомвоенмора, Терентий пишет:

«Будь я художник-футурист, я изобразил бы Троцкого двумя треугольниками с основаниями вверх, а вершинами вниз: треугольник маленький — это лицо на треугольнике большом — это туловище.»¹¹⁷

Возвращаясь с заседания в Кремле, Курбов вспоминает:

«Увидел всех.

Насмешливый слегка, простой, как шар (не это ли вождьеленная фигура?). Слова расходятся спиралями. Точен-аппарат. Конденсированная воля в пиджачной банке... Доморощенный Буонапарте, шахматный игрок и вождь степных орд, вышколенных, выстроенных под знаменем двадцати одного пункта некоей резолюции.¹¹⁸ Этот — треугольник... Молоденький, веселый. Идеальная прямая.»¹¹⁹ Легко расшифровать — Ленин, Троцкий, Бухарин.

Именно к этим людям-аппаратам, вождям, с математической точностью предвидящим будущее, обращался Алексей Гастев: «Инженерьте обывателей. Загнать им геометрию в шею. Логарифмы им в жест».¹²⁰

«Геометрическая» деятельность чекистов, как они ее понимают, — это хирургия. Они выполняют трудную, грязную, но — нужную работу. «На гребне...

¹¹⁵ И. Эренбург — Жизнь и гибель Николая Курбова. Берлин, «Геликон», 1923, стр. 92.

¹¹⁶ Там же, стр. 93.

¹¹⁷ А. Аросев..., стр. 18.

¹¹⁸ Имеется в виду 21 условие III Интернационала.

¹¹⁹ И. Эренбург — Жизнь и гибель Николая Курбова, стр. 221—222.

¹²⁰ Алексей Гастев — Пачка ордеров, стр. 12. Не отсюда ли — «инженерьте обывателей» — сталинское определение писателей, как «инженеров человеческих душ»?

гигантской, всемирной волны мы построили из самих себя этот дерзкий клинок и как верно мы режем . . .»¹²¹

Только нож, только пуля могут спасти человечество. «Я жалею, — говорит Курбов. — И убью».¹²² Клейнер делится с Терентием Забытым своим планом: «Сбоку, где здание нашей Чека выходит на улицу, можно было бы поставить экран и показывать публике, как наказывают за разные преступления. Можно показывать и убийства, т. е. это расстрелы. А сверху что б надпись была за то-то . . . Чтобы всем урок был, чтобы боялись. Чем больше будут бояться, тем меньше с нашей стороны убийств . . . то есть . . . расстрелов. Застращать публику надо, застращать.»¹²³

Автор подчеркивает постоянную оговорку Клейнера — вместо расстрела — убийство. Но Клейнер, отлично понимающий, что он убивает людей, убежден в своей правоте, в своем праве убивать людей и их запугивать, в своем праве людей убийствами и страхом воспитывать.

В ответ на возражения Терентия, что зрелище убийств может развратить, Клейнер отвечает примером: «Петр I завез русских студентов в Стокгольм и велел им в анатомическом театре у трупов мускулы зубами раздирать, чтобы научились препарировать. Это небось не развратило. Что необходимо, не развращает.»¹²⁴

Председатель губчека Зудин, узнав о том, что в схватке с бандой погиб его товарищ чекист Кацман, приказывает расстрелять 100 заложников. «Я расстрелял сознательно арестованных совершенно невинных людей!»,¹²⁵ — заявляет он, понимая, что это убийство. Но, с его точки зрения — он был бы абсолютно согласен с Клейнером — это убийство оправдано, ибо необходимо.

«Я убил сотню арестованных, — отчетливо отбивает слова Зудин, и его голос звенит как медь, — и совершенно не считался с их виновностью. Разве вообще виновность существует? Разве буржуй виноват,

¹²¹ А. Тарасов-Родионов, стр. 417.

¹²² Илья Эренбург . . . , стр. 43.

¹²³ А. Аросев, стр. 43.

¹²⁴ А. Аросев, стр. 44.

¹²⁵ А. Тарасов-Родионов . . . , стр. 376.

что он буржуй, а крокодил виноват, что он крокодил.»¹²⁶

И снова мы видим, как почти дословно повторяет Зудин аргументацию Клейнера (или Клейнер аргументацию Зудина — это аргументация, тех, кто считает себя вправе учить людей): «Организация капиталистов убила Кацмана... Они ударили по личности, потому что общественной жизни и законов ее они не понимают. А я взял да и ударил по классу. Я уничтожил первых встречных из их рядов, только первых встречных, ни больше ни меньше, и возвел это в степень неизбежного следствия из их поступка. Не угодно ли еще повторить нападение, милейшие?»¹²⁷

И здесь необходимо обратить внимание на важную черту психологии чекистов — героев трех, анализируемых повестей. Зудин выражает эту черту, пожалуй, наиболее четко: «Они ударили по личности... а я ударил по классу».

Убитый чекист — для Зудина — личность, сто убитых заложников — бездушные, безликие атомы враждебного класса.

Человек перестает быть ценностью самой по себе, его ценность ставится в зависимость от его классовой принадлежности. И «неудачная» классовая принадлежность может лишить его вообще какой бы то ни было ценности. Превратить в атом, в цифру, в одного из сотни расстрелянных.

Зудин приходит в ужас, «на его голове шевелятся волосы, как ковыль», при мысли, что Лизу, его жену могут расстрелять по обвинению в получении взятки. Лиза виновата лишь в «отсутствии твердокаменности», но «неужели за это ее расстреляют?»¹²⁸

В глазах Зудина — Лиза — личность.

Встретившись лицом к лицу с врагом, милой девушкой Катей, Курбов впервые не может подписать бумагу: «К высшей мере». «Подписывал не раз такие, уверенно и просто — полел огромный огород. Выдерживая разные бурьянные фамилии. Но теперь...»¹²⁹

И даже сам товарищ Аш, идеальное воплощение чекиста, живший с «дикой идеей, имевшей глаза и

¹²⁶ А. Тарасов-Родионов..., стр. 375.

¹²⁷ Там же, стр. 376.

¹²⁹ Илья Эренбург..., стр. 247.

¹²⁸ А. Тарасов-Родионов..., стр. 359.

губы, по имени «массовый террор»,¹³⁰ не видевший за идеями людей, убив садиста Андерматова, позволившего себе использовать свое положение чекиста для сведения личных счетов, даже Аш заявляет, что он «поступил неправильно». Ибо Андерматова «сотрудника Чека и члена РКП» надо было арестовать, заявить в ЦК и т. д.

Даже садист Андерматов — личность, ибо он сотрудник Чека и член партии.

Рассматриваемые повести написаны не о деятельности Чека, хотя эта тема занимает определенное место в «Шоколаде» и «Николе Курбове». Деятельность Чека представлена обыденной, прозаической, необходимой, но малоинтересной.

Казалось бы — Лубянка. Казалось бы — обыкновенный дом. Но вот «взяли и сделали такую жуть, что пешеход, подрагивая даже в летний зной, старательно — сторонкой. Ночью растолкать кого-нибудь и брякнуть «Лубянка» — взглянет на босые ноги, со всеми простится, молодой, здоровый — бык — заплачет, как мальченок.»¹³¹ Но бояться, казалось бы нечего. Дом, ставший всего за каких-нибудь 3—4 года мифом, представлен писателем, как любое другое советское учреждение. Он знает, что «вверх — решетка, вниз — подвал. Там духота, темнота, икота.»¹³² Но вводит читателя лишь в канцелярию — «обычную, советскую, обсиженную, обкуренную.»¹³³ И только на стоящих в комнате машинках выстукиваются пугающие своей обычностью и простотой бумаги:

«Которых расстрелять. Через синюю бумагу с копией (в архив). Двадцать четыре... Всех к расстрелу. Бумага переписана. Пауза... Кто-то за дверью торкнулся, кашлянул: — Перепишите: слушали — постановили к высшей мере...»¹³⁴

Обычная работа.

Но не эта работа, не деятельность Чека интересует авторов первых повестей о чекистах. Их тема — пси-

¹³⁰ Там же, стр. 106.

¹³¹ Илья Эренбург — Жизнь и гибель Николая Курбова, стр. 98.

¹³² Там же, стр. 98.

¹³³ Там же, стр. 99.

¹³⁴ Там же, стр. 102.

хология человека, вынужденного историей убивать, «палачествовать».¹³⁵ Их тема — конфликт между долгом и чувствами. Их тема — трагедия человека, обнаружившего, что он не может превратиться в машину, не может стать аппаратом, чистой геометрической фигурой.

Человеческие чувства — жалость, любовь — становятся той песчинкой, которая попадая в машину, останавливает ее. Отгородившись от всего мира стеною долга, закрыв глаза на все, что не имеет прямого отношения к революции, верные¹³⁶ служители идеи, принявшие аскезу во имя нового Бога — будущего счастья человечества — легко гибнут, неосторожно приоткрывши щелку в свое бронированное сердце.

Герои повестей живут как бы в подсознательном предчувствии гибели, в опасении, что чувства, казалось бы навсегда изгнанные долгом, вернутся.

Курбов заклинает сам себя: «...Лучше без любви... Затвердеть.»¹³⁷ Он прячет голову в одеяло: «Там, в темноте, высывала шакалью пасть любовь. А что с ней делать — с этой любовью?»¹³⁸

Зудин, который в молодости, еще не очень сознательным, женился, рассуждает: «Не чересчур ли много и так уже он заплатил тем, что вообще связался семьей... как хорошо было бы, если бы у рабочих совсем не бывало детей!»¹³⁹ Из-за них, из-за детей, жены «приходилось нередко, стыдливо потупя глаза, опускать занесенную для удара руку...» Искушаемый «нежной Еленой Вальц», Зудин утверждает, что любовь не для рабочих, обладающих, наряду с всякими чувствами, свойственными людям, еще одним — чувством класса, «дивным, вечно живым и могучим родником». «В нем я черпаю все свои силы, — заяв-

¹³⁵ Там же, стр. 87.

¹³⁶ В каждой из рассматриваемых повестей даны образы «примазавшихся», тех, кто пошел служить в Чека ради собственной выгоды, тех, кто использует всемогущество данной ему власти в корыстных целях. Всюду дана примерно одна и та же пропорция — на двух честных чекистов — один негодяй. В конце негодяй обязательно гибнет «от суровой руки рабочего класса».

¹³⁷ Илья Эренбург..., стр. 72.

¹³⁸ Там же, стр. 70.

¹³⁹ Тарасов-Родионов..., стр. 360.

ляет он, — из него только пью я и личное, высшее счастье». ¹⁴⁰

Революция, самая ревнивая из возлюбленных, требует от чекистов полного отказа от женщин. Поэтому писатель изображает Клейнера кастратом, поэтому — Курбов — девственник, поэтому так мучается Зудин, «слишком рано» обзаведшийся семьей, но явно и упорно ею пренебрегающий. ¹⁴¹

Значительное место уделенное в рассматриваемых произведениях любовным сюжетам объясняется, несомненно, и модой в начале 20-х годов на «половую проблему», «одну из сложнейших и серьезнейших, выдвинутых революцией». ¹⁴² Главная, однако, причина — простота и очевидность символики — любовь противопоставляется долгу, личное чувство — счастью человечества. Любовь становится элементарнейшим символом борьбы классов — женщина враждебного класса искушает рабочего. Одновременно, любовь показывает внутреннюю хрупкость тех, на ком лежит страшная тяжесть безжалостного уничтожения старого мира. Внутреннюю хрупкость, а следовательно — непригодность. Выполнив свою задачу, вынеся на себе тяжесть подготовки и проведения революции старые большевики — чекисты обнаруживают свою непригодность в мире, который они начали строить.

«Для новой жизни, — говорит Клейнер, — нужны новые люди, а старые должны идти на слом.» ¹⁴³ Весело и нетерпеливо ждет своей смерти — расстрела Зудин, убедившись, что это нужно «ради счастья всех обездоленных людей.» ¹⁴⁴ Думая о кремлевском зале, «где сияет обточенный на славу шар и поскрипывает треугольник, где еще хотят и могут, где огромный зеленый стол скрипит под тяжестью классифицированных звезд . . .», ¹⁴⁵ Курбов стреляет себе в висок.

¹⁴⁰ Там же, стр. 319.

¹⁴¹ В последний раз в советской литературе мы находим отражение этого конфликта у М. Шолохова: Бунчук, чекист, расстреливающий белых офицеров, становится импотентом. См. «Тихий Дон», т. 3.

¹⁴² Вячеслав Полонский — О современной литературе. Изд. второе, ГИЗ, М.—Л., 1929, стр. 212.

¹⁴³ А. Аросев . . . , стр. 42.

¹⁴⁴ А. Тарасов-Родионов . . . , стр. 425.

¹⁴⁵ Илья Эренбург . . . , стр. 280.

Выполнив свою задачу, первое поколение чекистов жертвует собой, убедившись в неспособности стать чистыми геометрическими фигурами, машинами. С глубоким сочувствием к своим героям-мученикам анализируют их трагедию писатели.

Строгий ценитель литературы, Евгений Замятин, отметив, что «Аросев иной раз выкорчевывает довольно глубокие психологические корневища», относил его, Тарасова-Родионова и ряд других писателей-коммунистов в разряд «художественных контрреволюционеров»,¹⁴⁶ обвинял их в отступлении «к шестидесятым годам».¹⁴⁷

Повести Аросева и Тарасова-Родионова несомненно и по форме, и по характеру главного героя — самоотверженного идеалиста, отдающего жизнь за Дело — следовало бы отнести к литературе 60-х годов XIX в. В книгах этих есть идеи, но нет характеров. Герои декларируют свои мысли, не переживая их. Тарасов-Родионов, копируя Чернышевского, позволяет Зудину видеть перед смертью сны-видения прекрасного будущего человечества. В тифозном сне-полубреду видит, перед смертью «Солнце революции», Терентий Забытый.

Эренбург облакает банальный сюжет (такой же, как и в двух других повестях) в свежую и живую форму. Все повествование ведется от имени заглавного героя, которому, однако, сопутствует — в качестве иронического комментатора — сам автор. Фраза короткая, рваная, энергичная, но — все персонажи говорят одинаково: языком автора.

«Так и когда студентом был. Беспорядки. Манеж. В Таганке ни Нелли, ни Шелли... Скучно. Искушал его ротмистр-весна на Никитской, из палисадников сиренью треплет по сердцу (ротмистр в мундире совсем как весна-голубой и туманный): —

Назовите имена и все обойдется.»¹⁴⁸

Назвав Эренбурга начала 20-х годов самым современным из русских писателей, Замятин добавил двусмысленную похвалу: «Грядущий интернационал он чувствует так живо, что уже заблаговременно стал

¹⁴⁶ Е. Замятин — Лица. Изд-во им. Чехова, Нью-Йорк, 1955, стр. 195.

¹⁴⁷ Там же, стр. 187.

¹⁴⁸ Илья Эренбург..., стр. 14.

писателем не-русским, а вообще европейским, даже каким-то эсперантским». ¹⁴⁹

«Записки Терентия Забытого», «Шоколад», «Жизнь и гибель Николая Курбова» эпитафия первому поколению чекистов. Поколение это еще жило и действовало около десяти лет.

Они создали концентрационные лагеря, они создали систему слежки, их имя стало синонимом беспощадной расправы, бесправия, жестокости. Но их имя было неразрывно связано с революцией. Революция была их оправданием и смыслом существования. Введение НЭПа, официально закончившее революцию, ставило перед Чека новые задачи. Совершенно естественно, что становились ненужными, лишними и даже вредными те, кто служил революции в первые ее дни.

Рассмотренные выше повести интересны тем, что в них отмечены первые признаки гниения, первые признаки процесса, окончания которого нужно будет ждать около десяти лет.

¹⁴⁹ Е. Замятин — Лица, стр. 206. Для понимания разницы между «эсперантским» и «русским» языком достаточно сравнить сцену убийства помощника комиссара Временного правительства в «Курбове» и сцену убийства комиссара Временного правительства Гинца в «Докторе Живаго». В обоих случаях использован подлинный факт.

Глава третья

ГЕНЕРАЛЬНАЯ РЕПЕТИЦИЯ

1. Законодательная подготовка

В конце 20-х годов советское государство вступает в третий период своей истории. Начинается «великий перелом», начинается вторая революция, по своим последствиям еще более важная, чем Октябрьский переворот, но производимая на этот раз «сверху». В конце 20-х годов новая экономическая политика, принятая X съездом партии, заменяется политикой сплошной коллективизации, ликвидации кулака как класса, политикой интенсивной индустриализации.

Подготовка к «великому перелому» в области уголовного законодательства начинается в 1928 г. 26 марта 1928 г. ВЦИК и СНК РСФСР принимает постановление «О карательной политике и состоянии мест заключения».¹

Указав на недостатки в деятельности судов и в карательно-исправительной системе, Постановление признало крупным недочетом «чрезвычайный рост числа осужденных»,² в особенности осужденных на короткие сроки. К ним предлагалось применять иные меры социальной защиты вместо лишения свободы. Одновременно, Постановление признает «необходимым применять суровые меры репрессий... в отношении классовых врагов и деклассированных преступников-

¹ «Сборник нормативных актов по советскому исправительному-трудовому праву», цит. по «Истории советского государства и права», т. 2 и М. Шаргородский — Наказание по советскому уголовному праву».

² М. Шаргородский ..., стр. 83.

профессионалов»,³ ограничив для них возможность досрочного освобождения.

Две, казалось бы, противоречивые тенденции Постановления — сокращение числа заключенных и усиление репрессий — в действительности отражали новую линию в пенитенциарной политике.

В первый период деятельности советских судебных органов, в 1917—1920 гг., суды и трибуналы назначали разные сроки заключения — от одного месяца до пожизненного,⁴ до окончания гражданской войны, до победы мировой революции.

Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. предусматривал лишение свободы на срок от 6 месяцев до 10 лет, Кодекс 1926 г. установил, что минимальным сроком лишения свободы может быть один день, максимальным — десять лет.⁵

До тех пор пока труд заключенных не использовался в широких масштабах в народном хозяйстве эта градация сроков лишения свободы, а дополнительно к ней досрочное освобождение, зачеты рабочих дней⁶ рассматривались как элементы новой, прогрессивной пенитенциарной политики. Но едва лишь встал вопрос об использовании труда заключенных в экономике, оказалось, что экономически невыгодно использовать на работах заключенных, осужденных на короткие сроки. Переброска к месту работы могла занять значительную часть срока заключения.

Вместо заключения на короткие сроки Постановление от 26 марта 1928 г. предлагает применять в качестве наказания за незначительные преступления другие меры, прежде всего — принудительные работы. Принудительные работы, как мера наказания предусматривались Уголовным кодексом. Но если раньше принудительные работы означали работу по месту прежней службы с вычетом в пользу государства определенной части заработка, то теперь вводились

³ «История советского государства и права», т. 2, стр. 594.

⁴ М. Шаргородский..., стр. 80—82.

⁵ История советского государства и права, т. 2, стр. 583—585.

⁶ Каждый день работы в местах заключения НКВД засчитывался за полтора или два дня отбытого срока.

принудительные работы «на предприятиях, стройках, лесоразработках и т. д.»⁷ без заработной платы.

«История советского государства и права» объясняющая введение бесплатных работ⁸ наличием в 1928 г. в стране безработицы. Трудно признать этот аргумент убедительным, если учесть, что в 1924 г., когда был принят Исправительно-трудовой кодекс, предусматривавший оплату принудительных работ в стране начиналось 1.344,300 безработных,⁹ а к 1928 г. их число начало сокращаться.

И предписание назначать более высокие сроки контрреволюционерам и преступникам-профессионалам, и введение принудительного бесплатного труда были явлениями одного и того же порядка — подготовкой к включению труда заключенных в пятилетний план.¹⁰

Следует отметить, что сокращение числа заключенных осужденных на короткие сроки производилось не только путем назначения правонарушителю принудительных работ вместо тюремного заключения, но и путем увеличения сроков наказания до предельной границы. В январе 1929 г. народный комиссар юстиции категорически запретил краткосрочное лишение сво-

⁷ История советского государства и права, т. 2, стр. 595.

⁸ История советского государства и права, т. 2, стр. 595.

⁹ Малая советская энциклопедия в десяти томах, М. 1930, т. I, стр. 634.

¹⁰ Именно этими соображениями — экономической рациональности, производительностью труда — аргументируют и в настоящее время советские юристы пользу длительных сроков заключения. «В силу частой смены заключенных в колониях общего режима, трудно организовать солидное механизированное производство. Не случайно, что в колониях строго режима, в которых содержится меньше «краткосрочников», а состав заключенных более стабилен, как правило, лучше налажено производство и выше производительность труда». Эффективность уголовноправовых мер борьбы с преступностью. Под ред. проф. Б. С. Никифорова. Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. «Юридическая литература», М. 1968, стр. 38—39.

При желании можно бы назвать эту теорию, целиком воплощенную на практике, творческим вкладом в марксизм: высокоразвитое механизированное производство требует длительных сроков заключения в концлагерях.

боды, фактически отменив тем самым постановления Уголовного кодекса. Судьи, применявшие краткосрочное лишение свободы, отдавались под суд.

Причины, по которой в течение целого года шли изменения уголовного законодательства в сторону обострения санкций и увеличения сроков лишения свободы, становятся ясными 6 января 1929 г.

ЦИК и СНК СССР изменяют особым постановлением редакцию статьи 18 Основных начал уголовного законодательства. Отныне «лишение свободы в исправительно-трудовых лагерях в отдаленных местностях СССР» устанавливается на срок от 3 до 10 лет, а лишение свободы «в общих местах заключения» — на срок до 3 лет.¹¹

Одновременно, это же постановление передает все лагеря в ведение ОГПУ. Следовательно, отныне все лица осужденные на срок свыше трех лет должны отбывать наказание в лагерях ОГПУ, образцом которых были Соловки. С этого момента концентрационные лагеря становятся основным видом заключения.

Период относительного анабиоза, в котором концлагеря находились, кончился.

Последним в серии законодательных актов, оформляющих систему концентрационных лагерей, было постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 20 мая 1930 г., изменившее ст. 28 Уголовного кодекса в части касавшейся сроков заключения — лишение свободы могло назначаться на срок не ниже 1 года.¹² Верховный суд РСФСР специально указал судьям, что лишение свободы может применяться только в том случае, если «суд признает необходимым изолировать преступника от общества на длительный срок».¹³ Это означало, фактически, предписание судьям применять во всех случаях суровые меры наказания.

На исправительно-трудовые лагеря возложена задача охраны общества от «особо социально опасных правонарушителей путем изоляции, соединенной с общественно полезным трудом, и приспособления их к условиям трудового общежития.»¹⁴

¹¹ М. Шаргородский, стр. 83.

¹² М. Шаргородский, стр. 84.

¹³ Там же.

¹⁴ Свод законов СССР, 1930, № 22, стр. 248.

Следовательно, в соответствии с официальной номенклатурой лагеря, в которых находятся заключенные, осужденные на срок не ниже 3 лет, выполняют три функции: 1) изоляции, 2) использования на общественно-полезной работе, 3) приспособления к условиям трудового общежития. Здесь важно отметить отказ от «перевоспитания», которое было замещено «приспособлением к трудовому общежитию».

Труд даже номинально перестал быть мерой перевоспитания,¹⁵ заключенный перестал быть «жертвой общества», стал источником рабочей силы.

1928 год, начало пересмотра уголовного законодательства, с целью его подготовки к «великому перелому», был свидетелем «генеральной репетиции» использования возможностей правовых норм.

В начале 1928 г., когда стало очевидным резкое падение государственных заготовок хлеба, по отношению к крестьянам, подозреваемым в неспадке хлеба, суды стали применять — по аналогии — статьи 107 Уголовного кодекса.¹⁶ Принудительные меры¹⁷ этого рода были применены впервые после нескольких лет мирного «рабоче-крестьянского союза». Важно кроме того подчеркнуть также первый случай массового применения «анalogии» в качестве репрессии за нарушение — даже если оно имело место — не предусмотренное кодексом. «Аналогия» широко применялась в последующие месяцы в период «сплошной коллективизации».

Летом 1928 г. в Москве был организован процесс 53 инженеров и техников, обвиненных во вредительской деятельности в Шахтинском¹⁸ округе Донбаса. Это был первый открытый политический процесс после процесса социалистов-революционеров в 1922 г.

¹⁵ В новом Исправительно-трудовом кодексе, принятом в 1933 г., формула «культурно-воспитательная работа» была заменена формулой «политико-воспитательная работа». См. СУ РСФСР, 1933, № 48, стр. 208.

¹⁶ Ст. 107 предусматривала лишение свободы на срок до одного года с конфискацией имущества за злостное повышение цен на товары. См. УК РСФСР, М. 1932.

¹⁷ В Постановлении Объединенного пленума ЦК и ЦКК от 11 (IV) 1928 г. эти меры названы «фактическим сползанием на рельсы «продразверстки». См. «Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие постановления»..., стр. 47.

¹⁸ Процес известен, как «Шахтинское дело».

Значение Шахтинского процесса не ограничивается, конечно, тем, что он стал первым в длинном ряду политических процессов, тянувшихся целое десятилетие. Прежде всего он вводит новую категорию врага-вредителя. Наряду с кулаком, вредитель — в конце 20-х — начале 30-х годов — назначается главным врагом советской власти. Вскоре к ним присоединяются и другие.

Если репрессии против крестьян означали разрыв союза с крестьянством, то Шахтинское дело — означало разрыв союза со старой интеллигенцией, верой и правдой служившей советской республике уже около десяти лет.¹⁹

Но есть еще одна сторона Шахтинского процесса, которая представляется не менее важной. Введение понятия «вредитель» накануне принятия первого пятилетнего плана с одной стороны создало «козла отпущения», который отвечал за все неудачи, с другой — позволило провести насильственную мобилизацию технических кадров для лагерных работ. После Шахтинского процесса, после процесса т. н. Промпартии в 1930 г. рождаются «Особые конструкторские бюро ОГПУ», приобретшие известность под названием «шарашек». На больших стройках, на крупных заводах можно увидеть в те годы инженеров, сопровождаемых всюду надзирателями. Это — инженеры, осужденные за вредительство и отбывающие наказание на предприятиях.²⁰

¹⁹ Резолюция объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), принятая в связи с Шахтинским делом 11 апреля 1928 г. (еще до процесса), осудила «притупление коммунистической бдительности и революционного чутья наших работников в отношении классовых врагов» и по существу запретила неслужебное общение между коммунистами-руководителями и инженерами-спецами, заклеив «сближение с отдельными группами (специалистов) на основе приятельской бытовой смычки (совместные выпивки... и т. п.)». См. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», часть 2, 1924—1930. Изд. 7, Политиздат, М. 1954, стр. 500—503.

²⁰ В одном из первых романов о пятилетке, написанном в 1932 г. (первое издание 1934 г.) инженеры-заклученные руководят строительством Сталинградского тракторного завода. См. Яков Ильин-Большой конвейер, М. 1957, стр. 184.

Техническая интеллигенция составляет как бы командный состав армии заключенных, приступившей к строительству многих объектов первой пятилетки.²¹ Армию составляют — крестьяне, осужденные в период коллективизации: и кулаки, и колхозники.

Против «кулаков» используются все 14 параграфов статьи 58. Необходимо отметить при этом, что в первых, статья эта применялась по отношению к «кулакам» не судами, а особыми совещаниями ОГПУ, во вторых, наказание применялось не индивидуально, а — если так можно выразиться — в коллективном порядке. Излагая содержание серии документов, подписанных в январе—феврале 1930 г. высшими партийными и государственными органами, «История СССР» резюмирует: «Эти документы исходили из идеи дифференцированного отношения к различным слоям кулачества. Кулаков делили на три категории. Инициаторов и исполнителей террористических актов, проводивших активную антисоветскую работу, изолировали и направляли в концлагерь.²² Кулаков, оказывавших менее активное сопротивление, высылали в отделенные районы страны, где они трудились на лесоразработках, в сельском хозяйстве и т. п. Остальные кулаки оставались на прежних местах, но землю им выделяли за пределами колхозного массива.»²³

Как видно из приведенного текста «дифференцированное отношение» заключалось в том, что одну груп-

²¹ Варлам Шаламов рассказывает о заключенных (в том числе инженерах), сооружающих химический завод в Бобриках (одна из крупнейшихстроек первой пятилетки), и вспоминает, что в 1930 г. вблизи этого строительства Константин Паустовский писал свою повесть «Кара Бугаз». «Судя по тому, что Паустовский рассказал о том времени он вовсе не увидел главного, чем были окрашены эти годы для всей страны, всей истории нашего общества», заключает Шаламов. См. рассказ «Визит мистера Поппа» (рукопись). Как бы отвечая Шаламову К. Паустовский вспоминает в «Повести о жизни»: «На стротельстве... работали заключенные...» И добавляет, что это «никак не отражалось на самоотверженности их работы. «См. К. Паустовский — Собр. соч., т. 5, стр. 532, 533.

²² Обращает на себя внимание использование термина «концлагерь» по отношению к лагерям 30-х годов в официальном учебнике по истории СССР, вышедшем в 1967 г.

²³ «История СССР с древнейших времен до наших дней в 12 томах.» М. 1967, т. VIII, стр. 550.

пу сразу направляли в концлагеря, другую выслали «в отдаленные районы страны» также на принудительные работы. Третья категория вскоре последовала за первой и второй. «В течение осени и зимы 1930/31 года было проведено дополнительное выселение экспроприированных кулацких хозяйств.»²⁴

Юридической особенностью мероприятий по «ликвидации кулака как класса» была их плановость. Говоря выше о том, что наказание не носило в этот период индивидуального характера, я имел в виду именно эту «плановость». Поскольку точной дефиниции понятия «кулак» не существовало, каждая республика, каждая область, каждый район получали «нормы» — процент, подлежащих высылке в концлагеря или на спецработы в отдаленные районы.²⁵ 20 февраля 1930 г., например, Политбюро в постановлении о проведении коллективизации «в экономически отсталых национальных районах», т. е. прежде всего в Средней Азии, указало, что «численность кулацких и байских семей, подлежащих высылке, не должна превышать в этих районах 2—3%. Но уже в марте 1930 г., ЦК ВКП(б), признав, что при проведении сплошной коллективизации был нарушен «принцип добровольности в колхозном строительстве...», отметил, что в «некоторых районах процент 'раскулаченных' доходит до 15...»²⁷

Каждый крестьянин, отказывавшийся идти в колхоз, объявлялся «кулаком», подвергался раскулачиванию и тем самым становился врагом и преступником. Одновременно наказанию подвергались и члены его семьи.

По причинам, анализ которых выходит за рамки темы, коллективизация не дала тех результатов, которых от нее ожидали, если не считать, правда, рабочей силы для лагерей. С целью укрепления колхо-

²⁴ Там же, стр. 571.

²⁵ «В 1931—1932 гг. было раскулачено и выселено в северные и восточные районы Союза 240.757 кулацких семей (менее 1% общего количества крестьянских хозяйств)». Проф. Чунтулов, приводя эту цифру в «Экономической истории СССР» (М. 1969, стр. 267), не дает источника, откуда она взята. В «Истории СССР» — также без источника — говорится, что «с конца 1929 до середины 1930 гг. было раскулачено свыше 320 тыс. кулацких хозяйств». (Том VIII, стр. 551).

²⁶ Цит. по «Истории СССР», т. VIII, стр. 555.

²⁷ «КПСС в резолюциях...», часть 2, стр. 668.

зов и — несомненно — с целью усиления притока рабочей силы в лагеря был издан самый суровый в истории советского уголовного права закон — Постановление ЦИК и СНК от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности.»²⁸ За хищение общественной (государственной, кооперативной, колхозной) собственности закон предусматривал лишь одно наказание — «высшую меру-расстрел с конфискацией всего имущества». Общественной собственностью считалась вся собственность, принадлежащая колхозам, хищением — каждое хищение. В том числе, например, сбор несжатых колосьев в поле, на котором работы уже были закончены. Следует помнить, что этот закон был издан в то время, когда Россия переживала голод, какого никогда не знала в своей истории.²⁹

Совершенно очевидно, что нельзя было применять расстрел к сотням тысячам, арестованным по закону от «седьмого/восьмого», как стали его фамильярно называть. Закон позволял, «при смягчающих обстоятельствах» снижать наказание до десяти лет.

Новый закон, располагавший необычайно узкой амплитудой наказаний: расстрел или десять лет концлагеря, вскоре был распространен — «по аналогии» — на «обширный круг преступлений... в том числе спекуляцию, саботаж сельскохозяйственных работ, кражу семян и т. д.»³⁰ Кроме того, по этому закону судились те, кого обвиняли в антиколхозной агитации,³¹

²⁸ СЗ СССР, 1932, № 62, ст. 360.

²⁹ В главах романа «Они сражались за Родину», опубликованных в «Правде» в марте 1969 г. М. Шолохов рассказывает о встрече генерала, арестованного во времена «культа», а после смерти Сталина реабилитированного, со старым пастухом, который вспоминает, что его сноху, которая в 1933 г., чтобы спасти детей от голодной смерти, взяла с поля 4 килограмма пшеницы, осудили на 10 лет. Недавно освобожденный генерал отвечает: «Если бы за четыре кило хлеба не сажали, так воровали бы по четыре тонны». («Правда», 18 [III] 1969).

³⁰ История советского государства и права, т. 2, стр. 588.

³¹ Ныне историки отмечают в этом законе некоторые недостатки. «...Закон от 7 августа был излишне суров и юридически недостаточно отработан. Наряду со злостными расхитителями под его действие попадали лица, совершившие незначительные проступки. По отношению

они присуждались к заключению в концлагеря на 5—10 лет.

Начало работ по выполнению первого пятилетнего плана, коллективизация повлекли за собой изменение отношения к рабочему классу. Интенсивная индустриализация страны требовала большого количества квалифицированных рабочих. На заводы, на новые стройки приходили крестьяне, выброшенные из деревни коллективизацией.

«Новые рабочие», как несколько презрительно называет в то время выходцев из деревни периодическая печать, не умеют работать, им нужно учиться, чтобы стать настоящими рабочими, но времени нет.

Повторяется ситуация, имевшая место в первые годы после революции, с той лишь разницей, что правительство уже накопило опыт использования принудительных мер по отношению к рабочим.

Целый ряд декретов — на протяжении 1929—1934 гг. — изменил характер важнейших статей Кодекса законов о труде 1922 г., лишив рабочих многих прав, которые этот кодекс им давал.

Единоличным начальником на предприятии становился директор,³² получивший право увольнять рабочих, даже без уведомления профсоюзов, отменяется практика подписания коллективных договоров, профсоюзы сливаются с органами народного комиссариата труда и перестают существовать не только фактически, но и формально.³³ Самовольный, то есть без согласия дирекции, уход с работы, прогул (с 1932 г. даже один день) — влекли за собой передачу под суд.³⁴ Одновременно наркомтруд получил право переводить

к ним по закону также должны были применяться крайне суровые меры.» См. «История СССР», т. VIII, стр. 584. «В практике применения закона органами суда и прокуратуры были допущены ошибки. Репрессивные меры применялись не только к крупным расхитителям и спекулянтам, но и к мелким нарушителям. Это объяснялось и юридическим несовершенством закона». См. «История советского государства и права», т. 2, стр. 588. Стоить отметить, что в обеих трудах подчеркивается, что наказанию подвергались — наряду с преступниками — люди, совершившие «проступки» и «нарушения», а не — преступления.

³² Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам, т. 2, стр. 120.

³³ СЗ СССР, 1933, № 40, стр. 238.

³⁴ История советского государства и права, т. 2, стр. 510.

квалифицированных рабочих и специалистов на работу в другую местность, в другие отрасли народного хозяйства. Отказ подчиниться этому решению рассматривался как злостное нарушение трудовой дисциплины и также влек за собой уголовную ответственность.

Характерной особенностью этого нового «рабочего» законодательства является его комплексный характер, создающий нечто вроде коллективной ответственности. За «нарушение трудовой дисциплины» дирекция передавала рабочих в суд, но, с другой стороны, дирекция в случае плохой работы предприятия также наказывалась заключением в лагерь. С ноября 1929 г., например, «выпуск недоброкачественной или некомплектной продукции» влек за собой «лишение свободы на срок не ниже пяти лет.»³⁵

Анализируя законодательную деятельность в области трудового права, советский историк приходит к выводу: «Трудовой кодекс не только не продвинулся дальше норм и декретов первых лет диктатуры пролетариата, но в ряде положений пошел назад.»³⁶

Символом изменений, происходивших в советском уголовном законодательстве в этот период, может быть возвращение к термину «наказание», который с 1924 г. не применялся. Этот термин с полным основанием был употреблен после десятилетнего перерыва в изданной 8 июня 1934 г. законе об измене Родины.³⁷ Особенностью нового закона было введение коллективной ответственности для членов семьи. Закон предусматривал лишение свободы от двух до пяти лет для членов семьи, знавших о намерении «изменника Родины», и ссылку на пять лет для тех членов семьи, которые ничего не знали о его намерениях.³⁸

Введение термина «наказание» означало официальный отказ от идей о перевоспитании преступников, открытое признание в стремлении наказывать, открытый разрыв с мифами.

³⁵ См. Уголовный кодекс РСФСР, М. 1932, ст. 128 а.

³⁶ История советского государства и права, т. 2, стр. 494.

³⁷ «Правда», 9 июня 1934 г., СЗ СССР 1934, № 33, стр. 255.

³⁸ В «Истории советского государства и права» (т. 2, стр. 589) говорится: «Последняя норма, как не согласующаяся с общими принципами советского уголовного права, впоследствии была из закона исключена». Сделано это было в 1960 г.

Актом, завершающим создание «тюремной цивилизации»,³⁹ следует считать постановление ЦИК и СНК СССР от 27 декабря 1932 г., устанавливавшее в стране систему внутренних паспортов для городского населения.⁴⁰ В энциклопедии, вышедшей за два года до введения паспортов, можно было прочесть: «Паспортная система была важнейшим орудием полицейского воздействия и податной политики в т. н. «полицейском государстве». Паспортная система действовала и в дореволюционной России... Советское право не знает паспортной системы.»⁴¹

Введение паспортов, ограничившее свободу передвижения граждан, облегчавшее контроль за ними, привело к возникновению еще одной группы «отверженных» — людей, которым паспорта не выдавались. Надежда Мандельштам вспоминает, как счастливы они были, узнав, что Осипа Мандельштама выслали в Воронеж «с паспортом.» «Тут-то мы узнали, что обладание паспортом тоже высокая привилегия — не всякий заслуживает ее.»⁴²

Картину положения, создавшегося в стране в начале 30-х годов в результате политики «ликвидации кулака» и изменения уголовного законодательства в сторону его резкого обострения рисует секретная «Инструкция всем партийно-советским работникам и всем органам ОГПУ, суда и прокуратуры», подписанная Молотовым и Сталиным 8 мая 1933 г.⁴³

Отметив в преамбуле, что «отчаянное сопротивление кулачества колхозному движению» в 1929 г. «со-

³⁹ Выражение Надежды Мандельштам. См. Воспоминания. Изд. им. Чехова, Нью-Йорк, стр. 26.

⁴⁰ Крестьяне (колхозники) не имеют паспортов до сегодняшнего дня.

⁴¹ Малая советская энциклопедия, I издание, М. 1930, т. 6, стр. 342—343. В этом же томе дана дефиниция полицейского государства: «Характерными чертами полицейского государства являлись правительственная опека и полицейское вмешательство во все области жизни, устранение граждан от участия в государственном управлении, подчинение народного хозяйства руководству казны и наличие широко разветвленной бюрократии.» (Стр. 685).

⁴² Надежда Мандельштам — Воспоминания, стр. 126.

⁴³ Фотокопия текста, найденного в Смоленском архиве, опубликована на стр. 215 в Merle Fainsod — Smolensk á l'heure de Staline. Fayard, 1967.

здало необходимость применения советской властью массовых арестов и острых форм репрессий в виде массового выселения кулаков и подкулачников в северные и дальние края», а «дальнейшее сопротивление кулацких элементов и вредительство в колхозах и совхозах, вскрытое в 1932 г. . . потребовали дальнейшего усиления репрессивных мер», авторы инструкции указывают, что пришло время изменить политику и прекратить массовые репрессии.

Прежде всего Инструкция требует «упорядочить производство арестов, «то есть сохранить право производить аресты населения только за органами прокуратуры, ОГПУ и милиции». Из перечня тех, кто арестовывал «кулаков» и «подкулачников» в годы «великого перелома» видно, что фактически в деревне в этот период все законы были отменены. Инструкция запрещает производить аресты: «председателям РИК, районным и краевым уполномоченным, председателям сельсоветов, председателям колхозов, секретарям партийных ячеек и пр.»⁴⁴

Массовые аресты привели к тому, что тюрьмы оказались забитыми арестованными. Инструкция предлагает приступить к «разгрузке мест заключения.» И устанавливает даже «максимальное количество лиц, могущих содержаться под стражей в местах заключения», ограничивая его 400 тыс. человек⁴⁵ не считая заключенных в лагерях и колониях.⁴⁶

Было бы ошибочным, однако, полагать, что «меры по разгрузке тюрем» имели целью освобождение заключенных. Их задачей было ускорение рассмотрения дел и отправка осужденных в лагерь. Инструкция предлагала ускорить рассмотрение дел, всем осужденным на срок до 3 лет заменить лишение свободы при-

⁴⁴ Merle Fainsod, *op. cit.*, стр. 215.

⁴⁵ Для сравнения: наибольшее количество заключенных в царских тюрьмах приходится на 1912 г. и составляет 183.864 чел. См. М. Гернет — История царской тюрьмы, т. IV, стр. 23. В этом же 1912 г. на каторжные работы, которые можно считать соответствующими концлагерям, было осуждено 547 чел. См. М. Гернет, т. V, стр. 248.

⁴⁶ Официальных данных о количестве заключенных в концлагерях нет, но только на строительстве Беломорканала, строительство которого закончилось в 1933 г., работало одновременно не менее 300 тысяч заключенных. См. «Беломорско-Балтийский канал им. Сталина».

нудительными работами, всех осужденных на сроки свыше 3 лет отослать в трудовые поселки и лагеря ОГПУ.

Главное значение Инструкции заключается в том, что она официально завершает период массовой репрессии, связанной с «второй революцией». Положение стабилизируется. Сигналом к началу следующего периода массовых репрессий, которые достигнут своей кульминации в 1936—1938 гг., будет убийство Кирова, совершенное 1 декабря 1934 г.

Рассмотренный пятилетний период — 1928—1933 — характеризуется волнообразным нарастанием и опаданием массовых репрессий. Каждая из этих волн — вредители,⁴⁷ кулаки, расхитители колхозной собственности, нарушители трудовой дисциплины — как бы захватывает новую категорию преступников. Достигнув максимальной точки — волна опадает,⁴⁸ но определенная категория граждан (объединяемая по социальному или профессиональному признаку), не перестает чувствовать повисший над ней Дамоклов меч.

Наказание давно, перестав быть функцией виновности, является функцией семейных отношений, положения в обществе, выполняемой работы. Наказание следует не *за что*, а *почему*.

Массовые репрессии, жестокие наказания порождают неуверенности, фатализм, точно выраженные в старинной русской пословице — от тюрьмы и сумы не отказывайся. Жгучую актуальность приобретают, написанные в 1849 г., слова Герцена о своеобразной школе, которой была для русского народа искони висевшая над ним правовая необеспеченность. «Вопиющая несправедливость одной части законов вызвало в нем презрение к другой. Полное неравенство перед

⁴⁷ 14 марта 1933 г. ЦИК СССР принял специальное Постановление об ответственности за вредительство. См. СЗ СССР, 1933, № 19, стр. 108.

⁴⁸ После Шахтинского процесса и дела «Промпартии» — высших точек травли технической интеллигенции, последовало секретное решение ЦК ВКП(б) от 10 июня 1931 г. об улучшении отношения к технической интеллигенции и улучшении ее жизненного уровня (см. М. Файнсон, стр. 352—3), а затем снова борьба с «вредительством» усиливается (см. выше Постановление 1933 г.).

судом убило в нем в самом зародыше уважение к законности». ⁴⁹

О полном пренебрежении к законности свидетельствовало, например, выступление в январе 1933 г. на пленуме ЦК Сталина. Указав на плохую работу колхозов, объяснив ее контрреволюционной деятельностью подкулачников (кулаков уже давно не было), Сталин, иронизируя над теми, кто ищет врагов и не может их найти, назвал этих врагов: классового врага в деревне нужно искать среди колхозных кладовщиков, счетоводов, завхозов. ⁵⁰ Немедленно представители этих профессий по своей стране стали объектом преследований.

Закон не вызывал уважения. Закон вызывал страх.

2. Три кита тюремной цивилизации

Как и земля «тюремная цивилизация» стоит на трех китах. Эти «киты» — лагеря, страх и ложь.

Революция привела в ужас представителей имущих классов. Их напугал переворот существовавшего ранее положения вещей, их напугала конфискация имущества, их напугали массовые аресты и расстрелы. Реквизиции, подрастерстка наполняют страхом крестьян. Рабочие боятся голода, суровых взысканий за неудовлетворительную работу.

Завершение революционного периода, введение НЭПа вносят, казалось бы, успокоение, чувство стабильности, некоторой уверенности в будущем. Однако, это уверенность внешняя — страх остается, он продолжает жить, его внешними атрибутами становятся слова: Лубянка, Соловки, «тяжелое темное слово» мандат.

Сошедший с ума герой повести Аросева, старый большевик, выписывает сам себе мандат, гласящий:

«Дан сей предъявителю сего на право истребления всех тех людей, кои по физическим, психическим, социальным, моральным или каким-либо другим при-

⁴⁹ А. И. Герцен — Сочинения в девяти томах. ГИХЛ, М. 1956, т. 3, стр. 500.

⁵⁰ И. В. Сталин — Вопросы ленинизма. Изд. 11, ОГИЗ, 1945, стр. 406.

знакам вызовут в предъявителе сего чувство дезакорда с идеалом человеческого счастья.»⁵¹

Когда герой комедии Эрдмана «Мандат»,⁵² потрясая бумажкой, которую он принимает за «мандат», кричал: «Мамаша, с этой бумажкой я теперь половину России переарестую!», зрительный зал покрывал его слова смехом. Смех, однако, вызывала не сама угроза. Возможность «переарестовать пол России» не вызывала сомнений. Смешно было то, что возможности этой не давала та бумажка, которую получил герой. Смех вызывался наивностью героя, перепутавшего простую бумажку с всеильным мандатом. Французы называют такой смех «желтым».

«Вторая революция», завершившая период относительной стабилизации введением множества категорий врагов, ликвидацией целого класса крестьян, создает атмосферу страха, который ощущается всеми. Активная борьба с «оппозицией»,⁵³ с середины 20-х годов с «левой», а с конца 20-х годов — с «правой», привела к тому, что исчезает последняя категория «неприкасаемых». Член партии, обвиненный в оппозиционных взглядах, исчезает в тюрьме (до 1936 г. «оппозиционеры» содержались в политизоляторах) почти с такой же быстротой, как и беспартийный.

Екатерина Олицкая, автор единственных мемуаров о судьбе эсеров, написанных в Советском Союзе, вспоминает: «Мы давно уже были уверены, что рано или поздно встретимся в тюрьме с большевиками... Если

⁵¹ «От желтой реки», Л. 1927, стр. 138—139. Герой повести Платон — продолжение характеров большевиков (в том числе чекиста Клейнера), показанных в «Записках Терентия Забытого». Платон — завершение духовного распада, разочарования в революции, изменившей себе.

⁵² Комедия Николая Эрдмана была поставлена в театре Мейерхольда 20 апреля 1925 г. «О 'Мандате' не спорили, спектаклем дружно и радостно восхищались», — говорится в «Истории советского драматического театра», изд-во «Наука», М. 1966, т. 2, стр. 129. Вскоре после постановки спектакль был снят, пьеса запрещена. Вторично поставлена (несколько представлений) в Москве в 1956 г. Текст «Мандата» не публиковался.

⁵³ Впервые арест видного деятеля большевистской партии был произведен в 1923 г. Арестованный — татарский коммунист Султан-Галиев — обвинялся в сотрудничестве с иностранными разведками. См. «Резолюции съездов...», часть 2, М. 1954.

инакомыслие приводит в тюремную камеру, если социалисты и анархисты загнаны в политизоляторы... то неизбежно жизнь приведет сюда и оппозиционные течения правящей партии.»⁵⁴ Впервые Олицкая встречается в тюрьме с коммунистами-троцкистами в 1926 г., а с 1928 г. аресты среди оппозиционеров становятся массовыми. Страх проникает и в правящую партию.

О настроениях среди рабочих красноречиво свидетельствует строго-секретная докладная записка, составленная тайными агентами ОГПУ в связи с выселением кулаков:

«Рабочие выражают одобрение мероприятиям советской власти по выселению кулачества, смеются над сочувствующими выселенным, говорят: «раз выселяют, значит надо, ведь знают кого берут, нас не возьмут.»⁵⁵

Внешними атрибутами воцарившегося всеобщего страха становится громогласно провозглашаемая убежденность в том, что «нас не возьмут» ибо «знают кого берут». «Знают» — в неопределенной форме — относилось к всемогущим «органам», олицетворявшим Страх.

В это время «органы», то есть ОГПУ, занимались «обеспечением не только государственной безопасности, но и общественного порядка, охраной границ, государственной и общественной собственности, личной безопасности граждан и их имущества, паспортизацией.»⁵⁶ Не было такой области общественной, государственной или частной жизни, которую бы не «обеспечивало» бы ОГПУ. Как осторожно выражается советский историк ОГПУ «в то время стало выполнять функции, выходявшие за пределы задач, возложенных на него Конституцией.»⁵⁷

⁵⁴ Е. Олицкая — Мои воспоминания, стр. 306. Богатый материал о преследованиях оппозиционеров имеется в книгах иностранных коммунистов, прежде всего у А. Чилиги, арестованного в 1930 г. (См. А. Ciliga — Au Pays du Mensonge décoertant; Sibirie. Paris, Plou, 1950) и Виктора Сержа, арестованного в 1933 г. См. Victor Serge-Memoires d'un révolutionnaire, 1901—1914, Paris, Seenl, 1951.

⁵⁵ Фотокопия в книге Merle Fainsod — Smolensk... стр. 215.

⁵⁶ История советского государства и права, т. 2, стр. 407.

⁵⁷ Там же, стр. 406. Постановлением ЦИК от 10 июля 1934 г. был образован Народный комиссариат внутренних дел НКВД, в состав которого вошло ОГПУ. Фактически, права «органов» стали еще шире. Они были оформлены законом.

Тема страха, парализовавшего советское общество во второй половине 30-х годов, приобрела в советской литературе некоторую популярность в середине 50-х годов. Однако уже в 1931 г. Александр Афиногенов пишет пьесу под названием «Страх».

Герой «Страх» — профессор Бородин, руководитель «Института физиологических стимулов» приходит после многолетних опытов в «лаборатории социального поведения» к выводу, что деятельностью человека руководят четыре стимула: страх, любовь, ненависть и голод. Научное руководство этими стимулами позволяет «переделывать» людей, направлять их общественную деятельность. Бородин утверждает, что полученные им научные данные позволяют утверждать: советская система управления никуда не годится, ибо она основана лишь на одном стимуле — страхе. «Мы живем в эпоху великого страха, — говорит профессор. — Страх заставляет талантливых интеллигентов отрекаться от матерей, подделывать социальное происхождение... Страх ходит за человеком. Человек становится недоверчивым, замкнутым, недобросовестным, неряшливым и беспринципным... Страх порождает прогулы, опоздание поездов, прорывы производства, общую бедность и голод. Никто ничего не делает без окрика, без занесения на черную доску, без угрозы посадить или выслать.»⁵⁸

По мнению профессора судьбу людей должны решать не «исполкомы и ячейки», а ученые. Физиология должна вытеснить политику.

Афиногенов — по ходу пьесы⁵⁹ стремится разоблачить теорию «великого страха», настаивая, что ее внушили Бородину враги, люди с темным прошлым, связанные, само собой разумеется, с границей. Это их разъедает страх. А старая большевичка Клара провозглашает: «классовая борьба сильнее всякого страха». Окончательное «перерождение», «исправление»

⁵⁸ А. Афиногенов — Пьесы. Советский писатель, М. 1956, стр. 138—140.

⁵⁹ Была поставлена МХАТ и ленинградским Гос. академическим театром драмы в 1931 г. После нескольких десятков представлений навсегда изъята из советского репертуара. См. Н. Горчаков — Режиссерские уроки К. С. Станиславского. М. 1951, стр. 523—531; О. Литовский — Так и было, М. 1958, стр. 83—87.

профессора Бородина, признающего свою теорию ошибочной происходит не под воздействием аргументов старой большевички, а после ареста и беседы со следователем ОГПУ. В пьесе, доказывавшей, что «страх» это выдумка врага, либо удел врагов, страх перед ОГПУ оказался наиболее действенным воспитательным средством.⁶⁰

Страх выражается прежде всего в боязни открыть рот. В «Самоубийце», которую Надежда Мандельштам называет «вершиной советской драматургии»,⁶¹ Николай Эрдман создает острую коллизию, красноречиво иллюстрирующую страх перед откровенным словом: Все наперебой ухаживают за человеком, о котором думают, что он решил покончить самоубийством. Наконец кто-то скажет все, что бояться произнести вслух другие.

«Я могу никого не бояться, — восторженно осознает внезапно кандидат в самоубийцы. — Никого... Боже мой! Никого не боюсь... В первый раз за всю жизнь никого не боюсь... Никого не боюсь. Вот в Союзе сто сорок миллионов, товарищи, и кого-нибудь каждый миллион боится, а вот я никого не боюсь. Никого. Все равно умирать.»⁶² Только смерть может спасти от страха.

Страх выражается прежде всего в страхе говорить правду. За то можно — и нужно — лгать. Доктрина

⁶⁰ Реакция зрителей была быть может наиболее красноречивым подтверждением правоты теории Бородина. Литовский-цензор, театральный критик и друг Афиногенова — вспоминает: «Смелость, с какой Афиногенов поставил политические проблемы в «Страхе» удивляла, а иногда и просто пугала не только рядовых зрителей, но и крупных политических работников». Литовский, стр. 85.

⁶¹ Надежда Мандельштам — Воспоминания, стр. 61.

⁶² «Новый журнал», № 113, стр. 34—35. Пьеса Эрдмана была принята к постановке тремя крупнейшими московскими театрами: Мейерхольдом, театром Вахтангова и МХАТ. «Мейерхольду, — как пишет О. Литовский — посоветовали не выпускать спектакль». Станиславскому разрешили репетировать, но, как утверждает все тот же бывший цензор, пьеса «после какой-то репетиции была снята с работы самим МХАТом». Воспоминания О. Литовского называются «Так и было», но в действительности так не было. Было иначе. 9 ноября 1931 г. Сталин послал письмо Станиславскому: «Уважаемый Константин Сергеевич! Я не очень высокого мнения о пьесе «Самоубийство» (?) Ближайшие мои товарищи считают, что она пу-

о «партийности истины», о необходимости вести непримиримую борьбу с «коварнейшим орудием врага» — объективностью ложится в основу советской идеологии сразу же после революции. Понятие «партийности истины» включает в себя и нежелание Василия Князева «обнажать язвы революции» перед чужими глазами и утверждение Ивана Кулика, что условиям, в которых живут преступники в советских концентрационных лагерях, «позавидовывало бы немало западных рабочих...»⁶³ Это понятие включает целую гамму опровержения истины — от ее искажения до чистой лжи.

О понимании Афиногеновым важнейших законов, движущих советским обществом, о его проницательности свидетельствует тема пьесы, которую он написал после «Страха». Новая пьеса называлась «Ложь».⁶⁴

«... Пьеса эта, — пишет Афиногенов,⁶⁵ — для меня является откликом на многие и многие вопросы моей

стовата и даже вредна. Мнение (и мотивы) Реперткома можете узнать из приложенного документа. Мне кажется, что отзыв Реперткома не далек от истины. Тем не менее, я не возражаю против того, чтобы дать театру сделать опыт и показать свое мастерство. Не исключено, что театру удастся добиться цели. Культпроп ЦК нашей партии (т. Стецкий) поможет Вам в этом деле. Суперами будут товарищи, знающие художественное дело. Я в этом деле дилетант.

Привет!

И. Сталин».

Репертком, ведущим членом которого был О. Литовский, оценивал «Самоубийцу», как пьесу контрреволюционную. Сталин, разрешив МХАТу «сделать опыт», направил ему в «помощь» т. Стецкого и знатока «художественного дела», которым оказался Л. М. Каганович. Видимо по их рекомендации «сам МХАТ» снял «с работы» спектакль. Письмо Сталина опубликовано в *Russian Literature Triquarterly* № 7, Winter 1971, стр. 425.

⁶³ Первый всесоюзный съезд дисателей. Стенографический отчет, стр. 41.

⁶⁴ Пьесу «Ложь» приняли к постановке 300 театров, но Афиногенов, узнав об отрицательной оценке пьесы Сталиным, просит снять «Ложь» с репертуара, решив, видимо, предупредить ее запрет. См. «Литературное наследство», № 70, стр. 34 и О. Литовский «Так и было», стр. 83.

⁶⁵ Письмо М. Горькому 6 апреля 1932 г. «Литературное наследство», № 70, стр. 30.

жизни как писателя — и выношена она с кровью... А вопросы эти не дают мне покою...

Познакомившись с такой оценкой пьесы ее автором, трудно принять утверждение О. Литовского, что «Ложь» с «удивительной смелостью и драматургически необычайно насыщено, эффектно рассказывала потрясенному зрителю о двурушниках и двурушничестве, о тех людях, которые прикрываясь партийным билетом, творили свое гнусное дело...»⁶⁶

Для рассказа о «двурушниках и двурушничестве» в 1933 году не нужно было никакой смелости. Десятки пьес на эту тему шли на сценах сотен театров.

Смысл пьесы «Ложь» становится очевидным после опубликования в 1963 г. письма Горького Афиногенову, письма являющегося подробным разбором пьесы, а в еще большей степени изложением взглядов Горького на вопросы истины и лжи, на соотношение между правдой подлинной и правдой, которая видится «с высоты целей будущего.»⁶⁷

Значение этого письма, мне кажется, выходит далеко за рамки частной оценки одной пьесы. Горький излагает основы советской идеологии, главные принципы нового отношения к действительности, которое, как кажется писателю, должно стать обязательным.

Отметив, что в смысле литературном «Ложь» представляет собой шаг вперед по сравнению с предшествующим «Страхом», Горький переходит к изложению своего взгляда «на социально политическое значение пьесы.»⁶⁸

Главный упрек Горького сводится к тому, что автор, создав пьесу «на реальном материале»,⁶⁹ попал «в тесный плен грубейшего эмпиризма», придал «слишком много значения своему личному опыту».⁷⁰

Основываясь на своем личном опыте, на «грубейшем эмпиризме», Афиногенов показывает в своей пьесе членов партии, деятелей, которые «на правду не молятся» и никакой лжи не боятся, которые рассматривают ложь, как боевой прием, как «обман» на фронте, как прием военной стратегии. Они убеждены, что «массы должны доверять нам, не спрашивая, правда

⁶⁶ О. Литовский — Так и было, стр. 83.

⁶⁷ Литературное наследство № 70, стр. 34.

⁶⁸ Там же, стр. 31.

⁷⁰ Литературное наследство, № 70, стр. 33.

это или ложь.» Они убеждены в этом и потому, что сами «доверяют» тем, кто стоит в партийной иерархии выше их. «Думать должны вожди...» — утверждает один из героев. Главный отрицательный персонаж, оппозиционер Накатов выражает мысль еретическую: «Вся страна лжет и обманывает, — ибо она сама обманута». Подобных мыслей особенно боится Горький: «Накатов — оппозиционер — заинтересует зрителя более, чем все другие герои..., ибо зритель — в большинстве — тоже «оппозиционер».⁷¹

Горький не удовлетворен не тем, что доказывает Афиногенов, а тем, как он это делает: «Если вы... хотели утвердить необходимость лжи в борьбе за торжество мировой правды пролетариата, вы — так как, это сделано вами (подчеркнуто мною. М. Г.) — компрометируете правду».

В 1921 г. Евгений Замятин предсказывал, что «настоящей литературы у нас не будет, пока не перестанут смотреть на демос российский, как на ребенка невинность которого надо оберегать».⁷²

В 1933 г. Горький уверен в том, что «невинность российского демоса» необходимо охранять значительно строже, чем когда либо. Эту мысль он формулирует достаточно откровенно.

«Я думаю, — пишет он Афиногенову, — что она (т. е. пьеса «Ложь») была бы, вероятно, весьма полезна, если б можно было разыграть ее в каком-то закрытом театре, пред тысячей хорошо грамотных ленинцев, непоколебимо уверенных в правильности генеральной линии... При этом требовалось бы, чтоб и актеры, разыгрывающие пьесу, тоже были бы социалистами искренно, а не потому, что быть социалистом — выгодно.»⁷³

⁷¹ Там же, стр. 32.

⁷² Е. Замятин — Лица, стр. 189.

⁷³ «Литературное наследство», № 70, стр. 32. В статье «История одной пьесы» А. Караганов, рассказывая о судьбе пьесы «Ложь», приводит цитаты из письма Горького Афиногенову, которых нет в тексте, опубликованном в «Литературном наследстве». Оказывается, например, что в «реальной аудитории» советских театров через 16 лет после революции преобладают «сукины дети прошлого, изгнанные из разрушенного рая мещанской жизни». (См. «Знамя», № I, 1963, стр. 210).

Твердо убежденный в том, что правда годится только для сильных духом, что только они могут выдержать ее разъедающую, как кислота, едкость, Горький настаивает на необходимости для людей утешительной лжи, прекрасного обмана, не выявляющего имеющиеся недостатки, а расписывающего возможные добродетели.

«Вы сами, Афиногенов, — упрекает он автора «Лжи», — несколько чрезмерно умиляетесь собственной праведностью», «влагая палец в язвы» партии. (Большевик) важен не со стороны его недостатков, а со стороны его достоинства. Его недостатки коренятся в прошлом, которое он неумоимо разрушает, достоинства в настоящем, в работе строительства будущего.»⁷⁴

В концепции Горького о вреде истины, возникшей задолго до революции, появляется теперь новая, дополнительная черта. Правда кажется ему теперь особенно вредной потому, что она «может быть использована врагами». Рождается новый аргумент, исключаящий всякую возможность настаивать на праве глашатаи истины.

«Вашу пьесу, — пишет Горький Афиногенову, — с огромным удовольствием примут белоэмигранты, и она, конечно, понравится всей вообще буржуазии... Нам литераторам Союза Советов Социалистических, давно уже пора усвоить простую истину: мы пишем не только для пролетариев Союза нашего, но — для пролетариата всех стран. Это — факт неоспоримый. Он возлагает на нас огромнейшую ответственность.»⁷⁵

⁷⁴ «Литературное наследство», № 70, стр. 34.

⁷⁵ Там же, стр. 32—33. Стоит отметить удивительное сходство между замечаниями Горького, изложенными в письме, и замечаниями Сталина в тексте пьесы «Ложь», посланной автором генеральному секретарю ЦК. Сталин не просто прочитал пьесу, сделал на полях множество критических замечаний. Он «вычеркивал не понравившиеся ему сцены, монологи, реплики», вписывал на их место новые реплики, делал свои вставки, добываясь «усиления элемента декларативности», требуя, чтобы все в пьесе было «разъяснено, разжевано, уравновешено». (См. «Знамя», № I, 1963, стр. 212—214). Пожалуй никогда Сталин не выразил так ясно, какая литература ему нужна, как «работая» над пьесой Афиногенова.

Литература, воспринимаемая как долг, как орудие воспитания пролетариата, его подготовки к боям за мировую революцию, совершенно очевидно исключала возможность передавать душевный мир писателя, либо внешний окружающий его мир, каким он писателю виделся. В этом случае литературное произведение оказывалось «вредным», ибо писатель, по словам Горького, попадал в «тесный плен грубейшего эмпиризма». Нетерпимой оказывалась и каждая попытка к сатирическому освещению действительности.

Еще в 1929 г., во время второго приезда в Советский Союз, Горький придерживался тех взглядов, которые он так пространно излагает в письме Афиногенову в 1933 г.

Получив рукопись романа Андрея Платонова «Чевенгур», Горький пишет ему 18 сентября 1929 г.: «Роман ваш — чрезвычайно интересный... Но вы придали освещению действительности характер лирико-сатирический, это, разумеется, неприемлемо для нашей цензуры.»⁷⁶

В конце 20-х годов происходит «освящение» лжи, как необходимого оружия в борьбе за новый мир, санкционирование лжи, цензуры как необходимых элементов литературы. Может быть наиболее четко выразил эту тенденцию Борис Пильняк еще в 1922 году.

Попавший в Советский Союз американец Смит приходит к убеждению, что в этой стране «все лгут». «Ложь всюду, в труде, в общественной жизни, в семейных отношениях. Лгут все, и коммунисты, и буржуа, и рабочие, и даже враги революции, вся нация русская».⁷⁷ Смит, устами которого несомненно говорит Пильняк, считает эту ложь глубоко оправданной: «Я много думал о воле видеть и ставил ее в порядке воли хотеть: оказывается есть иная воля — *воля не видеть, когда воля хотеть* противопоставляется воле видеть. Россия живет волей хотеть и волей не видеть.»⁷⁸

⁷⁶ Литературное наследство, № 70, стр. 313. Почти дословно повторил слова Горького Луначарский, прослушав чтение автором комедии «Самоубийца». «Вспоминаю, — пишет Н. Луначарская-Розанель, — как, выслушав сатирическую комедию Николая Эрдмана «Самоубийца», после того как он смеялся чуть не до слез и несколько раз принимался аплодировать, он резюмировал, обняв Нико-

Если первым элементом формулы Пильняка, — которая, как мне кажется, точно выражает и взгляды Горького, — является «ложь», то вторым элементом, совершенно необходимым, ибо без него нет первого, — является «воля».

Чтобы лгать необходимо заставить себя не видеть.

«Воля», часто с эпитетами «железная», «стальная» становится одним из самых употребительных слов в словаре советских писателей начала 30-х годов, в словаре Горького.

«Мы выступаем в стране, освещенной гением Ленина, в стране, где неутомимо и чудодейственно работает железная воля Иосифа Сталина».⁷⁹ «Я поздравляю нашу мудрую партию и ее руководителя — железного человека тов. Сталина».⁸⁰

«Железная воля» представляется как сила, которая может смести старый мир и построить новое общество.

Желая на конкретном примере показать действие «железной воли» и одновременно создать образец «новой литературы», одушевленной «волей не видеть», Горький выступает с инициативой организации писательской бригады для выезда на строительство канала, который должен был соединить Белое и Балтийское моря, канала, который в болотах и скалах Карелии начали сооружать сотни тысяч заключенных. Рождается единственная в своем роде апология рабского труда, написанная 35 советскими писателями. Книгу редактировали Максим Горький, руководитель РАПП Леопольд Авербах и начальник лагеря, заместитель начальника Главного управления всеми лагеря-

лая Робертовича за плечи: «Остро, занято... но ставить 'Самоубийцу' нельзя.» См. «Память сердца», изд. «Искусство», М. 1965, стр. 22.

⁷⁷ Борис Пильняк — Мать-Мачеха. Собрание сочинений. М. — 1. 1929, т. IV, стр. 218.

⁷⁸ Борис Пильняк — Мать-мачеха, стр. 219.

⁷⁹ Из выступления М. Горького на I всесоюзном съезде писателей. Стенографический отчет, стр. 1.

⁸⁰ Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. История строительства (далее — Беломорканал), стр. 392. Из выступления Горького на слете ударников, посвященном окончанию строительства канала.

ми ОГПУ Семен Фирин. В числе авторов книги — А. Толстой, В. Шкловский, Вс. Иванов, М. Зощенко.⁸¹

3. Беломорканал — испытание системы

«Плоская пустынная равнина, громадные сосны. Направо — река, налево — река, а вокруг — болота да топи, пять лет надо присматриваться, чтобы найти тропинку... У громадных первобытных костров разбиваются наспех палатки, сооружаются шалаши, потому что палаток нехватает для всех, — эшелоны все прибывают и прибывают.»⁸² Так начинается лагерь.⁸³

Нужно было пробить в гранитных скалах, поросших двенадцатиметровыми соснами, канал длиной в 240 километров. Трудность строительства заключалась не в размерах канала, трудность была в том, что стро-

⁸¹ Писательская бригада, выехавшая на строительство Беломорканала состояла из 130 человек, в работе над книгой приняло участие 35 писателей. Лишь один из них — М. Зощенко — написал свою главу самостоятельно и включал в дальнейшем в свои сборники. Все другие главы написаны совместно несколькими писателями. Шкловский принял участие в написании 9 глав из 14, Вс. Иванов — в написании 6 глав. Имя А. Толстого мы находим в составе авторов одной главы.

⁸² «Беломорканал», стр. 92.

⁸³ Все позднейшие описания «рождения» лагерей сходны с этим. Не бывший в лагере Борис Пастернак описывает: «Партию вывели из вагона. Снежная пустыня. Вдалеке лес. Охрана, опущенные дула винтовок, собаки овчарки... (Нам) объявили: «Вот ваш лагерь. Устраивайтесь, как знаете. «Снежное поле под открытым небом, посередине столб, на столбе надпись «Гулаг 92 Я Н 90» и больше ничего.» «Доктор Живаго», стр. 585. Инженер-изыскатель Побожий видит лагерь со стороны: «...Мы увидели... строящийся лагерь: стояли вышки для часовых, обносилась колючей проволокой зона, внутри которой были поставлены большие палатки, похожие на баки... Заключенные вереницей шли туда от ледовой дороги, таща ящики, доски, бревна мешки. Они, как муравьи, по узкой тропинке, проложенной в глубоком снегу, поднимались в гору, входили в ворота сбрасывали тяжелую ношу и возвращались к реке за новой... «См. А. Побожий — Мертвая дорога», «Новый мир», № 8, 1964 г., стр. 96.

ить нужно было вручную, без механизмов. «Тачечное колесо было первым механизмом на Беломорстрое»...⁸⁴

С самого начала это было ясно сказано. Механизмов не будет. У страны нет ни машин, ни денег на них, поэтому строительство поручено ОГПУ.⁸⁵

Возражения главного инженера, считавшего, что «рабочая сила обойдется дороже механизмов»,⁸⁶ были сразу же отвергнуты. ОГПУ хотело доказать, что заключенные, собранные в огромные лагеря,⁸⁷ способны выполнять не только простые земляные работы, но и строить сложные инженерные сооружения, причем делать это быстро и дешево. «Это реальное дело, — заявил начальник Беломорстроя, — его еще никто не делал в мире».⁸⁸

Об этом невиданном в новой истории деле, о строительстве силами заключенных крупного гидротехнического сооружения, и рассказывает книга.

На первой же странице книги Горький, характеризуя значение Беломорканала, отмечает прежде всего, что «это отлично удавшийся опыт массового превращения бывших врагов пролетариата-диктатора и советской общественности в квалифицированных сотрудников рабочего класса и даже в энтузиастов го-

⁸⁴ «Беломорканал», стр. 160.

⁸⁵ Там же, стр. 116.

⁸⁶ «Беломорканал», стр. 116. Через тридцать лет после выхода «Беломорканала» Андрей Аллан-Семенов расскажет в повести «Барельеф на скале» о начальнике колымских лагерей, девизом которого было: «Технику надо беречь. Лаврентий Павлович человеческий материал всегда подбросит, за износ же техники по голове не погладит». См. «Москва», 1964, № 7, стр. 115.

⁸⁷ В «Беломорканале» численность лагеря определяется в 100 тыс. чел. (стр. 116, 362.) Эта цифра представляется, однако, значительно преуменьшенной, ибо постановлением правительства по окончании строительства канала были досрочно освобождены — «как вполне исправившиеся и ставшие полезными» — 71.990 чел. (стр. 14). Нельзя себе представить почти доголовное освобождение строителей канала, тем более, что в книге говорится о значительных партиях заключенных, переброшенных на следующую стройку ОГПУ — канал Москва—Волга. Следует, я думаю, принять писательскую цифру — «сто тысяч» — как знак большого количества заключенных.

⁸⁸ «Беломорканал», стр. 116.

сударственно-необходимого труда.»⁸⁹ Писатель подчеркивает, что ОГПУ испытывало свою систему в «многочисленных трудовых колониях», но на строительстве Беломорско-балтийского водного пути, впервые применила ее «так смело, в таком широком масштабе».⁹⁰

Три категории «врагов-пролетариата» встретили писатели в лагере: вредителей, крестьян, осужденных в период коллективизации, уголовных преступников. Эти три категории, однако, делились на две основные группы врагов, предусмотренные Уголовным кодексом: на социально вредных и социально опасных.

Социально вредными (сокращенно «соцвреды»), считались уголовные преступники — воры, мошенники, бандиты. Они были вредными, ибо нарушали законы, но не враждебными, ибо посягали на частную собственность, не причиняя ущерба государству. Все осужденные по статье 58 Уголовного кодекса за преступления против государства считались социально опасными.

Авторы «Беломорканала» постоянно подчеркивают пропасть между этими двумя группами, первая из которых считается «социально близкой», ибо состоит в основном из детей рабочих и бедных крестьян.

Эта пропасть, это разделение заключенных на две противостоящие друг другу группы, по разному трактуемые в лагерях — важнейшая черта системы советских концлагерей.

«Мы поступаем так, — говорил первый начальник Главного управления лагерей (ГУЛАГ) Матвей Берман, — рабочих, колхозников, советских работников, осужденных в лагерь, мы сразу берем в оборот и говорим: для вас не закрыты пути досрочного возвращения в свой завод и в свой колхоз, если вы здесь покажете, что работаете преданно и честно, и сможете управляться и перевоспитывать контрреволюционеров.»⁹¹

В «Беломорканале» постоянно противопоставляются две цифры: 37 и 100 00, 37 чекистов и 100 00 заключенных. Действительно в лагере работало только 37 штатных работников ОГПУ, а весь огромный управленческий аппарат, вся охрана были составлены из

⁸⁹ Там же, стр. 11.

⁹⁰ Там же, стр. 12.

⁹¹ «Беломорканал», стр. 79.

числа «социально вредных», но «социально близких» заключенных, которые помогали ОГПУ «управляться» в лагере «и перевоспитывать контрреволюционеров».

Система «самообслуживания», то есть использования одной части заключенных для охраны другой, иерархизация узников позволяли немногочисленной группе работников ОГПУ управлять огромным лагерем.

Первой, наиболее привилегированной категорией была «военизированная охрана» — ВОХР, заключенные, получавшие оружие для охраны лагеря. Сюда набирали обычно работников партийного и советского аппарата, совершивших преступления по службе. В книге приводится рассказ одного такого типичного «вохровца», занимавшего какой-то значительный пост в Смоленске:

«Много безобразия было. Пили, кутили, превышение власти . . . Пять лет получил.»⁹²

По приезду в лагерь рассказчик был вызван в управление и узнал, что поскольку он «из бедняков и был в Красной армии, статья подходящая и срок небольшой»⁹³ ему вручается оружие и он назначается в ВОХР.

«Жили мы, — продолжает вохровец свой рассказ, — отдельно от заключенных . . . Научили нас начальники, что должны мы быть с заключенными вежливыми . . . В бараки ходить к заключенным не полагается. Панибратства с заключенными быть не должно.»⁹⁴

Бегло остановившись на представителях наиболее привилегированной группы заключенных — вохровцах, психология которых была для писателей очевидна, авторы книги уделяют значительно больше места любимцам советской литературы 30-х годов — профессиональным уголовным преступникам.

⁹² «Беломорканал», стр. 152

⁹³ До 1937 г., пока срок лишения свободы не превышал 10 лет, лишение свободы на сроки до 5 лет включительно считалось — по лагерной номенклатуре — небольшим. После введения 2 октября 1937 г. 25-летних сроков (См. М. Шаргородский, стр. 88) «малым» сроком стало считаться наказание до 12 лет лишения свободы включительно.

⁹⁴ «Беломорканал», стр. 153

Было в этом любовании уголовниками увлечение «романтизмом «правонарушителей», романтизмом, который необычайно высоко ценил Горький, считая его свойственным всем «пасынкам и отщепенцам общества», всем кого обидели и оскорбили «благоразумные мещане.»⁹⁵

Горький, а вслед за ним вся советская литература 30-х годов,⁹⁶ рассматривает уголовников, как бунтарей, восставших против капиталистического общества, ставших «врагами общества» потому, что «мещанская жизнь — скучна, нищенски сера, потому что противоречие между безумием богатых и кретнинизмом нищеты слишком очевидно и оскорбительно.»

Была, однако, еще одна причина увлечения литературы уголовниками. Именно уголовники — жертвы общественной несправедливости, бросавшие вызов мещанству казались идеальным объектом для проверки наиболее прогрессивных идей о возможности перевоспитания человека. Наиболее очевидные жертвы социальной болезни — уголовники стали как бы экспериментальными кроликами для новой социальной медицины.

Каждый «перевоспитанный» вор — перевоспитанный — это значит, начавший работать — служил новым доказательством правильности исправительно-трудовой политике, более того, свидетельством силы и справедливости нового общества.

Книга о «Беломорканале» полна фактов, эпизодов, сцен подчеркивающих возможность перевоспитания преступников и необходимость этого.

С гордостью представляют писатели строителя канала: «Я бывший уголовник-рецидивист, просидевший в тюрьмах и на Соловках пятнадцать лет... Сейчас я директор музыкальной фабрики. Я все думаю о том, какие глупости говорят твердолобые буржуазные ученые типа Ломброзо, будто преступность есть врожденность, с которой ничем и никак нельзя бороться. Однако наши преступники построили Беломорский ка-

⁹⁵ «Беломорканал», стр. 13 (первая глава книги, написанная М. Горьким).

⁹⁶ Среди наиболее характерных произведений на эту тему: «Республика Шкид» Г. Белых и Л. Пантелеева (1927), «Уркаганы» И. Микитенко (1928) и, конечно, «Педагогическая поэма» А. Макаренко (1933—35).

нал, и теперь вы им говорите: «товарищи». Перед нашими преступниками стоит еще более важная и почетная задача — это Волга—Москва».⁹⁷

Выход на работу многократной убийцы Павловой доводит до слез старого чекиста:

«Я спросил у старого чекиста, долгое время работавшего на Соловках: «Скажи, Борисов, ты — загрубевший человек, ты заведывал многими лагерями, приходилось ли тебе когда-нибудь чувствовать слезы, подступавшие к глазам? Он ответил: — Да, когда я увидел бригаду Павловой на работе.»⁹⁸

Благожелательное отношение литературы (писателей) к уголовникам отражало политику лагерных властей, предоставлявших тем, кто «стал преступником под влиянием трудных житейских обстоятельств»⁹⁹ значительные льготы.¹⁰⁰ Начальник лагеря издает специальные приказы, гласившие, что к уголовникам и женщинам «должен быть наилучший, гуманнейший подход.»¹⁰¹

Благожелательность лагерного начальства к уголовникам диктовалась в меньшей степени гуманным желанием перевоспитать тех, кто был жертвой капиталистического общества, а в гораздо большей — практическими обстоятельствами.

Наивно, но очень точно сформулировал эту вторую причину, цитированный выше бывший уголовник-рецидивист: «Перед нашими преступниками стоит еще более важная и почетная задача — это Волга-Москва.»

Беломорканал — показал возможность использования в лагере некоторых категорий заключенных в качестве помощников властей и эти возможности были широко использованы.

Особое место в иерархии лагерных узников занимали «вредители» — инженеры и техники, осужденные по ст. 58 на 10, как правило, лет.

Прошло три года с того момента, когда «уполномоченный ГПУ в Шахтах запечатлел новую эпоху

⁹⁷ «Беломорканал», стр. 391.

⁹⁸ Из выступления Н. Погодина на 1 съезде писателей, «Стенографический отчет», стр. 386. Погодин входил в состав писательской бригады, посетившей канал, но не в число авторов книги.

⁹⁹ «Беломорканал», стр. 228.

¹⁰⁰ Там же, см. стр. 226—229.

¹⁰¹ Там же, стр. 339.

классовой борьбы, впервые сказав в донесении: вредитель.»¹⁰² Концепция «вредительства», как причины всех бед, переживаемых советским государством — от неурожая до железнодорожных катастроф, от голода 1932 г. до обвала в шахтах — играет все более важную роль в идеологии. Рождение обширной лагерной системы влечет за собой усиление «борьбы с вредительством».

Нельзя не отметить совпадения по времени начала «охоты на вредителей» с окончательным утверждением принципа использования труда заключенных на крупных стройках первой пятилетки.

В связи с этим можно, мне кажется, говорить не только об «идеологической» но также о «производственной» функции «вредительства».

Политика индустриализации страны, начатая в 1928 г., требовала большого количества специалистов, которых в стране не было. Для удовлетворения полной потребности промышленности не хватало 68% инженеров и 69% техников.¹⁰³

В этих условиях массовые аресты немногочисленных специалистов казались бы нелогичными, если бы не тот факт, что все арестованные использовались по специальности, но в качестве заключенных, на стройках ОГПУ.

Располагая неисчерпаемым источником неквалифицированной рабочей силы, ОГПУ стремится стать крупнейшей строительной организацией страны. Об этом открыто говорят руководители строительства Беломорканала на первом совещании с инженерами. Лагеря, то есть заключенные, производили до сих пор простые работы — земляные, плотничьи. «Лагеря будут приспособлены к сложнейшим работам»,¹⁰⁴ — говорит один из руководителей.

ОГПУ производит массовые аресты инженеров и техников, обеспечивая свои стройки квалифицирован-

¹⁰² «Беломорканал», стр. 51.

¹⁰³ См. «Выполнение пятилетнего плана промышленности». Материалы к докладу В. В. Куйбышева на XVI съезде ВКП(б). М. Госиздат, 1930, стр. 122.

¹⁰⁴ «Беломорканал», стр. 116.

ным персоналом.¹⁰⁵ Возникает новый институт — «шарашка».¹⁰⁶

Первое описание «шарашки» — за 30 лет до романа Солженицына — мы находим в «Беломорканале».

«Мы смотрим в щелочку и видим, что нас привезли на угол Лубянки. Видим, что там вырос огромный домина. Нас ввели на самый верх, в огромный зал с паркетным полом, где размещались сто двадцать человек. Половина зала-дортуар, койки с пружинными матрацами, а половина-столовая. Люди хорошо одеты, некоторые даже с цветами в петличке. И сидит только один человек в форменной фуражке — охрана. Нам объясняют, что мы попали в Особое конструкторское бюро — ОКБ. Оказывается, мы назначены на Беломорстрой, и нам предстоит работа».¹⁰⁷

Всю проектную работу и все техническое руководство строительством Беломорско-Балтийского канала осуществляли «вредители», талантливые гидростроители, работавшие в Ташкенте. Все сотрудники Среднеазиатского управления водного хозяйства были арестованы по обвинению во вредительстве, после пятишестимесячного пребывания в тюрьме осуждены на 10 лет и посланы на работу по сооружению Беломорканала.

Анализируя главы, посвященные «вредителям» следует выделить два момента, значение которых выходит за пределы проблемы «вредительства». Прежде

¹⁰⁵ Заключение-инженеры работали не только в лагерях, но и на стройках и заводах, не подведомственных ОГПУ. В «Большом конвейере» Я. Ильин пишет: «Серго (Ордоникидзе) внимательно следил за работой бывших вредителей в промышленности. Как председатель ВСНХ он имел о них сведения со всех концов страны». (стр. 180)

¹⁰⁶ Термин «шарашка» стал применяться к научным лабораториям и конструкторским бюро, в которых работают заключенные, в конце 30-х годов, когда их численность особенно возросла (через шарашки прошли, в частности, крупнейшие авиаконструкторы, создатели ракетного оружия, в том числе будущий главный конструктор советских спутников Королев и многие другие). «Шарашка» сокращение распространенного выражения «шарашкина контора», означающее учреждение, в котором работают мало, но зарабатывают много. Возможно, что корнем этого выражения служит слово «шарашить» или «шарить».

¹⁰⁷ «Беломорканал», стр. 55.

всего, выясняется, что единственным доказательством виновности арестованных инженеров и техников были их собственные признания.¹⁰⁸

«Менее всего, — читаем мы в главе 7, — опасались они (т. е. «вредители»), что их выдадут их дела. На то они — крупнейшие в стране гидрологи и гидротехники. Все их вредительские проекты и свершения покоятся на сложнейших расчетах и вычислениях. Кто рискнет пуститься в плавание по этому бездонному морю цифр, чертежей, докладов, соображений, возражений и вариантов . . .»¹⁰⁹

Но ОГПУ, не рискуя «пускаться в плавание по бездонному морю цифр», не нуждалось в других доказательствах вины, кроме признания арестованных. «Беломорканал» впервые в советской литературе ставит вопрос о причинах, заставлявших «вредителей» признаваться, хотя никаких доказательств их вины не было.

«Как-то один из чекистов говорил о вредителях: — Все спрашивают, все интересуются, почему вредители сразу сознавались и раскрывали организацию . . . Ясно-почему . . . Попадая в ГПУ, вредители убеждаются, что советская власть прочна . . . Арест обостряет чувство обреченности их класса, поражения, разгрома их класса, провала их дела — арест их догамывает, будущего нет».¹¹⁰

В этом объяснении следует обратить внимание на дважды подчеркнутое «их класс». Это тот второй момент, значение которого мне кажется выходящим за рамки проблемы использования ОГПУ инженеров и техников. Основные кадры инженерно-технических работников, занятых в начале 30-х годов в промышленности, составляли старые специалисты, начавшие работу до 1917 г. В 1928 г. они составляли в промышленности 20,4% среди инженеров и 24,2% среди техников.¹¹¹

¹⁰⁸ В обвинительной речи по делу «Промпартии» прокурор Крыленко признает: «Лучшей уликой при всех обстоятельствах является все же сознание подсудимых». Н. В. Крыленко-Обвинительные речи по наиболее крупным политическим процессам. М. 1937, стр. 471.

¹⁰⁹ «Беломорканал», стр. 55.

¹¹⁰ Там же, стр. 350—351.

¹¹¹ Ф. М. Ваганов — Правый уклон в ВКН(б) и его разгром. М. Политиздат, 1970, стр. 101.

Недоверие, возведенное в государственный принцип, становится двойным и тройным недоверием, когда речь идет о представителях «старой» технической интеллигенции, которая рассматривается как враждебный класс.¹¹²

Авторы «Беломорканала», не останавливаясь на виновности инженеров, строящих канал — эта виновность кажется им априорной, связанной с их происхождением, с их классовой принадлежностью,¹¹³ — подчеркивают — как достижение социалистического государства, как признак новой гуманности — тот факт, что «вредителям» отказывают огромное доверие, поручая им работу по специальности.

Приведенные в книге высказывания чекистов, позволяют утверждать, что это «доверие» врагам было плодом стройной системы взглядом, лежавших в основе «исправительно-трудовой» политики ОГПУ и советского государства. Эти взгляды представляли собой развитие формулы Дзержинского: концентрационные лагеря — школой труда.

В концлагерях учат уголовников работать — труд перерождает человека. В концлагерях учат инженеров — боятся советской власти. Работать эти люди умели, работать любили — это талантливые специалисты, увлеченные своим делом. Они не понимали, однако, что в новых условиях недостаточно быть специалистом, нужно быть членом нового общества. Этому учит их «шарашка» — ОКБ, учит лагерь.

¹¹² Лишь один из группы инженеров — «вредителей», работавших на канале происходил из рабочей семьи. «История инженера Зубрика-классическая история пролетария, соблазненного буржуазной культурой и наряду со знаниями, усвоившего и буржуазную идеологию. «Беломорканал», стр. 194.

¹¹³ В книге И. К. Беляева «Социалистическая индустриализация Западной Сибири», вышедшей в 1958 г. единственной причиной срыва плана капитального строительства и производства угля в Кузбассе является «слабая, если не сказать преступно слабая работа аппарата Востокугля, в составе которого орудовали 39 бывших белогвардейских офицеров, 8 дворян, 6 фабрикантов, 3 эсэра, 2 меньшевика». Говоря об этой книге на всесоюзном совещании историков в 1964 г. проф. Ким считает, что Беляев неправ, приписывая все недостатки деятельности вредителей, не приводя доказательств виновности перечисленных выше «бывших». См. «Всесоюзное совещание историков», стр. 388.

«ОКБ есть звено в общей цепи, . . . Идея ОКБ и Беломорстроя — глубоко социалистическая идея. В труд заключенного вливается могучая политическая осмысленность . . .»¹¹⁴

Подавляющее большинство инженеров, строивших Беломорский канал были освобождены после его завершения, то есть после 20 месяцев заключения. «Опыт беломорстроевской работы не прошел для него даром, — говорится об одном из крупнейших инженеров строительства. — Он освободился от недостатков, привитых ему той растленной средой, в которой он жил и работал значительную часть своей жизни».¹¹⁵

Лагерь воспитывает любовь к труду у уголовников, лагерь прививает новые моральные качества интеллигенции. Это, по мнению авторов «Беломорканала», важнейшая заслуга лагеря.

«ГПУ, — заканчивает книгу Горький, — не только острый меч пролетарской диктатуры, но и школа социалистического перевоспитания десятков тысяч враждебных нам людей».¹¹⁶ Практика Беломорстроя кажется писателю одним из свидетельств того, что страна «вступила в эпоху построения бесклассового общества».¹¹⁷

Возможно, что Горький, говоря о вступлении в «эпоху построения бесклассового общества», имел в виду начатую в 1929 г. ликвидацию последнего «буржуазного класса» в стране — кулачества.

Хотя именно «кулаки», крестьяне, осужденные по различным параграфам ст. 58 Уголовного кодекса, составляли основную массу строителей канала, главную часть армии заключенных, это они, а не уголовные, построили его, в книге им уделено очень мало места.

Крестьяне не привлекали писателей ни красочностью, романтичностью своих биографий, ни сложностью психологических переживаний, подразумеваемых у технической интеллигенции. К тому же они были, по словам Горького, «наиболее ,трудновоспитуемыми' людьми».

¹¹⁴ «Беломорканал», стр. 64.

¹¹⁵ «Беломорканалл», стр. 127. Многие были потом вновь арестованы.

¹¹⁶ Там же, стр. 397.

¹¹⁷ Там же, стр. 15.

А именно быстрота перевоспитания считалась самым убедительным свидетельством необходимости лагерей, как школы труда. Все заключенные, о которых рассказывается в «Беломорканале» имеют имя — знаменитые бандиты и воры, знаменитые инженеры — «вредители» — названы полностью: имя, отчество, фамилия, воры помельче — названы по фамилии. Лишь у крестьян нет имени — они даны толпой, сплошной массой.¹¹⁸ Это только рабочая сила.

Воров привлекают к работе, воздействуя на их особое «воровское» чувство чести, на их амбицию, инженеров — поручая им ответственное, творческое дело. Крестьян заставляют работать, приманивая хлебом.

«После половины рабочего дня выдавали хлеб по списку.

Нового в списке не было.

Когда он подошел за пайком... бригадир осмотрел его с ног до головы, как бы тщательно оценивая, и сказал наконец раздатчику.

— Этому дай кило. Он может работать...

«Так-с, — подумал новый, — так-с. Вроде как жить на этой каторге еще все-таки кое-как можно.»¹¹⁹

Так передают авторы книги переживания «нового», крестьянина, только что прибывшего в лагерь. Кило хлеба¹²⁰ кажется ему — как полагают писатели — вполне достаточной компенсацией за труд в лагере, кило хлеба примиряет его с каторгой.

В первой главе Горький сразу же намечает линию отношения к крестьянам, называя их «идолопоклонниками частной собственности», «зоологическими индивидуалистами», и в заключение — «полулюдьми».¹²¹

¹¹⁸ Во всем огромном томе лишь однажды встречается крестьянин названный по имени, отчеству и фамилии: он мучает лошадь, молится и не хочет работать. См. стр. 168, 172.

¹¹⁹ «Беломорканал», стр. 136.

¹²⁰ Нормы хлебного пайка варьировались — в зависимости от процента выполнения нормы — от 400 до 1400 граммов.

¹²¹ «Беломорканал», стр. 15. Неизменность ненавистного отношения Горького к крестьянам может быть сравнима лишь с его неизменно одобрительным отношением к ОГПУ. Единственное произведение на советскую тему — пьесу «Сомов и другие» — Горький пишет после процесса Промпартии, в период бешеной кампании против инженеров-

Горький как бы продолжает монолог, начатый им в дни Октябрьской революции. Заявляя о том, что он не любит «этот одичавший, своекорыстный народ», Горький спрашивал в 1918 г. можно ли любить «тех мужиков, которые истребляя миллионы пудов зерна на самогонку, предоставляют любящим их издыхать от голода? Тех, которые зарывают в землю десятки тысяч пудов зерна и гноят его, а голодным — не желают дать ? . .»¹²²

В 1932 г. он встречается лицом к лицу одного из этих мужиков и обвиняет его снова в том же самом преступлении:

«В сопротивлении законным требованиям государства они доходили до мрачной жестокости. Один из них, спрятав 450 пудов зерна, допустил умереть от голода двух детей своих и жену, и сам отощал до полусмерти».¹²³

Эти люди — подавляющее большинство населения России — по мнению Горького главные враги социализма, это то болото, не осушив которого нельзя прийти к лучшему будущему. Только сила — уверен Горький, а вместе с ним и все авторы книги — способна расправиться с этой враждебной прогрессу стихией, используя ее одновременно для строительства в качестве рабочей силы.

Этим объясняется полное одобрение Горьким коллективизации, не только ликвидировавшей класс крестьян, на котором стояла Россия, но и давшей рабо-

вредителей. В пьесе показаны инженеры, занимающиеся вредительством, утверждающие — словами подсудимых на процессе — «довольно адвокатов у власти, власть должна принадлежать нам, инженерам . . .» Но эти инженеры высказывают мысли о крестьянах писателю чрезвычайно близкие. В год страшнейшего голода, какой знала в своей истории Россия, один из персонажей пьесы утверждает, что голод этот «организован мужиком». Пьеса заканчивается хэппи-эндом: агенты ГПУ арестовывают большинство действующих лиц. В ремарке к финальной сцене говорится: «На террасу входят четверо агентов ГПУ», затем «количество агентов постепенно увеличивается». Автор пьесы отмечает этот факт — «постепенного увеличения агентов ГПУ» — с видимым удовольствием. М. Горький — Соков и другие. Собрание сочинений в 18 томах, т. 17.

¹²² «Новая жизнь», № 113 (328), 11 июня 29 мая) 1918 г. См. «Несвоевременные мысли», стр. 262.

¹²³ «Беломорканал», стр. 15.

чих необходимых для промышленного развития страны. Рабочие эти — вчерашние крестьяне — еще не умеют работать. Отсюда необходимость лагерей, необходимость принудительного труда.

Система принудительного труда, испробованная в годы военного коммунизма, трудовые армии, созданные Троцким¹²⁴ в 1920 г., все это оживает в конце 20-х годов в форме гигантских концентрационных лагерей. Отвергнутая в связи с принятием НЭПа идея Троцкого о «милитаризации» труда возрождается в форме «пенализации» труда.

«Вы теперь сделаете канал Волга—Москва, — говорит Горький на собрании заключенных, — вы сделаете ряд других работ, которые изменят лицо нашей страны, ее географию, и которые из дни в день будут ее обогащать».¹²⁵ Это труд заключенных должен изменить лицо страны, это заключенные должны построить в стране социализм. Логика писателя безупречна: никто в стране не хочет работать: крестьяне, ибо они зоологические индивидуалисты, преступники — ибо они не умеют, не понимают необходимости труда, вредители — потому, что они представители побежденного класса. Лагерь учит труду. Правда, «недалек тот год, месяц и день, — говорил Горький в 1933 г., — когда вообще не нужны будут исправительные лагеря, все включатся в один поток строительства социализма»,¹²⁶ но пока лагеря существуют, пока есть заключенные — «в единственной на земном шаре стране свободного труда — труд заключенных стал источником самоотверженной и часто энтузиастической работы . . .»¹²⁷

Парадоксальное утверждение об «энтузиастическом» труде заключенных в стране свободного труда обосновано в том смысле, что заключенные работали на канале, выполняя — и это было действительно впервые в новой истории — достаточно сложные инженерные задания.

¹²⁴ Наследство — в виде лозунгов, форм работы — высланного в 1929 г. из Советского Союза Троцкого было полностью использовано руководителями строительства канала. Даже придуманное Троцким слово «трудоармеец» возродилось в форме «каналоармеец».

¹²⁵ «Беломорканал», стр. 292.

¹²⁶ Там же, стр. 393.

¹²⁷ Там же, стр. 398.

Авторы «Беломорканала» подробно рассказывают о хитроумной системе принуждений и поощрений, разработанной чекистами еще до начала строительства, с использованием в первую очередь опыта Соловецкого лагеря.¹²⁸

Два основных принципа лежат в основе этой системы.

Советская конституция, цитируя «Библию», провозглашала: кто не работает, тот не ест. Первый принцип лагерной системы является перефразировкой закона и может быть сформулирован: как работаешь — так и ешь. Лагерный труд оплачивается прежде всего питанием. Тот, кто не выполняет нормы — получает голодный паек.¹²⁹ Тот, кто дает 100% — получает 1400 граммов хлеба, а тот, кто норму перевыполняет — дополнительно — пирожок.¹³⁰

Второй принцип лагерной системы лучше всего, четко и лаконично сформулирован в популярном на Беломорканале плакате: «Перевыполнение норм — кратчайший путь к свободе».¹³¹

Каждый, кто перевыполнял нормы, кто «ударно» работал, мог рассчитывать на снижение срока и даже на досрочное освобождение.¹³²

С другой стороны, однако, плохая работа, отказ от работы влекли за собой не только голодный паек, но и новое обвинение — в саботаже или вредительстве — по ст. 58, и новый, дополнительный срок.¹³³

Страх невыполнить норму и беспрекословное подчинение начальству — эти черты образцового заключенного — кажутся авторам «Беломорканала» теми чертами, которые необходимо привить всем рабочим стра-

¹²⁸ См. «Беломорканал», стр. 64 — «Соловецкие лагеря несли... в еще неразвернутом виде основы труда как воспитания преступника».

¹²⁹ Рождается неразрешимый трагический лагерный конфликт — напрягать все силы для выполнения нормы и погибнуть от переутомления или работать мало и погибнуть от голода?

¹³⁰ См. «Беломорканал», стр. 135.

¹³¹ Надпись, украшавшая гитлеровские концлагеря, была еще короче: Arbeit macht frei.

¹³² Массовое освобождение строителей Беломорканала долгие годы спустя использовалось чекистами как приманка.

¹³³ «Беломорканал», стр. 251.

ны. Отсюда — дополнительная функция лагерей: они воспитывают «учителей», образец для подражания для рабочего класса. «Приходит на завод или на фабрику группа отлично вышколенных каналармейцев-ударников и, присмотревшись к работе еще не пролетариев, а вчерашних деревенских парней, говорит им:

— Вы, товарищи, работаете плохо, у вас — дисциплины нет...»¹³⁴

Бывшие заключенные, люди прошедшие школу лагерей,¹³⁵ способствуют, по мысли авторов книги, ускоренному превращению в пролетариев бывших крестьян, выброшенных коллективизацией в город.

Так, лагерям придается функция цивилизационного фактора. Отличительная черта этой «лагерной цивилизации» — преклонение перед «хозяином». Отброшенное, казалось бы, революцией слово вновь входит в язык, не изменив, по существу, значения. Главная черта «хозяина» — умение заставить людей работать. Раньше хозяин заставлял работать на себя, теперь работать надо на коллектив. Но качества, необходимые хозяину остаются — и прославляются — те же: строгость, беспощадность к людям, жестокосердие.¹³⁶

В лагере существует сложная, но строгая иерархия хозяев». «Конечно «чекисты-хозяева».¹³⁷ Но «хозяином» называют авторы книги и вора-бригадира, командующего двумя десятками заключенных. И главный Хозяин, Хозяин с большой буквы — это Сталин, «инициатор... всей лагерной исправительно-трудовой политики...», выдвинувший идею создания Беломорско-балтийского канала силами заключенных».¹³⁸

¹³⁴ «Беломорканал», стр. 16.

¹³⁵ «Оказывается, в определенных условиях, в лагерной изоляции, где нет городских развлечений, где все мысли и чувства сосредоточены вокруг строительства, способный, трудолюбивый, толковый человек фантастически быстро приобретает техническую квалификацию.» «Беломорканал», стр. 211. Так снова утверждается мысль о необходимости лагерей в индустриальном государстве.

¹³⁶ В одном из первых романов о социалистическом строительстве рабочие говорят начальнику стройки большевику Увадьеву: «Жестокосерден ты, хозяин». См. Л. Леонов «Соть» (1929 г.)

¹³⁷ «Беломорканал», стр. 212.

¹³⁸ «Беломорканал», стр. 398.

Книгу «Беломорканал» можно назвать Энциклопедией советского общества эпохи «великого перелома», первой половины 30-х годов.

Прежде всего это единственный официальный (апробированный ОГПУ) документ о структуре, целях и форме работы советского концентрационного лагеря.¹³⁹ Но кроме того. Книга о самом большом концлагере первой пятилетки¹⁴⁰ дает — убедительнее и откровеннее, чем многие произведения «чистой» литературы — разрез советского общества периода новой ломки.

«Беломорканал» — книга о заключенных и чекистах, о крестьянах, рабочих, интеллигентах, уголовных преступниках, о людях, лишенных свободы и о тех, кто лишил их свободы, является в то же время книгой о писателях, ее создавших.

Значение «Беломорканала» в советской литературе связано прежде всего с тем, что это книга коллективная. «За текст книги отвечают все авторы», — сказано на первой же странице. Мысли, идеи, даже язык книги представляют собой отражение «коллективной мысли, идеи, языка».

Если лагерь отражал — как в капле воды — структуру советского общества и отношения между различными его слоями, то книга отразила состояние литературы своего времени, стала психологическим портретом писателя, проповедывавшего превосходство коллектива над личностью, бригады над человеком, машины над бригадой, идею лагеря — школы труда.

Книгу пронизывает убежденность не просто в необходимости лагерей, а в их пользе. Именно эта убежденность в праве государства передавать судьбу людей в руки «учителей», «хозяев», в праве государства решать, что людям нужно объясняет откровенность книги, прямоту, с которой в ней говорится о том, что через три года стало строгой тайной.

«С основания мира, — писал Василий Розанов, — было две философии: философия человека, которому

¹³⁹ В последний раз в официальной литературе термин «концентрационный лагерь» применяется к советским лагерям 30-х годов. См. «Беломорканал», стр. 372, 373.

¹⁴⁰ Основные черты организации, формы работы с заключенными были «усвоены лагерными стройками второй пятилетки». «Беломорканал», стр. 227.

почему либо хочется кого-то выпороть; и философия выпоротого человека».¹⁴¹

Русская литература была литературой «выпорото-го человека». «Беломорканал» написана с позиций человека, которому «хочется кого-то выпороть». Но этот человек — авторский коллектив «Беломорканал» — отлично знает, почему нужно «кого-то пороть». Это оказывается нужно, чтобы советского человека, через 10 лет после революции, научить работать.

Значение «Беломорканала» в том, что эта непри-вычная для русской литературы философия, становя-щаяся философией официальной, изложена в книге с редкой откровенностью.

4. «Аристократы» — комедия о концлагере

«Беломорканал» послужил эталоном¹⁴² для много-численных литературных произведений, написанных на лагерную тему в первой половине 30-х годов.

Пьеса Николая Погодина «Аристократы» заслужи-вает того, чтобы ее выделить из этого потока лагер-ной литературы по двум причинам. Во-первых, она — единственное произведение о Беломорканале, обрет-шее новую жизнь во второй половине 50-х годов.¹⁴³ Во-вторых, «Аристократы» — точное, нередко дослов-ное изложение идей, а часто и ситуаций, зафиксиро-ванных в «Беломорканале».

Если «Беломорканал» — эталон, то «Аристократы» — точная модель, сделанная со строгим соблюдением всех требований образца.

¹⁴¹ Василий Розанов — Избранное, стр. 38.

¹⁴² В 1937 г. «Беломорканал» был «разоблачен» как книга враждебная. Это связано, однако, прежде всего с тем, что один из главных героев книги — Ягода оказался «врагом народа». Подверглась также критике и «откровен-ность» «Беломорканала». Книга навсегда была внесена в список «запрещенной литературы».

¹⁴³ Премьера пьесы состоялась в Москве в Реалисти-ческом театре 30 декабря 1934 г., после 1937 г. «Аристокра-ты» были запрещены к постановке и возобновлены — на очень короткий срок — в 1956 г. в Московском театре им. Маяковского. Пьеса больше не ставится, но включена в со-брание драматических произведений Погодина (1960).

Особенностью пьесы Погодина был ее жанр — комедия.¹⁴⁴

Юмористические эпизоды есть и в «Беломорканале»,¹⁴⁵ в «Аристократах» юмористичен конфликт. Сталкиваются две силы — чекисты и заключенные. Заключенные делятся на две группы — одна из них названа в списке действующих лиц: «специалисты», другая — «бандиты, воры, проститутки, изуверы, кулаки и прочие».

«Специалисты» — это инженеры, осужденные за вредительство, контрреволюцию, предательство.

Состав второй группы заключенных очевиден, нужно лишь подчеркнуть, что Погодина не интересуют ни «изуверы»,¹⁴⁶ ни кулаки. Его герои: бандиты, воры, проститутки, называющие себя «аристократами», ибо они никогда в жизни не работали честно и не хотят работать.

Аристократами считают себя и инженеры — дворяне, не желающие служить рабочему классу.

Чекисты учат работать обе группы «аристократов». Комизм ситуации — как ее представляет драматург — в том, что умные, образованные, талантливые инженеры медленнее воспринимают очевидную, элементарную истину — надо работать на благо пролетариата, — чем уголовники.

Развивая эту ситуацию, драматург то и дело подчеркивает психологическое единство отношения — отрицательного — к труду бандита и вредителя. С той лишь разницей, что социальная близость уголовника и чекиста делает перевоспитание первого делом зна-

¹⁴⁴ Связано это, в частности, со спросом на комедии, после заявления Сталина на XVII съезде (1934): «Жить стало лучше, жить стало веселее».

¹⁴⁵ В первой главе, например, Горький рассказывает о некоем «кругленьком, румяном человечке», который на канале излечился от болей в желудке, ибо лагерная пища оказалась гораздо полезнее домашней. См. «Беломорканал», стр. 15.

¹⁴⁶ На уголовном языке «изуверы» — лица, осужденные за церковную или религиозную деятельность. Погодин, используя это словечко, сразу же выражает свое отношение к большой группе заключенных.

чительно более легким, чем перевоспитание вредителя.¹⁴⁷

Неудивительно поэтому, что первыми начинают работать воры, а лишь затем — вредители. Методы перевоспитания — и это тоже подчеркивают психологическую близость — с точки зрения чекистов — двух групп заключенных — одинаковы по отношению к обоим группам: соблазн доверием.

И вредителям, и бандитам чекисты оказывают доверие, дают им возможность работать в заключении. Писатель понимает, конечно, что разница между этими двумя группами заключенных есть: бандиты и воры никогда не работали, а инженеры работали и до лагеря. В пьесе, однако, эта разница снята, ибо только пройдя через чистилище лагеря, инженеры понимают, что их прежняя работа была ненастоящей работой, лишь в лагере они понимают смысл «настоящей работы», работы в коллективе.

Этому учат чекисты. Погодин подчеркивает — и это очень важная черта «лагерной цивилизации», — что чекисты учат не только новому отношению к жизни, они учат — и воров, и инженеров — профессиональным знаниям.¹⁴⁸ Чекист — идеал человека, понимающего все и умеющего все.

По образцу и подобию этого идеала создает драматург образ главного героя — бандита, убийцы Кости-Капитана. Именно перевоспитание Кости является апофеозом деятельности Чекиста. Перевоспитание Кости-Капитана важно для Погодина и потому, что оно чрезвычайно эффектно — бывший бандит — ныне ударник, и потому, что Костя — близнец Чекиста.

«Чем ты хуже меня? — спрашивает Чекист Костю, ведя с ним воспитательную беседу. На протяжении всей

¹⁴⁷ Главный начальник разговаривает с бандиткой Соней: Отец был крестьянин или рабочий? — Рабочий, — отвечает Соня. — Понятно, — говорит начальник, — у меня отец тоже был рабочий. Эти слова производят неизгладимое впечатление на Соню, которая всю жизнь воровала и убивала. См. «Аристократы», стр. 105, 106.

¹⁴⁸ В поэме И. Сельвинского «Пушторг» читатель знакомится с этим новым типом деятеля — членом партии, чекистом, способным занять любой пост. Герой «Пушторга» заполняет анкету: «Фамилия, имя: Л. С. Кроль. Лет 40. Специальность: нету. Служба: год работы в ЧК... Происхождение пролетарское».

пьесы, автор ее демонстрирует, что разница между Чекистом и Костей, если она есть, то лишь временная. Костя еще не стал таким, но имеет все возможности стать.

Главная черта характера Кости, дающая ему возможность стать таким же как Чекист — определяет-ся одним словом: хозяин.

При первом же появлении Кости это становится ясно:

— Что за человек такой? — спрашивает Цыган, наблюдая за Костей-Капитаном, — Кругом хозяин. — Приятель Кости, бандит Лимон отвечает: — Это его привычка входить хозяином в тюрьму и банк.¹⁵⁰ «Я один хозяин этого дела»,¹⁵¹ — заявляет Костя, переданной в его распоряжение группе заключенных.

И то, что он настоящий «хозяин», человек быстрее других, значительно быстрее «вредителей», понявший смысл лагерной системы, подтверждается сразу же, едва он становится бригадиром. У него есть вкус к власти и умение применять власть.

Когда возникает необходимость заставить бригаду заключенных работать, Костя сочиняет листовку по всем правилам лагерного искусства, закончив словами, лаконично и точно выражающими суть лагерного мира: «Кто не работает, тот не получит пищи».¹⁵²

В лагере еда не зарабатывается, она *получается*, ее *дают*. Но это значит, что ее могут и не дать. Еда становится наградой за работу. Именно потому, что Костя-Капитан понимает эту основу-основ чекистской науки перевоспитания, «перековки»¹⁵³ заключенных, он очень быстро переходит из разряда «получающих» пищу, в разряд ее «раздающих».

¹⁴⁹ Н. Погодин-Аристократы, стр. 131.

¹⁵⁰ Там же, стр. 94.

¹⁵¹ Там же, стр. 133.

¹⁵⁴ Н. Погодин — Аристократы, стр. 138.

¹⁵³ Во времена Достоевского этот кузнечный термин означал также замену одних кандалов другими, например, более тяжелых, в которых каторжники шли по этапу, более легкими, в которых они работали. См. Ф. Достоевский — Записки из Мертвого дома. Собрание сочинений в 10 томах, М. Гихл, 1956, т. 3.

Умный бандит, которого с большой любовью живописует драматург, признает, однако, что не может принять чекистскую систему во всей ее сложной полноте.

«Мне говорили, — размышляет Костя, — что чекисты имеют другой подход. Они распределяют людей по категориям...¹⁵⁴ На одной ступеньке вы получаете лучшее обмундирование, потом питание...»¹⁵⁵

Бандит, ставший бригадиром, признает, что делить людей по категориям он пока еще не может: «Эти бандиты — моя родная семья».

И он устанавливает полное равенство: — «Кто не работает, тот не получит пищи, не получит табаку, не получит сапог, тот будет изображать в этом раю Адама без Евы».¹⁵⁶

Костя устанавливает равенство «старого» типа, равенство первых дней революции, уже отвергнутое в начале 30-х годов, уже названное «уравниловкой» и мелкобуржуазным предрассудком. Ратуя за такое «устарелое» равенство, Костя показывает, что он еще не во всем понял учение Чекиста.

«Аристократы» — пьеса о «перековке» преступников. Советский критик указывает, что в «Аристократах» Погодин откликнулся на крупнейшее явление социально-этического порядка, прославил гуманизм нашего строя, нашей партии, возвращающих деклассированных, потерянных для жизни людей к общественно полезной деятельности».¹⁵⁷

В оценке пьесы обращает внимание сегодняшняя актуальность «Аристократов», рассматриваемых лишь как произведение о «деклассированных» людях, то есть об уголовниках. Героев в пьесе гораздо больше, но несомненно, что наибольшими симпатиями автора пользуются именно уголовники.

В ограничении круга героев пьесы есть признание несправедливости уравнивания «вредителей» и уголовников, есть косвенная критика системы «перевоспита-

¹⁵⁴ Н. Погодин — Аристократы, стр. 138.

¹⁵⁵ Там же, стр. 142.

¹⁵⁶ Там же, стр. 138.

¹⁵⁷ Е. Уварова, примечания к «Аристократам». Н. Погодин, т. 3, стр. 483.

ния трудом», которая перестала упоминаться в советской литературе после 1936 г.¹⁵⁸

Лозунг «перевоспитания» трудом, лозунг «перековки» потеряли свой смысл когда лагеря наполнились людьми всю жизнь работавшими — крестьянами, интеллигенцией, рабочими. Сохранилось, однако, то главное, что эта система дала в области методов принуждения.

Костя-Капитан, расхваливая чекистскую систему, сравнивает ее с лестницей, которую ставят перед заключенным. На самой высокой ступени этой лестницы «все ваши десять лет зачеркиваются и исчезают, как кошмарный сон с похмелья».¹⁵⁹

«Десять лет зачеркиваются» — это значит, преступник, осужденный на десять лет выходит на свободу, отбыв в заключении два или три года.

Был введен таким образом принцип, подрывавший самую основу понятий «вина» и «наказание». Эти понятия исчезали, ибо ударная работа в концлагере очищала от вины и снимала наказание.

Лагерная трудовая норма, не труд вообще, а именно труд в лагере становится мерилom человека, становится покаянием, снимающим грех.

Руководитель стройки чекист Громов, говорит на прощальном митинге заключенных, завершающем пьесу «Аристократы»:

«Отщепенцы, отверженные, потерявшие себя и даже прямые враги — сегодня они признанные люди на своей Родине».¹⁶⁰

Мнимые «аристократы» — бывшие уголовники и вредители, становятся настоящими «аристократами», знатными советскими людьми, награжденными орденами, проработав 20 месяцев в лагере.

Пьеса Погодина — комедия,¹⁶¹ написанная «приблатненным» языком, любовно рисующая образы бандитов

¹⁵⁸ Советские лагеря до сегодняшнего дня называются «исправительно-трудовыми», но термин «перековка» уже не употребляется.

¹⁵⁹ Н. Погодин — Аристократы, стр. 142.

¹⁶⁰ Н. Погодин — Аристократы, стр. 171.

¹⁶¹ Николай Охлопков, первым поставивший «Аристократы» еще более усилил легкость, воздушность пьесы, создав «радостный, легкий», как он сам назвал «спектакль-карнавал». Пьеса о концлагере была поставлена в стиле комедии дель-арте, с участием слуг-цанни, выносящих на

и проституток, исправляющихся от нескольких слов чутких чекистов — представляет собой отражение мира, в котором отвергнуты привычные понятия о преступлении и наказании, мира в котором мерой человека — становится выполнение нормы и готовность подчиняться хозяину.

Но и после того, как «досрочное освобождение за ударный труд» давно стало легендой, а освобожденные «вредители» посажены вновь, выполнение нормы и подчинение начальству, продолжали определять место человека в советском обществе.

сцену бутафорию. В антологию режиссерского искусства вошел, например, знаменитый эпизод катания на лыжах: девушка в изящном костюме кокетливо перебирает лыжными палками, стоя на месте, а мимо нее пробегают цанни, пронося еловые ветки, осыпая снегом. См. История советского драматического театра, т. IV, стр. 64.

4 г л а в а

УРАГАН — ГОД 37

1. *Невиновных нет*

Накануне нового, 1937 г. Александр Афиногенов записывает в своем дневнике:

«... 1937 год будет замечательным годом: 20-летие Октябрьской революции. Окончание второй пятилетки. Конец канала Москва—Волга. Вторая очередь метро. Сто лет со дня смерти Пушкина».¹

Вспоминая в 1967 году воронежскую ссылку, Надежда Мандельштам утверждает: «Природа ждала зимы, а люди в декабре 36 года уже знали, что им несет грядущий тридцать седьмой».²

Анализируя эти два высказывания нужно, прежде всего, оговорить, что Надежда Мандельштам пишет воспоминания, зная, что произошло, в то время, как Афиногенов — не может еще предвидеть будущего. Принципиальная разница между этими высказываниями состоит, однако, не в этом, а в том, что для Афиногенова «замечательность» года — 1937 — сводится к юбилейным торжествам и индустриальным успехам, для Н. Мандельштам — трагичность года связана с трагедией людей.

Сбылось все то, о чем писал Афиногенов. Отпраздновали юбилей Октябрьской революции и столетие со дня смерти Пушкина, закончилась вторая пятилетка, открылись вторая очередь метро и канал Москва—Волга. Но не этими победами записался «Тридцать

¹ А. Афиногенов — Записки..., стр. 234.

² Н. Мандельштам — Воспоминания, стр. 207.

седьмой год» в историю советского государства, советского общества, в русскую историю.

Надежда Мандельштам ошибается, оглядываясь назад, заверяя, что «люди... знали, что им несет грядущий тридцать седьмой». Никто не мог этого знать, ибо, хотя немногие (среди них был и Осип Мандельштам) и предчувствовали грядущие события, знать, что произойдет не мог никто, настолько случившееся было невероятным по своим масштабам, по применяемым средствам.

Сталин совершенно точно называет дату, от которой следует отсчитывать поворот в репрессивной политике. 25 сентября 1936 года Сталин и Жданов отправляют из Сочи телеграмму, адресованную в Москву членам Политбюро, с предложением немедленно заменить на посту народного комиссара внутренних дел Ягоду Ежовым. Ибо, как подчеркивает телеграмма, «ОГПУ отстает на четыре года в этом деле».³

Ровно на четыре года. Ровно за четыре года до высылки телеграммы, в 1932 г. (с 28 сентября до 2 октября), на пленуме ЦК обсуждался вопрос о мерах наказания, какие следовало применить в отношении к одному из лидеров «правых» в Москве Рютина, составившему программу «оздоровления партии и государства.» Называя Сталина «злым гением русской революции, пожираемым жаждой власти и мести, приведшим революцию на край гибели», Рютин предлагал выполнить завещание Ленина и снять Сталина с его поста.⁴

Сталин потребовал смертной казни для Рютина, но потерпел поражение на пленуме, не получил большинства.

Начинает складываться оппозиция Сталину в рядах «верных сталинцев». На следующем пленуме ЦК (январь 1933 г.) рассматривается дело старых большевиков, никогда не принадлежавших ни к «левой», ни «правой» оппозиции — А. П. Смирнова, Толмачева и

³ Н. С. Хрущев — Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС, 1959, стр. 19—20.

⁴ Boris I. Nikolaevski — Les dirigeants soviétiques et la lutte pour le pouvoir. Denoël. 1969. p. 21—22.

Эйсмонта — признавших, что они вели разговоры о смещении Сталина.⁵

И снова большинство пленума не согласилось на смертную казнь для старых большевиков, считавших необходимым смещение генерального секретаря. Сталин настаивал на строжайшем наказании виновных, заявив: «Ведь это враги только могут говорить, что убери Сталина и ничего не будет.»⁶ Сталин не хотел позволить, чтобы кто-либо безнаказанно мог даже говорить о необходимости ухода вождя. Но добивается лишь исключения Толмачева и Эйсмонта из партии, а Смирнова — из ЦК.

Пленум, однако, утверждает решение Политбюро о чистке, в котором сформулирована новая категория врагов. Чистка должна обеспечить очищение партийных рядов «от всех ненадежных, неустойчивых и примазавшихся элементов».⁷

Особенно важно обратить здесь внимание на слово «ненадежные» элементы. «Неустойчивость» обычно связывалась с моральной неустойчивостью, «примазавшиеся» — были людьми непролетарского происхождения, «ненадежными» — могли быть лишь те, на кого не мог надеяться, рассчитывать Вождь.⁸

XVII съезд партии, называемый в истории КПСС «съездом победителей», принял решение, показавшее Сталину, что его притязания на абсолютную власть оспариваются.⁹

Бурные овации Кирову, равные по силе и продолжительности овации Сталину, избрание Кирова одновременно в Политбюро, Оргбюро и Секретариат,¹⁰ а

⁵ См. Всесоюзное совещание историков, стр. 291. Советский историк считает, что именно на этом пленуме «было положено начало расправы со старыми ленинскими кадрами».

⁶ Совещание историков, стр. 291.

⁷ ВКП(б) в резолюциях..., ч. 11, стр. 783.

⁸ Начавшаяся в 1933 г. чистка, называвшаяся потом проверка партийных документов, а затем обмен партбилетов, тянулась до 1936 г., после чего приняла характер административных репрессий, характер массового террора.

⁹ 7 февраля 1964 г. «Правда» поместила статью Л. Шаумяна, впервые подтвердившую наличие противников Сталина на XVII съезде.

¹⁰ До этого только Сталин совмещал все три поста. После избрания Кирова, Сталин настоял на избрании на эти посты и Кагановича.

главное — решение о переезде Кирова в Москву, где он должен был целиком посвятить себя руководству партией,¹¹ ускорили события.

В докладе на XVII съезде Сталин, заявив вначале, что «линия партии победила», что «доказывать нечего, да, и пожалуй — и бить некого»,¹² дважды затем предупреждает, что в партии не все благополучно.¹³

С большой долей вероятности можно предположить, что идею решения нараставшего в партии кризиса подсказал Сталину Гитлер, организовавший 30 июня 1934 г. «ночь длинных ножей», легко и быстро избавившую фюрера от противников.¹⁴

Убийство Кирова¹⁵ сигнализирует переход от традиционных форм чистки в партии к террору. «После убийства С. М. Кирова — говорит Хрущев, — начались массовые репрессии и грубые акты нарушения социалистической законности.»¹⁶

Первым таким «грубым актом нарушения законности» было постановление Президиума ЦИК, принятое в день убийства Кирова об особом порядке рассмот-

¹¹ Западные историки считают, что Сталин противился переезду Кирова в Москву, советские историки, напротив, полагают, что он настаивал на этом. См. Adam B. Ulam-Stalin. The Man and His Era. N. J. The Viking Press, 1973, стр. 379.

¹² И. Сталин — «Вопросы ленинизма», стр. 465.

¹³ Там же, стр. 466, 475.

¹⁴ В настоящее время, после доклада Хрущева XX съезду, после книги Роя Медведева «К суду истории», можно утверждать, что достаточно подробный сценарий убийства Кирова был изложен Ягодой на процессе 1938 г. Американский историк Адам Б. Юлам в биографии Сталина, появившейся в 1973 г., считает, однако, что нет достаточных оснований для утверждений об участии Сталина и даже Ягоды в организации убийства Кирова. Пользуясь, очевидно, американскими ассоциациями, он полагает, что Николаев совершил убийство сам, без сообщников. С версией Юлама трудно согласиться не только потому, что в ней не учтены многие установленные факты, в частности факты двукратного задержания Николаева с револьвером и освобождения, но и потому, что убийство Кирова дало Сталину повод для проведения политики массового террора, не щадившего никого. См. Adam B. Ulam-Stalin, стр. 386—388.

¹⁵ В убийстве Кирова — единственном подлинном террористическом акте в те годы — обвиняются поочередно белогвардейцы, зиновьевцы, троцкисты, правые.

¹⁶ Н. Хрущев — Доклад XX съезду, стр. 18.

рения дел о террористических обвинений.¹⁷ Дела эти рассматривались в ускоренном порядке — не более 10 дней, — обвиняемые лишались права на защиту и даже на ходатайство о помиловании. Смертный приговор приводился в исполнение немедленно.

«Этот закон, — пишет ныне советский историк, — противоречил всей сложившейся системе советского уголовно-процессуального законодательства . . . , он создавал предпосылки для применения необоснованных репрессий к невиновным.»¹⁸

К моменту принятия этого закона был уже готов и аппарат для его осуществления. Постановлением ЦИК СССР от 10 июля 1934 г. был образован всесоюзный народный комиссариат внутренних дел¹⁹ и новое зловещее сокращение — НКВД — приходит на смену ЧК и ОГПУ. ОГПУ входит в состав НКВД как Главное управление государственной безопасности. Одновременно, летом 1933 г. создается Особое совещание (ОСО) при НКВД, которое «действовало вне процессуального порядка и не было связано строгими рамками закона.»²⁰

Но и закон, уголовное законодательство обостряется в этот период с каждым днем. Выше уже говорилось о принятии в 1934 г. закона об измене Родины, устанавливавшего коллективную ответственность, включавшую родственников, друзей, знакомых. 7 апреля 1935 г. издается постановление «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних», распространявшее «все меры уголовного законодательства» на «несовершеннолетних, начиная с 12-летнего возраста.»²¹

¹⁷ СЗ СССР, 1934, № 64, стр. 45.

¹⁸ История советского государства и права, т. 2, стр. 619.

¹⁹ До этого народные комиссариаты внутренних дел имелись только в республиках, общесоюзным было ОГПУ.

²⁰ История советского государства и права, т. 2, стр. 619. До 1937 г. ОСО осуждали на разные сроки концлагерей, а затем стали применять и смертную казнь. Это право было в 1937 г. передано и особым «тройкам», созданным во всех областях и районах. ОСО и «тройки» выносили приговоры в отсутствие обвиняемых.

²¹ СЗ СССР, 1935, № 19, ст. 155. С 1936 г. аресту подвергались дети «врагов народа», начиная с восьмилетнего возраста. В разных городах состоялись массовые детские процессы. В городе Ленинск-Кузнецк 60 детей в возрасте 10—

Летом 1934 г. исправительно-трудовые лагеря, находившиеся в ведении народного комиссариата юстиции, переходят в ведение НКВД, которое отныне сосредотачивает в своих руках все лагеря страны. Ими ведало Главное управление исправительно-трудовых лагерей и трудовых поселений, сокращенно ГУЛАГ. «Архипелаг ГУЛАГ» — называет свою книгу о советской лагерьной империи Солженицын, желая дать уже в самом названии представление о гигантском размахе лагерьного государства.

Весной 1936 г. Советский Союз стал ареной свободной дискуссии, которую можно бы назвать первым — и последним — плебисцитом. Перед гражданами страны был поставлен вопрос оставить ли — как до этого предусматривал закон — женщинам право на аборт или полностью запретить производство абортотворов? Подавляющее большинство высказывавшихся в дискуссии, выступило за сохранение существующего закона. 27 ноября 1936 г. был подписан закон, запрещающий аборты. Сталин выразил тем самым неодобрение народу, показавшему свою неподготовленность к свободному волеизъявлению, не оправдавшему доверия организаторов дискуссии.

Осенью 1936 г. начинается период, получивший в истории название «ежовщины». Начинается период жесточайшего массового террора, период «массовых арестов и казней». По словам Хрущева «число арестов по обвинению в контрреволюционных преступлениях возросло в 1937 г., по сравнению с 1936 г. больше чем в десять раз».²² А мы помним, что и 1936 года был уже годом террора.

«Я не знал, что мы были в лапах гуманистов», — говорил Осип Мандельштам зимой 37/38 года, читая в

12 были арестованы по обвинению в создании «террористической контрреволюционной группы». (См. Г. Серебрякова — Смерч; Р. Медведев — К суду истории, стр. 521; Петр Якир — Детство в тюрьме). Виктор Серж рассказывает, что французские «педагоги сталинской тенденции» защищали «Постановление о мерах борьбы с преступностью среди детей», утверждая, что оно свидетельствует об огромных успехах советской педагогики, которая «делает взрослыми 12-летних детей». См. Victor Serge-Destin d'une Revolution. URSS 1917—1937, стр. 215.

газетах о том, что Ягода превратил лагеря в санатории.²³

Разница между «ежовщиной» и периодом ему прешествующим — это разница между пожаром, сжигающим часть дома, и пожаром, уничтожающим все жилище. «Вся разница между двумя периодами — до и после 37 года — сказалась на характере пережитых нами обысков, — вспоминает Надежда Мандельштам. — В 38 году никто ничего не искал и не тратил времени на просмотр бумаг. Агенты даже не знали, чем занимается человек, которого они пришли арестовать. Небрежно перевернули тюфяки, выкинули на пол все вещи из чемодана, сгребли в мешок бумаги, потоптались и исчезли, уведя с собой Осипа Мандельштама. В 38 вся эта операция длилась минут двадцать, а в 34 — всю ночь».²⁴

Галина Серебрякова назвала воспоминания об этом периоде — «Смерч».²⁵ Писательница-марксистка выбрала для определения исторического периода метеорологический термин, означающий сильный, разрушительный ветер, который «движется вперед, ломая и уничтожая или заливая на пути своем все».²⁶

Трудно, однако, согласиться с этим определением. Смерч — возникает внезапно и представляет собой

²² Н. Хрущев — Доклад на закрытом заседании XX съезда, стр. 20, 22.

²³ Надежда Мандельштам — Воспоминания, стр. 13.

²⁴ Надежда Мандельштам — Воспоминания, стр. 12.

²⁵ Галина Серебрякова, автор романов о жизни Маркса, была арестована в 1936 г. и освобождена в 1956 г. Ее воспоминания, одобренные Хрущевым, были уже готовы к печати и лишь падение первого секретаря помешало их публикации. Один экземпляр набора попал на запад и книга вышла на польском языке. Серебрякова принадлежала к высшему кругу советской элиты. Ее первым мужем был Леонид Серебряков, вторым — Григорий Сокольников, принадлежавшие к числу непосредственных организаторов Октябрьского переворота. Замнаркома путей сообщения Серебряков и замнаркома иностранных дел Сокольников были в числе главных обвиняемых во втором московском процессе (январь 1937). Воспоминания Галины Серебряковой один из редких документов, связанных с процессом. Интересны они и тем, что отражают психологию «твердокаменных» большевиков, оправдывавших применение террора по отношению ко всем, кроме них самих.

стихийное бедствие, которого не только нельзя предвидеть, но и с которым нельзя бороться.

Определенные черты советского государства, обнаружившиеся с первых дней его существования, делали возможным его развитие в направлении «ежовщины». «Ежовщина» была продолжением, гиперболическим завершением этих черт, была воплощением «лагерной цивилизации».

«Ежовщина» была завершением процесса, начавшегося 20 лет назад. От всех предыдущих этапов этого процесса она отличалась (наряду, конечно, с чудовищностью масштабов, жестокости, бессердечия) прежде всего изменением того, что военная стратегия называется «направлением главного удара».

В момент революции — направлением главного удара террора были эксплуататорские классы: помещики и капиталисты, после передышки НЭПа главный удар поочередно направляется против «вредителей», затем «кулаков».

После убийства Кирова направлением главного удара становится партия. Сначала все те члены партии, которые когда-либо, в какой-либо форме высказывали сомнение в «генеральной линии», а затем, с конца 1936 г. — все члены партии вообще. Советский историк называет этот период — 1937—1938 гг. — временем «массового истребления ленинских кадров нашей партии».²⁷ Представление о «массовости» истребления дают цифры, приведенные Хрущевым на XX съезде: 70% членов и кандидатов ЦК партии, избранного на XVII съезде, были арестованы и расстреляны, 1.108 из 1.956 делегатов съезда также были арестованы и в подавляющем большинстве случаев расстреляны.²⁸

²⁶ Владимир Даль-Толковый словарь, т. IV, стр. 234.

²⁷ Всесоюзное совещание историков, стр. 289.

²⁸ См. Н. Хрущев — Доклад..., стр. 17, 18. Подробный анализ хода ликвидации партийного аппарата, ареста партийных кадров в Zbigniew K. Brzezinski — *La Purge permanente*; А. Авторханов — *Технология власти. Процесс образования КПСС*. Интересный подсчет числа арестованных в период «ежовщины» приводит в своих воспоминаниях выдающийся австрийский физик Александр Вайсберг. Приглашенный в 1931 г. в Харьков, в Украинский физическо-технический институт, заведывал лабораторией, сотрудничал с академиками Ландау и Лейпунским. Был арестован в 1937 г., в 1940 передан НКВД в руки «братской организации» — гестапо.

Неверным было бы представление о членах партии, как о «неприкасаемых» до этого периода. Уже в 1923 г., например, ОГПУ впервые подготовило материалы, послужившие основой для обвинения видного партийного деятеля — Султан-Галиева.

Но дату, с которой следует отсчитывать начало преследования коммунистов за несогласие с «генеральной линией», преследования административного, следует отнести еще более назад.

Федор Дан рассказывает в своих воспоминаниях, что видел приговор ЧК, гласивший: По обвинению в воздержании от голосования резолюции член партии (дана фамилия) приговаривается к году заключения в концентрационный лагерь.²⁹ Важно отметить, что голосовалась резолюция, требовавшая жестокого наказания матросов мятежного Кронштадта. Было это в марте 1921 г.

Официальное подтверждение факта, приводимого Даном, мы находим в книге старого чекиста генерал-майора Тишкова: «С первых же шагов своей работы ОГПУ столкнулось с новой формой подпольной антисоветской деятельности. На этот путь скатились и некоторые люди с партийными билетами».³⁰ Язык Тишкова современный, (точнее — он перефразирует известные слова Сталин) он пишет о прошлом с точки зрения сегодняшнего дня, но полностью подтверждает факт преследования «инакомыслящих» членов партии, называя это «инакомыслие» «подпольной антисоветской деятельностью».

В 1926 г., выступая на пленуме ЦК, Дзержинский заявил, что если интересы коммунизма этого потребуют, они не остановятся перед арестами и даже расстрелами коммунистов, предающих партию.³¹

²⁹ Ф. Дан..., стр. 158.

³⁰ А. В. Тишков — Первый чекист, стр. 121.

³¹ Социалистический вестник, № 1(143), 15 января 1927 г., стр. 15. Этих слов нет в официальном изложении речи Дзержинского, есть однако, все основания верить «информатору» автора статьи, повидимому одному из оппозиционеров членов ЦК. «Феликс, приводя факты, продолжал разоблачать их (оппозиционеров) антиленинскую линию, изобличать их антипартийную деятельность» — так изложена суть речи Дзержинского в воспоминаниях его вдовы С. Дзержинской — В годы великих боев, изд-во «Мысль», М. 1965, стр. 401.

И здесь нужно отметить важную черту этих репрессий против членов партии, позволяющую понять естественность расширения этих репрессий, их превращения и массовой террор. На протяжении всего своего существования партия боролась с фракционерами и уклонистами. Особенно борьба эта усилилась после того, как партия стала правящей. На каждом повороте «генеральной линии» отсекалась — в первый период в большинство случаев без административных последствий — часть партии. В этой процедуре принимала участие основная группа руководства, в рядах которой затем снова рождалась группа «сомневающих» в правильности «линии». Но эти «сомневающие» были соучастниками изгнания предыдущей группы «сомневающих», поэтому они не имели никаких оснований жаловаться, если с ними новое большинство поступала так же, как поступали они, входя в состав прежнего большинства.

Великолепно понимал это — может быть единственный из всех партийных вождей — Сталин. В 1925 г. на XIV съезде, в разгар борьбы с Зиновьев и Каменевым, желая помешать их объединению с Троцким, Сталин напоминает, что именно зиновьевцы требовали — в период борьбы с Троцким — крови. Сталин предупреждает: «... Метод пускания крови... опасен, заразителен...»³²

На пленуме 1927 г., в ответ на упреки в арестах оппозиционеров (это было уже после речи Дзержинского и массовых арестов сторонников Троцкого, Зиновьева и Каменева), Сталин снова напоминает: «Говорят об арестах... А группа Мясникова? А группа «Рабочая правда».³³ Арестованы при прямой поддержке Троцкого, Зиновьева и Каменева.»³⁴

Сталин идет еще дальше, он напоминает, что и Ленин не церемонился с оппозиционерами, приказывая их арестовывать, либо высылать в места очень отдаленные (например, в Среднюю Азию).

Происходит процесс, который можно назвать процессом анестезии, утраты чувствительности к репрес-

³² И. В. Сталин — Сочинения, т. VII, стр. 380.

³³ Оппозиционные группы, примыкавшие к «Рабочей оппозиции», разгромленные в 1921 г. с помощью административных методов по приказу Ленина.

³⁴ И. Сталин — Сочинения, т. X, стр. 190.

сиям и несправедливости. Все принудительные меры принимаются как временные, как необходимые в связи с данной критической ситуацией, но проходит ситуация, а меры остаются и обосновываются теперь уже не необходимостью, а традицией.

Суть рассматриваемого периода, который для краткости я называю «ежовщиной», заключался в том, что в отличие от всех других предыдущих «критических» периодов, когда удар направлялся по врагу, по «чужим», на этот раз массированный огонь велся также и по «своим».³⁵

На февральско-мартовском пленуме 1937 г., означившим высшую точку «ежовщины», в своей самой знаменитой речи, которая после 1937 г. никогда не перепечатывалась, Сталин намечает главные направления удара: «Вредительская и диверсионно-шпионская работа агентов иностранных государств, в числе которых довольно активную роль играли троцкисты, задела в той или иной степени все или почти все наши организации, как хозяйственные, так и административные и партийные.

Агенты иностранных государств в том числе и троцкисты, проникали не только в низовые инстанции, но и на некоторые ответственные посты».³⁶

Теперь уже главным направлением удара становится вся страна — все население, все ее организации. Враги проникли всюду, подозрительны все — снизу доверху.

Сталин специально отмечает, что никто не может оказаться вне страшного круга. Член партии подозрителен потому, что он член партии. «Нынешние вредители и диверсанты, троцкисты — это большей частью люди партийные, с партийным билетом в кармане . . . Сила современных вредителей, — снова повто-

³⁵ Александр Межиров, после войны, написал стихотворение «Мы под Колпином», рассказывающее о переживаниях солдата, обстреливаемого собственной артиллерией. Это символ народа, избиваемого «своими», непонимающего, что происходит. Заканчивается стихотворение перефразировкой поговорки, которую приводили обычно в оправдание ежовщины: «Лес рубят, щепки летят».

³⁶ И. В. Сталин — О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников. Доклад на пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 г. «Правда», 29 марта 1937 г.

рует Сталин, — состоит в партбилете, в обладании партбилетом.»³⁷ Подозрительны хорошие работники потому, что они хорошо работают. «Ни один вредитель, — учит Сталин, — не будет все время вредить... Наоборот, настоящий вредитель должен время от времени показывать успех в своей работе, ибо — это единственное средство сохраниться ему как вредителю.»³⁸

В брошюрках, выходявших в 1937 году миллионами экземпляров мысль Сталина разъяснялась еще более элементарно и доступно.³⁹

В стране возникает обстановка, в которой подозрительными становятся общественная и политическая активность, хорошая работа, все, что в какой-то степени выделяет человека, обращает на него внимание. Серость, посредственность, непримечательность становятся, казалось бы, единственной гарантией спасения. Но не спасают и они.

Террор охватывает дословно все области жизни страны-партию, государственные органы, промышленность, сельское хозяйство, культуру. Каждому арестованному задают два сакраментальных вопроса: кто тебя завербовал и кого ты завербовал? Пытка становится официально одобренным методом получения показаний.⁴⁰ Александр Солженицын пишет: «То, что еще вязалось при Алексее Михайловиче, что при Петре

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. Адам Б. Юлам называют речь Сталина «несмотря на ее марксистскую терминологию совершенно средневековым документом: классовый враг может не проявляться крупными вредительскими или саботажническими действиями; дьявол может проникать через продавшихся ему, но до поры до времени притаившихся и даже работающих на социализм, в ожидании удобного момента для удара». Adam B. Ulam-Stalin, стр. 678.

³⁹ См. например: С. Уранов — О некоторых коварных приемах вербовочной работы иностранных разведок. Партиздат ЦК ВКП(б), 1937. Тираж 1050 тыс.

⁴⁰ По свидетельству мемуаристов (см. Е. Гинзбург — «Крутой маршрут», Г. Серебрякова-«Смерч», Е. Олицкая — «Воспоминания», А. Вайсберг — «Обвиняемый») во всех тюрьмах страны пытки начали применяться одновременно летом 1937 г. Гинзбург называет июль, Вайсберг — 17—18 сентября. Хрущев приводит в своем докладе текст телеграммы, подтверждающей показания жертв: «ЦК ВКП(б) поясняет, что применение методов физического воздействия в практике НКВД, начиная с 1937 г., было разрешено

казалось уже варварством, что при Бироне могло быть применено к 10—20 человекам, что совершенно невозможно стало с Екатерины, — то в расцвете великого двадцатого века в обществе, задуманном по социалистическому принципу, в годы, когда уже летали самолеты, появилось звуковое кино и радио — было совершенно не одним злодеем, не в одном потаённом месте, но десятками тысяч специально обученных людей-зверей над беззащитными миллионами жертв».⁴¹ Каждый арестованный пытками вынужден назвать имена «сообщиков». Устоять могли лишь немногие. Рождается, прежде всего среди арестованных коммунистов, «теория» — «чем хуже, тем лучше», то есть, чем больше будет арестованных, тем скорее «там», «наверху» поймут, что творится неладное, что массовые аресты необходимо прекратить.⁴²

ЦК ВКП(б). А. Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ» возражает: «...странно сейчас в воспоминаниях бывших эков иногда прорваться, что «пытки были разрешены с весны 1938 г.» Писатель приводит множество фактов, свидетельствующих о том, что пытки практиковались «органами» со дня их рождения. Составленный А. Солженицыным краткий перечень «некоторых простейших приемов» мог бы без всяких изменений фигурировать в средневековых руководствах для инквизиторов. (Гл. 3).

Решение применять пытки в «общесоюзном масштабе» Солженицын объясняет «чрезвычайной ситуацией», необходимостью «в заданный сжатый срок прокрутить» миллионы арестованных. Было, однако, в этом решении обнажение подлинной сущности государства и свидетельство достигнутых успехов в создании тюремной цивилизации, концлагерного мира. Имеется официальный документ, подтверждающий факт применения пыток задолго до 1937 г. В договоре между СССР и Монголией, подписанном 5 ноября 1921 г. устанавливается взаимный отказ двух государств от «применения судебными, следственными и иными своими органами каких либо карательных или следственных мер, причиняющих физическое страдание или унижающих нравственное состояние человека» по отношению к гражданам другого государства. См. Е. А. Коровин — Международное право переходного периода. Госиздат, Москва, 1924.

⁴¹ А. Солженицын — Архипелаг Гулаг. УМКА-Пресс, Париж, 1973, стр. 104.

⁴² А. Вайсберг рассказывает о харьковском враче, которого пытками заставляли называть членов несуществующей шпионской организации. Арестованный, обладавший феноменальной памятью, назвал всех врачей города, заставив тем самым обратить внимание на свое дело.

Некоторые исследователи этого периода полагают, что в разгар «ежовщины» советский режим «дочистился» почти до смерти,⁴³ а террор превратился в неуправляемую стихию. Если нет сомнения в том, что террор нанес жесточайший удар советскому государству — органам управления, экономике, армии, культуре, — что иногда он приобретал непредвиденный инерционный размах, то нет никаких оснований утверждать, что руководство террором начало ускользать из рук его организатора. Тщательно подготовив удар⁴⁴ по стране, Сталин умело руководил «чисткой», заранее подготовив себе пути отхода, «козлов отпущения».

Еще в марте 1937 г. Сталин, давая сигнал к безжалостной расправе с партийными кадрами, одновременно указывает на то, что «некоторые партийные руководители страдают отсутствием должного внимания к людям, к членам партии, к работникам... Либо они их хвалят, без меры, либо они избивают их также огулом, без меры, исключают из партии тысячами и десятками тысяч..., утешая себя тем, что партия у нас большая...»⁴⁵

В январе 1938 г., когда исключения, а следовательно и аресты — арест следовал за исключением из партии почти автоматически — исчислялись уже не десятками, а сотнями тысяч, очередной пленум ЦК снова ставит вопрос о невнимательном отношении к членам партии, о безосновательных исключениях, приводя многочисленные примеры бездушного отношения к коммунистам. Но как на февральско-мартовском пленуме 1937 г., так и на январском пленуме 1938 г. вслед за упреками в невнимательности и бездушности, идут требования усиления бдительности и выкрывания новых врагов.

Значение январского пленума заключается в том, что он называет в качестве очередной жертвы последнюю группу тех, кто считал себя гарантированным от арестов — доносчиков. Одновременно вина за аресты сваливалась на «врагов народа».

«Известно... немало фактов, когда замаскированные враги народа, вредители-двурушники в провокационных целях организуют подачу клеветнических

⁴³ Z. Brzezinski, стр. 115.

⁴⁴ А. Авторханов, стр. 229—230.

⁴⁵ КПСС в резолюциях, часть 2, стр. 307.

заявлений на членов партии и под видом «развертывания» бдительности добиваются исключения из рядов ВКП(б) честных и преданных коммунистов, отводя тем самым от себя удар... Пора всем партийным организациям и их руководителям разоблачить и до конца истребить замаскированного врага».⁴⁶ Больше нет невинных. Виноват тот, кто не доносит — притупление бдительности. Виноват и тот, кто доносит — ибо делает это в провокационных целях. Виноват стахановец — хорошей работой он скрывает какие-то антисоветские намерения, но теперь виноват и тот, кто не участвует активно «в общественной и производственной жизни.»

Период «ежовщины» можно бы графически изобразить волнистой линией, пиками которой были бы показательные процессы — Зиновьева, Каменева и др. в августе 1936 г., Пятакова, Серебрякова, Сокольников, Радека и др. в январе 1937 г. и Бухарина, Рыкова и др. в марте 1938 г.

Показательные процессы доводили атмосферу репрессий до новой точки накала, давая вместе с тем подобие объяснения происходящему.

Несомненный успех этой техники террора объясним, мне кажется прежде всего тем, что она не изобреталась *ad hoc*, она уже существовала, использовалась ранее и в рассматриваемый период лишь совершенствовалась. Именно поэтому кажутся неубедительными утверждения о «стихийности» террора, ускользнувшего якобы из рук организатора. Эта техника террора, эта система была уже многократно испытана. Ее изобретателем был Ленин.

В полном собрании сочинений В. И. Ленина впервые опубликовано письмо народному комиссару юстиции Д. Курскому о задачах комиссариата юстиции в условиях новой экономической политики.

Дважды — в тексте письма — Ленин предупреждает о его секретности: «С особой просьбой: не размножать, только показывать под расписку, не дать разболтать, не проболтать перед врагами».⁴⁷ И снова предупреждает: «Ни малейшего упоминания в печати о моем письме быть не должно. Пусть, кто хочет, вы-

⁴⁶ Там же, стр. 312.

⁴⁷ В. И. Ленин — т. 44, стр. 396.

ступает за своей подписью, не упоминая меня и побольше конкретных данных». ⁴⁸

Ленин ни в коем случае не хочет простить автором программы и техники террора, который он считает необходимым через год после принятия НЭПа, уже после окончания гражданской войны. ⁴⁹

Программа эта, изложенная в форме приказа, такова:

«Усиление репрессий против политических врагов Соввласти и агентов буржуазии (в особенности ⁵⁰ меньшевиков и эсеров); проведение этой репрессии ревтрибуналами и нарсудами в наиболее быстром и революционно-целесообразном порядке; обязательная постановка ряда образцовых (по скорости и силе репрессии; по разъяснению народным массам через суд и через печать значения их) процессов в Москве, Питере, Харькове и нескольких других, важнейших центрах; воздействие на нарсудей и членов ревтрибуналов через партию в смысле улучшения деятельности судов и усиления репрессии . . .» ⁵¹

Мы видим здесь три основные черты «техники террора», нашедшей свое широчайшее применение в годы «ежовщины»:

Указывается по имени враг — жертва, достаточно точно и достаточно туманно (в числе врагов — социалисты); используются «образцовые» показательные суды — для «разъяснения народным массам» смысла репрессий; применяется «воздействие партии» на суды. О том, что секретное письмо Курскому было не случайностью, а результатом продуманной до деталей политики, свидетельствует написанное через месяц ⁵² строга «секретное» письмо Ленина членам Политбюро ⁵³ относительно использования случаев сопротивления духовенства требованиям о сдаче церковных ценностей государству.

⁴⁸ В. И. Ленин — т. 44, стр. 400.

⁴⁹ Письмо датировано — 20 февраля 1922 г.

⁵⁰ Всюду подчеркнуто Лениным.

⁵¹ В. И. Ленин — т. 44, стр. 396.

⁵² Письмо датировано 10 марта 1922 г.

⁵³ Письмо было подготовлено к включению в Полное собрание сочинений, но затем отвергнуто по цензурным соображениям. Распространяется в «самиздате». Опубликовано в «Вестнике русского студенческого христианского движения», Париж—Нью-Йорк, № 98, IV, 1970.

И снова Ленин настаивает на аресте представителей определенных групп — духовенства, мещанства, буржуазии; на точном предписании судам какой приговор должен быть вынесен; на организации показательного процесса: «Политбюро дает детальную директиву судебным властям, тоже устную, чтобы процесс против шуйских мятежников, сопротивляющихся помощи голодающим, был проведен с максимальной быстротой и закончился не иначе, как расстрелом очень большого числа.»⁵⁴ Ленин знает, что никакого мятежа в Шуе не было, что сопротивлялись не «помощи голодающим», а конфискации предметов богослужения. Важен был предлог.

«Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше, — пишет Ленин. — Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать».⁵⁵

В этой последней фразе суть стратегического гения Ленина — в удобный момент нанести врагу такой силы удар, чтобы он надолго потерял способность к сопротивлению.

В письме членам Политбюро Ленин называет источник, из которого он почерпнул свою идею: «Один умный писатель по государственным вопросам справедливо сказал, что если необходимо для осуществления известной политической цели пойти на ряд жестокостей, то надо осуществлять их самым энергичным образом и в самый короткий срок, ибо длительного применения жестокостей народные массы не вынесут.»⁵⁶ «Умный писатель по государственным вопросам», которого так одобрительно цитирует Ленин — это флорентинец Никколо Макиавелли.

«Ежовщина» была именно таким периодом «энергичного» применения «ряда жестокостей» для достижения «политической цели»: окончательного уничтожения сопротивления не только существовавшего, но и потенциального, уничтожения возможности возникновения какого-либо противодействия Вождю в обозримом будущем. Она была высшей точкой процесса

⁵⁴ «Вестник», стр. 56.

⁵⁵ «Вестник», стр. 57.

⁵⁶ «Вестник», стр. 55.

замены гражданских прав т. н. революционным правом, высшей точкой процесса, на одном из начальных этапов которого Ленин заявил об уничтожении основ римского права, потребовав «применять не *corpus juris gomanі* к «гражданским правоотношениям», а *наше революционное правосознание*» и «показывать систематически, упорно, настойчиво на ряде образцовых процессов, как это надо делать с умом и энергией.»⁵⁷

Убедительным свидетельством того, что террор «ежовщины», «образцовые процессы» дали возможность их организатору достичь политической цели, которую он себе поставил, является изменения в рабочем законодательстве, произведенные на завершающем этапе террора.

20 декабря 1938 г. было опубликовано постановление о введении трудовых книжек с 15 января 1939 г.⁵⁸ С этого момента ни один рабочий или служащий государственных и кооперативных предприятий и учреждений не мог быть принят на работу без трудовой книжки, в которой отмечались сведения о его работе, причинах ухода с работы, взысканиях и поощрениях.

Полгода спустя, 26 июня 1940 г., был издан указ Президиума Верховного Совета СССР, закреплявший всех рабочих и служащих на том месте, где они работали, запрещавший под угрозой уголовного наказа-

⁵⁷ В. И. Ленин, т. 44, стр. 400. Технику использования в борьбе с политическими противниками обвинений не соответствующих истине, но простых и недвусмысленных Ленин использует еще до революции. Старый большевик А. Аросев, хорошо знавший Ленина, пишет: «Дело было за границей, во время войны. Как-то однажды я зашел к нему и показал статью Каутского, сплошь оборонческую, больше того — почти шовинистическую. Я предложил Владимиру Ильичу написать что-нибудь против Каутского, разобрать Каутского по косточкам, доказать, что он фактически отступает от революционной линии. Владимир Ильич сделал такой жест рукой, словно сбросил ненужные бумажки со стола. — Зачем, — сказал он, — так много доказывать, что Каутский отступил от революционной линии? На нашу статью он снова ответит, нам нужно будет опять много и долго доказывать. Не лучше ли просто сказать ему и всем оборонцам, что они предатели. Это очень понятное слово, особенно аргументировать его не приходится...» См. А. Аросев — От желтой реки. Прибой, 1927, стр. 113.

⁵⁸ «Правда», 20 декабря 1938.

ния самовольный уход с работы.⁵⁹ Руководители предприятий, не передававшие в суд дел о «самовольном уходе с работы», сами привлекались к судебной ответственности. Прогул одного рабочего дня без уважительной причины влек за собой исправительно-трудовые работы по месту службы с вычетом 25% заработной платы. К прогулу приравнялось опоздание свыше 20 минут.

Введение паспортов в 1932 г. лишило свободы передвижения всех жителей городов и закрепило на месте жителей деревни, паспортов не получивших.

Введение трудовых книжек и закон 26 июня 1940 г. закрепило на месте, лишило права на свободный выбор работы, всех рабочих и служащих страны.

Происходит как бы петрификация государственной структуры, в основе которой лежит закрепощенное население.

В период «ежовщины» завершается пересмотр самих основ наказания, что сразу же находит свое отражение в положении узников концентрационных лагерей. Наказание и формально перестает быть мерой «социальной защиты», становясь — возмездием, суровой карой.⁶⁰ Рождается теория, гласящая, что поскольку в условиях социалистического общества повышается активная роль сознания, постольку возрастает вина советского человека, нарушившего закон, а следовательно должна повышаться и ответственность.⁶¹

Советского человека, именно потому, что он является гражданином социалистического, следовательно наиболее прогрессивного государства, — утверждали советские юристы, — следует наказывать гораздо строже, чем это делают с гражданами других, менее прогрессивных государств.⁶²

⁵⁹ Ведомости Верховного Совета СССР, 1940, № 52.

⁶⁰ См. «История советского уголовного права», М. 1948; Б. С. Маньковский — Проблема ответственности в уголовном праве, М. 1949; А. А. Пионтковский — Сталинская конституция и проект Уголовного кодекса СССР, М. 1947; Советское уголовное право. Общая часть. М., 1952.

⁶¹ Б. С. Маньковский — Проблема ответственности в уголовном праве, стр. 55—56.

⁶² После 1956 г. ряд советских юристов выступил против этой теории. См. М. Д. А. Шаргородский — Наказание по советскому уголовному праву. М. 1958.

Практическую базу этому учению о повышении ответственности за преступления, совершаемые в социалистическом обществе, дала теория А. Вышинского о признании, как важнейшем доказательстве вины. Именно эта теория Вышинского служила теоретическим обоснованием необходимости применения «медов физического воздействия». Поскольку не было никаких иных доказательств вины обвиняемых, таким доказательством становилось признание, добытое с помощью пыток.

Вышинский прямо и откровенно пишет об этом в своем главном юридическом труде «Теория судебных доказательств в советском праве».

«В средние века, — напоминает он, — хотя признание было вырвано пыткой — оно *regina probatio-nis*».⁶³ Глава советской юридической школы полагает, что в целом этот принцип «не приемлем для советского права и судебной практики.»⁶⁴

Есть, однако, важное исключение, когда средневековый принцип не только приемлем, но и обязателен.

В делах «о заговорах, о преступных сообществах, в частности, в делах об антисоветских контрреволюционных организациях и группах... объяснения обвиняемых... неизбежно приобретают характер и значение основных доказательств, важнейших, решающих доказательств.»⁶⁵

В своей книге Вышинский делает признание, представляющее немалый интерес для историков, изучающих причины, приведшие Сталина к организации «ежовщины». Говоря о значении террора в тоталитарном государстве, он цитирует Германа Раушнинга, в свою очередь цитирующего Гитлера: «Народ нуждается в здоровом страхе. Они хотят бояться чего-нибудь. Они хотят, чтобы кто-нибудь пугал их и заставлял их, содрогаясь, подчиняться... Террор является наиболее эффективным политическим оружием.»⁶⁶

Трудно не сделать вывода, что Вышинский полностью соглашался с этой мыслью.

⁶³ А. Я. Вышинский — Теория судебных доказательств в советском праве. Издание третье, дополненное. Госюриздат, М. 1950, стр. 260.

⁶⁴ Там же, стр. 260.

⁶⁵ Там же, стр. 264.

⁶⁶ Герман Раушнинг — Гитлер говорит, цит. по Вышинский — Теория судебных доказательств, стр. 69.

Значение теории Вышинского⁶⁷ выходит за пределы проблем чисто юридических. Самокритика всегда считалась в партии одной из «главных движущих сил». Теория Вышинского распространяет это требование самокритики на всех граждан страны — партийных и беспартийных. Следовательно превращается в исповедника, наказанием очищающего от вины — совершенной, или задуманной, или просто потенциально возможной. Но человек, «очистившись» признанием в своей несовершенной вине, становится готовым к обвинению всех других в любых преступлениях.

Донос на себя — делает возможным, допустимым, естественным донос на других. Теория Вышинского — кодифицирует доноительство.

Донос перестает быть доносом, он становится разоблачением врагов, делом полезным и достойным. «Воля не видеть»,⁶⁸ — оживлявшая, по словам Пильняка, Россию в первые годы после революции, дополняется — к 1937 г. — волей видеть то и так, как необходимо в данный момент.

Переворот произведенный в стране, отразился, как тонко отметила Надежда Мандельштам, даже на внешнем виде руководителей. О большевиках первого призыва, о тех кто делал революцию и в 1936 году стал «врагом народа» пишут в газетах: «Вот они: хиловатые, лысые, в очках...»⁶⁹ Руководители «старого» типа появляются лишь на скамье подсудимых, а потом исчезают, уступая место новым.

«До середины двадцатых годов мы всюду сталкивались с бывшими подпольщиками... Резкие, уверенные в своей непререкаемой правоте, они охотно пускались в споры, агитировали, часто были грубы... Постепенно их сменяли круглоголовые блондины..., эдакие рубахи-парни с развязно-веселой и вполне искусственной манерой, шуточками и нарочитой грубоватостью. На их место пришли молчаливые дипломаты... ничего лишнего не сказать, никаких обещаний

⁶⁷ В настоящее время советская юридическая наука формально отвергает теорию Вышинского.

⁶⁸ Борис Пильняк — Мать-мачеха. Собрание сочинений, т. 3, М.-Л.-Гиз, 1929, стр. 219.

⁶⁹ «Литературная газета», 17 января 1937 г. Отчет о процессе Пятакова, Серебрякова и др.

не дать . . .»⁷⁰ «А с этими сменами изменялся весь стиль жизни и управления.»⁷¹

2. «Зеркало эпохи»

Алексей Суворин приводит в своем дневнике⁷² разговор, который произошел у него с Достоевским в 1887 г. Представьте себе, размышлял Достоевский, что мы стоим на улице и слышим, как кто-то говорит, что сейчас Зимний дворец взлетит на воздух, под него подложена бомба. Монархисты и реакционеры Достоевский и Суворин соглашались, что они, даже зная о неминуемом взрыве Зимнего дворца, не пошли бы доносить в полицию. Достоевский приходит к выводу, что он не мог бы пойти с доносом, ибо пугает его страх прослыть доносчиком, страх перед общественным мнением.

Желание «не видеть» действительности и террор парализуют к началу 30-х годов общественное мнение в советской России до такой степени, что можно говорить о полном его исчезновении. Русская интеллигенция, на протяжении ста лет стоявшая на страже этических норм, «пересматривает ценности».

С одной стороны это связано, как я говорил выше, с представлением о необходимости служить революции ложью, искажением действительности, с другой — страхом перед террором. Слова Пастернака об опасности «должности поэта» теряют в середине 30-х годов свой символический, метафизический характер и обретают прямой смысл. Русская литература «идет в лагерь»,⁷³ идет на смерть.

Становится действительностью требование руководителя советской цензуры (Главлита) Ингулова, заявлявшего: «Критика должна иметь последствия: аресты, судебные процессы, суровые приговоры, физиче-

⁷⁰ Надежда Мандельштам — Воспоминания, стр. 147.

⁷¹ Там же, стр. 171.

⁷² А. Суворин — Дневники, М. 1923, стр. 126.

⁷³ Борис Слуцкий — Когда русская проза ушла в лагерь . . . (неопубликованное стихотворение, распространяемое в «самиздате»).

ские и моральные расстрелы... В советской печати критика — не зубоскальство, не злорадное обывательское хихиканье, а тяжелая шершавая рука класса, которая, опускаясь на спину врага, дробит хребет и крошит лопатки...»⁷⁴

«Шершавая рука дробит хребет» русской интеллигенции, которая «печатает и пишет плакаты» «про радость своего заката».⁷⁵

Афиногенов отмечает в своем дневнике: «Берсенеv награжден орденом за картину. Звонил ему — в голосе счастье, значит так называемый МХАТ второй забыт и прощен окончательно, значит все впереди».⁷⁶ Запись сделана в 1938 г. И драматург Афиногенов и актер и режисер Берсенеv счастливы, что «МХАТ второй» — интересная попытка театрального экспериментирования — «забыт». Кем забыт? Очевидно «забыт» руководителями государства, «простившими» актера, участвовавшего в поисках новых путей — в искусстве.⁷⁷

Возникают проблемы, никогда ранее не стоявшие перед русской литературой. Наиболее четко выражает новую дилемму Юрий Олеша.

«Когда я писал какую-нибудь новую вещь, мне среди прочего было также очень важно, что скажет о моей новой вещи Шостакович, и когда появлялись новые вещи Шостаковича, я всегда востороженно хвалил их... И вдруг я читаю в газете «Правда», что опера Шостаковича есть «Сумбур вместо музыки». Это сказала «Правда». Как же мне быть с моим отношением к Шостаковичу?»⁷⁸

Юрий Олеша доказывает, что в случае столкновения собственного мнения и мнения «Правды» писатель, интеллигент должен, обязан отказаться от своего мнения и присоединиться к мнению «Правды».

⁷⁴ С. Ингулов — Критика, не отрицающая, а утверждающая. «Красная нива», 1926, 6 мая, № 19; стр. 2.

⁷⁵ Борис Пастернак — Стихотворения и поэмы, М.-Л. 1965, стр. 259.

⁷⁶ Афиногенов — Дневники..., стр. 503.

⁷⁷ Иван Берсенеv был награжден за исполнение роли гнусного троцкиста Карташева в фильме «Великий гражданин» Ф. Эрмлера.

⁷⁸ «Великое народное искусство. Из речи тов. Олеси» «Литературная газета», 1936, № 17, 20 марта.

Литература периода «ежовщины» была литературой, отражавшей действительность, пропущенную сквозь призму «Правды», но именно поэтому, хотя и лишенная каких-либо художественных достоинств, она представляет значительный интерес для исследователя эпохи.

Шедевры, высшие достижения литературы не зависят от времени. В России Николая I были написаны «Ревизор» и «Мертвые души». В период «ежовщины» Булгаков писал «Мастера и Маргариту». Великие литературные произведения — плоды гениев, творцов, выражающих свои чувства, свои мысли, свои впечатления о мире и человеке.

Плохая литература, плохие книги с математической точностью отражают идеи и мысли типичные для времени, расхожие мысли и лозунги. Не имея своих мыслей, своего мнения, своих идей писатель, лишенный таланта, перелагает на страницы книг то, что он прочел в газете, услышал на собрании. Он — отражательное стекло, зеркало, в котором отражается то, что навязывают ему и что он навязывает читателю. Фаддей Булгарин типичнее для эпохи Николая I, чем Гоголь. Глеб Алексин⁷⁹ типичнее для эпохи «ежовщины», чем Осип Мандельштам. Первые отражают действительность внешнюю, навязанную, вторые — действительность внутреннюю, подлинную.

Образцом литературы типичной для середины 30-х годов может быть, мне кажется, «Заговор равнодушных»⁸⁰ Бруно Ясенского.

Значение этого незаконченного в связи с арестом писателя романа прежде всего в том, что он был опубликован в 1956 г. Как правило романы, написанные в 1937 г. на тему «чистки», ныне не переиздаются — реабилитация части жертв «ежовщины», разоблачения «нарушений социалистической законности», оглашенные на XX и XXII съездах КПСС, сделали эти книги,

⁷⁹ Я думаю, что роман Глеба Алексина «Неуч», напечатанный в 1938 г. в журнале «Звезда», а потом вышедший отдельной книгой, может претендовать на звание «самой плохой книги» в советской литературе.

⁸⁰ Бруно Ясенский — Заговор равнодушных. Избранные произведения в двух томах. ГИХЛ, М., 1957, том первый. Впервые напечатан в журнале «Новый мир» 1956, №№ 5—7.

полные чрезмерных восхвалений Сталина, несколько анахроничными.

Достоинство «Заговора равнодушных» в глазах издателей прежде всего в том, что автор романа сам стал жертвой «нарушений законности» — это как бы снимает с него подозрения в прославлении «ежовщины». «Заговор равнодушных» интересен и тем, что он дает объяснение причин, вызвавших «Большую чистку»: объяснение, данное январским пленумом ЦК в 1938 г., и считающееся действительным и сегодня (наряду с плохими чертами характера Сталина). Наконец, третье достоинство романа в том, что автор был польским, а не русским коммунистом, был иностранцем, что как бы давало ему возможность свежим взглядом смотреть на Советский Союз, и был коммунистом, что гарантировало правильность этого взгляда. Ортодоксальность взглядов Бруно Ясенского, «замечательного советского писателя», как называет его Рой Медведев,⁸¹ была подтверждена его участием в написании «Беломорканала» и романа о коварных методах иностранных шпионов «Человек меняет кожу».

Все эти достоинства, побудившие опубликовать «Заговор равнодушных» 130-тысячным тиражом в журнале и 150-тысячным — в книге, делают его важным документом.

«Заговор равнодушных»⁸² написан в жанре детективного романа. Но это не классический детектив, в котором полиция, сыщик ищут преступника, нарушившего закон. Это новый вид детектива — 170 миллионов советских граждан, ищут врагов, забравшихся в их среду — шпионов, вредителей, троцкистов и других оппозиционеров.

На первых же страницах романа завязывается сюжетный узел: «... Загремела дверь, вваливается Боря Фришкинд и ... кричит с порога:

— Знаете, кто оказался матерым троцкистом? Не отгадаете!...»⁸³

⁸¹ Рой Медведев — К суду истории, стр. 506.

⁸² Бруно Ясенский успел написать первую часть романа — 200 книжных страниц. Жена писателя, подготовившая книгу к печати, рассказала о предполагавшемся дальнейшем развитии сюжета. См. Б. Ясенский — Избранные произведения в двух томах, т. 1, стр. 430—431.

⁸³ Бруно Ясенский — Избранные произведения в двух томах, т. 1, стр. 237.

Никто из собравшихся на новогодний вечер друзей-комсомольцев не может «отгадать», что «матерым троцкистом» «оказался» заместитель директора завода, на котором они работают.

Угадать было, действительно, трудно. Друзья рассуждают:

«Кто знал, что Грамберг — троцкист? Никто... Твердокаменным большевиком прикидывался. Никто из нас не раскусил.»⁸⁴

Это — завязка романа, но это, одновременно, и главная мысль, которую хочет выразить автор. Враг — всюду. Враг не проявляет даже себя своей вражеской деятельностью, он «прикидывается твердокаменным большевиком», хорошо работает, но в его биографии есть темные пятнышки, где-то, когда-то он голосовал за троцкистскую резолюцию, выразил сочувствие не тому, кому следовало и т. д.

Тот кто раз усомнился в «генеральной линии», тот кто хотя бы раз усомнился во взглядах вождя — осужден навсегда.

Нужна «беззаветная преданность делу большевизма».⁸⁵ А это значит — нужно «доказать свою готовность в любую минуту, если партия этого потребует, пожертвовать своей личной жизнью, во имя интересов партии, интересов своего класса.»⁸⁶

Интересы партии идут перед интересами класса, и, конечно, должны идти перед «личной жизнью.» Следовательно, каждый человек, «будь он мой отец, мой сын, мой друг, моя жена»,⁸⁷ если он «окажется» врагом — подлежит беспощадному уничтожению.

Эти слова, которые кажутся и автору и героине романа Жене, их выслушивающей, такими правильными произносит скрытый враг — его должны разоблачить во второй части книги. Ясенский использует прием детективного жанра — вкладывает в уста преступника слова, которые должны придать ему облик добропорядочного гражданина. Одновременно, писатель еще раз подчеркивает свою основную идею — даже самые правильные мысли, еще не значат, что это человек вне подозрений; именно те, кто говорят так правильно — особенно подо-

⁸⁴ Там же, стр. 241.

⁸⁵ Там же, стр. 249.

⁸⁶ Там же, стр. 249.

⁸⁷ Бруно Ясенский..., т. 2, стр. 249.

зрительны, поскольку используя верные партийные лозунги, они преследуют свои цели.

Так автор приходит к объяснению причин «Большой чистки» — фашистские провокаторы, агенты иностранных разведок, используя правильные лозунги о бдительности, клеветают на честных коммунистов. «Большая чистка» нужна, полезна, ибо врагов множество, но некоторые ее излишества — это результат вражеской деятельности, желание загрязнить «сверкающий меч революции». Не без значения и то, что врагам писатель дает фамилии нерусского звучания: Грамберг, Релих. Один из них троцкист, другой связан с гитлеровской разведкой. Вот эти-то люди и мешают провести «чистку» как следует, выкорчевать подлинных врагов, не касаясь подлинных коммунистов.

В 1932—33 гг. Бруно Ясенский пишет роман о строительстве плотины в Таджикистане и называет его «Человек меняет кожу».⁸⁸

Название символизировало не только таджикских крестьян, осознававших значение советской власти, оно в еще большей степени символизировало врагов — менявших лишь кожу, но в душе оставившихся врагами — шпионами иностранных разведок.⁸⁹

Символично и заглавие романа о «ежовщине» — «Заговор равнодушных». Именно «равнодушные», малоактивные терпят в своей среде «предателей и убийц», именно «равнодушные», не выкрывая врагов — позволяют им существовать и вредить.

Этот конфликт — между необходимостью разоблачать врагов, доносить о них и «равнодушием» тех, кто этого не делает — кажется писателю важнейшим в советском обществе. Выступая на I съезде советских писателей, Ясенский говорит об этом важнейшем, с его точки зрения, конфликте, выраженном на этот раз в том, что «дети-пионеры ловят своих отцов-пособников классово-

⁸⁸ Роман впервые был опубликован в журнале «Новый мир» в 1932 г. №№ 10—12 и 1933 г. №№ 5—10. Многократно выходил книжкой. Переиздан в 1957 г. в «Избранных произведениях», том 2.

⁸⁹ В 1937 г., когда писателя арестовали, или, как выражается его жена, «когда произошли трагические события в его жизни» (Избранные произведения т. 1, стр. 7), Ясенского обвиняли в том, что он «сменив кожу», как змея, проник в Советский Союз.

го врага на хищении социалистической собственности и приводят их перед революционным трибуналом...»⁹⁰

Вечный конфликт между долгом и чувствами, древний конфликт Антигоны, Бруно Ясенский лишает мифологических одежд, символической глубины, превращая в спор между партией, требующей подчинения, и «равнодушными», не находящими в себе достаточно сил для полного отречения от всего личного.

Возвращает этому конфликту — между долгом и чувствами — его извечный характер, исторические масштабы Сергей Эйзенштейн. Дважды — в 1935—37 и в первой половине 40-х годов — Эйзенштейн пытается воплотить свои мысли на экране и дважды вмешательство властей мешает ему в этом.

«От Эйзенштейна, — пишет историк советского кино, — ждали не историко-философского осмысления конфликтов эпохи коллективизации, а прямого отображения «обстреляющейся классовой борьбы»».⁹¹

В первый раз Эйзенштейн приступает к работе над этой темой в 1935 г., используя сценарий Александра Ржешевского «Бежин луг». Замысел сценария возник на основе подлинного факта: в 1932 г. пионер Павлик Морозов сообщил властям, что его отец, работник сельсовета, продает кулакам документы. Отца арестовали и расстреляли, сына убили — за донос — родственники. Павлик Морозов был провозглашен идеалом нового советского человека, образцом пионера, короче — был канонизирован. Появляются многочисленные книги о Павлике Морозове, восхваляющие его героизм и мученическую смерть.

В первом варианте сценария, над которым начинает работать Эйзенштейн, конфликт понимается режиссером, как борьба двух принципов социального сознания: древне-патриархального, общинно-религиозного и социалистического, коллективистского, как борьба двух этических норм: древней, библейской и новой, социалистической.

Отец заявляет сыну: «Когда господь наш всевышний сотворил небо, воду и землю и вот таких людей,

⁹⁰ Стенографический отчет, стр. 276. Стоит отметить, что «охота на отцов» велась после принятия закона 7 августа 1932 г., предусматривавшего за хищение социалистической собственности расстрел.

⁹¹ Эйзенштейн — Избранные произведения в шести томах, т. 6, стр. 543.

как мы с тобой, дорогой сынок, он сказал: Плодитесь и размножайтесь, но если когда родной сын предаст отца своего, — убей его, как собаку».⁹² В сцене убийства сына, отец вновь повторяет библейскую заповедь о каре за предательство.

Для сына эта мораль, старая этика не существует. Сын предаёт отца, но — и это необычайно важно для новой морали, которую защищает Эйзенштейн — сын предаёт отца физического, отца кровного ради отца духовного, олицетворяющего собой то новое, что идет на смену старому.

Классовая борьба представлена как столкновение не двух классов (в сценарии отец — не кулак, а бедняк, виновный в духовной отсталости, в фанатичной религиозности), а двух этических норм — умирающей и рождающейся.

После того, как материал, отснятый по первому варианту сценария, был отвергнут, Эйзенштейн приступает к работе над вторым вариантом фильма, пригласив в качестве автора диалогов Исаака Бабеля. Режиссер имеет совершенно точные указания — как именно переделать сценарий. От него требуют «ввести сцены, дающие конкретную мотивировку перехода отца и других к *прямоу вредительству*», «разработать вариант, где оставить Степка⁹³ в живых» «ввиду возможной опасности, что финал может выйти недостаточно оптимистичным».⁹⁴

Во втором варианте сценария исчезает конфликт двух принципов социального сознания, вместо него появляется классовый конфликт между собственничеством, представленным отцом пионера, и коллективизмом, представленным пионером. Отец — изображен теперь кулаком-вредителем, одержимым собственническим инстинктом. Убивая сына, он произносит уже не библейское проклятие предателю, а слова: «Забрали тебя у папани, да я не отдал. Не отдал своего кровного».⁹⁵ Мотивировка поведения Отца становится газетной — кулаки не отдают скот в колхоз, предпочи-

⁹² Там же, стр. 539.

⁹³ Героя фильма — пионера зовут Степок.

⁹⁴ Эйзенштейн..., т. 6, стр. 543 (Постановление дирекции Мосфильма от 19 июля 1936 г.).

⁹⁵ Эйзенштейн..., стр. 149.

тают резать животных, кулак не отдает сына в пионеры, предпочитает его убить.

Значительно яснее была зато проведена линия предательства сыном отца. В первом варианте зритель ее не видел, теперь она показывалась полностью — сначала мальчик прибегает к начальнику политотдела и говорит о готовящемся поджоге, затем мальчик заявляет арестованному отцу: «Это я сказал...»

Сын публично отрекается от отца, ибо нашел отца духовного. Во втором варианте тема духовного отца значительно расширена. Образ начальника политотдела Василия Ивановича приобретает монументальный характер всезнающего, уверенного в себе вождя.

Схема сценария почти вплотную приблизилась к требуемому образцу, но все же не совпала с ним окончательно и отснятый материал снова был отвергнут и уничтожен.

Приступая в 1941 г. к работе над сценарием фильма «Иван Грозный», Эйзенштейн возвращается к конфликту: родной отец — духовный отец. Перенеся тему выбора между «кровным отцом и отцом венчанным»⁹⁶ в эпоху Ивана Грозного, Эйзенштейн превращает предательство, убийство кровного отца в некую государственную необходимость, в историческую необходимость. Клятва опричников: «...отказаться от роду, племени, позабыть отца, мать родимую»⁹⁷ дословно повторяет требование героя романа Ясенского Релиха вынести беспощадный приговор «отцу, сыну, другу, жене»,⁹⁸ если они окажутся врагами партии.

⁹⁶ Эйзенштейн..., стр. 398.

⁹⁷ Там же, стр. 396.

⁹⁸ Бруно Ясенский, т. 2, стр. 249. Одной из любимых тем советской литературы периода революции и гражданской войны был конфликт в семье: отец на стороне белых, сын — на стороне красных, братья стреляющие друг в друга и т. п. У Бабеля — отец убивает сына, потом сыновья отца (См. И. Бабель-Избранное, М. 1966, рассказ «Письмо», стр. 32), у Ивана Катаева поэт сочиняет на фронте стихи: «Я пулей брата зарезу ловко,» (См. Иван Катаев-Под чистыми звездами, М. 1969, стр. 52), у Ивана Макарова — сын арестовывает мать (См. Иван Макаров — Черная шаль, М. 1970). В этот период люди жертвуют личным, самым дорогим, кровным — ради революции. Начиная с 1929 г. эту жертву требует уже государство, с середины 30-х годов — Вождь.

В «Бежином луге» сын отдавал отца в руки милиции, в «Иване Грозном» сын — по приказу царя — «отца венчаного» — убивал собственноручно родного отца.

Для доказательства своей преданности духовному отцу предательства уже недостаточно, нужно и убийство.

Эйзенштейну не удалось показать на экране конфликт, который представлялся ему таким важным, таким характерным для советского общества. От «Бежина луга» осталось лишь несколько десятков кадров, первая серия «Ивана Грозного» вышла на экран в 1945 г., вторая серия, запрещенная в 1946 г., была показана лишь через 12 лет, третья серия — в которой происходит отцеубийство — не была снята и сохранилась лишь в сценарии.⁹⁹

Эйзенштейн оказался жертвой другого конфликта, типичного для «тюремной цивилизации», конфликта между гениальным художником и обществом, в котором царит единовластие.

Во всех своих произведениях Эйзенштейн хочет оправдать все, что происходит в стране — насильственную коллективизацию, разрушение церквей, предательство. Всегда он оправдывает средства, даже самые жестокие, самые бесчеловечные — целью. В «Бежином луге» — эта цель: социализм, бесклассовое общество. В «Иване Грозном» — эта цель: сильное государство.

Но оказывается — и в этом-то состоит конфликт, что все его усилия, может быть лучше сказать, почти все — оказываются безрезультатными. «Тюремная цивилизация» не нуждается в гениях. Беда Эйзенштейна заключается в том, что он, оправдывая действительность, хочет ее понять. «Ни одного грамма пролитой крови мы не собираемся сбрасывать со счетов биографии царя Ивана. Не обелить, но объяснить».¹⁰⁰

Эйзенштейн хотел — «объяснить», но прежде, чем объяснить хотел понять. «Тюремная цивилизация» — не нуждалась ни в «понимании», ни в «объяснении». Она боялась этого. Она нуждалась только в слепой вере. Поэтому несмотря на все свои старания, Эйзенштейн не мог стать настоящим придворным художником. Ему не удалось воспитать в себе то «умение не

⁹⁹ Эйзенштейн . . . , т. 6.

¹⁰⁰ Эйзенштейн . . . , том 1, стр. 193.

видеть», которое было необходимо художнику, желающему добиться успеха в советском обществе.

«Гений и злодейство — две вещи несовместные»,¹⁰¹ писал Пушкин. В споре с Цезарем, утверждающим, что «Иван Грозный» гениальный фильм, старый каторжник А-123 согласен с Пушкиным: —

— Но какую трактовку пропустили бы иначе?..

— *Ах, пропустили бы?! Так не говорите, что гений!* Скажите, что подхалим, заказ собачий выполнял. Гении не подгоняют под вкус тиранов!¹⁰²

Конфликт между Эйзенштейном и обществом, в котором он жил заключался не в том, что режиссер не хотел выполнять «заказ собачий», а в том, что он выполнял его слишком хорошо, на уровне гораздо более высоком, чем требовало от него общество.

Злодейство оказывалось «несовместным» с гением, потому что гений мешал злодейству, даже если он хотел ему служить.

Эйзенштейн понимает это. Иван Грозный, приказав Федору Басманову убить отца, встречает его после выполнения приказа словами: «Родного отца не пожалел, Федор, как же меня жалеть-защищать станешь?»¹⁰³ Тиран не может доверять художнику, предавшему искусство.¹⁰⁴

¹⁰¹ А. С. Пушкин — Сочинения в 3 томах, т. 2, стр. 371.

«Гнуснейшая политическая идея — оправдание единоличной тирании»...

¹⁰² А. Солженицын — Один день Ивана Денисовича, М. 1963, стр. 71.

¹⁰³ С. Эйзенштейн..., т. 6, стр. 398.

¹⁰⁴ Предательство Эйзенштейна тем отвратительнее, что он великолепно понимал, что делает, превратив, например, Малюту Скуратова в идеального положительного героя. Виктор Шкловский рассказывает: «Когда мне пришлось говорить с Эйзенштейном о Малюте, он мне сказал сердясь, что историю всегда знают по кинокартинам. Когда нибудь появится дом «Матери и Малюты». Эйзенштейн, опираясь на сближение слов Малюта и малютка, спародировал выражение «Дом матери и младенца». См. Виктор Шкловский — Эйзенштейн. М. 1973, стр. 267.

3. По свежему следу событий . . .

Невелико число писателей, отказывавшихся «не видеть», не соглашавшихся с разумностью действительности, с необходимостью оправдывать все происходившие ради высших целей. Невелико число писателей, увидевших мир не сквозь плахту газетного листа, а лицом к лицу. Но еще меньше число тех, кто увидел этот подлинный мир написал о нем сразу же, по живым следам, не надеясь, конечно, когда либо напечатать свое свидетельство.

Лидия Чуковская, автор повести «Опустелый дом» — одного из важнейших документов эпохи «Большой чистки» — прекрасно понимает значение сделанного ею: «При всех мыслимых достоинствах будущих повестей и рассказов, написаны они окажутся уже в иную эпоху, отделенную от 1937 года десятилетиями. Моя же повесть писалась по свежему следу только что происшедших событий».¹⁰⁵ Писательница рассматривает свою книгу «не столько как повесть, сколько как свидетельское показание . . .»¹⁰⁶

«Опустелый дом» — это несомненно исключительное ценное свидетельское показание очевидца страшных по своей жестокости и непонятности событий, но это, конечно, и «повесть», то есть талантливое художественное произведение, рисующие выразительные психологические портреты людей, потерявших под ударами действительности многие привычные человеческие черты, потерявших способность различать между добром и злом, потерявших способность общаться между собой, закрывшихся в раковину своего существования, отрезанных страхом от всего мира.

Значение повести определяется прежде всего образом главной героини. Ольга Петровна Липатова — вдова врача, живет лишь одним — любовью к сыну. Материнская любовь — лейтмотив ее существования. Ограниченная, не интересующаяся тем, что происходит вокруг, Ольга Петровна — идеальный гражданин государства, в котором происходят непонятные для нее вещи. Она принимает их равнодушно и безразлично. «Арестовывали сначала «каких-то оппозиционеров», а

¹⁰⁵ Лидия Чуковская — Опустелый дом. Изд. «Пять континентов», Париж, 1965, стр. 8.

¹⁰⁶ Там же, стр. 7.

потом «бывших», всяких там «фон баронов». ¹⁰⁷ Потом вдруг — врачей. В том числе и сослуживца покойного мужа. Но все это происходит «у других». К тому же, как объясняет сын Коля «Ленинград необходимо очистить от ненадежного элемента». ¹⁰⁸

Основная черта характера Ольги Петровны — отсутствие сомнений, слепая вера в необходимость всего того, что происходит, во все то, что пишут в газетах, которые она с недавних пор начинает читать, ибо ее любимый раздел «Из зала суда» заполняет теперь всю газету целиком — печатают стенограммы процессов зиновьевцев и других врагов.

«Подумать только, эти негодяи хотели убить родного Сталина. Это они, оказывается, убили Кирова. Они устраивали взрывы в шахтах, пускали поезда под откос. И чуть ли не в каждом учреждении были у них свои ставленники». ¹⁰⁹

Словечко «оказался» — «оказался» врагом — объясняет самые неожиданные аресты, словечко «завлекли» — «завлекли» враги — придает объяснению таинственную романтическую силу.

По легенде Ян Гус, увидев старушку, подбрасывающую хворост в костер, на котором он должен был сгореть, воскликнул: «О, Sancta Simplicitas!» Ольга Петровна подбрасывает в пожар все объясняющие и все оправдывающие словечки: «оказался», «вовлекли».

Пожар охватывает и ее дом. Арестован сын — преданный комсомолец, талантливый инженер. И тогда вступает в действие новый защитный механизм: «У нас невиновных не держат... Разберутся и выпустят». ¹¹⁰ Это защитный механизм, строившийся на протяжении долгих лет: у нас невинных не арестовывают, а если арестовывают, то разбираются и выпускают, а если не выпускают — то посмертно реабилитируют.

«Подумать только, — разглядывала Ольга Петровна толпу людей, стоявших в очередь в тюремную канцелярию, — все эти женщины — матери, жены, сестры вредителей, террористов, шпионов!» ¹¹¹

¹⁰⁷ Лидия Чуковская — Опустелый дом, стр. 47.

¹⁰⁸ Там же, стр. 47.

¹⁰⁹ Там же, стр. 49.

¹¹¹ Лидия Чуковская..., стр. 80.

Взрыв раковины, в которую замыкается верящая в справедливость для себя Ольга Петровна, взрыв мира, в котором живет она с сыном, происходит в тот момент, когда она узнает, что ее сын, ее Коля — сознался в участии в террористическом акте.

Лидия Чуковская рисует портрет Ольги Петровны уверенно и точно, ни на секунды не изменяя логике характера. Ольга Петровна верит словам прокурора больше, чем всему тому, что она знает о своем сыне. Друг Коли комсомолец Алик не верит обвинению, он допускает даже мысль, что «вредители засели в НКВД».¹¹² Но для Ольги Петровны сомнений нет: «Ведь Коля сознался, Алик, сознался, поймите, Алик, поймите... — плача говорила Ольга Петровна.»¹¹³

С беспощадной последовательностью развивается процесс отречения матери от сына, процесс, начавшийся согласием признать виновными всех других, поверить обвинениям, напечатанным в газетах, произнесенным на собраниях.

Друг Коли не верит в его виновность. Любящая Колю Наташа, задает вопрос о причинах, вынудивших Колю сознаться, в предсмертной записке она с горечью и недоумением пишет: «Я не могу разобраться в настоящем моменте советской власти».¹¹⁴

Алика осмелившегося выразить сомнение — арестовывают, Наташа, задумавшаяся над «настоящим моментом», кончает самоубийством. Ольгу Петровну, остающуюся жить на свободе, парализует страх. Пораженная этим страхом, который выжег у нее все внутри, который оставил лишь каркас человека, она совершает последний шаг. Отказывает сыну в последней просьбе, бросает его в самую тяжелую минуту, предает его.

Ольга Петровна совершает все те поступки, которые должна совершать мать — она собирает консервы, чтобы когда-нибудь послать их сыну, отказывая себе при этом в еде, она постоянно думает о нем. Но она сжигает письмо, в котором сын, рассказывая, что его пытками вынудили признаться в участии в несуществующей террористической организации, просит мать написать заявление с изложением фактов.

¹¹² Там же, стр. 70.

¹¹³ Там же, стр. 105.

¹¹⁴ Лидия Чуковская..., стр. 120.

Ольга Петровна совершает все то, что полагается совершать матери — пока эти поступки носят инстинктивный характер, но она не может совершить поступка, связанного с волевым актом, ибо воля ее парализована страхом.

Ольга Петровна берет письмо, чудом добравшееся к ней от сына, и зажигает его. И когда пламя охватило лист бумаги, «Ольга Петровна бросила огонь на пол и растоптала его ногой.»¹¹⁵

Этим символическим жестом, мать отдает сына на мучения и гибель. Этим символом заканчивается книга и понимать его, очевидно, следует расширительно.

Родина-мать — любимый образ советской литературы — отказывается от своих детей, отдает их на мучения и гибель, парализованная страхом.

«Опустелый дом» содержит множество деталей, подробностей быта эпохи «ежовщины.» Портреты равнодушных и активных деятелей, бдительных разоблачителей «проникших» врагов, которые в свою очередь оказываются разоблаченными. Страшные картины длинных очередей, выстроившихся у ворот тюрем. Образ города, дрожащего от страха.

Но главное, что приносит книга — наряду со «свидетельскими показаниями» — это портрет матери, предающей сына, ибо окружающая ее действительность подготовила ее к этому предательству, постепенно, шаг за шагом, вела ее к этому последнему акту.

Значение «Опустелого дома» в советской литературе становится еще более очевидным, если мы сравним с повестью Лидии Чуковской, написанную на ту же самую тему поэму Анны Ахматовой «Реквием».

Полностью совпадает сюжет — мать оплакивает арестованного сына, место действия — Ленинград и очереди перед тюрьмами, время действия — «ежовщина», и время написания — 1939—1940 годы.

В предисловии к «Реквиему», написанному в 1957 г., Ахматова вспоминает: «В страшные годы ежовщины я провела семнадцать месяцев в тюремных очередях в Ленинграде».¹¹⁶ В этих очередях поэтеса дает «не-

¹¹⁵ Там же, стр. 137.

¹¹⁶ Анна Ахматова — Сочинения в двух томах. Том первый, издание второе, пересмотренное и дополненное. Международное литературное содружество, 1967, стр. 361.

вольным подругам двух моих осатанелых лет»¹¹⁷ обещание «описать это».¹¹⁸

«Реквием» — это прежде всего «описание» пережитого и увиденного в «страшные годы». Но главное, важнейшее отличие переживаний автора «Реквиема» от переживаний Ольги Петровны в том, что Ахматова ни на секунду не верит в обвинения, предъявленные ее сыну, а поэтому ни на секунду не верит в виновность других жертв «ежовщины».

Вся Россия, вся «безвинная Русь»¹¹⁹ корчится под кровавыми сапогами, под шинами полицейских машин. Вся страна, без всякой вины переживает безумные мучения. Трагедия личная сливается с трагедией всей страны.

Ахматова подчеркивает это слияние ее судьбы с судьбой всех русских матерей и композицией поэмы. В начале и конце она обращается к тем, с кем вместе стояла «триста часов» перед тюремными воротами. Она считает себя голосом «стомильонного народа»,¹²⁰ кричащего о том, о чем другие сказать не могут или боятся.

Есть в поэме и следы раздумий над причинами трагедии, переживаемой людьми и страной. Ахматова выносит эту трагедию за рамки своего времени, превращая ее в часть русской истории.

Россию она называет ее древним именем — Русь. Свое горе, горе женщины, у которой уводят в тюрьму, на расправу близкого, родного, она сравнивает с горем жен стрельцов, казненных Петром I.

«Буду я, как стрелецкие женки,
Под кремлевскими башнями выть.»¹²¹

Снова плачут женщины у «кремлевских башен», как плакали сотни лет назад, и снова — как и сто лет назад — та же самая форма продолжает наводить

¹¹⁷ Там же, стр. 362.

¹¹⁸ Там же, стр. 361.

¹¹⁹ Там же, стр. 363.

¹²⁰ Там же, стр. 369.

¹²¹ Анна Ахматова — Сочинения, т. 1, стр. 363. В стихотворении «Уводили тебя на рассвете...», написанном в 1935 г., Ахматова пишет об аресте ее мужа Николая Пунина.

ужас на русских людей. Снова «верх шапки голубой»¹²² означает тюрьму, каторгу.

От темной комнатки, опустевшей после ареста любимого человека, до Ленинграда, «одичалой столицы», от смерти женщины, убитой приговором сыну или мужу, до смерти страны, растоптанной «кровавыми сапогами» — таков диапазон поэмы, Реквиема России, страны, в которой все человеческие чувства заслоняет одно чувство — под разными названиями повторяемое Ахматовой — страх, ужас, испуг.

Наиболее полное представление об эпохе, о 30-х годах XX века в России дал Михаил Булгаков в романе «Мастер и Маргарита». Это единственное произведение, написанное об эпохе современником, который чувствовал себя одновременно и наблюдателем.

Как бы со стороны, глазами Дьявола, смотрит писатель на жителей Москвы и приходит к выводу, что они мало изменились: «Люди как люди... Обыкновенные люди... в общем, напоминают прежних, квартирный вопрос только испортил их...»¹²³

Писатель горько иронизирует. Москвичи 30-х годов лишь «напоминают» прежних людей, они изменились очень сильно, «испортились» из-за «квартирного вопроса», который во всех произведениях Булгакова выступает как символ сломанного революцией мира.

Жители Москвы живут в атмосфере страха, ставшего привычным, как бы естественным. Это тот воздух, которым люди дышат. Страшная, подлинно дьявольская сила действует в городе еще до появления Боланда и его товарищей.

Из квартиры № 50 «два года тому назад... люди начали бесследно исчезать».¹²⁴ Некоторых просили «корректные милиционеры в белых перчатках» на минутку зайти в милицию, другие просто как «сквозь землю проваливались». Не одна только квартира № 50 была «колдовской» в городе. В главе «Сон Ивана Ни-

¹²² Там же, стр. 366. Политическая полиция в России, появившаяся при Николае I — корпус жандармов, — до сегодняшнего дня носит голубую форму. Можно было бы предположить, что любитель традиций Сталин ввел ее для НКВД, но и ОГПУ, с 1921 г., также выбрал голубые мундиры.

¹²³ Михаил Булгаков — Романы, Москва, 1973, стр. 541.

¹²⁴ Там же, стр. 491.

коновича»¹²⁵ Булгаков описывает как пытаются толпу собранных со всей Москвы в тюрьму людей, вымогая от них сдачи золота. Арестованные сидят в тюрьме, без всякого обвинения, до тех пор пока не отдадут спрятанное золото или валюту.

Но арестовывают не только — и, даже не столько — бывших нэпманов, прячущих драгоценности.

Обнаружив на двери квартиры зарезаного трамваем Берлиоза «огромнейшую сургучную печать», какую ставили обычно на дверях сотрудники НКВД, после ареста всех жильцов квартиры, Степа — не зная о смерти приятеля — считает его арест делом совершенно нормальным. Он только сразу же начинает ощущать в голове «какие-то неприятнейшие мыслишки».¹²⁶

Какую-то статью дал Степа Берлиозу для напечатания в журнале. «И статья, между нами говоря, дурацкая! И никчемная, и деньги-то маленькие...»¹²⁷ Но — для читателя это совершенно очевидно — если Берлиоза арестовали, то и Степа виноват, ибо дал арестованному статью! Хуже того, сразу же прилетело и воспоминание о каком-то сомнительном разговоре. «То есть, конечно, в полном смысле этого слова, разговор этот сомнительным назвать нельзя (не пошел бы Степа на такой разговор), но это был разговор на какую-то ненужную тему... До печати, нет сомнений, разговор этот мог бы считаться совершеннейшим пустиком, но вот после печати...»¹²⁸

Финансовый директор варьете, Римский узнав об исчезновении директора и кассира, ни на секунду не сомневается в значении этих исчезновений. «Римский пожимал плечами и шептал сам себе: — Но за что?»¹²⁹ В Москве исчезновение человека — может значить лишь одно — арест. Разговор на улице — может значить тоже самое. «Я к вам послан по делу, — говорит Азazelло Маргарите. — Маргарита побледнела и отшатнулась. — С этого прямо и нужно было начинать, — заговорила она... Вы меня хотите арестовать? — Ничего подобного, — воскликнул рыжий, — что это

¹²⁵ Там же, стр. 576—587.

¹²⁶ Там же, стр. 497.

¹²⁷ Там же, стр. 497.

¹²⁸ Там же, стр. 497.

¹²⁹ Там же, стр. 534.

такое: раз заговорил, так уж непременно арестовать!»¹³⁰

В этой атмосфере страха рождаются трусость, доносительство, ложь. Поэт Рюхин, сочинитель звучных стихов к 1 мая, задумавшись над своей судьбой, понимает вдруг причину крушения всех надежд на подлинную славу: «Не верю я ни во что из того, что пишу!»¹³¹

Страх, ложь, лицемерие, обман ломают человека. Остается лишь одно. «Рюхин . . . пил рюмку за рюмкой, понимая и признавая, что исправить в его жизни уже ничего нельзя, а можно только забыть».¹³²

Общество, в котором за «сомнительный» разговор человека ждет тюрьма, это, одновременно, общество социальной несправедливости. Подручному Дьявола поручает писатель заклеить эту несправедливость, произнеся «глупейшую, бестактную и, вероятно, политически вредную речь»¹³³ в торгсине.

Эпоху «квартирного вопроса» Булгаков сравнивает с эпохой царствования римского императора Тиберия. Тот же страх, терор, то же пренебрежение человеком, та же озабоченность, в первую очередь, материальной стороной жизни, в ущерб духовной.¹³⁴

Минуло две тысячи лет и, как печально признает Дьявол, люди не только не стали лучше, они испортились.¹³⁵

Великолепным изображением Москвы 30-х годов, города дьявола, не ограничивается содержание романа Булгакова. Но как никто другой он сумел создать об-

¹³⁰ Там же, стр. 641.

¹³¹ Там же, стр. 489.

¹³² Там же, стр. 490.

¹³³ Михаил Булгаков — стр. 766.

¹³⁴ Иосиф Вергер, видный деятель Коминтерна рассказывает в своих воспоминаниях (Joseph Berger — Shipwreck of a generation. Harvill press, London, 1971, p. 109) о встрече на Соловках в 1937 г. с близким сотрудником Бухарина Александром Эйхенвальдом. Эйхенвальд виделся с Бухариным в тюрьме накануне процесса. Крупнейший теоретик большевистской партии, подписав признание, которого добивались следователи, работал над книгой о человеке. Необходимо, — сказал он, — перестать думать об идеологии, экономике и политике, а постараться понять смысл и цель жизни.

¹³⁵ Там же, стр. 541.

раз «тюремной цивилизации», концлагерного мира. Покидая Москву, дьявольская бригада очищает ее огнем, сжигая четыре здания, символизирующие главные пороки, превратившие столицу в город зла. Предаются огню дом писателей — храм лжи, торгсин — символ лицемерия, храм валюты, в государстве, называющем себя социалистическим, домик, в котором живет доносчик, пославший в лагерь Мастера, наконец, дом, заполнившийся агентами НКВД, явившимися ловить Воланта. Агенты НКВД — подлинное адское отродье. Посланик ада — Воланд, явившись в Москву находит ад там. И он единственный не боится сказать правду. Как в сказке Андерсона правду: король голый — говорит ребенок, так в романе Булгакова правду: Москва — это ад — говорит Дьявол.

Рассмотренные в этой главе литературные произведения, несмотря на принципиально различную точку зрения Бруно Ясенского, с одной стороны, Анны Ахматовой, Лидии Чуковской и Михаила Булгакова, с другой, сходны одним — написанные современниками событий, составляющих содержание книг, они были изданы спустя четверть века после написания. Эта дистанция, позволив отсечь все злободневное, незначительное, дает возможность утверждать, что основные черты «тюремной цивилизации» полностью сложились к середине 30-х годов. В литературе к этому времени стоял лишь один вопрос: принимать эту цивилизацию или нет?

Но принятие не могло быть актом пассивным. Выбор должен был быть однозначным. Принятие означало утверждение «тюремной цивилизации» как высшей формы развития человеческого общества. То, что некогда выдавалось за необходимость, ныне становилось добродетелью, признаком прогресса.

Принятие не могло быть актом голословным. Нужно было доказать верность, преданность «тюремной цивилизации», жертвуя самым ценным, самым важным для писателя — правдой, искренностью.

4. Цель достигнута

Период «ежовщины» был периодом окончательного оформления характера государства, возникшего после Октябрьской революции. Принятие в 1936 г. новой

конституции, значительно более демократичной — формально, — чем прежняя, принятие этой конституции в тот самый момент, когда начинался период жесточайшего террора и нарушения всех норм и прав, записанных в конституции, не было случайным совпадением. Государство как бы подчеркивало свою независимость от собственных законов, свою «надзаконность». Государство подчеркивало полную зависимость граждан от олицетворяющего государство — Вождя, не связанного никакими законами.

Политика Сталина была продолжением, заострением и на партию, тех методов борьбы за укрепление государства, которые были разработаны Лениным. Формула Барбюса: «Сталин — это Ленин сегодня» была формулой, точно передававшей смысл политики Сталина, доводившего до логического конца то, что было начато до него.

В резолюции XII съезда партии, собравшегося в апреле 1923 г. говорилось совершенно определенно: «Диктатура рабочего класса не может быть обеспечена иначе, как в форме диктатуры его передового авангарда, т. е. Компартии . . .»¹³⁶

В новом издании резолюций съездов КПСС, дается к приведенной выше цитате сноска: «Ошибочная антиленинская формула «диктатура партии» была проведена Зиновьевым в отчетном докладе ЦК съезду и в резолюции съезда.»¹³⁷ Но, хорошо известно, что на XII съезде власть в партии принадлежала не Зиновьеву, а «триумвирам» — Зиновьеву, Каменеву, Сталину. К тому же, в предисловии к резолюции XII съезда говорится, что «В. И. Ленин не присутствовал, но руководство вождя практически проявлялось во всей работе съезда».¹³⁸

В чем выражалось это руководство можно судить по заявлению Ленина: «Когда нас упрекают в диктатуре одной партии . . . мы говорим: «Да диктатура одной партии! Мы на ней стоим и с этой почвы сойти не можем».¹³⁹ И чтобы не было никаких сомнений в смысле его слов вождь правящей партии разъясняет:

¹³⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов . . . , т. 2, стр. 406.

¹³⁷ Там же, стр. 406.

¹³⁸ Там же, стр. 403.

¹³⁹ В. И. Ленин, т. 24, стр. 423.

«Научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть».¹⁴⁰

Ленин выражает совершенное ясно и недвусмысленно: власть опирающаяся на насилие, не ограниченная ничем, не стесняемая никакими законами и правилами — вот, что нужно партии. Сталин, большой любитель истории, нашел в далеком прошлом форму, которая по его мнению могла бы отлично выразить желания Ленина.

В 1921 г. в наброске плана брошюры «О политической стратегии и тактике», Сталин видит компартию, «как своего рода орден меченосцев внутри государства Советского, направляющий органы последнего и одухотворяющий их деятельность».¹⁴¹ Особую роль предназначает Сталин «старой гвардии внутри этого могучего ордена».

Своеобразный орден меченосцев, управляющий государством. Элита — старая гвардия — управляет орденом. Так представляет себе Сталин будущее государство. Пишет он этот «набросок плана» в 1921 г., когда Ленин еще руководит партией и государством. Впервые публикует его — в 1947 г., когда становится сам главой «ордена меченосцев» — главой партии и государства.

«Как можно вообще допускать сравнение нашей партии с... кастовой религиозно-военной организацией немецких псов-рыцарей, ставившей своей целью захват и ограбление чужих земель, проведение политики разбоя и насилия?»¹⁴² спрашивал член ЦК, академик Пospelов. Но спрашивал в 1962 году. Нельзя согласиться с Пospelовым, когда он утверждает, что «склонность Сталина сравнивать партию с военной организацией, применять военные термины к оценке ее деятельности, стратегии и тактики противоречит ленинскому духу понимания сущности самой партии».¹⁴³ Именно Ленину принадлежит идея создания партии по образцу военной организации, общеизвестна и любовь Ленина к военным терминам. Но Пospelов не-

¹⁴⁰ В. И. Ленин, т. 24, стр. 441.

¹⁴¹ И. Сталин — Сочинения, т. 5, стр. 71.

¹⁴² Всесоюзное совещание историков..., стр. 208.

¹⁴³ Всесоюзное совещание историков..., стр. 208.

сомненно прав, когда говорит, что Сталин пошел на сравнение партии с орденом меченосцев, «как показали последующие события, видимо, не случайно».¹⁴⁴

Не случайным, можно думать, был и выбор даты публикации статьи — 1947 г. В этот период, очевидно, Сталин набрасывал первые эскизы новой «Большой чистики»¹⁴⁵ государства, только что вышедшего из страшной схватки с гитлеровской Германией.

В том же 1947 г. Сталин с непривычной откровенностью рассказывает о своем понимании истории и роли Вождя, Правителя в государстве.

В беседе с Сергеем Эйзенштейном и исполнителем роли Ивана Грозного Николаем Черкасовым, состоявшейся 24 февраля 1947 г., после премьеры первой серии фильма «Иван Грозный», Сталин изложил свои взгляды на роль царя Ивана IV в русской истории.¹⁴⁶

«Говоря о государственной деятельности Ивана Грозного т. Сталин заметил, что Иван IV (Грозный) был великим и мудрым правителем, который ограждал страну от проникновения иностранного влияния¹⁴⁷ и стремился объединить Россию... И. В. Сталин также отметил прогрессивную роль опричнины, сказав, что руководитель опричнины Малюта Скуратов был крупным русским военачальником...¹⁴⁸ Коснувшись ошибок Ивана Грозного, И. В. Сталин отметил, что одна из его ошибок состояла в том, что он не сумел ликвидировать пять оставшихся крупных феодальных семейств, не довел до конца борьбу с феодалами, если бы он это сделал, то на Руси не было бы Смутного времени, и затем Сталин с юмором добавил: «тут Ивану помешал Бог»: Грозный ликвидировал одно семейство феодалов, один боярский род, а потом целый

¹⁴⁴ Всесоюзное совещание историков..., стр. 208.

¹⁴⁵ См. Boris I. Nicolaevski — Les dirigeants soviétiques et la lutte pour le pouvoir.

¹⁴⁶ Изложена эта беседа в «Записках актера» Н. Черкасова, вышедших в 1953 г., еще при жизни Сталина в тот момент, когда новая «ежовщина» уже началась.

¹⁴⁷ Вскоре после этого заявления Сталина начинается борьба с «космополитизмом» и «преклонением перед иностранщиной», повлекшая за собой многочисленные аресты и другие репрессии.

¹⁴⁸ С. Эйзенштейн вводит в 3 серию «Ивана Грозного» эпизод, иллюстрирующий выдающиеся военные способности Малюты Скуратова.

год кается и замаливает «грех», тогда как ему нужно было действовать еще решительнее».¹⁴⁹

Сталин совершенно откровенно намекает, что если бы Иван Грозный действовал, как Сталин, то история России выглядела бы иначе. «Ежовщина» — была примером «решительного» вмешательства в историю страны, без оглядки на Бога или на людей.

Подчеркнуть здесь следует не сам факт «решительного» действия. Россия знала немало тиранов в своей истории. Подчеркнуть следует тот факт, что после революции были созданы все условия для того, чтобы самые «решительные» действия не встретили никакого сопротивления со стороны населения.

Советский историк, анализируя высказывания Сталина об Иване Грозном, заявляет, что «более неправильное представление об истории трудно вообразить».¹⁵⁰ И добавляет, что это «высказывание Сталина относится к 1947 г., но оно лишь завершало его предыдущие высказывания . . .»¹⁵¹

Это совершенно верно. Трудно лишь согласиться с тем, что высказывания Сталина отражают его «неправильное представление об истории». Это были представления о действительности, о роли Вождя в тоталитарном обществе, о процессах, движущих этим обществом, о методах создания «тюремной цивилизации». Рой Медведев приводит свидетельство одного из видных партийных работников о беседе со Сталиным в узком кругу в 1926 г. «Беседа шла на разные темы, но как и многие беседы среди партийцев того времени она соскользнула вскоре на вопрос: «как управлять партией без Ленина» . . . Сталин вначале не участвовал в беседе, но затем встал и, пройдясь вокруг стола, сказал: «Не забывают, что мы живем в России, в стране царей. Русский народ любит, когда во главе государства стоит какой-то один определенный человек . . .»¹⁵²

¹⁴⁹ Н. К. Черкасов — Записки актера. М., 1953, стр. 380—382.

¹⁵⁰ Выступление проф. С. М. Дубровского на Всесоюзном совещании историков в 1962 г. «Совещание историков», стр. 161.

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² Рой Медведев, К суду истории, стр. 718.

Высказывание Сталина, в части касающейся предпочтений «русского народа», чрезвычайно напоминает знаменитый кухонный рецепт, начинавшийся словами: «карп любит, когда его едят в сметане». Но оно не было лишь проявлением диктаторских стремлений генерального секретаря ЦК, как представляет Рой Медведев. В 1918 г. в статье «Очередные задачи советской власти» Ленин утверждал необходимость «именно единоличной диктаторской власти», объясняя ее — в отличие от Сталина — не психологией русского народа, а — по-марксистски — требованиями «базиса»: «Всякая крупная машинная индустрия — т. е. именно материальный, производственный источник и фундамент социализма — требует безусловного и строжайшего единства воли (подчеркнуто Лениным) . . . » Ленин отлично сознает, что «подчинение» может либо «напоминать . . . мягкое руководство дирижера», либо «принимать резкие формы диктаторства». Но «так или иначе *беспрекословное подчинение* (подчеркнуто Лениным) единой воле для успеха процессов работы, организованной по типу крупной машинной индустрии, безусловно необходимо». ¹⁵³

Социализм — для Ленина — неизбежно, как форма «крупной машинной индустрии», связан с диктатурой, требует ее, в ней нуждается.

Мы уже знаем как Ленин объяснял «научное понятие диктатуры», имея в виду диктатуру партии. Но одновременно он не перестает утверждать необходимость и личной диктатуры. В речи посвященной памяти Я. Свердлова Ленин настаивает: «В эпоху резкой борьбы, осуществляя рабочую диктатуру, надо выдвигать принцип личного авторитета, морального авторитета отдельного человека, решениям которого все подчиняются без долгих обсуждений». ¹⁵⁴ В марте 1920 г. Ленин утверждает: «Возражать против необходимости центральной власти, диктатуры и единства воли . . . становится невозможным». ¹⁵⁵

Н. Бухарин назвал эту теорию Ленина «философией власти» отдельной личности. Можно ее назвать философией «культа личности» эпохи социализма.

¹⁵³ В. И. Ленин, т. 36, стр. 200.

¹⁵⁴ В. И. Ленин, т. 36, стр. 430.

¹⁵⁵ В. И. Ленин, т. 37, стр. 220.

Сталин практически осуществляет сформулированный Лениным вывод о необходимости в условиях русской революции единоличного диктатора. Ленин, имея в виду себя, надеялся, что этот диктатор будет напоминать дирижера, но он не исключал возможность появления такого диктатора, который прибегнет и к «резким формам диктаторства». Ленина это не пугало.

5 г л а в а

ПОИСКИ ОТВЕТОВ

1. *На поиски правды*

В марте 1953 г., со смертью Сталина, заканчивается историческая эпоха. Первым словом, которое произносит литература, ожидающая прихода нового времени, было слово — искренность.

Статья В. Померанцева «Об искренности в литературе»¹ была манифестом, провозглашающим новые цели, подводящим итоги прошлому; «Искренности — вот чего... нехватает»,² — начинает свою статью Померанцев. «Подлинный, не книжный конфликт... Обогащение тематики кажется мне самой надобной из надобностей литературы»,³ — этими словами он статью заканчивает.

Но за 30 лет до появления этой статьи Померанцева Евгений Замятин писал: «Правды — вот чего в первую голову не хватает сегодняшней литературе. Писатель — изолгался, слишком привык говорить с оглядкой и с опаской.»⁴ К 7-й годовщине Октябрьской революции русская литература пришла задыхающейся без правды, живущей в страхе, с оглядкой. Но Замятин еще может напечатать свой диагноз страшной болезни, поразившей литературу и общество. Минет три десятилетия и призыв Померанцева покажется необычайно смелым. Он вспомнит слово — искренность, — которое казалось было забыто навсегда вычеркнуто из русского словаря.

¹ «Новый мир», 1953 г., № 12.

² Там же, стр. 218.

³ Там же, стр. 245.

⁴ З. Замятин—Лица, стр. 213.

«Степень искренности... должна быть первой мерой оценки»,⁵ «... в истории литературы художники стремились к исповеди, а не к только к проповеди»⁶ — в этих формулах содержится и критика прошлого и задачи на будущее. Померанцев видит будущее советской литературы в ее возвращении к традициям «исповеди», к традициям Достоевского и Толстого, и в отказе от традиций «проповеди», традиций шестидесятников. Автор статьи, в поисках причин проникновения в «нашу литературу неискренности» приходит к Горькому, не называя по понятным причинам имени отца социалистического реализма. Но именно его имеет в виду Померанцев, когда говорит, что проникновение неискренности связано и с тем, что «один неверно понял значение элемента романтики», другой «совершенно неверно представлял себе способы повышения жизнерадостности романов и пьес».⁷

Резюмируя причины проникновения неискренности в литературу Померанцев, опровергая основной тезис Горького, утверждает: «Писателям нас возвышающий обман совершенно не нужен...»⁸

Померанцев требует от советской литературы искренности, правдивого отображения действительности, но действительности подлинной, живой, действительной. Литература должна отказаться от повторения «политически четких формул», являющихся по словам автора статьи, «общим местом»,⁹ литература должна перестать быть «вытяжкой из газетных столбцов».¹⁰

Правда о жизни, правдивое, искреннее отображение подлинных жизненных конфликтов — такова положительная программа Померанцева. Померанцев оптимистически утверждает — «коренного зла у нас нет», но настаивает: литература должна увидеть «большое зло в маленьком не всесветном разладе».¹¹

Еще до появления статьи Померанцева, еще при жизни Сталина, Василий Гроссман публикует первый том

⁵ «Новый мир», 1953, № 12, стр. 219.

⁶ Там же, стр. 218.

⁷ Там же, стр. 220.

⁸ Там же, № 12, 1953, стр. 220.

⁹ Там же, стр. 229.

¹⁰ Там же, стр. 229.

¹¹ Там же, стр. 239.

романа «За правое дело»,¹² в котором впервые за долгие годы ставится вопрос о наличии «коренного зла» в советском обществе.

В роман о войне с Германией писатель включил свои размышления об истории, революции, народе и свободе. За шесть лет до публикации романа Гроссман напечатал пьесу «Если верить пифагорейцам»,¹³ в которой впервые изложил свои историософские взгляды. В романе «За правое дело» — они превратились уже в стройную теорию. Писатель утверждает вечность, неистребимость «духовной энергии народа... Она переходит в скрытое состояние, она рассеивается, но уничтожить ее нельзя».¹⁴ Причину «рассеивания» народной энергии, причину победы фашизма В. Гроссман видит в социальных катаклизмах, выбрасывающих «из подвала всякую нечисть», поднимающих «мусор... наружу».¹⁵ Писатель верит в силу народа, народной морали, ибо она утверждает «свободный, полезный творческий труд», утверждает «равенство в труде, чести, свободе, основанное на уверенности в праве на свободный труд, на равенство, на свободу всех трудовых людей, живущих на земле».¹⁶

Четыре раза в одной фразе повторяет Гроссман слово — ключ его философии истории, слово — свобода. В конце жизни, не надеясь увидеть свою последнюю книгу напечатанной, писатель окончательно формулирует в ней свою философию свободы — четко и однозначно:

«Я раньше думал, что свобода — свобода слова, печати, совести. Но свобода — она вся жизнь всех людей... и слесарь, и сталевар и художник живи и работай, как хочешь, а не как велят тебе».¹⁷

В 1952 г. Гроссман не может говорить в печати так откровенно, но утверждая неистребимость духовной

¹² Вас. Гроссман — За правое дело. М. «Советский писатель», 1954. Впервые роман был опубликован в журнале «Новый мир», №№ 7—10, 1952. После напечатания первых трех частей дальнейшая публикация была запрещена.

¹³ «Знамя», 1946, № 6.

¹⁴ Вас. Гроссман — За правое дело, «Новый мир», № 7, 1952, стр. 26 (в книжном издании этой фразы нет).

¹⁵ Вас. Гроссман — За правое дело. «Советский писатель», М. 1964, стр. 182.

¹⁶ Там же, стр. 183.

¹⁷ Вас. Гроссман — Все течет..., стр. 85.

энергии народа, его моральной силы, он приводит в качестве главного аргумента, подтверждающего его правоту тот факт, что «вожди фашистского злодейства и насилия»¹⁸ всегда вынуждены прибегать к лжи.

Они вынуждены убеждать народы, «что они будто бы поборники общественного добра и справедливости. Гнусно, фальшиво говорят они о свободах, о счастье народов, о детях, об уважении к личности».¹⁹ Здесь аллюзия совершенно очевидно, ибо нет необходимости напоминать, что гитлеровский фашизм никогда не пользовался в своей пропаганде такими понятиями, как «добро» и «справедливость», как «свобода», «счастье народов», «уважение личности». Зато все эти понятия входили в основной арсенал лозунгов, с помощью которых в советском обществе «перedelывали, убеждали народную душу».²⁰

Вас. Гроссман показывает, что несвобода и ложь являются основой советской «тюремной цивилизации», причем относит причину их утверждения в обществе к периоду «социального катаклизма».

Мысли Гроссмана, изложенные в закамуфлированной форме, «эзоповым» языком, оказались тем не менее неприемлемыми для руководителей литературы. Они настолько опередили свое время, что даже в 1954 г. герой повести, ошибочно называемой родоначальницей нового этапа советской литературы, утверждает, что Гроссман в своем романе «войну показал честно, так действительно было. Но герои у него слишком много рассуждает, больше чем на самом деле, от этого им иногда не веришь».²¹

Верным было в этой оценке лишь то, что герои Гроссмана «рассуждали» действительно значительно больше и думали значительно глубже, чем привыкли это делать герои прозаических, драматических или поэтических произведений советских писателей. Герои Гроссмана размышляли значительно больше, чем привыкли советские граждане, жившие в атмосфере страха и лжи.

¹⁸ Вас. Гроссман — За правое дело, стр. 184.

¹⁹ Вас. Гроссман — За правое дело. «Новый мир», № 8, 1952, стр. 40 (в книжном издании этой фразы нет).

²⁰ Вас. Гроссман — За правое дело, стр. 184.

²¹ Илья Эренбург — Оттепель. Собрание сочинений в девяти томах, т. 6, стр. 14.

К борьбе с ложью призывает Померанцев. Но декабрь 1953 г. — это еще зима, почти такая же суровая, какой она была до марта этого года.

Весной 1954 г.²² Эренбург дает начавшемуся статьей Померанцева периоду название «оттепель»²³ и осторожно пробует продолжить разговор об искренности — «читатели стосковались по откровенным книгам»,²⁴ — отдавая, однако, основные реплики, критикующие лицемерие, боязнь говорить правду, отрицательному персонажу Володе Пухову.

Значительно острее и глубже пишет о лжи, как основе общественной идеологии и официальной теории искусства, о лжи, как базе, на которой покоится культ личности, рожденный неправдой и убиваемый правдой, Назым Хикмет в пьесе «А был ли Иван Иванович?»²⁵ Важно отметить и у Хикмета, как у Померанцева, прямую полемику с Горьким, обнаженную уже в самом заголовке.

Теорию социалистического реализма имеет в виду герой пьесы, объясняющий невразумительное бормотание Петрова — вождя в местном масштабе. Петров одобрительно оценивает свой портрет, на котором он изображен с медалью лауреата некой премии, которой у него нет. Однако, как выясняет теоретик — соцреалист: «Реальность не то, что у вас нет такой медали, а реальность то, что у вас должна быть такая медаль... Искусство должно отображать реальную действительность. Значит с точки зрения реализма жизни и искусства, ошибся ли художник, изобразив на груди товарища Петрова медаль, которой с точки зрения натурализма, у него нет? Конечно, товарищи, художник не ошибся».²⁶ Действительность, которая должна быть, важнее, реальнее, той действительности, которая существует. Разрыв между двумя реальностями — ожидаемой и подлинной — ликвидируется «тов. Петро-

²² В журнале «Знамя», № 5, 1954 г. была опубликована первая часть повести «Оттепель».

²³ Выражение «оттепель» Эренбург позаимствовал у Герцена, употребившего его в 1855 г. после смерти Николая I и либерализации русской общественной жизни при Александре II.

²⁴ Илья Эренбург — Собрание сочинений, т. 6, стр. 30.

²⁵ «Новый мир», № 4, 1956 г. Пьеса написана в ноябре-декабре 1955 г.

²⁶ «Новый мир», № 4, 1956 г., стр. 35.

выми» с помощью силы, административным путем. Сила «тов. Петрова», власть которой он располагает, власть неограниченная, дает ему возможность жить одновременно в двух реальностях, той которая будет, и той которая есть. Поэтому «тов. Петров» и является подлинным положительным героем не только советской литературы, но и советской действительности.

«На картине Шишкина четыре медведя: Три маленьких, а один большой. Кто положительный герой?»²⁷ такую загадку задает один из персонажей пьесы. Ответить на нее просто. Вся пьеса — ответ на эту загадку: в условиях культа «тов. Петрова» — положительный герой всегда тот кто больше, тот кто сильнее. Важнейшую роль в создании «культа» играют литература и искусство социалистического реализма, показывающие «действительность в историческом развитии», то есть не действительность существующую, а ту, которая «должна существовать». В пьесе Хикмета хорошо показано наличие и действие в обществе двух структур — реальной, в которой живут люди, и искусственной, в которой действуют руководители. В одной структуре — концентрационный лагерь, в другой — изображение его как места, в котором люди «перевоспитываются», приобретают физическую и психическую силу. Таинственный персонаж пьесы «Иван Иванович» изобретает «культ Петрова». Писатель спрашивает: кто такой Иван Иванович? Был ли он? И отвечает: Иван Иванович — это все те, кто допустил культ Сталина, кто теоретически обосновал необходимость существования двух структур, это все те, кто унижался перед «Петровым» надеясь, что другие — нижестоящие будут унижаться перед ним. Советское общество — состоит из «Иванов Ивановичей». К такому выводу приходит Назым Хикмет. Писателю — коммунисту кажется, однако, что рождение культа «тов. Петрова» — явление случайное и эфемерное. Достаточно сказать: «король наг» и — иллюзии исчезнут.

К числу серьезнейших попыток проникнуть в суть советского общества, показать механизм государственной власти следует прежде всего отнести рассказ Александра Яшина «Рычаги». Показывая как действует этот механизм в первичной клетке партийного организма — в деревенской партийной ячейке, состоящей из 5 че-

²⁷ «Новый мир», № 4, 1956 г., стр. 36.

ловека, Яшин формулирует законы, обязательные для всего механизма. Первый закон, формулируемый писателем — движущая сила партийно-государственного механизма: ложь.

«Где же все-таки правда?»²⁸ — недоуменно спрашивает один из колхозников-членов партии, собравшихся на собрание. Может быть, допускает он еретическую мысль, «правда нужна только для собраний, по праздникам, как критика и самокритика. К делу она неприемима...?» Ему отвечают: «Правду у нас в районе сажают только в почетные президиумы, чтобы не обижалась да помалкивала».²⁹

Правда «помалкивает», ибо второй закон — страх. Все боятся всех. Колхозники боятся «до дрожи в поджилках»³⁰ начальство, прежде всего секретаря районного комитета партии. Но и начальство боится колхозников, не хочет с ними говорить, опасается, что придется вести человеческий разговор, а он невозможен.

Секретарь райкома «думает, что партия авторитет потеряет, если он с народом будет разговаривать как человек...» Но он не может «разговаривать как человек», ибо он знает, что колхозники голодают, «а твердит одно: «с каждым годом растет... благосостояние»».³¹

Общество, основанное на лжи и страхе, естественно порождает пропасть между теми, кто правит, и теми, кем правят. Это и есть третий закон.

Глубокая пропасть лежит между «нами» — народом и «ними» — властями.

«Не верят нам»,³² нет доверия к... рядовому мужику,³³ все решения идут только «сверху да сверху».³⁴ Секретарь райкома партии, местный «тов. Петров» «людей не слушает, все сам решает. Люди для него — только рычаги».³⁵

Сталин назвал советских людей «винтиками» государственной машины, эти «винтики» движутся, когда их включают члены партии — «рычаги». Для каждого

²⁸ Александр Яшин — Рычаги. «Литературная Москва», 1956 г., том 2, стр. 64.

²⁹ Там же, стр. 65.

³⁰ Там же, стр. 69.

³¹ Там же, стр. 67.

³² Там же, стр. 65.

³³ Там же, стр. 68.

³⁴ Там же, стр. 69.

³⁵ Там же, стр. 66.

высшего звена этого гигантского механизма — низшее звено состоит из винтиков и рычагов. И на самом вер-ху этой пирамиды стоит тот, кто пускает в ход всю ма-шину.

Значение рассказа Яшина не в том, однако, что он — правда, одним из самых первых — сказал о суще-ствовании этой машины. С помощью остроумного при-ема, он показал, что ложь, страх, вся система делают неизбежным превращение человека в «винтик» или «рычаг». Дело не в людях, дело в системе, в обществе, — не только говорит, но и показывает Яшин.

Собравшиеся колхозники-члены партии, до начала собрания разговаривают как умные, все понимающие, все видящие люди. Но едва лишь начинается собрание и — как бы по мановению некой невидимой руки, вклю-чившей невидимый рычаг — эти умные, все понимаю-щие люди, превращаются в бездушные детали меха-низма, повторяющие дословно все то, что они совсем недавно, когда еще были людьми, безжалостно крити-ковали.

Кончается собрание, и как бы вновь включается свет, «снова это были чистые, сердечные, прямые люди, люди, а не рычаги».³⁶

Как в сказках пение петуха, возвещающего зарю, означает, что дьявольская сила уже не имеет власти над людьми, так окончание партийного собрания воз-вещает освобождение людей от некой нечеловеческой, дьявольской силы, заставляющей их поступать вопре-ки своим желаниям, своим чувствам.

«Рычаги» — математически чистая формула дей-ствия партийно-государственной власти на людей. В рассказе нет взаимоотношения между людьми, персо-нажи набросаны эскизно, одной чертой. Для автора важно лишь одно — отношение людей к власти, к правде, к силе. Причем людей, стоящих на самой по-следней ступени советского иерархического общества — колхозников. Правда — и это Яшин подчеркивает — они уже не рядовые колхозники, они члены партии, а следовательно, люди занимающие в колхозе различ-ные посты. «Рядовых колхозников в парторганизации не было».³⁷ Но в партии, в партийной иерархии эти колхозники стояли в самом низу.

³⁶ Там же, стр. 79.

³⁷ Александр Яшин — Рычаги, стр. 75.

Роман Владимира Дудинцева «Не хлебом единым»³⁸ был первой серьезной попыткой дать критический анализ «элиты власти», механизма управления страной. Дудинцев показывает, что формула, выведенная Яшиным для первичной клетки механизма власти, действительна и для клеток, занимающих значительно более высокое место в государственной иерархии. И там, как и в самом низу, действуют те же движущие силы — ложь и страх, порождающие пропасть между управляющими и управляемыми.

Разница лишь в том, что «наверху», откуда идут вниз все решения, эти силы действуют с увеличенной мощностью. Честолюбие, жажда власти, жадность к материальным благам, страх все это потерять «наверху» еще более отвратительны, чем «внизу». Дудинцев выбирает в качестве главного положительного героя изобретателя, который символизирует сомнение, инакомыслие. «Открыватель — всегда инакомыслящий, в любой отрасли знаний».³⁹ Главный отрицательный герой — высокий чиновник, представитель «элиты власти», считающей инакомыслящих врагами. Писатель подчеркивает, что «они», представители власти, считают себе враждебным инакомыслие даже в технике.⁴⁰

Конфликт между изобретателем Лопаткиным и чиновником, «хозяином» Дроздовым носит черты извечного спора между идеалистом, желающим облагодетельствовать свой народ или все человечество, и чиником, которому мешает каждое нововведение, ибо оно угрожает его спокойствию. Но отмечая эти черты, писатель подчеркивает те характерные для советской действительности особенности, которые превращают этот конфликт в борьбу за право на инакомыслие, в борьбу с застывшей системой, неспособной к регенерации, вынужденной для сохранения жизни защищаться от всего нового.

Отношение к изобретению Лопаткина, отношение даже не к инакомыслию, а к возможности инакомы-

³⁸ В. Дудинцев — Не хлебом единым. Изд-во «Художественная литература», М. 1968. Впервые роман был напечатан в журнале «Новый мир», №№ 8, 9, 10, 1956 г. вскоре вышел отдельным изданием, был переиздан лишь в 1968 г. Рассказ Яшина «Рычаги» никогда не переиздавался.

³⁹ В. Дудинцев — Не хлебом единым, стр. 204.

⁴⁰ Там же, стр. 203.

слия, служит писателю чем-то вроде лакмусовой бумажки для проверки достоинств человека. Мир снова — как у Яшина — делится на «они», власть, хранители системы, и «мы», подвластные, выражающие сомнение в абсолютной и постоянной правоте властей.

Спор с властью, с «ними» — невозможен, ибо каждое сомнение в правоте одного из представителей власти, превращается в сомнение в устоях власти как таковой. Спор Лопаткина с Дроздовым становится, следовательно, спором Лопаткина с государством, становится спором политическим. Дроздов — это и есть государство. Поэтому он с такой снисходительной уверенностью в своих силах увещевает Лопаткина: «Мы видим тебя как на ладони, а ты нас — не понимаешь. Ты не понимаешь, например, того, что мы можем обойтись без твоего изобретения, даже если бы оно было настоящим, большим изобретением». ⁴¹

«Мы», уверяет Дроздов, можем обойтись без «вас», без «твоего» изобретения. Дроздов выражает твердую уверенность власти, что народ служит ей, что только власть знает, что народу нужно, полезно, выгодно. Система, которую представляет Дроздов, не только «может» обойтись без инакомыслящих, без «изобретателей», она *должна* обойтись без них, она должна с ними расправиться, ибо инакомыслие, сомнение грозит самой сути системы.

Арест Лопаткина, суд над ним, осуждение на 8 лет лагерей — необходимы Дроздову, ибо Лопаткин заражает сомнением других, убивает в других веру в непогрешимость системы.

Подчеркивая символичность суда на Лопаткиным, писатель предъявляет ему обвинение в разглашении го-

⁴¹ В. Дудинцев — Не хлебом единым, стр. 131—2. В сатирической фантазии братьев Стругацких «Сказка о тройке» представлена ситуация, как бы иллюстрирующая разговор между Дроздовым и Лопаткиным. Пришелец из Космоса предлагает представителям власти действительно «настоящее, большое изобретение» — знания, которыми располагает внеземная цивилизация. Но «Тройка», ссылаясь на отсутствие у космического гостя документов, подтверждающих его местожительство, отказывается от знаний, которое могли бы продвинуть человечество на несколько сот лет вперед. Дроздов знал о чем говорил.

сударственной тайны.⁴² Тайна эта: сомнение в непогрешимости Дроздова и ему подобных.

Лопаткина обвиняют в выдаче тайны Надежде Дроздовой. Это главный символ романа. Надя, молоденькой девушкой, увлеклась сильным, все умеющим, как ей казалось, Дроздовым и стала его женой. Жизнь в орбите власти порождает в ней первые сомнения в справедливости того, что Дроздов делает, в чистоте его намерений. Она вдруг обнаруживает, что он «стремится захватить побольше и все время кривит душой».⁴³

Появление Лопаткина окончательно рассеивает последние иллюзии. Надежда уходит от Дроздова к Лопаткину.

Женщина, жена — всегда была у русских писателей символом Родины, России. Дудинцев наделяет свою главную героиню — дополнительно — именем Надежда. Надежда не оставляет в невзгодах изобретателя, остается ему верной несмотря ни на что, несмотря даже на его любовь к другой женщине, Надежда чуть не губит его своей правдивостью, и она же спасает его.⁴⁴

В романе два конца — победил Лопаткин, ибо его изобретение принято, приносит пользу (благодаря, прежде всего тому, что оно может быть использовано военной промышленностью); но победил и Дроздов, который, правда, потерял жену, но зато поднялся на ступень или две выше в иерархии, его позиция стала еще прочнее, он больше, чем когда-либо верит в свою силу, считая успех Лопаткина случайным, легкой царапиной на стене, ограждающей механизм власти.

Писатель не уверен чья победа прочнее, кто окажется победителем в будущем. Но впервые в советской литературе (потом эти слова с несравненно большей силой повторяют герои Солженицына) звучит убеждение: «Кто научился думать, того полностью лишить свободы нельзя».⁴⁵

⁴² 15 ноября 1943 г. был опубликован Указ об уголовной ответственности за разглашение сведений, составляющих государственную тайну, и за утрату документов, содержащих такие сведения. Виновные наказывались лишением свободы на срок до 10 лет.

⁴³ В. Дудинцев — Не хлебом единым, стр. 58.

⁴⁴ В повести «Оттепель» Эренбург также заставляет первой усомниться в правоте представителя власти — его жену, уходящую к положительному герою.

⁴⁵ В. Дудинцев — Не хлебом единым, стр. 340.

Учится думать Надежда, учится думать инженер Крехов, восторгавшийся Дроздовым и обнаруживший, что он «долго молился на... деревянного..., идиотского бога».⁴⁶ Убеждается в несправедливости приговора член суда Бадьин. У многих и многих персонажей романа деятельность изобретателя Лопаткина вызывает «инакомыслие». Он как вирус, заражающий болезнью сомнения верующих в незыблемость системы граждан страны. Он учит их думать, а следовательно учит их свободе.

Василий Гроссман, В. Померанцев, Александр Яшин, Владимир Дудинцев спрашивают: в чем суть «системы», на чем она держится, как она действует?

Павел Нилин впервые задал необыкновенно важный вопрос: когда это началось, когда «система» родилась?

В октябре 1956 г. Нилин пишет повесть «Жестокость», действие которой происходит в далеком сибирском городке, в 1923 г.⁴⁷ Герои повести — работники уголовного розыска, чекисты, воюющие с бандами, состоящими из местных крестьян, не желающих подчиниться советской власти. Повесть Нилина представляет дополнительный интерес потому, что за пятнадцать лет до появления «Жестокости» писатель напечатал небольшую повесть «О любви»⁴⁸ с тем же сюжетом, с теми же героями. Сравнение этих двух повестей позволяет судить об эволюции взглядов писателя, об изменении климата в стране и в литературе после 1953 г.

Повесть «о любви» была достаточно банальной историей разочарования Веньки Малышева в местной красавице и его самоубийстве от неудачной любви. Повесть «Жестокость» возвращает нас к проблемам авторов «Шоколада», «Записок Терентия Забытого», «Жизни и гибели Николая Курбова».

Но к этим проблемам возвращается писатель, переживший годы коллективизации, годы «ежовщины», видевший не только рождение системы, но и плоды, которые она дала.

⁴⁶ Там же, стр. 401.

⁴⁷ Лишь в одном месте писатель приводит данные, позволяющие точно определить время событий, происходящих в повести — зима 1922 — лето 1923 гг. См. Павел Нилин — Повести. «Советский писатель», М. 1964, стр. 154.

⁴⁸ «Новый мир», № 6, 1940.

Писатель недаром выводит в название повести слово «жестокость». Именно жестокость была первым плодом системы. Нужна ли жестокость, спрашивает 20-летний чекист Венька Малышев, и нужна ли ложь?

Павел Нилин создает образ идеалиста, верящего в правоту революционного дела, убежденного, что революционная истина не нуждается в обмане и приукрашивании. Ему противостоят журналист Узелков и начальник угрозыска, которые видят в лжи политический инструмент, необходимый для достижения победы.

Для идеалиста Веньки Малышева важно не только победить, но и как вести борьбу, для его оппонентов — важна только победа. Главный конфликт связан с разным отношением к людям, к человеку. Венька Малышев верит в людей, признает за ними право на ошибку, а следовательно необходимость в убеждении. Для его оппонентов люди, как индивидуумы не существуют, это «гвоздики»,⁴⁹ которых «в огромном государстве... не заметишь».⁵⁰

Узелков формулирует систему взглядов, с которой Венька Малышев не может согласиться. «Иногда, — заявляет Узелков ссылаясь на прочитанные им тезисы, — в политических интересах, надо сурово наказать одного, чтобы на этом примере научить тысячи».⁵¹

Для Веньки Малышева эта система взглядов совершенно неприемлема: «Не может быть, что есть какие-то тезисы, по которым надо врать и наказывать невинного, чтобы чего-то такое кому-то доказать. Не может этого быть. Я считаю, врать — это значит всегда чего-то бояться. Это буржуям надо врать, потому что они боятся, что правда против них... А мы можем говорить в любое время всю правду. Нам скрывать нечего».⁵²

Можно бы сказать, что важнейшим персонажем повести «Жестокость» является время, история. Каждое слово, произнесенное персонажами повести, воспринимается читателем в исторической перспективе. Каждое слово, произнесенное в 1923 году, читатель расшифровывает, оглядываясь на 1937 и 1956 годы. Читатель умнее героев на четверть века.

⁴⁹ Павел Нилин — Повести, стр. 132.

⁵⁰ Там же, стр. 131—132.

⁵¹ Там же, стр. 131.

⁵² Там же, стр. 132.

Повесть «Жестокость» можно было бы назвать «Победа и поражение Веньки Малышева». Чекисту Малышеву удастся захватить грозного бандита, «императора всея тайги» Константина Воронцова, но он обнаруживает, что эта победа, добытая с помощью военной хитрости и революционной правды, оборачивается в руках начальника и Узелкова ложью, предательством и обманом.

В 1940 г. Венька Малышев стрелял в себя, потерпев неудачу в любви, в 1956 г., он стреляется, ибо не видит для себя места в рождающейся «системе».

В 1956 г. снова, как в 1922 г., в кризисный для государства момент, литература обращается к образу «кающегося чекиста» для того, чтобы выразить — на этот раз уже не опасения, а трагический конфликт между идеалом и действительностью, между верой в силу идеи и верой просто в силу, между доверием и подозрительностью, между человечностью и жестокостью.

Действие повести «Испытательный срок»⁵³ происходит после событий, с которыми читатель познакомился в «Жестокости». Но логичнее было бы переменить названия местами, ибо в «Испытательном сроке» показано как происходил отбор тех, кто принимал жестокость, соглашался с ней, делал ее основой своей деятельности.

Два восемнадцатилетних комсомольца — Зайцев и Егоров — поступают на работу в Угрозыск, но им нужно еще пройти испытательный срок, лишь один станет постоянным сотрудником.

Работа трудная, — предупреждает начальник Угрозыска Жур. — И неинтересная. «Никому не интересно мусор убирать».⁵⁴ Но оказывается, что Зайцеву — интересно. Зайцев легко и очень естественно приходит к выводу, что необходимо «всех подозревать», что «никому верить нельзя».⁵⁵ Он убежден, что «даже и разбираться» не стоит, надо «прямо немедленно кончать»,⁵⁶ всех арестованных. Мысли эти, однако, не родились в

⁵³ «Испытательный срок» написан за год до «Жестокости» в ноябре 1955 г., но обе повести были опубликованы почти одновременно в 1956 году.

⁵⁴ Павел Нилин — Повести, стр. 319.

⁵⁵ Там же, стр. 331.

⁵⁶ Там же, стр. 328.

голове у Зайцева сами собой. Просто он оказался восприимчивым к идеям, услышанным им на собраниях, прочитанным в брошюрах.

«Ведь сказано: карающий меч революции, — напоминает Зайцев». И при этих словах Егоров уважительно смотрит на Зайцева и думает: он начитанный. Автор подчеркивает — такие слова, такие мысли можно было только прочитать.

А Зайцев продолжает: «Партия не указывает, что надо нюнькаться со всякими отравителями... Когда я еще хотел поступить в уголовный розыск, у меня было такое представление, что здесь сразу кончают. Берут и сразу в случае чего... кончают».

И Жур говорит резко, но справедливо: «Тогда тебе всего лучше было пойти в палачи...»⁵⁷

На работу в уголовный розыск принимают и наивного, честного Егорова, во многом похожего на Веньку Малышева, и Зайцева, которого исследователь творчества Нилина, называет «стихийным предтечей того зла, которое позже, в годы культа личности, совет гнзедо в карательных органах, и не только в них».⁵⁸

Исследователь подчеркивает, что «зло... совет гнзедо» в «годы культа». Значение повестей Нилина в том, что они показывают, что «зло» родилось задолго до эпохи «культа», что оно родилось в первые годы после революции.

Писатель не объясняет чем же вызвано было появление «зла», почему сразу же после революции рождается недоверие к людям, пренебрежение к ним, деление на «мы» и «они», на власть и толпу. Он лишь намекает на эту причину в «Жестокости», объясняя почему сибирские крестьяне поддерживают антисоветские банды: «Бедным могла бы понравиться советская власть. Но она здесь еще не дала того, что сразу почувствовали бедные крестьяне Центральной России. Она не распределяла помещичьих земель, которых не было здесь. Она пока что не столько давала, сколько брала».⁵⁹

Советская власть сибирским мужикам не нужна. Она «могла бы понравиться» бедным, но не нравится.

⁵⁷ Там же, стр. 329.

⁵⁸ В. Кардин — Повести Павла Нилина, изд-во «Художественная литература», М. 1964, стр. 155.

⁵⁹ Павел Нилин — Повести, стр. 72.

Повести Нилина, появившиеся «в незабываемом пятьдесят шестом году»,⁶⁰ когда советская литература пробует открыть глаза на окружающий ее мир, пытаются выявить некоторые закономерности, определившие превращение советского общества в «тюремную цивилизацию».

2. На поиски фактов

К лучшим книгам, вышедшим в 1956 г. — рассмотренным выше и ряду других — можно предъявить немало претензий художественного порядка. Нельзя было, однако, упрекнуть эти книги в отсутствии искренности, в отсутствии желания добаться — правда делается еще очень робко — до корней тех явлений, которые сформировали советское общество. Призыв Померанцева был услышан и наиболее отважные из писателей, отправились на поиски правды.

Поиски ведутся не с целью воссоздания внутреннего мира писателя, а с целью передачи подлинного облика внешнего мира. Именно в этом выражается внутренняя сила писателя. Значение имеет не мастерство, а смелость в представлении реальности.

Два обстоятельства задерживают дальнейшее развитие литературы в этом направлении. Первое — недовольство официальной критики и руководителей литературы слишком быстрым продвижением писателей вперед, жаждой обобщения закономерностей, движущих обществом.⁶¹ Второе обстоятельство — нехватка фактов, документов, свидетельств о действительности. Писатель, желавший писать правду о мире, в котором он жил, вынужден был ограничиваться лишь своим опытом.

Облик минувших лет, начиная с 1917 года, напоминал географические карты XIV—XV веков, на которых большая часть Земли была обозначена белой краской, а обжитые континенты изображены неверно.

⁶⁰ В. Кардин — Повести Павла Нилина, стр. 181.

⁶¹ Примером такого недовольства была разгромная критика, которой подвергся роман В. Дудинцева «Не хлебом единым» и рассказ А. Яшина «Рычаги».

Многие не желали видеть того, что происходит, закрывали глаза. Многие не могли видеть, ибо происшедшее случайно не коснулось их лично.

Поэт Евгений Винокуров, принадлежавший к первой группе, говорит:

«Я дневника не вел. Я фактов не копил.
Я частность презирал, подробность ненавидел.
Огромный свет глаза мои слепил.
Я ничего вокруг себя не видел».⁶²

Принадлежавший ко второй группе лейтенант Зотов не может понять, что имеет в виду его случайный собеседник, напоминающий, что в Советском Союзе задавать вопросы было опасно и до войны, «после тридцать седьмого года». «А — что тридцать седьмой? — удивился Зотов. — А что было в тридцать седьмом году?»⁶³

Искаженное представление о действительности и об истории было, однако, результатом не только ограниченности личного опыта людей, оно было результатом сознательного искажения фактов, фальсификации исторических документов, фальшивого изображения и интерпретации событий.

«Многие отвыкли от исторической правды»,⁶⁴ — говорил советский историк в 1962 г. Фальсификация документов, искажение фактов, — констатировал другой, — приняло такие размеры, что следовало бы установить для историков присягу, подобную клятве для врачей: «Чтобы получить диплом доктора медицины, нужно дать присягу или торжественное обещание, что будешь честно работать, а не засорять желудок человека. А может доктор истории тоже должен дать обещание, что он будет честно пользоваться документами, не засоряя мозги людям?»⁶⁵ — спрашивал А. Снегов.

⁶² Евгений Винокуров — *Земные пределы*, М. 1965, стр. 76.

⁶³ А. Солженицын — *Случай на станции Кречетовка*. «Новый мир», № 1, 1963.

⁶⁴ Всесоюзное совещание историков, стр. 163.

⁶⁵ Там же, стр. 273. А. Снегов видимо не знал, что советские врачи давно уже не дают клятвы Гиппократу, а «торжественно клянутся продолжать великие традиции отечественной медицины, руководствоваться принципами коммунистической морали, всегда помнить о призвании врача перед советским государством». Такую клятву могут, конечно, дать и доктора истории.

Желание руководителей государства с одной стороны «разоблачить культ личности» — «разоблачение» Сталина было оружием в борьбе за власть, — а с другой помешать публикации произведений, стремящихся анализировать и обобщать исторический опыт, нашло выход в бурном расцвете — начиная с середины 50-годов — мемуарной литературы. Мемуары приносили факты, детали, подробности о пережитом, оставаясь, в каждом случае, явлением единичным, не обобщающим.

Можно выделить три основные темы, привлекавшие мемуаристов в наиболее интересный период развития этого жанра (середина 50-х — середина 60-х годов): тема Октябрьской революции, возвращения Ленину главенствующей роли в руководстве партией и государством, раскрытие места и взглядов Сталина в тот период;⁶⁶ тема 1937 г.⁶⁷ (сюда же следует отнести сравнительно небольшое число воспоминаний о лагерях); тема войны с Германией.

Важно подчеркнуть, что и в мемуарах, и в отдельно издаваемых сборниках воспоминаний, либо историко-биографических книгах реабилитируется большое число погибших в период «ежовщины» руководителей партии, государства, вооруженных сил.

Анализ мемуаров позволяет утверждать, что велась ожесточенная борьба за реабилитацию, которая носила, если так можно выразиться, «цеховой» характер. Происходила реабилитация партийных деятелей, государственных работников, дипломатов, хозяйственных руководителей, писателей, военных и т. д.

По количеству реабилитированных в каждой группе можно судить о ее силе и влиянии, а также о тенденциях политического характера, господствующих в данный период. Исходя из этого критерия, можно по-

⁶⁶ Прежде всего переиздавались старые воспоминания близких сотрудников Ленина, в том числе и его жены — Н. К. Крупской, мемуары которой — наряду с другими — были долгие годы запрещены.

⁶⁷ Эту тему затрагивают авторы мемуаров о строительстве советской экономики (И. В. Парамонов — Пути пройденные, Политиздат, М., 1966, В. С. Емельянов — О времени, о товарищах, о себе, М. «Советская Россия», 1968, А. Яковлев — Цель жизни, Политиздат, М., 1967), о Советской армии (вышло около 200 воспоминаний высших офицеров) и др.

лагать, что наиболее влиятельной в первый период реабилитации — 1956—1960 — была «военная группа». Все военные, павшие жертвой репрессий в 1937—38 годах, были реабилитированы. Полная реабилитация военных — жертв «ежовщины» объясняется и тем, что она была необходима для — частичного — объяснения причин другой трагедии — катастрофических неудач первого периода войны.

Военные мемуары — в наиболее плодотворный период развития этого жанра — охватывая одновременно и годы «ежовщины» и годы войны, давая правдивый образ действительности, устанавливали логическую связь между двумя катастрофами.

«С мая 1937 г. по сентябрь 1938 г. подверглись репрессиям около половины командиров полков, почти все командиры бригад, все командиры корпусов и командующие военными округами, члены военных советов и начальники политических управлений округов, большинство политработников корпусов, дивизий и бригад, около трети комиссаров полков, многие преподаватели высших и средних военных учебных заведений».⁶⁸ Мемуары очеловечивают эту сухую статистику историка, рассказывая о судьбах арестованных, о страхе, овладевшем всеми без исключения генералами и офицерами, ждавшими со дня на день арестов, о положении армии, лишенной опытных командиров накануне войны.⁶⁹ Уничтожение накануне войны как «врагов народа» выдающихся советских полководцев, по сути дела, было одной из причин крупных неудач в первый период войны, — заявил маршал Советского Союза И. Баграмян.⁷⁰

⁶⁸ История великой отечественной войны Советского союза 1941—1945, в шести томах, ИМСЛ при ЦК КПСС, М. 1965, т. 6, стр. 124.

⁶⁹ См. П. И. Батов — В походах и боях, М. 1966; Н. К. Попель — В тяжкую пору, М. 1959; И. Т. Старинков — Мины ждут своего часа, М. 1964; А. В. Горбатов — Годы и войны, М. 1965 и др. Начиная с середины 60-х годов упоминание о событиях 37 года становятся очень редкими. Реабилитация военных закончилась, вопрос о роли Сталина снова был пересмотрен — характер мемуаров меняется, они рассказывают уже только о победах в период войны. Поучительно сравнение разных изданий мемуаров одного автора в разные годы.

⁷⁰ И. Баграмян — Тяжелое лето. «Литературная газета», 17 апреля 1965 г. В своих воспоминаниях «Так начиналась

Военные мемуары являются чрезвычайно важным источником изучения «тюремной цивилизации» поскольку именно в годы войны, в годы тяжелого кризиса переживаемого страной, с особой силой проявились некоторые специфические черты советского общества: прежде всего подозрительность и страх, униженность по отношению к начальству, высокомерие по отношению к подчиненному. «Грубость, которая в сознании многих командиров моего поколения связывается с именем маршала Жукова, не оставалась лишь его единоличной привилегией. Уверенность в своем праве оскорбить, унижить нижестоящего передавалась как зараза».⁷¹

В советской армии возрождается старый принцип, введенный еще Фридрихом II в прусских войсках: солдат должен бояться своего командира больше, чем врага.

В первом томе своих воспоминаний, принадлежащих к числу наиболее откровенных, генерал-лейтенант Попель рассказывает о приказе, полученном им: «Займете к вечеру Дубно, получите награду. Не займете — исключим из партии и расстреляем».⁷²

В свою очередь высшие командиры, отдававшие подобные приказы, получали такие же, в подобном же тоне от Сталина.⁷³ Страх шел с самого верха. Одного слова Сталина было достаточно, чтобы арестовать, расстрелять или освободить человека. Авиаконструктор А. Яковлев, пользовавшийся неизменной симпатией Сталина, вспоминает, что в самое тяжелое для Москвы время, осенью 1941 г., был арестован заместитель наркома по авиационной промышленности. Воспользовавшись хорошим настроением Сталина во время одной из бесед Яковлев попросил рассмотреть дело арестованного, добавив: «Мы не знаем, за что он сидит, но не представляем себе, чтобы он был врагом. Он нужен в

война» (М. 1971 г.) маршал пишет о репрессиях значительно сдержаннее.

⁷¹ Н. К. Попель — Танки повернули на запад, М., 1960, стр. 165.

⁷² Н. К. Попель — В тяжкую пору, М. 1959, стр. 141.

⁷³ См. Г. К. Жуков — Воспоминания и размышления, М., 1969; К. К. Рокоссовский — Солдатский долг, М., 1968; С. М. Штеменко — Генеральный штаб в годы войны, М., 1968; Н. Г. Кузнецов — Накануне, М., 1966 и др.

наркомате . . .»⁷⁴ Сталин, очевидно давший согласие на этот арест, сказал: «Да, сидит уже дней сорок, а никаких показаний не дает. Может быть, за ним и нет ничего . . . Очень возможно . . . И так бывает . . .»⁷⁵

Этот разговор произошел осенью 1941 г., но Яковлев рассказывает и о другом разговоре со Сталиным, который имел место летом 1940 г.

«В разговоре со мной Сталин сказал буквально следующее: Ежов-мерзавец, в 1938 г. погубил много невинных людей. Мы его за это расстреляли.

Эти слова я записал тотчас же по возвращении из Кремля».⁷⁶

Осенью 1941 г., Ежова давно уже не было в живых, но произвол продолжался. По приказу Сталина арестованный замнаркома был освобожден. «На другой день Василий Петрович Баландин, осунувшийся, остриженный наголо, уже занял свой кабинет и продолжал работу, как будто с ним ничего не случилось».⁷⁷

Среди множества военных мемуаров, опубликованных с середины 50-х годов, выделяются своей тематикой воспоминания генерала Горбатова «Годы и войны».⁷⁸ Книга Горбатова единственная, в которой рассказывается и об аресте, пытках при допросах, пребывании в колымских лагерях и — потом — об участии в войне с Германией. «Годы и войны» — это одновременно и «лагерная литература» в прямом смысле этого слова и военные мемуары также в буквальном значении этого понятия.

В мемуарах, опубликованных до 1965 г., можно встретить упоминания не только об арестах, но и о «ледяных карцерах», о «Лефортовской тюрьме, где официально разрешались истязания арестованных», о случаях, когда «без подобия состава преступления человека посылали без суда на восемь лет в лагеря «за шпионаж в пользу неизвестного государства».⁷⁹ Обычно, однако, это упоминания о судьбах друзей или зна-

⁷⁴ А. Яковлев — Цель жизни. Политиздат, М., 1967, стр. 265.

⁷⁵ Там же, стр. 265.

⁷⁶ Там же, стр. 179.

⁷⁷ Там же, стр. 265.

⁷⁸ Воспоминания Александра Горбатова были напечатаны в журнале «Новый мир», №№ 3—5, 1964 г., а затем вышли отдельной книгой (с некоторыми купюрами) в 1965 г.

⁷⁹ И. Г. Стаинов — Мины ждут своего часа, стр. 163.

комых. Александр Горбатов рассказывает о себе. О своем аресте, о пытках, которые пришлось перенести ему, о случайном повороте судьбы, спасшем его от голодной смерти на Колыме и вернувшем к жизни.

Немало других высших советских офицеров могло бы рассказать подобную историю. Но большинство из них поступает так, как это сделал маршал Рокоссовский, начавший свою книгу словами: «Весной 1940 года я вместе с семьей побывал в Сочи».⁸⁰ Он не пишет, что поездка в Сочи состоялась после освобождения из тюрьмы. Горбатов пишет о поездке на отдых в Кисловодск после освобождения, в конце 5 главы, завершающей довоенную биографию автора.⁸⁴

Судьба Горбатова интересна именно потому, что она типична для «тюремной цивилизации», где человек — это лишь винтик невидимого людям гигантского государственного механизма, не понимающий, что происходит наверху, но ощущающий на себе все повороты, все внутренние толчки государства — Левиафана.

Сын крестьянина — бедняка, участник первой мировой войны, затем гражданской войны, занимавший в 1937 году высокий пост командира дивизии, внезапно оказывается в пропасти, на самом дне советской жизни. Горбатов⁸⁵ ищет объяснения событиям, свидетелем которых он является. Он ищет их в пределах своих возможностей, в пределах известных ему понятий. Но эти объяснения необычайно типичны для своего времени.

Узнав о раскрытии «военно-фашистского заговора», в котором участвовали крупнейшие советские полководцы во главе с маршалом Тухачевским, ошеломленный, по его словам, Горбатов, после долгих размышлений приходит к выводу, что «как волка ни корми, он все в лес смотрит». Поскольку «Тухачевский и некото-

⁸⁰ К. К. Рокоссовский — Солдатский долг, стр. 3.

⁸⁴ Всего в книге 10 глав.

⁸⁵ Несмотря на страшные пытки («Когда началась третья серия допросов, как захотелось мне скорее умереть», Горбатов, стр. 130), Горбатов не признался. Сосед по камере в Бутырской тюрьме сказал ему: «Сижу давно, по разным камерам, но не встречал не подписавших» (стр. 132 журнального текста, «Новый мир», № 3, в книге этой фразы нет). Иванов — Разумник пишет: «Из тысячи прошедших передо мной заключенных я насчитал всего двенадцать не признавшихся». Р. В. Иванов — Разумник — Тюрьмы и ссылки, стр. 283.

рые другие лица, вместе с ним арестованные, происходили из состоятельных семей, были офицерами царской армии . . . очевидно, во время поездок за границу в командировку или на лечение они попали в сети иностранных разведок».⁸⁶ Горбатов справедливо подчеркивает, что так «говорили тогда многие».⁸⁷ Можно полагать, что многие так именно и думали.

Попав в лагерь, осужденный на 15 лет, Горбатов, естественно, задает себе «проклятый», вопрос: «За что я здесь?»⁸⁸ «Что же случилось?»⁸⁹ Он думает не только о себе. «На сколько лет замедлится теперь рост нашей страны, лишившейся большей части агрономов, ученых, врачей, архитекторов, инженеров, партийных и советских работников . . . которые теперь сидят в тюрьмах или гоняют тачки и вагонетки . . .»⁹⁰ «На этот вопрос я ответа не находил . . .»⁹¹ — заключает свои раздумья Горбатов. Характерно, что перечисляя тех, чей арест «замедлит рост нашей страны», генерал не упоминает ни крестьян, ни рабочих.

В книжном варианте мемуаров раздумья заканчиваются невозможностью найти ответ на «проклятый вопрос». В журнальном варианте есть еще один вопрос, выброшенный в 1965 г. цензурой: «Мучил меня и такой вопрос. Неужели наши руководители верят в то, что столько советских людей вдруг стали продажными, встали на путь шпионажа в пользу империалистических стран? На ком же в таком случае держалась и держится советская власть?»⁹²

Это вопрос необычайно важный. Если руководители не верили во все эти бессмысленные обвинения, тогда какую цель преследовал террор, ослаблявший государство?

В журнальной версии, Горбатов заключает свои размышления иначе, чем в книге. «Пройдет еще много времени, прежде чем в полной мере будет оценен этот период в истории нашей страны. Пройдут года».⁹³

⁸⁶ А. Горбатов, стр. 122.

⁸⁷ Там же, стр. 122.

⁸⁸ Там же, стр. 149.

⁸⁹ Там же, стр. 154.

⁹⁰ Там же, стр. 149.

⁹¹ Там же, стр. 154.

⁹² «Новый мир», № 3, стр. 129.

⁹³ Там же, стр. 126.

Почему нужен такой срок для оценки «ежовщины», закончившейся, казалось бы, более четверти века назад? Горбатов не отвечает на этот вопрос, а изъятие этого вопроса из книги, опубликованной через год после журнального варианта, позволяет заключить, что руководители, в свое время организовавшие «ежовщину», оставили наследников, не желающих такого вопроса ставить.

Ибо причины надо было искать не в руководителях, а в самой системе.

Полная реабилитация военных-жертв «ежовщины» не сопровождалась одновременной реабилитацией всех руководителей партии и государства. Это нельзя, разумеется, объяснить тем, что военное «лобби» было сильнее партийного. Реабилитируя военных, ЦК партии реабилитировал только людей, реабилитируя партийных руководителей, необходимо было иногда реабилитировать какие-то взгляды. Поэтому полному очищению от всех подозрений, сопровождаемому изданием мемуаров либо публикацией биографий, подверглись верные сталинцы, репрессированные по соображениям личного порядка (лица слишком хорошо знавшие биографию Сталина, сомневавшиеся в необходимости «обожествления» Вождя и т. п.).⁹⁴

Реабилитация партийных деятелей, выступавших с антисталинскими взглядами, если и происходила, то втихомолку, причем носила лишь юридический характер. Например, на вопрос были ли «Бухарин и другие шпионами иностранных государств?», член ЦК, академик Поспелов ответил: «Ни Бухарин, ни Рыков, конеч-

⁹⁴ Исключением, подтверждающим правило, является реабилитация Федора Раскольникова отказавшегося в 1939 г. вернуться на родину из Болгарии, где он работал послом, и написавшего знаменитое открытое письмо Сталину, разоблачавшее произвол, царивший в стране. В предисловии к воспоминаниям Раскольникова о гражданской войне, переизданным в 1964 г. («На боевых путях», М. изд-во Мин. обороны), говорится: «В период культа личности Сталина Ф. Ф. Раскольников был оклеветан, объявлен вне закона и умер на чужбине. ЦК КПСС полностью реабилитировало его, восстановило посмертно в партии и в советском гражданстве.» (стр. 2). В 1969 г. в журнале «Коммунист» (№ 3) появилась статья, называвшая Раскольника «перебежчиков в стан врагов, клеветником на партию и советское государство» (стр. 74—75).

но, шпионами и террористами не были».⁹⁵ В этом заявлении обращает внимание то, что под «другими» Пospelов пожелал понять одного Рыкова, а также и то, что никогда больше в печати эти слова повторены не были.

Можно полагать, что Хрущев намеревался расширить размеры реабилитации партийных кадров, включив в число «очищенных» и некоторых антисталинцев.⁹⁶

Потери понесенные государственным и хозяйственным аппаратом страны в период «ежовщины» были не менее тяжелыми, чем потери армии. Рой Медведев в письме в редакцию журнала «Коммунист» писал: «Были арестованы и убиты почти все наркомы СССР, РСФСР, других союзных республик, председатели областных и городских исполкомов, большинство директоров крупнейших промышленных строек, предприятий, железных дорог».⁹⁷ Немногочисленность воспоминаний на эту тему объясняется и слабостью влияния этой группы и очевидным нежеланием разоблачать причины плохой работы промышленности, связанные с бюрократизмом, излишней централизацией руководства и т. п. Мемуары руководителей промышленности начали появляться во второй половине 60-х годов, что отрицательно сказалось на их откровенности.

«В 1937—1938 годах, — скупно пишет И. В. Парамонов, — моя работа в Караганде протекала в довольно сложной обстановке, которая объяснялась не только огромным масштабом стройки, и привходящими обстоятельствами».⁹⁸ Но даже и в таком виде мемуары руководителей народного хозяйства представляют интерес, в частности, как источник, разоблачающий миф о «вредительстве». Мемуары Парамонова, например, подтверждают — если такое подтверждение сегодня

⁹⁵ Всесоюзное совещание историков, стр. 298.

⁹⁶ В подготовленных к печати воспоминаниям Галины Серебряковой, она заявляет, что никогда не верила в вину своего мужа — Григория Сокольников, до сих пор официально не реабилитированного из-за своей близости к Троцкому.

⁹⁷ Письмо распространяется «Самиздатом», опубликовано на французском языке: Roy Medvedev-Faut-il réhabiliter Stalin? Éditions du Seuil, Paris, 1969, p. 43.

⁹⁸ И. В. Парамонов — Пути пройденные, стр. 235.

нужно — полную необоснованность обвинений, выдвинутых во время Шахтинского процесса.

Лишь искусственным барьером, преградившим путь к издательствам, можно объяснить небольшое число мемуаров, написанных писателями — уцелевшими свидетелями «ежовщины». Рой Медведев называет в числе жертв «ежовщины» более тысячи писателей, артистов, выдающихся деятелей советской культуры.⁹⁹ В нескольких десятках мемуаров, посвященных жизни и творчеству некоторых из погибших писателей, причины и обстоятельства гибели, как правило, покрываются молчанием, либо упоминаются одной ничего не значащей фразой. О. Литовский чрезвычайно осторожно называет 1937—1938 годы временами, «когда нередко нарушались нормы советского права и социалистической законности и людей репрессировали, как теперь *иногда* выясняется, по ложным обвинениям...»¹⁰⁰ Мих. Слонимский заканчивает воспоминания о Пильняке: «И он трагически погиб, не договорив того, что мог бы сказать».¹⁰¹ В сборнике «Воспоминания об Иване Катаеве» мы читаем: «Жизнь Ивана Катаева оборвалась в 1937 году».¹⁰² Или: «Иван Иванович Макаров умер в 1940 году при трагических обстоятельствах».¹⁰³ Это обозначение смерти в лагере. Лишь иногда как бы прорываются слова, намекающие на обстоятельства гибели: «Кин погиб, никого не оговорив. Это могу подтвердить я сам и все его друзья. Трудно даже представить, каким мужеством нужно было обладать для этого».¹⁰⁴

В мемуарной литературе, посвященной судьбам писателей,¹⁰⁵ необходимо выделить две книги, шире дру-

⁹⁹ Roy Medvedev — Op. cit., p. 43.

¹⁰⁰ О. Литовский — Так было, стр. 90. Стоит отметить, что автор воспоминаний долгие годы совмещал обязанности цензора советской драматургии с деятельностью театрального критика.

¹⁰¹ Мих. Слонимский — Книга воспоминаний. «Советский писатель», М.—Л., 1966, стр. 135.

¹⁰² Воспоминания об Иване Катаеве. «Советский писатель. М., 1970, стр. 195.

¹⁰³ Маргарита Смирнова — предисловие к книге: «Иван Макаров — Черная шаль. Роман, повесть, рассказы. «Московский рабочий, 1970, стр. 28.

¹⁰⁴ Всегда по эту сторону. Воспоминания о Викторе Кине. «Советский писатель», М. 1966, стр. 101.

¹⁰⁵ Воспоминания о погибших писателях — это, несомненно, одна из форм их «реабилитации». Подлинной реабили-

гих показывающие черты «ежовщины», делающие попытку дать официально приемлемое объяснения арестов и гибели вернейших из верных. Одна из этих книг — сборник воспоминаний о Кольцове,¹⁰⁶ другая — мемуары Ильи Эренбурга «Люди, годы, жизнь».¹⁰⁷

Воспоминания о Михаиле Кольцове, в первую очередь воспоминания его брата, известного карикатуриста Бориса Ефимова,¹⁰⁸ интересны прежде всего личностью объекта мемуаров. Михаил Кольцов был не только одним из редакторов «Правды», самым влиятельным советским журналистом, безжалостно разоблачавшим врагов советского государства и требовавшим смерти для обвиняемых во время «московских процессов» многие из которых были его личными друзьями. Он был доверенным лицом Сталина в Испании в время гражданской войны. Накануне ареста его избрали депутатом Верховного Совета СССР, членом-корреспондентом Академии наук, наградили орденом. По свидетельству брата, Михаил Кольцов «искренне, глубоко . . . фанатически верил в мудрость Сталина».¹⁰⁹

Борис Ефимов приводит несколько фактов, дополняющих любопытными черточками портрет Сталина, нарисованный многочисленными уже мемуаристами. В один из приездов в Москву на доклад к Сталину, Михаил Кольцов более трех часов рассказывал Сталину и четверем самым приближенным к нему лицам о положении в Испании, а на следующий день один из четверки сказал ему: «Вас ценят, вас любят, вам доверяют».¹¹⁰ Но умный Кольцов, рассказывая брату о встре-

литацией писателя является, конечно, издание их книг. Часть писателей реабилитирована лишь юридически. До сих пор, например, не переиздаются произведения Ключева, Клычкова, Пильняка, лишь частично стало доступным творчество Платонова.

¹⁰⁶ Михаил Кольцов, каким он был. Воспоминания. «Советский писатель», М., 1965.

¹⁰⁷ Илья Эренбург — Люди, годы, жизнь. Собрание сочинение в девяти томах. Тома 8 и 9.

¹⁰⁸ Борис Ефимову принадлежит знаменитая карикатура, изображающая могучую руку в рукавицах с колючками, безжалостно давящую маленьких человечков-врагов народа. Подписана карикатура была зловещим каламбуром: «Ежовые рукавицы».

¹⁰⁹ Михаил Кольцов, каким он был, стр. 71.

¹¹⁰ Там же, стр. 66.

че с вождем, добавил: «Знаешь, что я совершенно отчетливо прочел в глазах «хозяина», когда я уходил и он провожал меня взглядом? — Что? — Я прочел в них: «Слишком прыток . . .»¹¹¹

Борис Ефимов рассказывает о неизъяснимом страхе, «владевшем в тот период тысячами и тысячами людей . . . не имеющих возможности что-то опровергнуть за отсутствием каких-либо обвинений, не имеющих возможности что-нибудь объяснить за отсутствием чьих-либо вопросов . . .»¹¹²

А когда вопросы начинали задавать, когда предъявлялись обвинения кончался страх ожидания ареста, начинался страх ожидания смерти.

В воспоминаниях Бориса Ефимова два героя — брат Михаил Кольцов, арестованный, приговоренный к «десяти годам заключения в дальних лагерях без права переписки», то есть к расстрелу, и сам автор воспоминаний, ждущий со дня на день ареста.

«Незадолго до этого Сталиным были произнесены слова, вызвавшие в стране живейший отклик: «Сын за отца не отвечает» . . . Однако на деле ничего не изменилось. Сыновья продолжали отвечать за родителей, родители за сыновей, жены за мужей и было бы вполне естественно, — пишет Ефимов, — если бы брат ответил за брата».¹¹³

Ефимов в конечном счете считает все происшедшее в какой-то степени «естественным». Не понимает он только — почему это коснулось его и брата. Непонятно было это и Кольцову, располагавшему значительно более широкой информацией. «Как последний перепуганный обыватель, — признавался Кольцов брату, — я ничего не понимаю, растерян, сбит с толку, брожу впотьмах».¹¹⁴

В страхе впотьмах бродят все. Председатель Военной коллегии Верховного суда Ульрих, председательствовавший на всех политических процессах 30-х годов, осудивший на смерть Кольцова и пригласивший затем на прием его брата, выразил в разговоре свою радость в связи с тем, что у него, Ульриха, «нет бра-

¹¹¹ Там же, стр. 66.

¹¹² Там же, стр. 69.

¹¹³ Михаил Кольцев, стр. 74.

¹¹⁴ Там же, стр. 71.

тьев и вообще никаких родственников... Мне хорошо... Не надо бояться...»¹¹⁵

Страх атомизировал общество, разрывал все связи между людьми, оставлял их в одиночестве перед лицом могучего и жестокого государства.

Илья Эренбург пытается ставить вопрос шире — его волнует судьба не одного человека, а всех погибших писателей, артистов, художников. Свидетель гибели поколения, он утверждает, что погибшие и оставшиеся в живых верили, что все происходящее дело рук коварных советников Сталина, обманывающих «хозяина».

«Всеволод Эмильевич (Мейерхольд) говорил: «От Сталина скрывают...» Ночью... я встретил... Пастернака; он размахивал руками среди сугробов: «Вот если бы кто-нибудь рассказал про все Сталину!»¹¹⁶ Бывший посол Советского Союза во Франции Я. З. Суриц, говорил, что Сталин «не знает, как живет страна, а его обманывают».¹¹⁷

В последних главах мемуаров, там где говорит уже не свидетель «ежовщины», а свидетель разоблачения «культа личности», Эренбург приходит к выводу, что основной причиной «ежовщины» и всего с ней связанного — был Сталин, было то, что «в течение четверти века верность идее... миллионы современников связывали с каждым словом, справедливым или несправедливым, Сталина».¹¹⁸ Эренбург не дает ответа на вопрос — почему стала возможной «ежовщина? Он отвечает на вопрос — как она стала возможной? Отвечает, утверждая, что произошло отождествление великой идеи с ее носителем, оказавшимся недостойным доверия.

«Идее не был нанесен роковой удар. Удар был нанесен людям моего поколения. Одни погибли. Другие будут помнить до смерти о тех годах».¹¹⁹ Идея, верность идее оправдывает — по мнению Эренбурга — все. Рисуя портреты тех, кто погиб, писатель рассказывает и о тех, кто выжил, пожертвовав для идеи совестью, честью.

¹¹⁵ Там же, стр. 76.

¹¹⁶ Илья Эренбург, т. 9, стр. 189.

¹¹⁷ Там же, стр. 279.

¹¹⁸ Там же, стр. 604.

¹¹⁹ Там же, стр. 193.

Типичным представителем «выживших» был один из руководителей советской литературы Александр Фадеев. Эренбург рисует портрет писателя и деятеля, человека с огромной амбицией, любившего поэзию и власть, одного из немногих, нашедших в себе силы заплатить за ошибки и преступления жизнью.¹²⁰ «Не его вина, а его беда, что в течение четверти века верность идее он, как и миллионы его современников, связывали с каждым словом, справедливым или несправедливым, Сталина.»¹²¹

Эренбург подчеркивает, что Фадеев все знал. «Конечно, Фадеев знал, что Бабель «не шпион», что Зощенко не «враг», что неприязнь Сталина к Платонову и Гроссману необоснованна...»¹²² Знал, но поступал так, как если бы действительно верил Сталину. В этом «искривлении» души Фадеева и не только, конечно, Фадеева, происшедшем на протяжении десяти лет, Эренбург видит лишь издержки идеи, видит «щепки», которые «летят, когда рубят лес».

3. На поиски обобщений

Сходство тем, интересующих авторов мемуаров и авторов романов, пьес и стихов, написанных в первой половине 60-х годов, не может удивлять. На этот период приходится вторая волна и мемуарной, и художественной литературы, сводящей счеты с прошлым. Это — вторая «оттетель».

Удивлять может лишь то, что в своем подавляющем большинстве произведения т. н. художественной литературы мало чем отличаются от мемуаров, ограничиваясь изложением фактов, деталей, эпизодов, ограничиваясь информацией и не поднимаясь до обобщений.

Можно выделить в этой литературе три основные темы. Первая — 37 год и советское общество, точнее отдельные эпизоды «ежовщины». Вторая — 37 год и советская наука. Это, несомненно, один из вариантов первой темы, как бы ее иллюстрация на чрезвычайно наглядном примере — гибель ученых, гибель целых

¹²⁰ В 1956 г. Фадеев застрелился.

¹²¹ Илья Эренбург, т. 9, стр. 604.

¹²² Там же, стр. 604.

отраслей науки в результате действия неких таинственных сил. И третья тема — война и произвол. Это тема чрезвычайно важная, ибо во-первых, свидетельствует о том, что «ежовщина» не кончилась после расстрела Ежова, во-вторых, дает возможность изображения трагического конфликта: солдат, отдающий свою жизнь в боях за Родину, становится жертвой неких темных, таинственных сил, жертвой произвола «органов». Перенесение темы произвола в 40-е годы придает литературе о войне ту обобщающую силу, которой не хватает отдельным произведениям.

Особняком стоит тема лагерей, затрагиваемая почти всеми книгами рассматриваемого периода. В книгах о «ежовщине» легко обнаруживается общая для всех схема: атмосфера страха, ожидания ареста, кульминацией здесь часто бывает описание партийного собрания, на котором разоблачаются «враги народа»; арест и — в редких случаях — описание тюрьмы или лагеря; разговор родственников арестованного с представителем НКВД.

В рамках этой схемы разворачиваются события, причем обычно эпизод, связанный с террором, дан в прошлом времени, в воспоминаниях — в период войны или после нее, как правило жертва террора является объектом воспоминаний и почти никогда действующим лицом. Необходимо отметить, что схема эта используется самыми разными писателями, и теми, которые ищут причины событий, и теми, которые не хотят говорить об этих причинах, объясняя все «культом личности».

Перед страшным боем, в котором погибает почти весь корпус, герой повести Георгия Бакланова «Июль 1941 года», — генерал Щербатов размышляет о причинах, приведших к поражениям Советской армии в первый месяцы войны с Германией.

«Все это началось не сегодня и не вчера, а много раньше. Он даже не смог бы сказать точно, когда это началось, но один момент он запомнил ясно».¹²³ Щербатов вспоминает партийное собрание, одно из тех, что «шли тогда часто, и бывало так, что на одном собрании человек выступал с разоблачениями, а уже на следующем про него говорили: «Как мы оказались настолько

¹²³ Георгий Бакланов — «Июль 41 года», в сборнике «Военные повести», Советский писатель», М. 1967, стр. 18.

политически близорукими, что смогли проглядеть врага . . . »¹²⁴

На этом собрании выступает один из подчиненных Щербатова, «тихий, бесцветный человек»,¹²⁵ и начинает беспощадно «разоблачать» присутствующих, в том числе старших офицеров. Когда, выйдя на трибуну, «тихий и бесцветный человек», поднимает голову и смотрит в зал, Щербатов видит «глаза человека, для которого уже нет запретного, который переступил и не остановится ни перед чем».¹²⁶

Собрание превращается в место публичной казни, взаимных обвинений, означающих гибель обвиненных. И когда один из обвиненных, выбежав на трибуну, начал обвинять в свою очередь, «его палец вдруг остановился на Щербатове. В ту долю секунды, пока поворачивался к нему зал, Щербатов успел пережить все. Он, ни в чем не замешанный, ни в чем не виноватый, со страшной ясностью ощутил вдруг, как вся его жизнь может быть зачеркнута крест-накрест, если палец остановится на нем . . . А потом вместе со всеми он обернулся на того, на кого, перенесаясь, указал трясущийся палец . . . »¹²⁷ Собрание, о котором в бессонную ночь вспоминает Иван Петрович Шебалин, герой романа Аркадия Васильева «Вопросов больше нет», по своему исходу — немедленному аресту «разоблаченных» — напоминает как две капли воды собрание, вспомнившееся в ночь перед боем генералу Щербатову, герою повести Бакланова. Обе книги были опубликованы почти одновременно.¹²⁸ Но разный подход к теме, меняет точку зрения, с которой собрания представлены.

В романе Васильева главной действующей фигурой является некий «человек с бородой . . . И нарком, и секретарь Центрального комитета, один чуть ли не в семи лицах».¹²⁹ В этом человеке легко узнать Кагановича, участника антихрущевской группировки, исклю-

¹²⁴ Там же, стр. 19.

¹²⁵ Там же, стр. 19.

¹²⁶ Там же, стр. 19.

¹²⁷ Гергий Бакланов . . . , стр. 21.

¹²⁸ Роман А. Васильева был впервые опубликован в журнале «Октябрь», № 6, 1964 г., а повесть Г. Бакланова в журнале «Знамя», № 1—2, 1965 г.

¹²⁹ Аркадий Васильев. «Москва», № 6, 1964, стр. 49.

¹³⁰ До 1938 г. Каганович носил бороду, а потом сбрил, оставив только «сталинские» усы.

ченного на XXII съезде из партии. Именно «человек с бородой» приказывает арестовывать одного за другим, членов областного комитета партии, сидящих в президиуме собрания.

Выбрав в качестве главного обвинителя «тихого, бесцветного», маленького человечка, понявшего вдруг, что на какой-то миг ему все дозволено, Бакланов показывает механизм действия страшных сил, калечащих душу людей, народа. Писатель показывает момент освобождения на одно мгновение человека из-под гнета строгой дисциплины, регламентации, иерархии. И это освобождение выражается — в доносе. Васильев, явившийся в литературу из «органов», представляет в качестве главного виновника «эксцессов» ежовщины разоблаченного деятеля «антипартийной группировки». И тем самым оправдывает терор.

Щербатов и Иван Петрович Шебалин — в этом сходны оба писателя — верят с одинаковой силой в необходимость того, что происходит на собраниях.

«Так настроен был, — вспоминает Шебалин, — так мои душевные струны были подтянуты, что «ошибка», «недосмотр», «неправильный расчет» — на ум и не приходили, а только одно: «вражеская деятельность».¹³¹

«Страшные жертвы, — говорит после собрания своему другу Щербатов. — Безвинные — всё так. Но если подумать, сколько врагов, каким окружением сжата страна... Но даже не в этом дело. Я только думаю, если суждено нам во имя идеи пожертвовать собой, так даже это не страшно».¹³²

У Васильева герой видит причину арестов в «ошибках», «недосмотре» арестованных, которые, следовательно, в чем-то все же виноваты, может быть не во «враждебной деятельности», но все же «нет дыма без огня...».

Для героя Бакланова очевидно — арестовывают невинных, но делается это ради некой «идеи», рационально объяснить, которую нельзя, но ради которой не страшно пожертвовать жизнью...

По существу и герой Васильева и герой Бакланова — «настроены» одинаково. Террор — необходим.

Расхождения между книгами, лучше сказать, между писателями, начинаются после собрания.

¹³¹ Аркадий Васильев..., стр. 50.

¹³² Георгий Бакланов..., стр. 90.

Шебалин — удовлетворен своим объяснением, настройка его «душевных струн» ему нравится, ибо дает возможность сделать блистательную карьеру после волны арестов, унесшей несколько слоев партийного аппарата. Герой романа Васильева — и его автор — удивительно напоминает чиновника Русанова из «Ракового корпуса» Солженицына. Для Васильева — Шебалин — доносчик и карьерист — человек, слегка ошибавшийся, но принесший стране огромную пользу.¹³³

Щербатов не удовлетворен своим объяснением. Более того, в разговоре со своим другом, он вдруг понимает, что мысли об оправдании террора — это предательство, предательство арестованных, предательство идеи.

Друг подтверждает это: «Идея давно уже не в жертвах нуждается, защиты просит».¹³⁴ Бакланов делает важный шаг вперед в стремлении выяснить причины происходившего. Друг Щербатова, обвиняя Сталина, признается: «Страшно, что мы сами помогли укрепить слепую веру в него и теперь перед этой верой бессильны».¹³⁵ Он признает свою вину, партии — во всем происходящем.

Шебалин и Щербатов — верят (пусть даже у Щербатова рождается некая тень сомнения) в необходимость террора, в некую высшую обоснованность арестов. И Шебалин, и Щербатов заражены страхом, составляющим составную часть атмосферы, которой они дышат.

Но Шебалину — крупному партийному деятелю — этот страх в работе не мешает, наоборот, он ему помогает (если не в работе, то в карьере). Щербатову — страх мешает. Особенно мешает в тот момент, когда ему приходится в тяжелейших условиях вести бои с немцами. Бакланов вводит в свой роман образ, с которым мы встречаемся во всех книгах о войне, написанных в 60-е годы, образ представителя «Особого отдела», представителя «органов», который, не доверя никому, следит за всеми. Писатель с ненавистью и презрением

¹³³ Графоманский роман Васильева представляет интерес, ибо раскрывает методы, с помощью которых официальные идеологи пытались, спекулируя на «смелой теме», ответить на вопросы о «культе личности».

¹³⁴ Григорий Бакланов . . . , стр. 91.

¹³⁵ Григорий Бакланов . . . , стр. 91.

изображает представителя органов Шалаева, имеющего скромное звание «батальонного комиссара»,¹³⁶ но «читающего в душах»¹³⁷ и видящего, что «перед той силой, которая негласно стояла за ним, Щербатов не-тверд».

Щербатов боится этой «незримой» и «негласной силы». Этот страх парализует его, мешает ему смело и решительно руководить своими войсками.

Это «1937 год», «ежовщина» научила военных «великому страху». Несколько сотен офицеров и генералов, выпущенных из лагерей, накануне и во время войны,¹³⁸ были как бы наглядным экспонатом непрочности судьбы советского гражданина. Тем более убедительным, что следы пребывания «у Николая Ивановича»¹³⁹ не проходили легко.¹⁴⁰

Тема страха — перед тайной полицией, перед недовольством начальства, перед гневом «Хозяина» — занимает в книгах о войне место даже более значительное, чем тема борьбы с врагами.

Военная литература — и в этом ее особое значение — перебрасывает мост из эпохи «ежовщины», через годы войны, в эпоху послевоенного террора. Война — в лучших произведениях десятилетия 1955—1965 — лишь цезура между двумя эпохами террора, но и в этой паузе продолжались раздаваться ночные стуки в двери, означавшие аресты, продолжали раздаваться выстрелы, означавшие смерть невинно осужденных.

В октябре 1941 г., «в критические дни после сдачи Можайска, он (Сталин) распорядился ликвидировать многих из тех, кто еще сидел и кого он, с основаниями или без оснований, считал опасными для себя в случае

¹³⁶ Звание это равнялось званию майора, но Бакланов пишет, что «возможно, по другой линии было у него и другое звание» (стр. 13).

¹³⁷ Григорий Бакланов..., стр. 17. В «эзоповом языке» Салтыкова-Щедрина, «сердцевед», «читающий в душах» — всегда означало агента полиции.

¹³⁸ См. Константин Симонов-Солдатами не рождаются. Собрание сочинений в 6 т., т. 5, стр. 126.

¹³⁹ «У Николая Ивановича», т. е. у Ежова — в лагере.

¹⁴⁰ Генерал Батов пишет в своих мемуарах: «Некоторые из возвращенных в строй товарищей оказались морально сломленными настолько, что работа в качестве старших начальников уже была им не по плечу. Это не их вина, это их беда была.» («В походах и боях», стр. 23).

военной катастрофы... Потом... в июле сорок второго, снова расценивая положение как отчаянное, он позвонил и приказал Берия подготовить еще один список...»¹⁴¹

Расширение темы идет, однако, не только во времени, доходя до 1953 года. Оно идет и, если так можно выразиться, в пространстве. Старые темы — подозрительность, недоверие — поворачиваются новыми гранями, когда подозрительность и недоверие проявляется по отношению к победителям, к воинам, вернувшимся с фронта после четырех страшных лет войны, лишений, ран, смерти друзей, вернувшимся с победой. Но именно то, что они победили делает их подозрительными в глазах «системы». Заслуги победителей дают им, как опасается «система», некоторые основания требовать каких-то особых прав. Но сущность «системы» заключается как раз в том, что права даются не за заслуги, а за верность, за преданность, за послушность.

Война переносит террор «1937 года» в новую плоскость — делает его более жестоким, более страшным и — более понятным. В период «ежовщины» враг — «троцкизм», даже фашизм — носил абстрактный характер. Стандартные обвинения в связях с этим «троцкистско-фашистским» врагом, даже если они влекли за собой заключение в концлагере или смерть, носили ритуальный характер, были связаны с внутрипартийной борьбой, тонкости которой многим жертвам этой борьбы оставались непонятными.

В годы войны враг приобрел ужасающую конкретность — немецкий фашизм пришел на территорию Советского государства как завоеватель. Сталин воспринимает его — как конкурента.

Каждый, кто соприкоснулся с немцами — либо оказавшись на территории, ими захваченной, либо попав к ним плен — автоматически становился подозреваемым в измене.

«Почему мне не верят? —»¹⁴² риторически вопрошает герой романа Симонова, — три месяца пробиравшийся из окружения, дважды раненый немцами, на-

¹⁴¹ Константин Симонов — Солдатами не рождаются, стр. 695.

¹⁴² Константин Симонов — Живые и мертвые, Собрание сочинений, т. 4, стр. 285.

шедший у своих недоверие и подозрительность. На его глазах немцы расстреляли пулеметами и раздавили танками 300 красноармейцев, которые вырвались из немецкого кольца, но, попав к своим, были разоружены и безоружными посланы на «проверку». По дороге «на проверку» они были настигнуты немцами и уничтожены «безоружными, лишенными последней человеческой радости: умирая, тоже убить. Они бежали, и их убивали в спину. Они поднимали руки, и их убивали в лицо».¹⁴³

Убивали безоружных — немцы. Но ответственность за эту смерть несет и сотрудник Особого отдела, разоруживший красноармейцев, ибо они побывали в тылу у немцев, следовательно стали подозрительными. Симонов не снимает с него «этой страшной ответственности», хотя и сам сотрудник Особого отдела, сопро-вождавший красноармейцев, гибнет.

Еще страшнее, чем попасть в окружение было попасть — даже на несколько дней — в плен. Смерть была значительно лучше плена.

Рассказывая о смерти мужа, женщина говорит: «Сначала сообщили, что без вести пропал. А потом товарищи доказали, что убит. — Она сказала об этом так, словно сначала ей принесли более тяжелую весть, чем потом.

И как ни чудовищно это было, но Серпилин подумал, что это действительно так. Раз по документам убит, значит, уважение к памяти. А если без вести, — почему «без вести», как «без» вести?»¹⁴⁴

Плен был хуже смерти, он означал мучения, лишения и для членов семьи. Бегство из плена не меняло ничего.

«Тогда не спрашивали, как в плен попал. Спрашивали, почему не застрелился!»¹⁴⁵ Солдат, бежавший из плена, попадал в штрафной батальон, обреченный на смерть, или в лагерь.

Недоверие к людям, бывшее нормой поведения на протяжении всей истории советского государства, приобретает — впервые после гражданской войны — реальное обоснование. В глазах руководителей государ-

¹⁴³ Константин Симонов, т. 4, 198.

¹⁴⁴ Константин Симонов, т. 5, стр. 92.

¹⁴⁵ Василь Быков — Мертвым не больно. «Новый мир», № 1, 1966 г., стр. 18.

ства фашизм не только сравним с социалистическим строем, установленным — по их утверждению — в стране, — он является и более привлекательным.

«По-моему, — говорит Сталин в беседе с героем романа Бондарева «Горячий снег», — в плен часто попадают политически и морально нестойкие элементы. В какой-то мере недовольные нашим строем...»¹⁴⁶

Книги о войне вводят в литературу новую тему — тему Сталина. Образ Вождя часто появлялся на страницах книг советских писателей при жизни Сталина. Всегда это был образ полубожества — всезнающего и всемогущего.¹⁴⁷ С середины 50-х годов о Сталине начинают писать мемуаристы — военные, встречавшиеся с ним во время обсуждения стратегических проблем ведения войны. Затем Сталин появляется и на страницах художественной литературы.

Сцена беседы Сталина с генералом Серпилиным, пережившим арест и четыре года лагеря, а затем отличившимся в боях, принадлежит к удачным местам романа Симонова «Солдатами не рождаются».

Эта сцена как бы завершает тему «разговора с властями», начатую Лидией Чуковской в «Опустелом доме». В каждой книге, рассказывающей о годах террора — о «ежовщине» или послевоенной эпохе — мы встречаем такую сцену. В «Тишине» Бондарева Сергей Вохминцев, герой войны, приходит в приемную КГБ, чтобы узнать о судьбе арестованного отца и ощущает во время беседы с майором-следователем «непроницаемую стальную стену, стиснувшую его..., бессилие и отчаяние от противоестественной человеческой несправедливости».¹⁴⁸ «Подавленная, с испуганно сжавшимся сердцем»,¹⁴⁹ — уходит от следователя знаменитая уче-

¹⁴⁶ Юрий Бондарев — Горячий снег. «Советский писатель», М. 1970, стр. 89. Нет сомнения в подлинности этого отношения Сталина к попавшим в плен, ибо мы знаем теперь, что так же он отнесся и к собственному сыну, оказавшемуся в плену (см. «Двадцать писем к другу» Светланы Алилуевой).

¹⁴⁷ См. М. Бубеннов — Белая береза; А. Первенцев — Матросы; П. Павленко-Счастье.

¹⁴⁸ Юрий Бондарев — Тишина. «Новый мир», № 5, 1962 г., стр. 50—51.

¹⁴⁹ Вениамин Каверин — Открытая книга. «Литературная Москва», т. 2, стр. 238.

ная Татьяна Власенкова, пришедшая, чтобы узнать о судьбе арестованного мужа.

Сталин вызывает к себе генерала Серпилина, получив от него письмо с просьбой пересмотреть дело друга Серпилина, старого коммуниста и опытного военного, невинно арестованного в 1937 г.

От мелкого следователя до самого главного следователя — неизменен путь героев советской литературы, просящих за своих родных, близких, друзей. Всюду они получают отказ — угрожающий, оскорбительный, равнодушный. И каждый раз им кажется, что если бы удалось дойти до самого верху, до Сталина — все сразу бы выяснилось.

«Сталин подошел, сел, ковыряя над пепельницей в трубке, подался вперед, и Серпилин, в порыве чувств уже готовый сказать ему все, что собирался, вдруг близко, вплотную увидел безжалостно спокойные глаза... Увидел эти глаза и вдруг понял то, о чем до сих пор всегда боялся думать: жаловаться некому»!¹⁵⁰

Это вершина пирамиды, пик системы — системы беспощадной и безжалостной.

Напрашивающуюся саму собой ассоциацию этой системы с гитлеровской системой Симонов видит, но прямо говорит о ней не в романе, а в повести «Левашов». В пьяной откровенности полковой комиссар Бастрюков, сравнивая гитлеровскую Германию и сталинскую Россию, приходит к совершенно недвусмысленному выводу: «Фашисты почему сильно воюют? Они не думают, они знают одно — бей, и все! А у нас какое воспитание было? Это — можно! То — нельзя».¹⁵¹

Бастрюков совершенно точно определяет разницу между фашистской Германией и сталинским Советским Союзом. В Германии теория и практика полностью совпадали. В Советском Союзе иногда формально противоречили одна другой. Бастрюков считает, что наконец-то, во время войны, это противоречие исчезло, в газете сняли лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», заменив его лозунгом «Смерть немецким оккупантам!»

«И все, и точка, и больше ничего не надо»,¹⁵² — считает Бастрюков. «Будь у нас поменьше этого интер-

¹⁵⁰ Константин Симонов, т. 5, стр. 693–4.

¹⁵¹ Константин Симонов, т. 4, стр. 607.

¹⁵² Там же, стр. 608.

национализма раньше — позлей воевали бы теперь! Тем более, — справедливо добавляет Бастюков, — что время само показало, как иностранец — так через одного, хоть и с партбилетом, а шпион!»¹⁵³

Появление в литературе темы Сталина отражало стремление писателей осмыслить причины минувших событий. Но вместе с тем появление Сталина означало отказ от глубокого исследования этих причин. Создается культ личности наоборот. Раньше Сталиным объяснялись все победы, ныне Сталиным объясняются все поражения. Безнадежный вывод Серпилина: «Жаловаться некому» прекращает течение мысли, закрывает дорогу к дальнейшим исследованиям.

В статье, посвященной военным романам Константина Симонова, Л. Лазарев, говоря о всей советской литературе, констатирует: «Мы все явственнее ощущаем, что в литературе пафос, условно говоря «информации» должен быть уже непременно дополнен пафосом осмысления».¹⁵⁴ Анализируя военные романы Симонова, начиная с «Товарищей по оружию», написанных в 1952 году для того, чтобы «воспитывать людей на положительных примерах»,¹⁵⁵ продолжая «Живыми и мертвыми», написанными в 1955—59 гг., в «период сложного и трудного пересмотра прошлого»,¹⁵⁶ и кончая «Солдатами не рождаются», законченными в 1964 году, Лазарев приходит к выводу, что если в «Товарищах по оружию» писатель не хотел еще говорить правды, если в «Живых и мертвых» «какие-то вещи были недосказаны», то в «Солдатами не рождаются» многое «недоисследовано».¹⁵⁷

Советский критик упрекает Симонова прежде всего и главным образом в том, что он не показывает системы, породившей страх перед правдой, подозрительность, недоверие. Лазарев очень тонко отмечает, что встреча Серпилина со Сталиным, которую он назы-

¹⁵³ Там же, стр. 607.

¹⁵⁴ Л. Лазарев — Военные романы Константина Симонова. «Новый мир», № 8, 1964, стр. 249.

¹⁵⁵ Из выступления К. Симонова на обсуждении романа «Товарищи по оружию», цит. по статье Лазарева, стр. 240.

¹⁵⁶ Л. Лазарев, стр. 247.

¹⁵⁷ Там же, стр. 249.

вает «одной из самых сильных глав романа», «недостаточно подготовлена предыдущим повествованием».¹⁵⁸ Критик отчетливо видит связь, существующую между всеми лицемерами и подхалимами — и Сталиным. Но этой связи не показывает Симонов, что и имеет в виду критик, говоря о «неподготовленности» встречи главного положительного героя с главным отрицательным.

Л. Лазарев совершенно прав, говоря, что в «Солдатами не рождаются» «многое недоисследовано», что нет в романе ответа на вопрос, почему «люди, не боявшиеся смерти на фронте, иной раз на партийном собрании не решались выступить против того, что считали несправедливым?» «Необходимо, — пишет он, — отыскать корни именно такого слабодушия».

В 1964 год., когда писал свою статью Лазарев, заканчивался период поисков «корней», период «исследовательская» сложного и трудного прошлого. С разных сторон подходили писатели к прошлому, в поисках ответов, от которых зависело будущее.

В книгах Василя Быкова о войне, прежде всего в его романе «Мертвым не больно», возвращается ценность таким понятиям, как человечность, добро, доброта. Быков спрашивает: можно ли победить, потеряв человеческий облик? Он спрашивает: чего стоит такая победа? «Мертвым не больно» — назвал писатель свой роман. Но живым, — говорит он, — тем, кто остался в живых — больно, ибо они видят, что трусость, подлость, ложь по-прежнему торжествуют в жизни. Быков — моралист, свидетельствующий о гибели морали, верящий в ее возрождение.

Главный вопрос, который задает писатель: есть ли цена у победы? можно ли ради победы жертвовать всем, даже тем, что составляет сущность человека?

Василь Быков говорит в своих книгах о войне. Но не только войну он имеет в виду. Огонь войны, огонь революции — очищает он душу человека или — часто — сжигает ее?

Писатель видит опасность огня, в особенности, если он находится в руках людей, видящих в огне не только средство, но и цель. Один из персонажей повести «Круглянский мост», размышляя о причинах побед Германии на первом этапе войны, приходит к тем же выводам, что и комиссар Бастрюков в повести Симо-

¹⁵⁸ Л. Лазарев — стр. 249.

нова: фашисты не жалеют людей, поэтому, чтобы их победить нужно тоже не считаться с жертвами.¹⁵⁹

У Быкова — это говорит персонаж отрицательный. Но именно с ним согласен критик, резко отрицательно оценивший повесть: «Нельзя судить... в свете абстрактной истины. Суд может быть только один — с точки зрения того вклада, который внес каждый в дело победы над фашизмом».¹⁶⁰

Следовательно все, что мешает победе — неморально, все, что ей помогает — морально.

«Тишина» Ю. Бондарева была счетом, предъявленным системе молодым поколением. Победители Германии, плохо помнившие «ежевщину», пережитую в детстве, вернувшись с фронта, встречаются с новой волной террора — лицом к лицу.

«Тишина» написана по обычной схеме — кульминационные пункты романа: арест отца, визит к следователю КГБ, партийное собрание, на котором царят трусость и предательство.

Значение романа в том, однако, что он переносит эту схему, привычную для книг о «ежевщине», в послевоенные годы, утверждая таким образом перманентность террора, как средства управления страной, свидетельствуя таким образом, что война ничего не изменила в характере системы, что победа ничуть не смягчила ее, что страх, подозрительность, недоверие — оставались господствующими чувствами.

В романе «Двое», продолжающем «Тишину», писатель доводит действие до марта 1953 г., до дня похорон Сталина. До этого дня, говорит он, существовала «система» страха, террора, произвола. Смерть Сталина кажется Бондареву зарей нового дня, воскрешением к новой жизни. Со смертью Сталина писатель заканчивает расчеты с прошлым.

Кроме войны была еще одна тема, которая использовалась для сведения счетов с прошлым, для исследования причин, для поисков «корней». Этой темой была — наука, отношение властей к науке.

Столкновение с фашизмом, потребовавшее крайнего напряжения всех сил страны, перенесшей накануне

¹⁵⁹ Василь Быков — Круглянский мост. «Новый мир», № 5, 1969.

¹⁶⁰ Игорь Мотяшев — О новой повести Василя Быкова. «Литературная газета», 2 VII, 1969.

войны страшную трагедию «ежовщины», давало литературе богатый материал для размышлений и выводов. Менее драматичным, но чрезвычайно важным был конфликт между «системой» и наукой.

В социалистическом обществе, основанном на научной теории, на самой передовой науке — марксизме — не было, как оказалось, места подлинной науке, то есть науке, основанной на свободном исследовании, на бесстрашной охоте за истиной.

В 1956 году Вениамин Каверин делает заявку на эту тему, публикуя последнюю часть трилогии «Открытая книга». Тема — наука-государство-ученый — одна из важнейших в творчестве Каверина, начиная с его первого романа «Скандалист или вечера на Васильевском острове».¹⁶¹ Мы встречаем ее в таком важном для писателя романе, как «Художник неизвестен», где она принимает форму конфликта между художником и государством, в «Исполнении желаний»,¹⁶³ наконец, в «Двух капитанах».¹⁶⁴ В этом романе одновременно, происходит переход от анализа конфликтов в науках гуманитарных, где они носят характер абстрактный, к анализу конфликтов в науках естественных, где они приобретают практический, «народнохозяйственный» характер.

Спор между Саней Григорьевым и профессором Татариновым в «Двух капитанах» имеет, как выясняется, важное хозяйственное и даже стратегическое значение. Но этот спор носит в романе характер борьбы между абсолютным добром и абсолютным злом. Нагромождая детали, которые должны свидетельствовать о реальности происходящего, писатель в действительности уводит читателя в мир нереальный, литературный. Каверин подчеркивает это, придавая умышленно некоторым своим героям сходство с героями Диккенса.

«Открытая книга» — знаменовала пробу выхода в мир действительности. В первых двух частях романа

¹⁶¹ Впервые опубликован в 1928 г. См. Собрание сочинений в 6 томах, ГИХЛ, М. 1963, т. 1.

¹⁶² Впервые опубликован в 1931 г. В Собрании сочинений, 1964, т. 2 — с купюрами.

¹⁶³ Впервые в 1934 (первая часть) и 1936 вторая часть. См. Собрание соч., т. 2, 1964.

¹⁶⁴ Публиковался в 1938—1944 гг., См. «Два капитана», Советский писатель, М. 1947.

им был сам выбор сюжета — конфликт в биологической науке.¹⁶⁵ Уже в «Двух капитанах» Каверин создает тип лжеученого. Профессор Татаринцов — хитрый и ловкий обманщик, спекулирующий на заслугах своего погибшего брата. Как полагалось стандартному отрицательному персонажу в советской литературе¹⁶⁶ у него была скверная анкета.

Отрицательный персонаж «Открытой книги» — профессор Крамов — лжеученый, выросший целиком на советской почве, великолепно использующий все возможности для расцвета лженауки, которые дает «система». В борьбе изобретательницы пенициллина Татьяны Власенковой с Крамовым все шансы на победу у последнего, несмотря на то, что он, мешая внедрению изобретения, наносит огромный вред государству. Абстрактный спор между истиной и ложью, приобретает в романе конкретный характер: изобретение Власенковой — пенициллин — приносит жизнь, спасает от смерти, а мешающий ей Крамов — несет ложь и смерть. Крамов несет смерть не только символическую. С помощью доносов, направляемых в КГБ, он отправляет в лагерь ученых, мешающих ему.

У Крамова много общих черт с главным отрицательным персонажем романа Дудинцева — Дроздовым. Люди разные по происхождению, воспитанию, профессии они сходны своей принадлежностью к властвующей элите, своей беззастенчивостью в выборе средств для достижения цели, твердой уверенностью в своем праве на власть.

Впервые в своем творчестве — в «Открытой книге» — Каверин вводит тему несправедливого ареста, лагеря. 9 лет сидит в лагере муж Власенковой, арестованный по доносу. Жена его проходит обычный путь — от ходотайства у влиятельных знакомых до раз-

¹⁶⁵ В 1948 г. состоялась «знаменитая» сессия по вопросам биологических наук, утвердившая господство Лысенко.

¹⁶⁶ Конфликт между подлинной наукой и лженаукой лежит в основе романа Леонида Леонова «Лес». Леонов, облегчая себе решение этого конфликта, наделяет отрицательного Грацианского плохой анкетой, подозрительным происхождением, более того — связями с царской охранкой и иностранными разведками. В тоже время — положительный герой — подлинно русский ученый Иван Вихров, был в свое время близок к большевикам См. Л. Леонов — Русский лес, М. «Воениздат», 1969.

говора со следователем. Смерть Сталина кажется героям «Открытой книги» началом новой эры. «Трудно переоценить, — говорит вернувшийся из лагеря муж Власенковой, — что безвозвратно канули в прошлое те страшные формы борьбы, о которых... я и вспоминать не хочу».¹⁶⁷

Но писатель не может не вспоминать и снова возвращается к этой теме. В 1964 г. он заканчивает «Двойной портрет»,¹⁶⁸ снова рассказывающий о борьбе правды и лжи, о судьбе лжеученого Снегирева и судьбе подлинного ученого Остроградского, открытие которого было превращено с помощью доносов в политическое преступление и послало автора открытия на долгие годы в лагерь.

Действие романа начинается в тот момент, когда заканчивается действие «Открытой книги». Автор повторяет — более смело, более четко — схему предыдущей книги, называет своими именами то-что происходило в науке: «Фальсификация опытных данных установлена в терапии, в микробиологии, в почвоведении, в животноводстве».¹⁶⁹ Новым является введение детей отрицательных персонажей, перед которыми отцы-лжеученые должны оправдываться в своей лжи, в своей подлости.

Писатель называет свою книгу «Двойной портрет»: «... Двойной портрет вдруг представился мне: Снегирев — Остроградский, и в глубине бесконечно далекие друг от друга люди, вглядывающиеся в будущее с ожиданием и тревогой».¹⁷⁰

Книгу следовало бы назвать «Тройной портрет», ибо значительное место — и это может быть самое важное в романе — занимают размышления автора. Каверин подчеркивает свое присутствие сюжетным ходом: он включает в роман свой разговор с Тыняно-

¹⁶⁷ В. Каверин — Открытая книга. «Литературная Москва», т. 2, стр. 289.

¹⁶⁸ См. Собрание сочинений в 6 томах, т. 6, М. 1966 г. Роман опубликован только в этом издании, никогда не выходил отдельно.

¹⁶⁹ В. Каверин — Двойной портрет, Собрание сочинений, т. 6, стр. 241.

¹⁷⁰ Там же, стр. 282.

вым в Ленинграде осенью 1937 г. о «гибели памяти» которую жгли насмерть перепуганные жители города.¹⁷¹

Писатель создает автопортрет — портрет человека, который пережил 1935—1937 годы в Ленинграде, городе, в котором царствовал страх: «Одни боялись, делая вид, что они не боятся; другие — ссылаясь на то, что боятся решительно все; третьи — притворяясь, что они храбрее других; четвертые — доказывая, что бояться полезно и даже необходимо».¹⁷²

Вспоминая о Ленинграде 1935—1937 годов, Каверин расширяет рамки своего романа в поисках корней трагедий советской науки, советского общества. Он заканчивает роман не уверенным оптимизмом, как в «Открытой книге», а «предчувствиями... и надеждами».

Писатель исповедуется перед читателем, признавая и свою вину в происходившем: «И я был обманут и без вины виноват и наказан унижением и страхом. И я верил и не верил и упрямо работал, оступаясь на каждом шагу, и путался в противоречиях, доказывая себе, что ложь — это правда».¹⁷³

«Двойной портрет» нельзя отнести к лучшим произведениям Каверина — характеры неглубоки, сюжет схематичен. Опасение сказать больше, чем можно, опасение переступить некую внутреннюю границу дозволенного, сковывает писателя. В этом романе, однако, писатель сделал значительный шаг вперед в поисках причин господства страха, «инерция которого еще продолжалась»¹⁷⁴ и после смерти Сталина, причин, по которым ложь постоянно побеждала правду. Каверин ищет в «Двойном портрете» ключ, который позволил бы ему «открыть всю чудовищность этой обыкновенности»¹⁷⁵ всю чудовищность реальности, действительности, которую он изображал.

Ключ этот находит Юрий Домбровский, в «Хранителе древностей». Надежда Мандельштам назвала книгу «повестью о нашей жизни, которая написана... «кровью сердца». В этой повести, — пишет она, — «вскры-

¹⁷¹ См. Двойной портрет, стр. 269 и воспоминания В. Каверина о Тынянове в книге «Юрий Тынянов. Писатель и ученый. Воспоминания, размышления, встречи». «Молодая гвардия», М. 1966, стр. 36.

¹⁷² В. Каверин — Двойной портрет, стр. 269.

¹⁷³ Там же, стр. 281.

¹⁷⁴ Там же, стр. 173.

¹⁷⁵ Там же, стр. 199.

та самая сущность нашей злосчастной жизни... Человек, вчитавшийся в эту повесть, не может не понять, почему лагеря не могли не стать основной силой, поддерживающей равновесие в нашей стране».¹⁷⁶

Две особенности, прежде всего, отличают «Хранителя древности».¹⁷⁷ Авторы всех рассмотренных выше книг, написанных в 1955—1965 гг., изображают события «37 года» — как исторические, оглядываясь назад, с сознанием того, что «ошибки исправлены», а жертвы «реабилитированы». Ю. Домбровский — современник событий, для него «37 год» не кончился, он продолжается, ибо дух его вошел в кровь общества. «Хранитель древности» — повесть современная.

Вторая особенность связана с умением автора видеть мир в его целостности. Рассмотренные выше книги представляли, как правило, частные случаи террора. Жертвами были либо «старые ленинские кадры», либо военные, либо ученые — определенные группы общества замкнутые в себе, изолированные. Писатели избегали обобщений, которые могли помешать представить события, как явление исключительное и случайное.

Домбровский рассказывает о жизни целого города в 1937 году. Трагедия «ежовщины» коснулась всех. Ее нельзя было избежать, ибо была в ней логика, которую никто не мог понять. В повести показано, что погибали все, что любое действие — или бездействие — могло быть интерпретировано, как вражеский акт. Первым звеном в цепи, которая привела к гибели героя повести, была написанная им статья о редких изданиях XVI и XVII вв., хранящихся в городской библиотеке. Колхозный бригадир Иван Потапов погибает потому, что почудилось ему однажды, будто он увидел змею длиной в шесть метров. Важны не причины гибели. Важно, решает то, что летом 1937 г. далекий среднеазиатский город — Алма-Ата — как и вся страна — охвачен безумием. Уничтожаются люди, уничтожается память людей — документы, портреты, старинные вещи, уничтожаются все старые понятия и старые чувства. Герой повести Домбровского — историк, занимающий должность хранителя городского му-

¹⁷⁶ Надежда Мандельштам — Воспоминания, стр. 405.

¹⁷⁷ Юрий Домбровский — Хранитель древностей. «Новый мир», №№ 7—8, 1964.

зая. Но имя, которое дает ему директор музея — Хранитель древностей — несет и второй смысл. Хранитель древностей защищает «древние» чувства: человеческого достоинства, доброты, мужества, чести. В романе Юрия Олеши «Зависть» Иван Бабичев мечтает организовать заговор чувств, которые уничтожает эра социализма. Он видит, что погибают все те чувства, из которых состояла душа человека: жалость, нежность, гордость, ревность, любовь. Вместо них, — утверждает Иван Бабичев, — «эра социализма создаст новую серию состояний человеческой души».¹⁷⁸

Прошло десять лет после написания «Зависти» и в 1937 г. эти «новые состояния человеческой души» заменили человеческие чувства. Герой повести Ю. Домбровского не хочет с этим примириться. Он пробует вступить за «древние» чувства и — за человеческую память, за историю. В этом его преступление.

В центральной сцене повести директор музея — старый коммунист, старый партизан, попавший в опалу, объясняет своими словами теорию, изложенную Сталиным в 1937 г.

«Как открыть врага, — спрашивает директор, — если все свои и подозревать некого? Если каждый тебе, как брат или сын, если ты с ним под одной шинелью спал, осьмушку хлеба делил? ... Если он лучший из лучших — в прошлом у него победы, а сейчас он день и ночь на работе? Как ты его, я спрашиваю, узнаешь? ...»¹⁷⁹

Директор видит лишь один способ расправиться с этим невидимым, вездесущим другом — врагом.

«Всех неустойчивых, сомневающих, связанных с той стороной, готовящихся к измене, врагов настоящих, прошлых и будущих, всю эту нечисть мы заранее уничтожаем. Понял? Заранее.

— Понять-то понял, — сказал я, ... — Но разве можно казнить за преступление до преступления? Это значит — карать не за что-то а во имя чего-то. Так ведь эдак Молоху жертву приносят, а не государство укрепляют. Молоху-то что? Он бронзовый! А вот Советскому-то государству не поздоровится от такой защиты.

¹⁷⁸ Ю. Олеша — Повести и рассказы, М., 1965, стр. 79.

¹⁷⁹ Юрий Домбровский, «Новый мир», № 7, стр. 63.

— А мы вот уничтожаем во имя нашей революции, — нагромко крикнул директор и топнул сапогом. — И будем уничтожать. Поэтому другой раз не спрашивай, почему снимают портреты и кого именно снимают. Знай: сняли врага».¹⁸⁰

Слова директора звучат как страшная парафраза стихотворения Джона Донна: «Не спрашивай по ком звонит колокол... Он звонит по тебе».

Революция — и это подчеркивает писатель, не Сталин, а революция — как бронзовый молох требует жертв, ибо без крови она не может существовать. Именем революции ведется эта страшная война, в которой одновременно — все свои и все враги.

Юрий Домбровский с удивительной силой показывает «чудовищную обыкновенность» происходящего. «Лекции читали о том, что органами Наркомвнудела было обнаружено гигантское вредительство... Арестована масса ответственных работников... После людей с именами пошли уже совсем простые люди — рабочие, экспедиторы, бухгалтеры и лаборанты. Судили их при закрытых дверях и военным судом. Приговоры выносили самые суровые — бывали и расстрелы. Арестованные признавались во всем».¹⁸¹ Магические слова: враг, вредитель, бдительность одурманивают людей, заставляют их соглашаться со всем и на все. «Прошли быстрые, закрытые процессы и мы собирались после конца занятий, чтобы требовать расстрела. Выступал директор и говорил страстно, правдиво и убежденно, а в чем дело — тоже сказать на мог».¹⁸²

По мере того, однако, как усиливается безумие, по мере того, как люди, не думая, в страхе, замороженные магическими словечками, молча все принимают, герой повести начинают понемногу прозревать. И в этом его необычность в советской литературе: в то время, когда все вокруг плотно примыкают глаза, у Хранителя древностей они раскрываются все шире и шире. «Как почти все, и я верил в очень многое, даже в эти процессы, но все чаще и чаще меня стала посещать юркая и трусливая мыслишка: «А что если... А вдруг все-таки?...»¹⁸³ Мысль о том, что все арестованные и осу-

¹⁸⁰ Там же, стр. 63—64.

¹⁸¹ Там же, стр. 74.

¹⁸² Там же, стр. 86.

¹⁸³ Там же, «Новый мир», № 8, стр. 25.

жденные — люди невинные, кажется герою повести — в атмосфере всеобщего страха и покорства — такой страшной, что он не сразу решается додумать до конца.

Хранитель древностей, слушая директора музея, излагающего теорию о необходимости для революции кровавых жертв, пытается спорить, возражать, приводить логические аргументы. В разговоре с заместителем наркома, последний раз убеждающего Хранителя древностей отказаться от защиты памяти, истории, герой повести уже не спорит: «Я сидел на диване и слушал его, Все его доводы, в общем слагались в достаточно стройную систему. Возразить мне было нечего. Просто у нас с ним, как говорят физики, были совершенно разные системы отсчета . . .»¹⁸⁴

Герою кажется нелогичным, безумным — террор. Но он безумен и нелогичен только, если рассматривать его, пользуясь человеческими категориями. Это особая система. Для героя повести она неприемлема — это система нечеловеческая, жестокая, несправедливая. Хранитель древностей ее отвергает. «Хорошо бы сегодня выбраться в горы» — этими словами кончается повесть. Но «сегодня» — героя арестуют.

В 1970 г. Юрий Домбровский опубликовал в алма-тинском журнале воспоминания о художнике Калмыкове, которые могли бы быть главой «Хранителя древностей». Писатель рассказывает о своих встречах с художником в Алма-Ате в 1937 г.

Калмыкова все обитатели города считают сумасшедшим. Он одевается не как все, он рисует не как все, называя себя «Гением I ранга Земли и Галактики»,¹⁸⁵ но в городе, сошедшем с ума от страха и неизвестности — это единственный нормальный человек. Только он остается верным себе, своему призванию, ибо он ушел из мира реальности, «уничтожил время»¹⁸⁶ и жил «всегда довольный своей судьбой в мире своих сказок».¹⁸⁷

¹⁸⁴ Юрий Домбровский, «Новый мир», № 8, стр. 46.

¹⁸⁵ Напрашивается сходство Калмыкова с Хлебниковым.

¹⁸⁶ Юрий Домбровский — Художник Калмыков, «Простор», № 9, 1970, стр. 60.

¹⁸⁷ Там же, стр. 66.

Сказка, мечта, фантазия — оставались единственным прибежищем свободного ума, потому, что это «странные, ничем не управляемые и неподвластные нам силы».¹⁸⁸ Легко было стать палачом, еще легче — жертвой. Можно было сойти с ума, уйти «в мир сказок». Других возможностей «система», время — не давала. Таков вывод Юрия Домбровского.

Как консилиум врачей, вызванных к смертельно больному пациенту, не может решиться произнести страшный диагноз, так советские писатели, приступившие в 1953 г. к торопливому осмотру ран на теле общества, не решаются назвать подлинной болезни. Лишь самые мужественные осмеливаются говорить о болезни. Остальные утверждают, что имеются лишь поверхностные царапины, которые достаточно смазать иодом.

¹⁸⁸ Там же, стр. 67.

6 г л а в а

СМЕРТЬ И ЖИЗНЬ В ЛАГЕРЕ

1. После войны

Вспоминая свои тюремные переживания, Иванов-Разумник писал в 1946 г.: «Как жаль, что до сих пор ни один подлинный художник не прошел личным опытом этот быт, чтобы потом красочно зарисовать его для потомства... Какая богатая тема, какой богатый фон для повести, для романа! Конечно, такой роман нельзя было бы напечатать в настоящую минуту, но он остался бы в наследство будущему бесклассовому (и значит бесцензурному?) обществу».¹

Выражая свое жестокое пожелание, продиктованное любовью к литературе, Иванов-Разумник не мог знать, разумеется, что оно исполнится задолго до наступления бесклассового общества.

В ноябрьском номере журнала «Новый мир», в 1962 г. была опубликована повесть Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича». В предисловии Александр Твардовский подчеркивал: «Жизненный материал, положенный в основу повести А. Солженицына необычен в советский литературе».²

Повесть Солженицына была несомненно необычной для советской литературы, прежде всего своей беспощадной правдивостью, искренностью, мужеством в «постижении до конца... последствий»³ прошлого, совершенно необычным был ее главный герой. Трудно, од-

¹ И. В. Иванов-Разумник — Тюрьмы и ссылки, стр. 94.

² А. Солженицын — Один день Ивана Денисовича. Советский писатель М. 1963, стр. 5.

³ Там же.

нако, согласиться с А. Твардовским о необычности использованного в повести жизненного материала.

О лагере, о заключенных писали немало до 1937 г. — достаточно вспомнить книгу о Беломорканале. Попытки протащить эту тему в литературу делаются и позже. Достаточно вспомнить пьесу Леонида Леонова «Нашествие»,⁴ в которой главный герой — бывший заключенный, жертвующий своей жизнью — в оккупированном гитлеровцами городе — для спасения командира партизанского отряда. Но задуманная писателем трагедия — невинно осужденный, забывающий все свои обиды в минуту опасности для родины, — превратилась в мелодраму, ибо Леонов не смог сделать своего героя невинным осужденным по статье 58 и превратил его в убийцу жены. Конфликт лишился смысла.

Тема лагерей и политических заключенных шире проникает в литературу после 1953 г. Встречаются упоминания о них в «Открытой книге» В. Каверина, в «Тишине» Ю. Бондарева. В повести «Семь пар нечистых»⁵ В. Каверин как бы возвращается к отвергнутому Леоновым конфликту и показывает как невинно осужденные политические заключенные, узнав о начале войны с Германией, ни минуты не колеблясь вступают в бой с фашистами.

В повести А. Солженицына, необычным был не жизненный материал, а подход к этому материалу. Солженицын исполнял оба условия, которые Иванов-Разумник считал необходимыми для создания книги о лагерях, которая запечатлела бы их для потомства: он был подлинным художником и он сам пережил лагерь.

Публикация повести Солженицына как бы прорвала брешь в плотине, преграждавшей проникновению информации о лагерях в общество. В 1963 г., а в особенности в 1964 г. в печати появляются книги, подтверждающее все самое страшное, что когда-либо и кто-либо писал о советских лагерях. После падения Хрущева брешь в плотине была немедленно замурована.

Лагерная литература 1964 г. — это почти исключительно воспоминания бывших заключенных. Если не

⁴ Леонид Леонов — «Пьесы».

⁵ Вениамин Каверин — Семь пар нечистых, «Новый мир», 1962, № 2, «Собрание сочинений», т. 6.

считать «Одного дня Ивана Денисовича» — была опубликована лишь одна повесть — не мемуары — бывшего заключенного.⁶ Страх перед «обобщением» действовал и в период наибольшей «либерализации».

В книгах 1964 года читатель знакомится с лагерями — главным образом — послевоенного времени. Немногочисленные заключенные, пережившие «ежовщину» и встречающие новое пополнение, прибывающее в лагерь во время войны и после ее окончания, связывают 30—40 гг. и начало 50-х годов воедино, в единый период террора и произвола.

Усиление карательной политики, начавшееся в конце 20-х годов, достигшее апогея в середине 30-х годов, продолжается и в 40-х годах. Отмена гуманности — кодифицируется, закрепляется законом. В учебнике по уголовному праву прямо говорится: «Признаком наказания... является присущая ему цель причинения преступнику определенного страдания, лишения».⁷ 19 апреля 1943 г. издается указ, вводящий неизвестные до этого времени советскому законодательству виды наказания — каторжные работы и смертную казнь через повешение.

Каторга, со всеми ее атрибутами — кандалами, номерами на спине и шапке, с непосильным, убийственным трудом, — изображавшаяся в советской литературе, как символ царской России, официально становится частью социалистической системы наказания.

Указ о введении каторжных работ, предусматривал это наказание для «немецко-фашистских военных преступников и их пособников». Расширительное толкование этого указа позволяло применять его ко всем, кто находился на территории оккупированной немцами, кто был в плену.

Окончание войны приносит очередное обострение репрессий. «Просветление и освобождение, которых ждали после войны, не наступили вместе с победой, как думали...»⁸ Даже, казалось бы, такой гуманный акт, как отмена смертной казни, названная «величай-

⁶ Андрей Алдан-Семенов — Барельеф на скале. «Москва», № 7, 1964.

⁷ «Советское уголовное право. Общая часть. Госюриздат, 1952, стр. 319.

⁸ Борис Пастернак — Доктор Живаго, стр. 599.

шим проявлением советского гуманизма»,⁹ принесла лишь ухудшение положения осужденных, ибо ныне — в связи с заменой смертной казни заключением в лагеря на 25 лет — все те, кто раньше приговаривался к десятилетнему заключению, получали 25 лет. В июне 1950 г. смертная казнь была восстановлена,¹⁰ но 25-летнее заключение продолжало оставаться частым наказанием.

Война несомненно ослабила железную государственную дисциплину, установленную в стране с середины 30-х годов. Для ее укрепления правительство прибегает к репрессивной мере, повторяющей меру, принятую в 1932 г. В условиях послевоенного периода закон от 7 августа 1932 г. оказывается слишком мягким. Вместо него принимается указ от 4 июня 1947 г., предусматривающий за хищение государственного имущества заключение в лагерь на срок от 7 до 25 лет, за хищение колхозного и кооперативного имущества — на срок от 8 до 20 лет. Под этот указ подводятся даже

⁹ М. Д. Шаргородский — Наказание по советскому уголовному праву, стр. 71.

¹⁰ Восстановление смертной казни мотивировалось «объективными обстоятельствами»: «Опыт многих лет практического применения советского уголовного права показывает, что и в настоящее время невозможно еще полностью отменить эту меру, сталкиваясь с объективной действительностью» (М. Шаргородский, стр. 71). В новом Уголовном кодексе 1960 г. смертная казнь предусматривается чаще, чем в кодексах 1922 и 1926 гг. Еще в 1930 г. «Советская энциклопедия» подчеркивала, что в СССР «смертная казнь применяется лишь... как исключительная и временная мера», указывая при этом, что «особо широкое распространение смертная казнь получила в деспотиях, в эпоху феодализма и господства церкви и в эпоху абсолютистско-полицейского государства», («Малая советская энциклопедия», т. 8). Некоторое представление о чудовищном размахе, с каким применялась и применяется смертная казнь в советском государстве, дает сравнение с применением смертной казни в дореволюционной России. В 1933 г. в Харькове вышла книга «Смертные казни в царской России», содержащая в частности имена всех казненных в России с 1826 по 1917 годы. В царствование Александра I (1801—1825) было казнено 24 человека, в царствование Николая I (1825—1855) — 41 человек, при Александре II (1855—1881) — 47 и расстреляно без суда (за участие в восстаниях) — 69 человек, при Александре III — казнено 33 человека. «Особой лютостью, — пишет автор книги,

мелкие кражи на производстве. Недонесение властям о готовящемся или совершенном хищении государственного или общественного имущества каралось лишением свободы на срок от 2 до 5 лет.

В один день с указом «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» издается указ «Об усилении охраны личной собственности граждан». Впервые в советском законодательстве вводилось исключительное суровое наказание за хищение частного имущества граждан, в том числе за простую кражу — от 5 до 10 лет.

Окончательно был отвергнут тезис о социальном характере уголовных преступлений, которые должны исчезнуть в связи с исчезновением порождающих их социальных причин. Кража наказывалась по новым указам в несколько раз строже, чем в царской России.

Чрезвычайное обострение уголовного законодательства в период войны и после нее, как и предыдущая волна террора в середине 30-х годов, отражается на положении узников концентрационных лагерей.

«Враги народа для нас не люди. С ними все позволено».¹¹ Эта концепция становится основой воспита-

— отличался последний Романов (второй Николай;». При нем (с 1894 по 1917) было казнено по суду и расстреляно карательными экспедициями 6.107 человек. Легко подсчитать, что за 117 лет царствования пяти последних русских царей было казнено 6.321 человек. (См. Саул Ушеревич — Смертные казни в царской России. Харьков, 1933.)

В годовщину Октябрьского переворота Ленин с нескрываемым удовлетворением цитирует «буржуазного либерала» Стюарта Чейза, писавшего: «Все казни в России за год, кончающийся 1 ноября 1918 были, по официальным данным, числом 3.800, включая многих подкупных советских должностных лиц, как равно и контрреволюционеров». (См. В. И. Ленин, т. 39, стр. 186). Яков Петерс, заместитель председателя ВЧК, в своих воспоминаниях о работе в ВЧК в первый год революции утверждает, что после покушения на Ленина «цифра расстрелянных ни в коем случае не превышает 600 человек» (См. «Былое». Сборники по новейшей русской истории, книга 47, Париж, 1933). Мартын Лацис, видный сотрудник ВЧК, в обзоре двухлетней деятельности Чрезвычайных комиссий, насчитывает — за полтора года — до середины 1919 — 8.389 расстрелянных только ЧК. (См. М. Н. Лацис (Судрабс) — Два года борьбы на внутреннем фронте. М. 1920).

¹¹ Евгения Гинзбург — Крутой маршрут, стр. 66.

ния армии следователей, охранников, палачей. В отлично написанной сцене разговора с надзирателем, привезшим из концентрационного лагеря в московскую тюрьму заключенного и зашедшего в гости к дочке одного из своих узников, Юрий Бондарев показывает систему воспитания ненависти.

«Вредный народ — то, однако, профессора, — говорит надзиратель, выпив водки. — Все против... трудового народа... Враги народу... Читают нам лекции, объясняют все хорошо... Они — профессора, прекрасно образованные, против гениального вождя товарища Сталина... Убить ведь хотят, каждый год их ловят. И везут их, и везут, день и ночь. Местов уже нет, а их везут...»¹²

Надзиратель жалуется: «Ни сна, ни покоя!... Каторжная у нас работа!»

2. Литература недоумения

О каторжной жизни рассказывают все книги о лагерях. Война добавила им новую главу — переживания советских солдат и офицеров, попавших сразу же из немецкого концлагеря в советский.

До войны возможность сравнить гитлеровские и сталинские концлагеря имели только иностранцы. Прежде всего это стало уделом нескольких сот немецких коммунистов, бежавших из гитлеровской Германии в страну победившего социализма, на родину мирового пролетариата. Арестованные в 1937 г. органами НКВД, они были переданы после заключения германосоветского договора в августе 1939 г. в руки гестапо.¹³ Получили такую возможность и те из сотен тысяч польских граждан, арестованных на территории Западной Белоруссии и Западной Украины, которым до этого пришлось отведать немецких лагерей.¹⁴ После войны возможность эта была предоставлена десяткам тысяч советских граждан.

¹³ См. Margarete Buber-Neuman — Als gefangene bei Stalin und Hitler; Alexander Weissberg — L'accusé.

¹⁴ Юлий Марголин приводит в своей книге «Путешествие в страну ээка» (изд-во им. Чехова, Нью-Йорк, 1952)

В единственном в советской мемуарной литературе описании лагеря со стороны, в описании лагеря, как его видит не заключенный, мы находим все черты характерные и для гитлеровских концлагерей:

«Проехав километров 15 от города мы увидели на правом берегу... строящийся лагерь: стояли вышки для часовых, обносила колючей проволокой зона... Заключенные вереницей шли туда от ледовой дороги, таща ящики, доски, бревна, мешки. Они, как муравьи, по узкой тропинке, проложенной в глубоком снегу, поднимались в гору, входили в ворота, сбрасывали тяжелую ношу и возвращались к реке за новой...»¹⁵

Особенность советской лагерной литературы, отличающая ее от всех других литератур о тюрьмах и лагерях, состоит в том, что это — литература о страданиях невинных людей. В мировой литературе известны книги о невинно осужденных, есть книги о людях, считавших себя несправедливо осужденными. Но нет другой целой литературы, рассказывающей о миллионах невинных узниках лагерей, не знающих почему они лишены свободы. В гитлеровские лагеря были заключены миллионы невинных, но они знали, что их лишили свободы — враги, фашисты, расисты.

За небольшим исключением, о котором я буду говорить отдельно, советская литература о лагерях — это литература недоумения, ужаса перед непонятным, невероятным. В значительной степени это объясняется и тем, что — за упомянутым выше небольшим исключением — советская литература о лагерях имеет своим единственным героем — верного члена партии, невинно страдающего — неизвестно за что и почему. Это относится к книгам, опубликованным в Советском Союзе — «Повесть о пережитом» Б. Дьякова,¹⁶ «Колымские записи» Г. Шелеста,¹⁷ «Люди остаются людьми» Ю. Пиляра,¹⁸ «Годы и войны» А. Горбатова,¹⁹ «Барельеф

рассказ своего товарища по «48 квадрату» Беломорканала, польского еврея, с тоской вспоминающего гитлеровский концлагерь Дахау, где он пробыл 7 месяцев. «Волшебная жизнь была в Дахау до войны! Работа без нормы. Сорок пять минут работай, четверть часа отдыхай. Хлеба кило триста, колбаса, мармелад, на обед гуляш — «настоящий гуляш»! И у каждого кровать!...» стр. 145.

¹⁵ А. Пубожий — Мертвая дорога. «Новый мир», № 8, 1964, стр. 96.

на скале» Алдан-Семенова.²⁰ Но это относится и к тем книгам которые, не получив разрешения цензуры на публикацию, распространялись «самиздатом», были изданы за границей — «Крутой маршрут» Евгении Гинзбург,²¹ «Смерч» Галины Серебряковой. Даже воспоминания Екатерины Олицкой²² — «партийная» книга, хотя на этот раз речь идет о социалистах-революционерах, а не членах коммунистической партии. Но именно книга Олицкой позволяет, при сравнении ее с другими мемуарами бывших узников советских лагерей, понять изменения происшедшие в характере людей за годы советской власти.

Особенно поучительно сравнение воспоминаний Олицкой и Гинзбург, сидевших в одно время в Ярославской специальной тюрьме и ехавших в одном вагоне из Ярославля во Владивосток, а затем — пароходом на Колыму. Два рассказа об одном и том же, о тех же самых переживаниях, о том же самом карцере, но это рассказы двух людей, принадлежащих к двум разным мирам.

Олицкая — идейный противник советской власти, верящая в революцию и подлинный социализм, хорошо знает, что тюремщики ее враги, что человеческое достоинство нужно защищать. Гинзбург — идейная коммунистка, жена ответственного работника, в тюрьме приходит к убеждению, что во всем случившемся виноват Сталин. Это предельный пункт ее политического развития. Лишь очень немногие из коммунисток, едущих в вагоне, на котором по свидетельству Олицкой написано «Крупный рогатый скот»,²³ а по свидетельству Гинзбург — «Спецоборудование»²⁴ доходят до этого предела. Часть заключенных молчит, не понимая, что с ними произошло, часть, также ничего не понимая,

¹⁶ «Октябрь», № 7, 1964.

¹⁷ «Знамя», № 9, 1964.

¹⁸ «Юность», №№ 6, 7, 8, 1963, 3, 4, 5, 1964.

¹⁹ «Новый мир», №№ 3, 4, 5, 1964.

²⁰ «Москва», № 7, 1964.

²¹ В колымских главах «Крутого маршрута» «партийная» тема исчезает.

²² Книга Олицкой писалась без всякой надежды на напечатание, поэтому в ней отсутствует «внутренний цензор».

²³ Е. Олицкая «Мои воспоминания», т. 2, стр. 214.

²⁴ Е. Гинзбург — Крутой маршрут, стр. 338.

продолжает верить Сталину, считая, что все арестованы правильно, считая лишь свой арест несчастной ошибкой.

«Мне не страшны ужасы Колымы. Мне страшно жить среди этих людей,»²⁵ — заключает Олицкая рассказ о том, как после отвратительных унижений, перенесенных пассажирками арестантского вагона в бане, они, вернувшись на свои нары, начинают петь «Песню о родине» и «по всему арестантскому вагону звучат слова: «Где так вольно дышит человек»».²⁶

Но и обитательницам вагона страшно быть вместе с Олицкой — впервые в жизни они видят перед собой подлинного «врага народа». «Прекратите антисоветскую агитацию,»²⁷ — кричат Олицкой, когда она предлагает добиваться от конвоя, чтобы умирающим от жажды и грязи женщинам давали не одну кружку в день, а хотя бы две.

Исчезновение понятия «виновность» и «невиновность» в обществе ведут ко всеобщему примирению с арестом, тюрьмой, лагерем. Условия человеческого существования в концентрационном лагере приобретают специфический характер именно в связи с огромным количеством людей не верящих в свою виновность, но убежденных в виновности всех других. Впрочем, почти все как правило, подписывали признания на следствии.

В воспоминаниях — А. Горбатова, Г. Серебряковой, Е. Гинзбург и других — рассказано о пытках, с помощью которых следователи вырывали у заключенных признания,²⁸ однако, никто из перечисленных авторов

²⁵ Е. Олицкая — Мои воспоминания, стр. 219.

²⁶ В воспоминаниях Гинзбург этого эпизода нет.

²⁷ Е. Гинзбург — Крутой маршрут, стр. 311. Гинзбург пишет об «эсэрках», во множественном числе, но Олицкая говорит, что в вагоне она была единственной эсэркой.

²⁸ А. Солженицын детально анализирует механизм, с помощью которого, применяя физические и моральные пытки, вынуждали невинных признаваться в чудовищных преступлениях. Писатель убедительно показывает на примере Н. Бухарина, что «секрет» признания старых большевиков на Московских процессах был прост — их пытали. (См. «Архипелаг Гулаг», т. 1, гл. 10). Г. Серебрякова рассказывает, что перед самым судом Пятакова, Сокольников, Радека и др., ее мужа — Сокольников — привезли в Бутырки и показали жену — нагую, в страшном резиновом карцере, без сознания. (См. Galina Sieriebri-

не ставит вопроса: зачем эти признания были нужны? зачем нужно было, чтобы десятки тысяч следователей во всех городах страны мучали сотни тысяч людей, добываясь от них признаний в несовершенных преступлениях?

Такой вопрос задает Иванов-Разумник: «Удивляет только одно: для чего столько церемоний, трудов, хлопот, попыток придать акту чистого произвола вид «революционной законности»? Эти попытки придумать несуществующие организованные группировки?»

Писатель высказывает предположение, что «тетушка», как он называет НКВД, «не имеет мужества признаться, что ее кары распространяются на неблагонамеренность».²⁹

Дело, однако, в том, что аресты касались и вполне «благонамеренных», которых также заставляли признаваться в шпионаже, терроре, вредительстве и т. п.

Можно думать, как мне кажется, что организаторы террора, требуя от НКВД признаний арестованных, преследовали три цели. Прежде всего — цель практическую: каждый арестованный должен был дать показания против нескольких своих друзей, знакомых, сотрудников, должен был дать материал для дальнейших арестов. Второй целью — был контроль за органами НКВД. Массовые аресты поколебали самые основы государства, но необходимость отчитываться в количестве полученных показаний, в их «качестве» лишало органы НКВД абсолютной власти над населением страны. Сталин по своему желанию регулировал силу террора. И, наконец, третья цель заключалась в том, чтобы окончательно сломить душу арестованного.

«Было немало людей, отказавшихся подписать лживые показания, как отказался я, — пишет А. Горбатов. — Но немногие из них смогли пережить избиения и пытки — почти все они умерли в тюрьме или тюремном лазарете».³⁰ Иванов-Разумник отмечает, однако,

kowa — Huragan, pp. 47—49). Артур Лондон, осужденный в 1952 г. в процессе Сланского на пожизненное заключение, рассказывает в книге «Признание», как с помощью пыток добывались признания в Праге, под руководством «консултантов» из Москвы (См. А. London — L'aveu).

²⁹ Р. Иванов-Разумник — Тюремны и ссылки, стр. 136.

³⁰ А. Горбатов — Годы и войны, Воениздат, М., 1965, стр. 143.

чрезвычайно характерную деталь. Подтверждая, что лишь единицы смогли выдержать пытки и не сознаться, он добавляет: «Громадное большинство, во всем сознавшихся» относилось к этим единицам с явным недоброжелательством, хотя может быть, и с тайным уважением.

Но недоброжелательство брало верх. А, ты после истязаний все же не пожелал сознаться, а я вот не вытерпел, «сознался». Ты значит хочешь быть лучше меня?»³¹

Эта деталь характеризует одну из наиболее типичных черт советского «концентрационного мира» — полную разобщенность его обитателей. В лагере — каждый жил и умирал сам. Существовала еще одна закономерность — чем тяжелее был лагерь, тем сильнее «атомизация». Конечно, мы встречаем в воспоминаниях факты помощи одних заключенных другим, но это — помощь друзьям, родственникам. Причем не существовало — как в гитлеровских концлагерях — помощи самым слабым.

Лагерь был отражением общества: в лагере все боялись всех, боялись каждого произнесенного слова, и в лагере существовали классы, и в лагере каждый видел в другом виновного в преступлениях против советской власти — ибо осужденного.

Группа друзей, вместе проживших четыре года в гитлеровском концлагере, героев восстания в Маутхаузене, попадает — сразу же после освобождения — в советский лагерь. И автор воспоминаний внезапно замечает: «Все мы, лагерные друзья, стали теперь немного чужими, замкнулись в себе, как-то потускнели . . .»³² В гитлеровском концлагере — был общий враг — охрана, в советском — все враги, в том числе и товарищи по заключению. Их ничто не связывает, их делит — страх.

В гитлеровских лагерях, в царской тюрьме важнейшей связующей силой была ненависть к тюремщикам, к охранникам. Коммунисты, попавшие в советский ла-

³¹ Р. Иванов-Разумник — Тюремны и ссылки, стр. 291. Писатель вспоминает рассказ Леонида Андреева «Тьма», в котором проститутка говорит революционеру: «Как ты смеешь быть хорошим, если я плохая?».

³² Юрий Пиляр — Люди остаются людьми, «Юность», № 3, 1964, стр. 14.

герь, не знают как им относится к охране, которая их бьет, мучает, убивает.

Выстроив заключенных на поверку, приказав снять тряпки, защищающие от комаров, надзиратель читает нотацию: «Мы не считаем вас за людей... Потому, что вы не люди».³³ По дороге в лагерь, охрана применив по инструкции оружие без предупреждения, убивает одного из заключенных. Автор воспоминаний, не может всего этого понять: «У нас нет такого закона, чтобы подавлять в человеке человеческое».³⁴

«Мои надзиратели, наверное, комсомольцы»,³⁵ — думает, истязаемая Серебрякова.

Исчезает естественная связь между заключенными, объединенными неприязнью против тюремщиков, возникает неестественная, но характерная для советских лагерей, связь между заключенными и охранниками. Общество создает чудовищный гибрид — палача-жертву. Палачи — следователи, судьи — в свою очередь становились жертвами и шли в лагерь, но во время допросов жертвы старались помочь своим палачам, продолжая это делать и в лагере, причем часто по убеждению.

Создается странное положение, в котором места палача и жертвы оказываются случайными, взаимозаменяемыми: палач обычно оказывался спустя какое-то время на месте жертвы, а жертва могла выполнять работу палача со всей необходимой твердостью и убежденностью. Относится это, прежде всего, к членам партии.

«Если бы я что-нибудь подозрительное заметила, я давно бы сама донесла об этом партии»,³⁶ — заявляет на допросе Серебрякова.

Едва попав в лагерь, начинает доносить на своих товарищей, с которыми он вместе сидел в гитлеровском лагере, один из персонажей книги Пиляра.³⁷

С негодованием отмечает Дьяков, что культурно-воспитательную работу в лагере поручили вести чело-

³³ Б. Дьяков — Повесть о пережитом, «Октябрь», № 7, 1964, стр. 92.

³⁴ Там же, стр. 53.

³⁵ G. Sieriebriakowa, p. 50.

³⁶ Galina Sieriebriakowa, стр. 35.

³⁷ Юрий Пиляр — Люди остаются людьми, «Юность». № 3, 1964, стр. 14.

веку «пропитанному антисоветскими взглядами».³⁸ Кажется, что он готов немедленно сообщить об этом «куда следует».

Именно этой внутренней связью с властями, не порвавшейся даже после заключения в лагерь, объясняется феномен, отмеченный Олицкой: заключенные стыдились того, что они попали в лагерь, стыдились сами себя.

«Я не понимала, — пишет Олицкая, — как можно стыдиться ложного обвинения, а не возмущаться им, просить о пересмотре своего дела, а не требовать его».³⁹

Функцией этого отношения к властям, веру в непогрешимость которых не мог сокрушить даже лагерь, было отношение к лагерному труду.

Концентрационные лагеря, начиная с середины 30-х годов, отказываются от последних фиговых листков, прикрывавших жестокую действительность рабского труда. Исчезают, применявшиеся на Беломорканале, разного рода соревнования, поощрения и т. п.

Остается одна сила, заставляющая людей работать — норма, невыполнение которой влечет за собой снижение пайка и без того недостаточного для поддержания организма.

Русская каторга не знала голода. При сравнении «Мертвого дома» Достоевского и книг о советских лагерях прежде всего бросается в глаза, что каторжников еда занимала, главным образом, как развлечение, а концлагерников, как нить, связывающая с жизнью.

В советских концлагерях голод используется в качестве инструмента подавления воли заключенных и принуждения к труду. В 1926 г. бывший заключенный писал: «Люди в Соловках, незаметно, может быть для самих себя, звереют. Появляется полнейшая апатия ко всему, что не имеет отношения к куску хлеба».⁴⁰

А. Горбатов вспоминает, как после целого дня изнурительной работы, «голодный, лежа на нарах, я мечтал: как бы хорошо было попасть в тюрьму, хоть дней на пять, отлежаться, отдохнуть в тепле, досыта поест хлеба!»⁴¹ Это был 1939 год.

³⁸ Борис Дьяков — Повесть о пережитом, стр. 110.

³⁹ Е. Олицкая — Мои воспоминания, т. 2, стр. 234.

⁴⁰ А. Клиггер — Советская каторга. «Архив русской революции», т. XIX, стр. 179.

⁴¹ А. Горбатов — Годы и войны, стр. 153.

В 1946 году заключенный жалуется начальнику: «Нам, работающим сейчас на очень тяжелых работах, требуется для питания не менее трех тысяч калорий. Получаем мы минимум восемьсот, максимум — тысячу и, находясь в специфических условиях, попросту голодаем.»⁴² Ответ начальника предельно лаконичен: «Посадите его на десять суток строго карцера. Пусть узнает, что такое специфический голод».⁴³

В 1951 г. в лагерную больницу, где работал Дьяков, приносят «живой объект»: «старика, страдающего острой формой кахексии — общего истощения организма. Носилки поставили на пол. Откинули одеяло, сняли с больного белье. Вместо кожи — прозрачная пленка. Руки и ноги вытянулись как палки. Голова набок».⁴⁴

Бывшие узники гитлеровского лагеря, попавшие в советский лагерь, с ужасом обнаруживают, что и здесь люди «доходят», умирают с голоду. Но опытный лагерник объясняет: «Обязательно. Это от нас и пошло — «доходяги» . . .»⁴⁵ То есть из советских лагерей в немецкие дошло это слово, а может быть и техника использования голода в лагере.

«Норма в лагере — это все, это бог. И жизнь . . .»,⁴⁶ — добавляет опытный лагерник. И советские граждане, привыкшие выполнять норму на свободе, стараются делать это и в лагере. Зачастую, однако, это невозможно: норма слишком высока, в особенности для людей не знакомых с физическим трудом, получающих к тому же голодный паек. Встает страшный вопрос: что лучше — меньше работать, но зато меньше получать хлеба, или отдавать все силы работе, получая тем не менее паек недостаточный для восстановления сил?

Для авторов рассматриваемых книг о лагерях ответ очевиден: как советские граждане заключенные обязаны отдавать все свои силы государству. В этом стремлении — и страх перед властью и желание доказать трудом свою преданность государству, а следовательно подтвердить свою невинность.

⁴² Г. Шелест — Колымские записи, «Знамя», № 9, 1964, стр. 177.

⁴³ Г. Шелест — Колымские записи, стр. 178.

⁴⁴ Б. Дьяков — Повесть о пережитом, стр. 90—92.

⁴⁵ Ю. Пиляр — Люди остаются людьми, «Юность», № 3, 1964, стр. 22.

⁴⁶ Там же, стр. 22.

В «Колымских записях» Шелеста заключенные, мучительно страдающие от голода, отдают найденный ими самородок золота, за который на «черном рынке» они могли получить множество хлеба, сдают самородок надзирателю, ибо так велит им их «партийное сердце», страна ведет войну с Германией и нужно ей помочь. Этого неестественного для голодных людей поступка не может понять уголовник Тонкий, с возмущением кричащий: «Коммунисты, комсомолцы! Правильно делает Сталин, что вас в лагеря сажает. Сдохнете здесь, туда вам и дорога!»⁴⁷

Евгения Гинзбург называет перетаскивание камней, на которое поставили всех заключенных, прибывших из во Владивосток, настоящими каторжными работами.⁴⁸ Но ей это кажется естественным, тем более, что все вокруг утверждают, что «эта работа — суший рай», ибо не установлена норма.

От Олицкой мы узнаем, что надзиратели заставляли проводивших по несколько лет в тюрьме женщин перетаскивать камни с одного места на другое.

«Убедившись в бессмысленности заданной работы», Олицкая отказывается ее выполнять.⁴⁹ Все другие узницы продолжают перетаскивать камни с места на место, подчиняясь инерции повиновения, желая подчеркнуть свою преданность.

Дьяков идет еще дальше, он пытается уговорить лагерное начальство «увлечь работой» заключенных, «заинтересовать их», добиваясь «повышения производительности труда».⁵⁰ Старый большевик Купцов правильно ведет себя, по мнению Дьякова, в лагере: не обращает внимания на ругань надзирателей и начальников, ни от какой работы не отказывается.⁵¹ Другой коммунист утверждает; «Надо, чтобы всегда хотелось работать... Тогда выживем!»⁵² «Настроение бодрое, — уверяет бывший узник Маутхаузена, попавший в советский лагерь. — Славная, в общем, это штука — работа! Лес, снег, солнце... Настоящий топор. Настоящие сосны... Все бы ничего, побольше бы только

⁴⁷ «Знамя», № 9, 1964, стр. 168.

⁴⁸ Е. Гинзбург — Крутой маршрут, стр. 351.

⁴⁹ Е. Олицкая — Мои воспоминания, стр. 227.

⁵⁰ Б. Дьяков — Повесть о пережитом, стр. 202.

⁵¹ Там же, стр. 108.

⁵² Там же, стр. 107.

хлеба, да погуще суп, да, пожалуй, убрать бы стрелков, да вывести в бараках клопов...»⁵³

Работа остается работой — утверждают авторы воспоминаний о лагерях, тем более, что это — работа для родного государства, лишь в несколько специфичных условиях.

Неважно, что работа нередко бессмысленная, всегда непроизводительная, чудовищно дорогая. Важно другое. «... Вы должны своим самоотверженным трудом доказать, что достойны... высокого звания»⁵⁴ советского гражданина, — обращаются к заключенным.

Это звание необходимо все время «завоевывать», право на него все время «доказывать». Государство требует высочайшей платы за право быть угнетаемым. За право превращения в винтик чудовищной машины.

Рассказ инженера Побожия о строительстве за полярным кругом, в тундре железной дороги Салехард-Игарка, дороги стоившей десятки тысяч жертв — дорогу строили заключенные — наиболее смелое в советской литературе изобличение бессмысленности рабского труда. Лишь потому, что в 1947 году Сталин сказал: «Русский народ давно мечтал иметь надежный выход в Ледовитый океан из Оби»⁵⁵ начинается строительство в невероятно тяжелых условиях железной дороги. После смерти Сталина строительство прекращается. Побожий назвал свои воспоминания «Мертвая дорога» — не только потому, что протянувшаяся на сотни километров дорога была брошена, но и потому, что построена она была на костях заключенных.

Использование рабского труда создает у государства психологию рабовладельца, для которого нет ничего дорогого или невыполнимого. Все возможно — ибо есть рабы.

⁵³ Ю. Пиляр — Люди остаются людьми», «Юность», № 3, 1964, стр. 26.

⁵⁴ Там же, стр. 27.

⁵⁵ А. Побожий — Мертвая дорога, «Новый мир», 8, 1964, стр. 133.

Побывав в 1966 г. на трассе Беломорканала, А. Солженицын убедился, что и эта «первая великая стройка Архипелага» сегодня мертва. Построенный ценой чудовищных жертв канал оказался ненужным и непригодным. (См. А. Солженицын — Архипелаг Гулаг, т. 2, глава 3).

3. От «святого» палача к «святой» жертве

Психология раба, человека не понимающего разницы между свободным и рабским трудом, видящего в труде — в любых условиях — лишь средство «оправдать доверие», доказать свое правосмыслие, представлена в книгах Дьякова, Пиляра, Шелеста — как философия коммуниста, верного до конца своей жизни идее, партии.

Как может выжить в лагере человек, невинно осужденный, выполняющий тяжелейшие работы, голодающий, страдающий от холода?

Перечисленные выше книги, к которым можно добавить воспоминания Горбатова, доказывают, что коммунистов в лагере спасала — вера. Лагерные воспоминания сохраняют немало черт религиозной литературы. Есть мученики, есть истязатели, есть вера, позволяющая все вытерпеть, все преодолеть ради некоего идеала.

Если героем первых книг, рождающейся лагерной литературы, был «кающийся» чекист, «святой» палач, то в начале 60-х годов героем становится «святая» жертва — коммунист, на потерявший в лагере веры.

«Гибни, но верь»,⁵⁶ — говорит старый коммунист «кировского потока»,⁵⁷ то есть сидящий в лагере с 1935 года, комсомольцу, попавшему в советский лагерь из гитлеровского. Заключение коммуниста в лагерь изображается, как некий искуc, испытание его веры, преданности. Мы нередко встречаемся с прямыми религиозными ассоциациями.

Встречу заключенных с властями Г. Шелест изображает почти, как сцену искушения дьяволами святых. Причем в роли дьяволов выступают начальник колымских лагерей Никишов и его заместитель полковник Гаранин,⁵⁸ в роли святого — «красный адми-

⁵⁶ Юрий Пиляр — Люди остаются людьми, «Юность», № 3, 1964, стр. 47.

⁵⁷ Арестованных в месяцы террора, последовавшего за убийством Кирова, называли «кировским потоком».

⁵⁸ С именем Гаранина связан самый страшный период в истории колымских лагерей, получивший название «гаранинщина». Люди умирали от эпидемий, замерзали в палатках и бараках, за невыполнение нормы заключенные расстреливались. Рой Медведев пишет, что «по обвинению в «саботаже» и по другим клеветническим обвинениям на-

рал» Константин Душенов.⁵⁹ Шелест описывает непреклонного коммуниста, верившего до последнего вздоха: «Небритое лицо с седой щетиной изборозжено морщинами, а глаза — как у Иисуса Христа на старинных иконах».⁶⁰

Когда начальники уходят, заключенные обнаруживают, что исчез и странный запах сопровождавший их — запах ладана. Это — запах ада, искушающего верных.

Если есть полное согласие у всех авторов лагерной литературы относительно веры, как важнейшего качества коммуниста, то при определении объекта веры начинаются расхождения.

В 1937 году — это подтверждают все достоверные источники — коммунисты верили Сталину, Сталин был олицетворением революции, Родины, идеи. Только тем, что Сталин не знает о происходящем, объясняют заключенные-коммунисты все свои несчастья.

чальник Дальстроя (в систему Дальстроя входили колымские лагеря) Павлов и его помощник Гаранин вместе со своими подручными расстреляли на Колыме в 1938 году не менее 40 тысяч заключенных... Приезжая в лагерь, Гаранин приказывал выстраивать «отказчиков» от работы... Их выстраивали, некоторые из них не держались на ногах, а разъяренный Гаранин проходил по шеренге и расстреливал многих в упор. За ним шли два бойца и поочередно заряжали ему наганы». См. Рой Медведев — К суду истории, стр. 614.

В ответ на жалобу посланную группой колымских партийных деятелей, работников газеты «Советская Колыма» полагавших, что Павлов и Гаранин превысили необходимые нормы жестокости, Сталин ответил: «Получил длинную телеграмму... с жалобой на порядки в Дальстрое и недостатки в работе Павлова. Телеграмма не учитывает трудностей в работе Дальстроя, специфических условий работы Павлова. Газета должна помогать Павлову, а не ставить палки в колеса. Сталин». (См. «Советская Колыма» 17 января 1938 г. Цит. по: Рой Медведев — К суду истории, стр. 644).

⁵⁹ В официальной биографии Душенова, занимавшего до ареста в 1938 г. пост командующего Северным морским флотом, о его смерти говорится так: «По наветам клеветников Душенов был осужден и погиб. В 1955 г. К. И. Душенов был реабилитирован». См. П. И. Мусьяков — Флагман Константин Душенов. Воениздат. М. 1966, стр. 126.

⁶⁰ Г. Шелест — Колымские рассказы, стр. 168.

«Отец, отец, что ты с нами сделал? Мы же твои дети?», — шепчет в лагерном бараке заключенный.⁶¹

Лишь изредка некоторым приходит в голову: «... А если... все это... все мы здесь... с ведома и указания его?!»⁶² Но они быстро отгоняют эту еретическую мысль.

Дата написания большинства книг о лагерях — начало 60-х годов — позволяла дать целую галерею злодеев, виновных в «нарушениях социалистический законности» — Ягода, Ежов, Берия и — сам Сталин.

Падают один за други идолы, деревянные божки, но появляется новое божество, на этот раз — бестелесное — Партия.

«Ошибаются люди, но партия сумеет преодолеть их ошибки...»⁶³ Официальная лагерная литература 1964 года представляет собой странную смесь правдивых фактов и конъюнктурного их толкования. Надзиратель во время возвращения с работы убивает заключенного и получает за это премию.⁶⁴ Но вера в партию позволяет жить и надеяться. И заключенный с радостью составляет для надзирателей конспект учебника истории ВКП(б). Высокий начальник узнает в замученном, полумертвом заключенном своего бывшего командира и, несмотря на испытываемый страх, хочет помочь человеку, которого он некогда уважал и любил. Заключенный просит оставить его на легкой работе и дать ему для чтения шесть томов Ленина.⁶⁵

Каждая правдивая информация несет на себе, как обязательный груз, информацию неправдивую, конъюнктурную, обязательную в данный момент.

Замещение мифа Сталина мифом «партии» преследовало не только «воспитательную цель»,⁶⁶ не только давало новый предмет поклонения, но и снимало вопрос о причинах появления лагерей, о причинах террора. Не отвечало на этот вопрос, а его снимало.

⁶¹ Г. Шелест — Колымские рассказы, стр. 164.

⁶² Б. Дьяков — Повесть о пережитом, стр. 106.

⁶³ Там же, стр. 93.

⁶⁴ Там же, стр. 92.

⁶⁵ Г. Шелест, стр. 169—173.

⁶⁶ Так оценил собеседник Надежды Мандельштам смысл публикации «Колымских рассказов» Г. Шелеста — в них есть «воспитательная идея». См. Н. Мандельштам — Воспоминания стр. 306.

«Помнишь, как все мы мучительно пытались понять: где, в чем корень зла и кто же наш судья? — спрашивает генерал Тодорский, отсидев в лагерях 15 лет. — Теперь поняли . . . Одурманенный властью, Сталин своих принял за врагов, своих карал! . . .»⁶⁷

Можно, конечно, сказать, что это объяснение ничего не выясняет, что оно вызывает сотни новых вопросов, но задача официальной лагерной литературы заключалась не в ответе на вопросы, а в прекращении дискуссии.

«Барельеф на скале» Алдан-Семенова — единственная в потоке лагерной литературы 1964 г. — повесть. Как и все другие книги на эту тему, «Барельеф на скале» написан человеком, знающим материал «из первой руки». Андрей Алдан-Семенов пробыл в лагерях более 15 лет. Но — повесть его — не мемуары, это — по мысли автора — художественное произведение обобщающее опыт писателя, излагающее его мировоззрение, выражающее его мысли не только о лагере, но и о советском обществе, а прежде всего о партии и судьбе коммунистов, погибших в лагерях.

«Барельеф на скале» — одно из наиболее острых осуждений Сталина в советской литературе. Сталин и только Сталин виноват во всем. Обида обманутого влюбленного чувствуется в гневе писателя. Обида верующего, обманутого жрецом.

Алдан-Семенов не добавляет ничего нового к характеристике советских концентрационных лагерей. Место действия повести — один из множества северных лагерных лагерей, в которых заключенные добывают золото.

«Волнующие слухи о богатствах Севера расходились по всей стране, но слухи эти сопровождались тревожными шепотами о заключенных, которых гнали в снежный далекий край. И никто не мог бы сказать — куда исчезают черные вереницы осужденных.

А вот Илья Атаманов⁶⁸ знал.

Он из года в год видел, как прибывали тысячи заключенных и растекались по огромным лесным просторам. Они прокладывали таежные дороги и строили золотые прииски, валили вековой лес, били оловянные

⁶⁷ Б. Дьяков — Повесть о пережитом, стр. 141.

⁶⁸ Один из героев повести — геолог, открывший золотые месторождения, потом арестованный.

штольни, возводили поселки. А сами питались ржавой затирухой, спали в моховых бараках, болели цингой, дистрофией, дизентерией, умирали от этих болезней, от морозов, голода, лагерного произвола».⁶⁹

Лагерь с его страшным бытом — невыносимо тяжелой работой, голодом, болезнями, своеволием охраны, калечащей и убивающей заключенных — служит писателю лишь фоном на котором идет борьба между начальником лагеря Шанталовым, персонифицирующим Сталина, и заключенным — коммунистом «кировского потока»⁷⁰ Петраковым, персонифицирующим Партию.

Шанталов — это Сталин в миниатюре. Это — Хозяин с большой буквы. «Здесь все на сотни километров подчиняется мне. Я здесь хозяин, — с гордостью подумал Шанталов. — И прииск, и люди на нем, и поисковые партии в тайге; и поселки — все мое».⁷¹

«Я в молитвах не нуждаюсь»,⁷² — заявляет Шанталов. Но это неправда. Он молится Сталину. И как верующий христианин носит на шее крестик, Шанталов носит ручные часы с миниатюрным портретом Сталина, «когда в темноте портретик фосфоресцировал — голубоватое сияние радовало Шанталова».⁷³

Петраков — это воплощение Партии. «Все в лагере — от политических до уголовников уважительно относились к этому старому большевику. Воры и бандиты не оскорбляли его, нарядчики не материли, не толкали на разводах, бригады советовались с ним».⁷⁴

Петраков становится в повести, как бы парторгом лагеря, носителем Идеи. И в своем стремлении создать идеальный образ святого коммуниста, Алдан-Семенов позволяет ему даже — когда колонна заключенных проходит по улицам поселка мимо статуи Ленина — дать приказ и заключенным и охране: «Шапку долой перед Лениным!»⁷⁵

Сцена фальшивая и невероятная, как невероятно и поголовное уважительное отношение к Петракову в

⁶⁹ А. Алдан-Семенов — «Барельеф на скале», «Москва», № 7, 1964, стр. 84—85.

⁷⁰ См. примечание к стр. 161.

⁷¹ Алдан-Семенов — Барельеф на скале, стр. 76.

⁷² Там же, стр. 77.

⁷³ Там же, стр. 77.

⁷⁴ Там же, стр. 93.

⁷⁵ А. Алдан-Семенов, стр. 94.

лагере, но писателю необходим образ партийца, противостоящего Сталину. Необходим, ибо на вопрос о причинах террора, о причинах арестов коммунистов и самого Петракова, Алдан-Семенов дает ответ стандартный: — «неограниченная власть в руках такого человека . . .»⁷⁶

Случайность — Сталин во главе государства и партии — объясняет все. Случайность — партия оказала доверие человеку ее обманувшему.

Первосвященник обманул Бога, которому он должен был служить. Первосвященник сам пожелал себе божеские почести — «барельефы, статуи, славословия . . . поклонение, восторги».⁷⁷

Писатель признает, что Первосвященнику удалось обмануть и Бога, и людей. Ему удалось создать «систему», ложную систему, занявшую место подлинной.

«Страшен не сам Шанталов, а его система».⁷⁸ Особенно страшна эта система потому, что — как утверждает Алдан-Семенов — она возникла и существует без ведома партии, против партии. Идеальный герой повести — Петраков приходит к выводу, что «партия не знает о том, что мы — жертвы беззакония и произвола . . .»⁷⁹

Партия, — членом которой был Петраков, членом которой остается Шанталов и надзиратели, замораживающие заключенных в 55-градусный мороз, — партия превращается в повести Алдан-Семенова в эманацию справедливости и правды, в божество, испытывающее верных и являющееся тем, кто не теряет в него веры никогда.

Кроме этого главного и, если так можно выразиться, официального конфликта, есть и второй конфликт — давший повести ее название. Конфликт между искусством и тоталитарной властью.

Желая выразить свою любовь к Сталину, желая поклониться своему лже-Богу, Шанталов приказывает заключенному скульптору Зарницыну выбить на огромной дикой скале, возвышающейся над лагерем, барельеф Сталина. За выполнение работы в срок —

⁷⁶ Там же, стр. 109.

⁷⁷ Там же, стр. 109.

⁷⁸ Там же, стр. 130.

⁷⁹ Там же, стр. 151.

к дню рождения вождя — начальник обещает художнику освобождение.

Писатель нагромождает один символ на другой. Художник, которому приказывают создать портрет Сталина, осужден на 10 лет за то, что он порвал портрет вождя, показавшийся ему неудачным. Это преступление было квалифицировано как «покушение на портрет» по статье 58 пункт восемь, трактующей о терроре.

Теперь художнику предстоит искупить свою вину и заслужить свободу, сделав портрет того, кто обрек его на страшные мучения. Он принимается с рвением за работу, но быстро убеждается, что работа над «гигантским гранитным лицом человека с усами» идет с огромными усилиями. Страх поселился в его душе.

«Зарницын все время боялся, что не сумеет создать барельефа и не получит обещанной свободы. И этот страх убивал вдохновение, без которого труд становился бессмысленным и бесполезным».⁸⁰ Алдан-Семенов идет еще дальше, утверждая, что художник теряет вдохновение, перестает быть художником не только тогда, когда он живет в страхе, но и тогда, когда он лишен свободы. Отсутствие свободы убивает в Зарницыне его талант. Писатель вводит также — как необходимый элемент творчества — редкую в советской литературе категорию — любовь, не объясняя, какую любовь он имеет в виду.

«Творческое усилие без вдохновения и любви — бесплодно»,⁸¹ — говорит писатель от своего имени. «В тебе нет главной силы творчества»,⁸² — повторяет Зарницыну эту мысль заключенный Ситников. Свобода и любовь — очевидно любовь к людям (или быть может к партии?) — вот чего нехватает художнику, взявшемуся выполнить портрет тирана.

Алдан-Семенов горько упрекает Зарницына: «Всякое несчастье вызывает отчаяние и протест против несправедливости, а ты хочешь воспеть человека, который виноват в твоём страдании. Никакие доводы, что этот человек имеет заслуги, ни-ка-кие доводы о его величии не помогут тебе! Потому не помогут, что твое, мое, тысячи других несчастий, бед, несправедливостей,

⁸⁰ Там же, стр. 106.

⁸¹ Там же, стр. 106.

⁸² Там же, стр. 109.

⁸³ А. Алдан-Семенов, стр. 109.

обрушенные им на людей, перечеркивают все его заслуги».⁸³

Это несомненно острое осуждение «культа личности», но также и осуждение творчества, поставленного на службу тиранству, творчества писателей, художников, воспевавших Сталина за его заслуги, даже зная о его преступлениях. Интересно, однако, что Алдан-Семенов жесточайшим образом наказывает в своей повести только художника.

Работая по приказу Шанталова в 55-градусный мороз, Зарницын заканчивает барельеф, но отмораживает себе руки. Руки, которыми он создавал идола. В горячечном бреде художнику кажется, что каменный барельеф душит его. Зарницын умирает.

Смерть художника кажется в повести символом гибели несвободного искусства, услуживающего тирану. Алдан-Семенов заканчивает «Барельеф на скале» сценой взрыва скалы вместе с портретом «равнодушного лица со слепым глазом и оттопыренным ухом». Взрывает барельеф в 1962 г. освобожденный и реабилитированный Петраков.

Скала, закрывавшая солнце, исчезает. Сталин, заслонявший Солнце — партию, свергнут.

Повесть кажется слепленной из двух кусков: реалистической части — живо, со множеством подробностей, рисующей невыносимую жизнь в концлагере невинных людей, и части, которую следовало бы назвать мистической, в ней воспевается Партия — некая абстрактная сила, воплощающая справедливость и истину.

В книге звучат необычайно смелые слова: «Я хотел лицемерием и ложью в искусстве добиться освобождения. А лгать в творчестве невозможно».⁸⁴ В своих размышлениях о свободе и лжи художник Зарницына выходит за рамки искусства: «А много ты проживешь на одном обмане? Можно обмануть часть народа, можно обмануть половину народа, нельзя долго обманывать весь народ».⁸⁵ Кому принадлежат эти слова? — риторически спрашивает художник. И не отвечает, ибо слова эти принадлежат не Ленину, а Линкольну.

«С нас ежегодно берут подписку, — продолжает думать Зарницын, — чтобы мы не разглашали лагерных

⁸⁴ Там же, стр. 138.

⁸⁵ Там же, стр. 138.

тайн. Зачем? Для чего? Боятся, что узнает народ? Но ведь правда-то все равно прорвется наружу!»⁸⁶

Зарницын приходит к этому убеждению и — Алдан-Семенов убивает его. Убивает, ибо в своей повести рассказывает только половину правды. Он говорит лишь о том, что разрешено было в тот момент сказать, о том, чего нельзя было — после появления «Одного дня Ивана Денисовича» — больше скрывать. Повесть Алдан-Семенова, задуманная как партийный ответ Солженицыну, заканчивается авторским обращением к читателям, переходящим в стихи, воспевающие «великий подвиг ленинской партии»,⁸⁷ уничтожившей лагерь и беззаконие.

Писатель удовлетворен своим мистическим объяснением: пришел злой волшебник, околдовал партию и народ, заставил всех служить себе. Волшебник умер и — засветило солнце.

В 1918 г. Бердяев писал: «Слишком много привыкли у нас относить на счет самодержавия, все зло и тьму нашей жизни хотели им объяснить. Но этим только сбрасывали с себя русские люди бремя ответственности и приучили себя к безответственности».⁸⁸

Почти полвека спустя Алдан-Семенов так же пытался отнести «все зло и тьму» «на счет самодержавия», на этот раз не царского, а сталинского.

В стихотворении «Пятилеток первые солдаты» Алдан-Семенов пишет о себе и своих друзьях, выживших после многих лет лагерей: «Пятилеток первые солдаты, Мы пока еще не постарели. Допоем в годах шестидесятых То, что мы в тридцатых не успели».

В этих строчках писатель точно выражает свое мировоззрение: он вычеркивает из своей жизни четверть века, как если бы их не было, он остается солдатом первых пятилеток — периода коллективизации и страшного голода, периода усиленной индустриализации и Беломорканала. Он — несмотря ни на что — продолжает видеть мир не таким, каков он есть, а таким каким он должен быть. И хочет убедить читателя, что сокрушение страшного «барельефа на скале» равнозначно с сокрушением шанталовской «системы». В

⁸⁶ Там же, стр. 138.

⁸⁷ Там же, стр. 153.

⁸⁸ Н. Бердяев — Духи русской революции. «Из глубины. Сборник статей о русской революции», стр. 71.

«Истории западной философии» Берtrand Рассел, утверждая, что марксизм является религией, приводит такое, составленное им уравнение:⁸⁹

Ягве — диалектический материализм
Мессия — Маркс
Избранный народ — пролетариат
Церковь — коммунистическая партия
Второе пришествие — революция
Ад — наказание для капиталистов
Миллениум — коммунизм.

В религиозно-мистической повести Алдан-Семенова мы находим все члены уравнения Рассела.

4. Полюс лютости: Варлам Шаламов.

Можно утверждать, что понятие «ада» относительно. Можно утверждать, что последнего круга никто не достиг. Польский сатирик Станислав Ежи Лец писал: «Оказавшись на дне, мы услышали постукивание снизу». Книги Александра Солженицына — как бы ступени, низводящие в ад: «В круге первом», «Олень и шалашовка», «Один день Ивана Денисовича». Но даже в сумме лагерной цивилизации, в самом широком и глубоком образе концентрационного мира — в «Архипелаге ГУЛаг» писатель делает оговорку: «Я почти исключая Колыму из охвата этой книги».⁹⁰ Солженицын объясняет это прежде всего тем, что о Колыме уже писал Варлам Шаламов: «Может быть в «Колымских рассказах» Шаламова читатель верней ощутит безжалостность духа Архипелага и грань человеческого отчаяния».⁹¹

Гитлеровские лагеря истребления были адом. Колыма была адом. Выжившие в аду редко пишут мемуары. Необходимо необыкновенное мужество, чтобы сказать всю правду о себе и людях.

В поэме «Последний круг» Зинаида Гиппиус писала:

⁸⁹ Цит. по Maurice Latey — *Tyranny. A study in Abuse of Power*, p. 196.

⁹⁰ А. Солженицын «Архипелаг Гулаг» Т. 2, стр. 129.

⁹¹ Там же, стр. 8.

Будь счастлив, Дант, что по заботе друга
В жилище мертвых ты не все познал,
Что спутник твой отвел тебя от круга
Последнего — его ты не видал.
И если б ты не умер от испуга —
Нам все равно о нем бы не сказал.⁹²

Варлам Шаламов провел долгие годы в колымских лагерях, на самом дне ада, на «полюсе холода и жестокости», как назвал Колыму Солженицын, вернулся на землю и рассказал о том, что видел и чувствовал.

В лучшей из книг об Освенциме, в рассказах польского писателя Тадеуша Боровского есть быть может самая страшная фраза в европейской литературе. Герой, санитар лагерной больницы, играет в футбол, когда очередной транспорт ведут в газовую камеру. Он спокойно регистрирует: «Между двумя корнерами за моей спиной убили газом три тысячи человек».⁹³

У Шаламова мы находим, если это возможно, утверждение еще более страшное. В пересыльном лагере герой рассказа, оказавшийся соседом пожирателя трупов, замечает: «... Есть несомненно вещи более страшные, чем мясо трупа на обед».⁹⁴

Шаламов и Боровский отмечают то, о чем другие писатели не могут или не хотят говорить, — в лагере умирают даже те, кому удастся выжить. Лишь немногим удастся потом воскреснуть.

Трудность изучения творчества Шаламова объясняется прежде всего тем, что 60 рассказов и исследование о блатных не были никогда напечатаны вместе и в той форме, которую имел в виду писатель. Следовало бы говорить о книге Шаламова, ибо написанные им рассказы — это главы одного большого произведения. Но рассказы эти печатались (и продолжают печататься) вразброс, бессистемно, не давая читателю полного представления о замысле и масштабах книги. Достаточно прочесть «Один день Ивана Денисовича», чтобы не только понять важнейшие мысли Солженицына, но и получить полное представление о его стиле, языке. Даже лучшие из рассказов Шаламова, такие, скажем, как «Одиночный замер», в отдельности дают

⁹² З. Н. Гиппиус — Стихотворения и поэмы. т. 2, стр. 21.

⁹³ Tadeusz Borowski — Wybór opowiadań, стр. 157.

⁹⁴ В. Шаламов — Домино.

о прозе писателя и его книге представление очень слабое.⁹⁵

В его книге соседствуют физиологический очерк — «Зеленый прокурор», «Бани», «Как это началось», биографическое повествование — «Мой процесс», «Надгробное слово», рассказ — «Шерри-Бренди», «Последний бой майора Пугачова». Шаламов пишет рассказы, в которых использует факты из собственной биографии, пишет очерки, пользуясь повествованиями других заключенных и своими наблюдениями.

Писатель многократно возвращается к событиям, воспоминаниям, фактам, которые кажутся ему чем-то важными, используя их то в рассказах, то в очерках. Иногда он ведет рассказ в третьем лице, иногда в первом. Кроме того в книге выступают два alter ego писателя — Андреев и Крист и в одном рассказе — «Мой процесс» — героя зовут Шаламов.

Писатель постоянно меняет точку зрения, он анализирует события или поведение людей с разных сторон, но категорически отказывается психологизировать, анализировать «душу» своих героев. Как прожектором выхватывает он из темноты лагерной жизни событие, не стараясь его объяснить или даже понять. Ибо жизнь в лагере иррациональна. Это, по выражению заключенных, «страна чудес», где происходят вещи непонятные и необъяснимые для людей, живущих «наверху».

Криста внезапно вызывают к следователю. Он идет, не ожидая ничего хорошего, но оказывается, что следователю нужен человек с хорошим почерком для переписки бумаг. В течение долгих месяцев раз в неделю умирающий от голода Крист приходит к следователю и до полуночи переписывает какие-то списки фамилий. Ни разу следователь не дал заключенному куска хлеба, напирасы, не сказал ему слова, не связанного с работой. И однажды, диктуя очередной список, следователь вдруг спросил: Как вас зовут? И еще раз взглянув на папку с бумагами, которую он держал в руках, перелистав бумаги, он бросил их все в печку.

И лишь годы спустя, — заканчивается рассказ, —

⁹⁵ Мной использованы произведения В. Шаламова, распространенные в «самиздате». Некоторые из них были опубликованы в журналах «Новый журнал», «Грани», в книгах, вышедших на немецком и французском языках.

Крист понял, что следователь сжег его «дело». «Товарищей Криста расстреляли. Расстреляли и следователя. Поощаженный Крист вспоминает иногда свое горящее «дело», решительные пальцы следователя, рвущие бумаги, подарок одного обреченного другому обреченному».

Мы не знаем почему следователь решил подарить жизнь Кристу, мы не знаем даже эмоций Криста, ибо лишь многие годы спустя он понял значение жеста следователя.

Прожектор вырвал из тьмы факт — и погас. Но мы успели увидеть дно человеческого отчаяния.

Нередко писатель использует прием «остранения», показывает мир, привычный для героев книги, под каким бы именем они не выступали, «со стороны».

Серафим, бежавший от несчастной любви из Москвы на Колыму, работает — как вольнонаемный — целый год рядом с заключенными.

Но только когда его, забывшего паспорт, принимают за заключенного, сажают в камеру, он за 5 дней понимает то, чего не мог понять за год. — Как вы выносите эту жизнь? — спрашивает он заключенного. Внезапное открытие — рядом с ним — другой, нечеловеческой жизни приводит его к самоубийству.

В куче мусора герой рассказа «Детские рисунки» находит школьную тетрадку, а в ней рисунки ребенка. На страницах тетрадки ребенок запечатлел мир, который он видит вокруг себя: дома, колючую проволоку, вышки надзирателей, немецкие овчарки, часовые с автоматами. Ребенок, живущий на Колыме, рисует мир, который он знает.

Шаламов признает лишь одну прозаическую форму — короткий рассказ или очерк. Ничего лишнего. Но бывает, что он возвращается к описанному уже эпизоду, дополняя его в другом рассказе.

Женщина, которая в рассказе «Дождь», ободряет бригаду заключенных, нечеловечески уставших от работы, холода, дождя, идущего третий день, голода, ободряет, показав рукой на небо и словами: «Скоро, ребята, скоро», словами, означавшими, что скоро рабочий день кончится, запоминается автору на всю жизнь.

«Я думал о мудрости этой женщины... я думал о ее большом сердце...» Она исчезает из рассказа — сделав один жест и сказав одну фразу. Но мы встречаемся с ней снова в рассказе «Ночная смена»; бригада

заклученных обнаруживает на снегу труп этой женщины и рядом — ее убийцу — следователя.

В этой книге все связано, все переплетается. Книга Шаламова — это мир, в котором, широко открыв глаза, живет свидетель.

Постепенно, из десятков рассказов, складывается его характер и его биография.

Впервые арестованный в 1929 году Шаламов попадает в один из филиалов Соловков — Вишерский лагерь. Часть рассказов посвящена периоду рождения советской лагерной империи — началу 30-х годов. Отбыв пятилетнее заключение, освобожденный, он арестовывается в начале 1937 г. снова — как бывший заключенный и опять получает 5 лет и посылается на Колыму. В 1942 г., вместо освобождения ему продлевают заключение «до окончания войны», а в 1943 г. сочиняют новое «дело» — за утверждение, что Бунин — классик русской литературы — и осуждают на 10 лет «за контрреволюционную агитацию».

В книге Шаламова можно, таким образом, выделить три части: первую — преддверие Колымы — лагерь начала 30-х годов, вторую — первый колымский период, повествование о котором начинается рассказом «Причал ада», и третью — второй колымский период — с 1946 г., когда писателю удастся попасть на курсы фельдшеров и, закончив их, на работу в лагерную больницу. Эта часть начинается рассказами «Экзамен» и «Курсы».

Шаламов не пишет автобиографии. Его книга — это «отражение виденного в вогнутом зеркале подземного мира. Сюжет невообразим и все же реален, существует взаправду, живет рядом с нами».⁹⁶ Естественность чудовищности, примирение с чудовищностью, согласие на нее людей — вот, что показывает писатель, вернувшийся из подземного мира. Он говорит о себе:

«Я вроде тех окаменелостей,
Что появляются случайно,
Чтобы доставить миру в целости
Геологическую тайну».⁹⁷

⁹⁶ В. Шаламов — Боль.

⁹⁷ Варлам Шаламов — Дорога и судьба. Книга стихов. Советский писатель, М. 1967, стр. 46.

Шаламов раскрывает повседневность, обыденность, привычность лагерной жизни — с 1929 года до 1956 года, когда писателю, уже освобожденному, с большим трудом удастся, наконец, покинуть Колыму, — меняющейся лишь количественно: раньше — в начале 30-х — кормили чуть лучше, раньше били чуть меньше, но и первая и последняя ступень ада — это ад. Правда, спускаясь по этим ступеням, человек перестает быть человеком. На какой-то из ступеней — человек достигает дна.

Чтобы описать его Шаламов ищет язык простой, скупой, строит фразу короткую, используя часто блатные слова и образы, язык мира, в котором живет писатель.⁹⁸

Подчеркивая сжатость, лапидарность стиля, писатель дает своим рассказам короткие — обычно в одно или два слова — названия.

Несомненно, что образцом, стоявшим перед глазами Шаламова, был «Мертвый дом» Достоевского. Он несколько раз вспоминает книгу великого каторжника, удивляясь как сильно углубилось дно ада за неполные сто лет. По отношению к действительности ближе всего быть может к прозе Шаламова проза Бабеля. У Шаламова нет ни ошеломляющих метафор, ни живописных описаний, характерных для Бабеля. Есть зато — как у Бабеля — умение со спокойствием медика рассказать об ужасном, найти в страшном естественное.

При анализе прозы Шаламова необходимо помнить, что он не только прозаик, но и поэт,⁹⁹ стихи которого высоко ценил Пастернак.¹⁰⁰ В стихах Шаламов нередко используют те же сюжеты, что и в своей прозе, но в форме значительно более лаконичной и философски обобщенной.

Шаламов пишет о человеке в лагере, о человеке перед Страшным судом. У писателя нет иллюзий: «Лагерь был великой пробой нравственных сил человека,

⁹⁸ Надежда Мандельштам отмечает проникновение в русский язык тюремных ассоциаций, придающих словам новое значение. См. «Воспоминания», стр. 205.

⁹⁹ В 1961, 1964 и 1967 гг. Шаламов опубликовал в Москве сборники своих стихов. Его проза не печаталась никогда.

¹⁰⁰ В рассказе «За письмом» Шаламов рассказывает, как он уже освобожденный, проехал 1000 километров за письмом Пастернака.

обыкновенной человеческой морали, и девяносто девять процентов людей этой пробы не выдерживали».¹⁰¹ В те времена, когда над Британской империей не заходило солнце, кто-то из англичан сказал: К востоку от Суэцкого канала десять заповедей перестают быть действительными. Десять заповедей переставали быть действительными за воротами лагеря. Новая мораль — лагерная — требовала от человека отказа от человечности, отказа от самого себя. Иногда — это спасало. На Колыме, говорит Шаламов, те, кто выдерживал «великую пробу нравственных сил умирали вместе с теми, кто не выдерживал, стараясь быть лучше всех, тверже всех только для самих себя».¹⁰²

Причины физической и моральной смерти носили характер чисто материальный — голод и труд. Шаламов рассказывает о зиме 1937/38 года, когда волна массового террора прокатилась по колымским лагерям, унеся десятки тысяч жертв.

«Многие месяцы подряд, ночью и днем, на каждой вечерней и утренней поверке, офицер читал длинные списки расстрелянных. При температуре минус 50, музыканты, набранные из «бытовиков», давали фанфарный сигнал до и после прочтения каждого списка... Каждый список неизменно заканчивался словами: «Приговор приведен в исполнение. Начальник УС-ВИТЛ¹⁰³ полковник Гаранин».¹⁰⁴

Это был период «гаранинщины».

Но заключенные умирали десятками тысяч не только в этот период и об их смерти не всегда извещали фанфары. Несравненно чаще, чем пуля палача, убивали заключенных голод и труд. Рожденная на Соловках и испытанная на Беломорканале система взаимозависимости труда и питания достигла своего «совершенства» в период «ежовщины», став на Колыме орудием истребления заключенных.¹⁰⁵

¹⁰¹ Шаламов — Инженер Киселев.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Сокращение — Управление северо-восточных лагерей.

¹⁰⁴ В. Шаламов — Как все началось.

¹⁰⁵ А. Солженицын пишет, что «Колыме» повезло: там выжил Варлам Шаламов и уже написал много». Но рассказы В. Шаламова и мемуары некоторых других выживших узников стали появляться только во второй половине 50-х годов, а «свидетельство» о Колыме мир получил уже

Нет почти ни одного рассказа Шаламова, в котором не говорилось бы о еде. Голодали во всех советских лагерях, но редко где сочетание тяжелейшего труда, холода и недостатка пищи принимало такой убийственный характер, как на Колыме.

Достаточно сравнить «Один день Ивана Денисовича» и рассказ Шаламова «Хлеб», чтобы понять, что и

в середине 40 годов. В 1944 г. Колыму посетили вице-президент США Генри Уоллес и крупнейший знаток Дальнего Востока проф. Оуэн Латтимор. Каждый из них описал потом свою поездку. Проф. Латтимор в статье «Новый путь в Азию» (журнал «Нэйшенел джеографик», декабрь 1944) утверждал: «История повидимому не знает пионерской деятельности, которую по организованности и порядку можно было бы сравнить с открытием Дальнего Севера советской властью. Магадан — часть владений удивительного концерна — Дальстроя... Он строит и эксплуатирует порты, шоссе и железные дороги, золотые прииски, есть также в городе — первоклассный оркестр и хорошая оперетта». О генерал-лейтенанте НКВД Никишове, начальнике Дальстроя — самого страшного острова Архипелага, встречавшем гостей, американский профессор пишет: «Мистер Никишов только что удостоен звания Героя Советского Союза за свои исключительные достижения. Он и его жена хорошо знают и глубоко чувствуют искусство и музыку, обладая в тоже время глубочайшим сознанием гражданской ответственности... Было интересно найти на Колыме вместо разврата, джина и пьяных драк, типичных для золотой лихорадки старых времен, парники, в которых выращиваются помидоры, огурцы и даже дыни, позволяющие обеспечить выносливых горняков достаточным количеством витаминов».

Приятное впечатление от Колымы осталось и у вице-президента США. Он пишет в своей книге «Миссия в советскую Азию»: «Колымские золотоискатели — большие, здоровые молодые люди, прибывшие на Дальний Восток из европейской России... Можно сказать, что сегодня в северной Сибири городская жизнь в целом не уступает городам северозападных штатов и Аляски... По сравнению с шахтерами старой России у людей в комбинезонах на Колыме гораздо больше денег... Ни дух, ни смысл жизни в сегодняшней Сибири нельзя сравнить с жизнью в былые дни каторжной Сибири...»

А. Солженицын называет имя Никишова в списке «колымских лагерщиков-палачей, не знавших границ своей власти и избобратательной жестокости». В. Шаламов пишет о безумной жестокости не только самого Никишова, но и его супруги.

голод носит относительный характер. Иван Денисович случайно съедает обед без хлеба. Герой Шаламова никогда не ест свой суп, «баланду», с хлебом. Хлеб он съедает отдельно. «Не следовало торопиться, не следовало жевать, не следовало запивать водой — мы сосали хлеб, как сахар, как конфету».

Хлеб становится синонимом жизни. Но убивает не только полное отсутствие хлеба. Выполнение нормы, дающее право на полный паек, не спасало заключенного, ибо даже полный паек был недостаточен для восстановления сил, затраченных на работе по добыче золота в холодных шахтах, на рубке леса в сорокоградусный мороз.¹⁰⁶

Если нужно было бы назвать одну черту, отличающую книгу Шаламова от всех других книг, написанных советскими писателями о лагерях, то следовало бы назвать его отношение к лагерному труду.

Горький воспевал труд. Все советские писатели воспевают труд. На воротах всех советских лагерей красовались слова Сталина: «Труд есть дело чести, дело славы, дело доблести и геройства». И даже Солженицын в «Одном дне Ивана Денисовича» изображает «симфонию труда», показывает заключенных, в том числе и главного героя, увлекшихся человеческим делом — работой.

Для Солженицына — Иван Денисович, добросовестно, с увлечением работающий в лагере — символ человека не сдавшегося, сохранившего самое важное — любовь к работе, к творчеству.

Шаламов смотрит на это иначе. Когда он говорит о работе в лагере главное для него — не работа, а —

¹⁰⁶ В лагере, в котором находился Иван Денисович, освобождали от работы зимой, если температура падала ниже 30°, на Колыме должны были освобождать при температуре ниже 45°, но делали это не всегда. Следует помнить, что зима на Колыме продолжается не менее 8 месяцев.

А. Солженицын рассказывает, что после выхода «Одного дня Ивана Денисовича» «по мерке многих тяжких лагерей справедливо упрекнул меня Шаламов: «и что еще за больничный кот ходит там у вас? Почему его до сих пор не зарезали и не съели? ... И зачем Иван Денисович носит у вас ложку, когда известно, что все варимое в лагере, легко съедается жидким, через бортик?». А. Солженицын-Архипелаг ГУЛаг, т. 2, стр. 200.

лагерь. Работа в лагере — это рабский труд, недостойный человека.

Работа в лагере убивает. «Шестнадцать часов работы без отдыха, голод, порванная одежда, ночи в порванных палатках при температуре 60° ниже нуля, избиение охраной, уголовниками и конвойными»¹⁰⁷ — человек не может этого выдержать. Шаламов пишет, что достаточно 20—30 дней такой работы, чтобы превратить здорового молодого человека в «доходягу».

Работа в лагере — и это подчеркивает писатель — воспитывает «отвращение и ненависть к труду». В лагере не может быть «честного» труда. «К честному труду в лагере, — говорит один из героев Шаламова, — призывают подлецы и те, которые нас бьют, калечат, съедают нашу пищу и заставляют работать живые скелеты — до самой смерти».¹⁰⁸

Ненависть Шаламова к лагерному труду объясняется и тем, что лагерь убивает в человеке естественную для него любовь к труду — как убивает и все другие человеческие чувства, и тем, что писатель отвергал основу морали «концентрационного мира». В этом мире — со времен Соловков и «Беломорканала» господствовал принцип: морален тот, кто выполняет норму, и чем больше он ее перевыполняет, тем он моральнее.

«Мы поняли... удивительную вещь: в глазах государства и его представителей человек, физически сильный, лучше, именно лучше, нравственнее, ценнее человека слабого... Первый моральнее второго. Он выполняет «процент», т. е. исполняет свой главный долг перед государством и обществом, а потому всеми уважается».¹⁰⁹

Шаламов не хочет принять этой «нравственной» нормы и поэтому отказывается видеть в лагерной труде человеческий труд.

Показывая человека перед лицом смерти, писатель говорит о нём всю правду, если даже она противоречит общепринятым представлениям, нарушает установившиеся каноны. Шаламов опровергает миф о дружбе, выдерживающей самые тяжелые испытания.

¹⁰⁸ В. Шаламов — Татарский мулла и чистый воздух.

¹⁰⁸ В. Шаламов — Сухим пайком.

¹⁰⁹ В. Шаламов — Сухим пайком.

«Дружба не зарождается ни в нужде, ни в беде. Те «трудные» условия жизни, которые, как говорят нам сказки художественной литературы, являются обязательным условием возникновения дружбы, просто недостаточно трудны. Если беда и нужда сплотили, родили дружбу людей — значит, это нужда — не крайняя и беда — не большая».¹¹⁰

Писатель точно указывает, когда уходят «все человеческие чувства — любовь, дружба, зависть, человеколюбие, милосердие, жажда славы, честность»,¹¹¹ когда остается только — «недоверие, злоба и ложь».¹¹² В рассказе «Причал в аду» говорится, что уже через три недели по прибытии на Колыму заключенные навсегда отучиваются делить хлеб с товарищами.

Шаламов утверждает, что в настоящей нужде, в условиях, находящихся «по ту сторону добра и зла», человек остается один, наедине с самим собой. И в этих условиях он проходит последнюю проверку, испытывает свои физические и моральные силы.

Вывод оптимистичен: на самом дне ада человек может найти в себе силы, чтобы не сдаться. Герой книги Шаламова — под разными именами проходящий через все муки последнего круга ада — сохраняет человеческие чувства.

Писатель находит необычный символ для изображения этой борьбы человека за самого себя, борьбы в одиночку против всего лагерного мира. Мы встречаемся с этим символом во многих рассказах, иногда он лишь упоминается, иногда подробно описывается, иногда становится стержнем повествования. Символ — простой шарф, подаренный однажды заключенному в больнице. Едва он возвращается на работу — начинается охота за шарфом. Его хотят отобрать уголовники, бригадир, все кто чуть сильнее героя. Борьбе за шарф он отдает все свои силы. И всегда — во всех рассказах — шарф у него отбирают. Казалось бы напрасная борьба, лишаящая героя последних сил, приносящая ему лишь дополнительное горе и неприятности. Но в этой борьбе герой Шаламова утверждает свое достоинство, свое право быть человеком и свою способность им остаться.

¹¹⁰ В. Шаламов — Сухим пайком.

¹¹¹ Там же.

¹¹² В. Шаламов — Одиночный замер.

Голод и лагерный труд убивали человека: если он сохранял физическую жизнь — они лишали его человеческих чувств. Но сила человеческого тела удивительна. «Человек выносливее любого животного. Часто кажется, — пишет Шаламов, — да так, наверное, и есть, что человек потому и поднялся из звериного царства, что он физически выносливее любого животного». ¹¹³

В одном из лучших рассказов книги, в «Сентенции», Шаламов с беспристрастностью медика и с честностью подлинного писателя рассказывает о смерти и воскрешении человека. Умиравший, почти мертвый от голода герой рассказа оказывается в тайге, в бригаде топографов, на очень легкой работе.

Сбросив с себя непомерную тяжесть лагерного труда, герой рассказа впервые осознает, что он умирает и, анализируя свои чувства, приходит к выводу, что из всех человеческих чувств у него осталось одно — злость. «Не равнодушие, а злость была последним человеческим чувством, — тем, которое ближе к костям». ¹¹⁴

Само освобождение от работы, даже без дополнительной еды: вся еда — кусок хлеба, ягоды, корни, трава — производит чудо. К человеку начинают возвращаться чувства: приходит равнодушие — бесстрашие. Ему все равно — будут его бить или нет, дадут ли хлеб или нет. А затем является страх. Теперь ему страшно лишиться этой спасительной работы, высокого холодного неба и боли в мышцах, которой давно уже не было. Потом приходит зависть. «Я позавидовал мертвым своим товарищам... Я позавидовал и живым соседям, которые что-то жуют, соседям, которые что-то закуривают... Любовь не вернулась ко мне... Как мало нужна людям любовь. Любовь приходит тогда, когда все человеческие чувства уже вернулись». ¹¹⁵

До любви к людям — возвращается любовь к животным. В книге Шаламова мы находим страницы, посвященные животным, которые принадлежат к лучшим в русской литературе на эту тему. Мучения жи-

¹¹³ В. Шаламов — Заклинатель змей.

¹¹⁴ В. Шаламов — Сентенция. Рассказ посвящен Надежде Мандельштам.

¹¹⁵ В. Шаламов — Сентенция.

вотных в аду для людей подчеркивают низость падения человека.

И когда к человеку возвращаются первые, самые примитивные, самые «близкие к костям» чувства — происходит чудо — воскресает поэт. Внезапно в мозгу, казалось давно уже умершем, вспыхивает слово, значения которого не помнит ни герой, ни его товарищи. Возвращается слово — сентенция.

«Неделю я не понимал, что значит слово «сентенция»... Прошло много дней, пока я научился вызывать из глубины мозга все новые и новые слова... Мысли и слова не возвращались потоком. Каждое возвращалось поодиночке, без конвоя других знакомых слов и возникало раньше на языке, а потом — в мозгу».¹¹⁶

Произошло воскрешение человека, воскрешение поэта. Слово приносит жизнь. Но перерыв кончился и надо было снова возвращаться в шахту — на смерть.

Память приходит последней, но память делает жизнь невыносимой, ибо память вырывает человека из ада, в котором он живет, напоминая, что существует и другой мир. Писатель хочет сохранить память и боится этого, ибо он видел то, «что человеку не надо видеть и даже не надо знать».¹¹⁷

Героев Шаламова ждет только смерть. «Специальная инструкция гласит: уничтожить, не позволить остаться в живых».¹¹⁸

Как вы можете жить? — спрашивает Серафим, случайно, на несколько дней, попавший в шкуру заключенного. Почему люди продолжают жить в нечеловечески условиях? — спрашивает Шаламов. И, приводя несколько случаев самоубийства, задает вопрос: почему все не лишают себя добровольно жизни?

Писатель дает на этот вопрос два ответа. Одних, очень немногих, поддерживает вера в Бога. С глубокой симпатией, но и с некоторым недоумением перед явлением ему непонятным, необъяснимым, рассказывает он о заключенном-священнике, который молится в лесу,¹¹⁹ о другом священнике, которого — в виде редчайшего исключения — позвали исповедать умира-

116 В. Шаламов — Сентенция.

117 В. Шаламов — Эпитафия.

118 В. Шаламов — Лида.

119 В. Шаламов — День отдыха.

ющую,¹²⁰ о немецком пасторе, теряющем в лагере память и теряющем дочь, отрекающуюся от отца.¹²¹

Истинная вера, облегчающая страдания и позволяющая жить в лагере — явление не частое.

Большинство заключенных продолжает жить, ибо надеется. Надежда поддерживает еле теплящийся огонек жизни у колымских узников. Шаламов видит в надежде зло, ибо очень часто смерть лучше жизни в аду. «Надежда для арестанта всегда кандалы. Надежда всегда несвобода. Человек надеющийся на что-то меняет свое поведение, чаще кривит душой, чем человек, не имеющий надежды».¹²² Поддерживая волю к жизни, надежда обезоруживает человека, лишает возможности умереть достойно. Перед лицом неминуемой смерти надежда становится союзницей палачей. Переживший Освенцим Тадеуш Боровский совершенно согласен с пережившим Колыму Варламом Шаламовым. «Никогда в истории человечества, — писал Боровский, — надежда не была такой сильной, но никогда она не причинила столько зла, сколько в этой войне, в этом лагере. Нас не научили отказываться от надежды и поэтому мы погибаем в газовых крематориях».¹²³

Отвергая надежду, Шаламов противопоставляет ей волю к свободе. Неукротимую любовь не к абстрактной свободе, а к индивидуальной свободе человека. Этой теме посвящен, если не самый лучший, то безусловно самый важный рассказ книги. Точнее — два рассказа. Придавая этой теме — редчайшей в советской литературе — особое значение, Шаламов возвращается к ней дважды. В большом очерке «Зеленый прокурор», рисуя быт каторги, писатель, рассказывая о побегах с Колымы, задерживается на побеге группы заключенных под руководством подполковника Ивановского. Затем Шаламов пишет на эту же тему рассказ «Последний бой майора Пугачева».

Сравнение двух текстов позволяет сделать вывод, что писатель стремился, сохранив все детали побега, вывести рассказ за рамки частного случая, превратить его в обобщение, в символ бессмертия свободы.

¹²⁰ В. Шаламов — Тетя Поля.

¹²¹ В. Шаламов — Апостол Павел

¹²² В. Шаламов — Житие инженера Кунеева.

¹²³ Tadeusz Borowski — U nas w Auschwitzu „Wybór opowiadań” стр. 134.

В «Зеленом прокуроре» подполковник Ивановский — советский офицер, попавший во время войны в плен, а затем вступивший в армию Власова. В рассказе — майор Пугачов бежит из немецкого плена, но, попав к своим, арестовывается и отправляется на Колыму. Шаламов дает герою рассказа символическое имя — Пугачова, вождя крестьянской войны, потрясшей Россию XVIII века.

В «Последнем бое майора Пугачова» писатель не только рассказывает историю людей, решивших, что для них есть лишь одна альтернатива: быть свободными или умереть с оружием в руках. Он подчеркивает принципиальное различие между новыми, послевоенными заключенными и прежними, жертвами арестов 30-х годов.

Шаламов дает краткий, но исчерпывающий ответ на вопрос о характере «ежовщины». «Аресты тридцатых годов были арестами людей случайных... У профессоров, партработников, военных, инженеров, крестьян, рабочих, наполнивших тюрьмы того времени до предела, не было за душой ничего положительного, кроме, может быть, личной порядочности... Отсутствие единой объединяющей идеи ослабляло моральную стойкость арестантов чрезвычайно. Они не были ни врагами власти, ни государственными преступниками, и, умирая, они так и не поняли, почему им надо было умереть. Их самолюбию, их злобе не на что было опереться. И, разобщенные, они умирали в белой колымской пустыне — от голода, холода, многочасовой работы, побоев и болезней. Они сразу выучились не заступаться друг за друга, не поддерживать друг друга. К этому и стремилось начальство. Души оставшихся в живых подверглись полному растлению, а тела их не обладали нужными для физической работы качествами».¹²⁴

«Ежовщина» удалась, могла удасться лишь потому, что террор был направлен против невинных. Но именно эта невинность заключенных мешала им видеть в палачах палачей, мешала им объединиться, мешала им помогать друг другу.

Заключенные послевоенных лет были иными. В «Зеленом прокуроре» о них говорится: «Власти, знавшие до сих пор лишь спокойных троцкистов, не подо-

¹²⁴ В. Шаламов — Последний бой майора Пугачова.

зревали, что это были люди действия». В «Последнем бое майора Пугачова» писатель выражается еще более четко: «Администрация лагерная, привыкшая к ангельскому терпению и рабской покорности «троцкистов», нимало не беспокоилась и не ждала ничего нового».

Самым большим изменениям — по сравнению с очерком — подвергся конец рассказа. В очерке мы узнаем, что все участники побега были убиты и лишь один — Ивановский — не был никогда найден. Писатель выражает предположение, что он очевидно покончил самоубийством, забравшись в какую-нибудь пещеру.¹²⁵ В рассказе мы присутствуем при последних минутах жизни майора Пугачова. Отбиваясь от врагов, он укрывается в пещере и вспоминает жизнь, вспоминает всех людей, с которыми его сводила судьба, всех кого он любил и уважал.

«Но лучше всех, достойнее всех были его одинацать умерших товарищей. Никто из тех, других людей его жизни не перенес так много разочарований, обмана, лжи. И в этом северном аду они нашли в себе силы поверить в него, Пугачова, и протянуть руки к свободе. И в бою умереть».¹²⁶

Свободным умирает и Пугачов. Он «вложил в рот дуло пистолета и последний раз в жизни выстрелил».¹²⁷ Рассказ заканчивается не смертью, а — выстрелом.

Важное место в мире Шаламова — и в его книге — занимают уголовники, «блатные». Во всех книгах, посвященных лагерям, появляются уголовники. Шаламов пытается осмыслить проблему, проникнуть в психологию «блатных».

Прошло время, когда советские писатели во главе с Горьким видели в уголовниках бунтарей, восставших против капиталистического общества, романтиков, отвергавших серую, мещанскую жизнь. Попав в лагерь и встретившись не с литературными, а с живыми профессиональными преступниками, писатели пересматривают свои взгляды. Уголовники, которым покровительствует начальство, становятся, наряду с непосиль-

¹²⁵ В. Шаламов — Зеленый прокурор.

¹²⁶ В. Шаламов — Последний бой майора Пугачова.

¹²⁷ Там же.

ным трудом и голодом, главной причиной гибели заключенных.

В целой серии рассказов — «На представку», «Заклинатель змей», «Боль» — Шаламов показывает блатных — людей, потерявших все человеческое — грабящими, убивающими, насилующими так же спокойно и естественно, как другие люди спят и едят. Писатель настаивает на том, что уголовникам чужды все чувства.¹²⁸ Создается впечатление, что он задал себе целью опровергнуть — фактами — привычные в советской литературе представления.

«Лагерь» — это дно жизни, — пишет Шаламов. — «Преступный мир» это не дно дна. Это совсем, совсем другое, нечеловеческое».¹²⁹

Ненавидя уголовников, не находя для них ни одного слова снисхождения, писатель показывает одновременно одну особенность воровского мира. Это — единственная организованная сила в лагерях.¹³⁰ Их организованность, их сплоченность выглядят особенно внушительно на фоне полной разобщенности всех других заключенных. Связанные строгим «законом», блатные чувствуют себя в тюрьме и лагере — дома, чувствуют себя хозяевами. Не только их беспощадность, их звериная жестокость но и их сплоченность дает им силу. Этой силы побаивается и начальство.¹³¹

¹²⁸ «Женщина блатного мира», «Сергей Есенин и воровской мир».

¹²⁹ В. Шаламов — Боль.

¹³⁰ После войны, когда в числе заключенных оказались бывшие военнопленные, украинские и прибалтийские партизаны, воевавшие против Советской армии, в лагерях появились подпольные организации, руководившие летом 1953 г. забастовками в лагерях, потрясшими Архипелаг ГУЛаг. См. Joseph Scholmer — *La grève de Vorkouta*, Amiot, Dumont, Paris, 1954. Д. Панин — Записки Сологодина, «Посев», 1973.

¹³¹ После войны МВД провело операцию по расколу воровского мира, желая его ослабить. По воровскому «закону» полноправным членом «ордена» мог быть только человек никогда не работавший, живший только за счет преступлений. Во время войны значительное количество преступников было призвано в армию. После войны многие из них вернулись к своей «профессии». И тогда возник тонкий юридический вопрос: можно ли считать службу в армии работой? Можно ли считать «вора» настоящим «вором», если он служил государству? Блюстители воровского «закона» решили, что каждый, кто служил в армии исклю-

Уголовники и начальство — это две силы, нашедшие свое место в лагерном мире. Они здесь дома. Начальство — такое же жестокое, беспощадное, безжалостное и такое же растленное — как и уголовники. Шаламов показывает вереницу уголовников — убивающих за свитер, убивающих для того, чтобы не ехать в лагерь, но остаться в тюрьме, и т. д. И рядом такую же галлерею начальников различных уровней — от полковника Гаранина, подписывающего списки расстрелянных, до садиста инженера Киселева, собственноручно ломающего кости заключенным.

Лагерный мир, лагерная цивилизация не могут существовать без палачей, но они не могут существовать и без согласия жертв. Поэтому так мало «справедливых» в мире Шаламова. Каждый заключенный в какой-то степени виноват в своих мучениях, тем хотя бы, что он на них соглашается. В этом главный вывод писателя, мораль, которую он вынес из ада.

Главный хирург центральной лагерной больницы принял 5 декабря 1947 г. пароход «Ким», привезший 3 тысячи заключенных на Колыму. В море заключенные взбунтовались и капитан залил трюмы, в которых они находились, водой. При температуре минус 40° трюмы превратились в склад замороженного мяса. Главный хирург побывал на фронте, но никогда ничего подобного не видел. Через 17 лет после этого случая, хирург, обладавший великолепной памятью, помнил все, что он пережил в лагерной больнице. Он не помнил лишь имени парохода, привезшего замерзших заключенных.

«Через семнадцать лет после распятия, — заключает Шаламов, — Понтий Пилат забыл имя Христа».¹³²

Шаламов не повинен в «Пилатовом грехе». Он все помнит и, что значительно важнее, все говорит.

чается из «ордена». Возникли две группы «блатных» — чистых и не совсем чистых. МВД привлекает особыми льготами вторую группу на свою сторону. «Нечистые», получившие кличку «суки» соглашаются занять в лагерях руководящие должности — бригадиров, десятников. Начинается беспощадная резня между «суками» и «ворами», которой способствует МВД, перевоза группы убийц из лагеря в лагерь. Упоминания об этой войне мы находим у Шаламова и Солженицына.

¹³² В. Шаламов — Прокуратор Иудеи.

Он говорит все о низости людей, о глубине их падения, об их ничтожестве. Мир Шаламова — это трагический мир людей, лишенных духовной силы, у которых украли не только все материальные ценности, но и все во что они верили, все, что они считали духовной основой своего существования.

Герои Шаламова — это не только голые люди на голой земле, это люди без души, Лучшие из них, самые сильные ошупью, с величайшим трудом пытаются построить себе новые духовные ценности, найти новую опору в жизни.

Сам писатель находит новые силы в природе и в поэзии. Через всю книгу проходит — как символ могущества природы и негибкости человеческого духа — образ стланника, северного дерева, которое в предчувствии снега ложится на землю, а едва лишь пригреет слабое полярное солнце поднимается из под снега.

Писатель называет его «деревом надежд».¹³³ Но это и символ поэзии, которая первой возвещает приближающуюся весну, которая воспевае надежду.

Талантливое литературное произведение — книга Шаламова¹³⁴ представляет собой одновременно один из важнейших документов концентрационного мира. Значение книги лаконично и полно выразил Солженицын: «Лагерный опыт Шаламова был горше и дольше моего, и я с уважением признаю, что именно ему, а не мне досталось коснуться того дна озверения и отчаяния, к которому тянул нас весь лагерный быт».

5. «Архипелаг ГУЛаг»

«Один день Ивана Денисовича» ввел в литературу Солженицына, снял табу с запретной ранее темы. Но для самого писателя повесть, принесшая ему литературную славу, не была его первым произведением о

¹³³ В. Шаламов — Стланник. Под этим же заголовком Шаламов пишет стихотворение, опубликованное в сборнике «Дорога и судьба», стр. 31.

¹³⁴ Книге не может, конечно, повредить отречение от нее писателя, заявившего в 1972 г. в печати, что «проблематика «Колымских рассказов» давно снята жизнью» «Литературная газета», 23. II. 1972.

лагерях. «Один день Ивана Денисовича» был написан после пьесы «Олень и шалашовка» и романа «В круге первом». («Раковый корпус» — полон лагерных реминисценций, но его действие развивается уже по эту сторону проволочных заграждений).

Писатель ищет подход к теме, формы наиболее пригодные для рассказа о человеке в заключении, о человеке, лишенном свободы, о мире, в котором «девятью девять плачут, а один смеется», о «незримой стране — ГУЛаг, которой нет в географиях, психологиях и историях». ¹³⁵

Первый опыт — пьеса «Олень и шалашовка» — это прямая реплика на комедию о концлагере — «Аристократы» Погодина. ¹³⁶ Обе начинаются прибытием нового этапа. Если у Погодина — первые слова пьесы: «Веселей, веселей», то у Солженицына занавес открывается под звуки веселой песни: «Нам песня строить и жить помогает». Одного из персонажей пьесы Солженицына зовут Костя, как и главного героя погодинской комедии. Пародируя Погодина, Солженицын вкладывает в уста одного из самых отвратительных героев своей пьесы — доктора Мерещуна — слова, произносимые любимым героем Погодина — Чекистом, — о «душе заключенных». «Надо душу лагерника понимать, — говорит Мерещун. — За пятьсот грамм черного хлеба Беломорканал построен». ¹³⁷

Трудно более едко разоблачить лицемерие авторов официальных книг о литературе, твердивших о «душе», но имевших в виду 500 граммов черного хлеба, которыми покупался «энтузиазм» голодающих заключенных.

Проблема труда заключенных в лагере, рабского труда — одна из важнейших в творчестве писателя. ¹³⁸

В первом же из своих «лагерных» произведений — в пьесе — ставит он эту проблему, вынося в заголовок слово «олень», обозначая им своего главного героя, в биографии которого немало авторских черт. На лагер-

¹³⁵ Олень и шалашовка. «Грани», № 73, 1969, стр. 29.

¹³⁶ Эту догадку подтверждает, мне думается, уничтожающая оценка, данная «Аристократам» в «Архипелаге ГУЛаг» (см. том 2, стр. 431—432).

¹³⁷ А. Солженицын — Олень и шалашовка, стр. 51.

¹³⁸ Похвалу труду — без оговорок — напишет Солженицын лишь в романе «Август четырнадцатого».

ном языке «олень» означает человека безропотно, безотказно работающего по приказу начальства. Как «олень» трудится, «упирается рогами» Родион Немов, не понимающий — на первых порах — разницы между трудом раба и трудом свободного человека, казалось бы завороченный десятками лозунгов, украшающих стены бараков лагеря: «Труд облагораживает человека», «Труд из зазорного бремени, каким он был при капитализме, стал делом чести, делом славы, делом доблести и геройства» и т. д. (В авторской ремарке, писатель подробно перечисляет все эти лозунги, которыми — по его настоянию — необходимо украсить сцену).

В гигантской панораме советского общества, данного в разрезе — снизу до самого верха — в романе «В круге первом» — все герои показаны прежде всего в их отношении к труду — от Спиридона до Сталина.

Солженицын понимает, что человеку трудно перестать работать, трудно работать плохо — если это настоящий человек. Нержин, строивший дом для своих тюремщиков, беспокоится хорошо ли настланы там полы.¹³⁹ Рубин, поглощенный работой, увлеченный «инерцией работы»,¹⁴⁰ дает НКВД материал, необходимый для ареста двух «подозреваемых», утешая себя тем, что их посадили бы и без него, но зато от трех «подозреваемых» он «пожалуй, удар и отвел». Такое диалектическое оправдание сотрудничества с НКВД психологически понятно у Рубина, считающего, что и в лагере он служит «стране своей, ее передовой идее, ее знамени».¹⁴¹ Соглашается сотрудничать с НКВД — передавая свой проект необходимого «органам» аппарата — и Сологдин, идейный противник Рубина, человек великолепно понимающий подлинную сущность «передовой идеи». Сологдин также увлечен работой, инженерским делом, но потом продает свой труд за возможность освобождения.

Солженицын возвращается к теме лагерного труда в повести «Один день Ивана Денисовича».

Весь этот, описанный в повести, день состоит из минут ожидания работы, целого дня работы, и свободных минут после работы. Центральный эпизод —

¹³⁹ А. Солженицын — В круге первом, стр. 29.

¹⁴⁰ Там же, стр. 585.

¹⁴¹ Там же, стр. 233.

сцена увлеченной кладки стены, настоящая «симфония труда».

Иван Денисович, казалось бы, прекрасно понимает, что в лагере работать не за чем. «Кажется чего бы зэку десять лет в лагере горбить. Не хочу, мол, да и только».¹⁴² Но Иван Денисович работает. Он объясняет необходимость работы в лагере системой, придуманной тюремщиками: бригадой. «Бригада — это такое устройство, чтоб не начальство зэков понукало, а зэки друг друга».¹⁴³

Солженицын, однако, показывает, что это не совсем так. Ибо в сцене кладки стены Иван Денисович просто увлекается работой, увлекается до того, что работает даже дольше положенного времени. Все знает Иван Денисович, знает, что работа, которую он делает, это работа для лагеря, что его работа приносит премии начальству, в том числе и «Волковому, за его плетку».¹⁴⁴ Но плохо работать не может.

Образованный марксист Рубин сознательно помогает тюремщикам арестовывать людей, малограмотный Шухов сознательно работает для того, чтобы получал премии садист Волковой, избивающий плеткой заключенных.

«Архипелаг ГУЛаг», создававшийся на протяжении десяти лет — 1958—1968 — вобрал в себя все темы всех книг, написанных в это время Солженицыным. Гигантская фреска, представляющая лагерную империю, «Архипелаг ГУЛаг», стал энциклопедией советского общества, советского концентрационного мира: лагерной и прилагерной России.

Труд в лагере — его смысл и бессмысленность для заключенных, цель его использования создателями лагерной системы — важнейшая сюжетная тема «Архипелага ГУЛаг». Озаглавив третью часть книги безжалостно-горьким каламбуром: «Истребительно-трудо-вые», Солженицын сразу же определил «сверхзадачу» лагерей: истреблять через непосильный труд. Он сравнивает труд советских заключенных с трудом строителей египетских пирамид — и находит, что рабам в Египте было легче: «ведь пирамиды строились с при-

¹⁴² А. Солженицын — Один день Ивана Денисовича, стр. 52.

¹⁴³ Там же, стр. 53.

¹⁴⁴ Там же, стр. 54.

влечением современной им техники! А у нас была техника — на сорок веков назад!»¹⁴⁵ Сравнивает с трудом русских крепостных крестьян. И находит, что хотя имеются сходство, различий больше. «Но вот удивительно: все различия к выгоде крепостного права, все различия — к невыгоде Архипелага ГУЛага».¹⁴⁶ Сравнивает, наконец, писателя царскую каторгу и советские «истребительно-трудовые». И тоже все различия — к невыгоде Архипелага. «На Акатуйской лютой каторге рабочие уроки были легко выполнимы для всех... Их летний рабочий день составлял с ходьбою вместе — 8 часов, с октября — семь, а зимой — только шесть...»¹⁴⁷

Вечный конфликт между рабом, не желающим работать, и надсмотрщиком, цель которого выжать из раба все силы, в советских лагерях приобретает особый характер. Право на получение пайка дает только выполнение нормы, перевыполнение нормы позволяет получить т. н. повышенный паек. Но этот повышенный паек ни в коем случае не восстанавливает сил, израсходованных на перевыполнение нормы. Встает страшный вопрос: лучше ли умереть, получая повышенный паек, или оставаясь на «нормальном»? Солженицын пишет: «Как крепостные когда-то усвоили: «хоть хвойку глодать, да пеня не ломать», так и зэки поняли: в лагере не маленькая пайка губит, а большая. Ленивые! тупые! бесчувственные полуживотные! они не хотят этого дополнительного! они не хотят кусочка этого питательного хлеба, смешанного с картошкой, викой и водой! они уже и досрочки не хотят! они и на доску почета не хотят! они не хотят подняться до интересов стройки и страны, не хотят выполнять пятилеток, хотя пятилетки в интересах трудящихся!... только бы не работать».¹⁴⁸ Для писателя очевидна разумность этого естественного для человека желания уклониться от убивающей его работы. В подтверждение Солженицын приводит и наблюдения Шаламова: в лагере арестант «на труд своих рук полагаться не может, не смеет: это — могила. «В лагере губит не маленькая пайка, а большая».¹⁴⁹ Пословица эта верна,

¹⁴⁵ А. Солженицын — Архипелаг ГУЛаг, т. 2, стр. 91.

¹⁴⁶ Там же, стр. 150.

¹⁴⁷ Там же, стр. 197.

¹⁴⁸ Там же, стр. 154—155.

¹⁴⁹ Там же, стр. 214.

еще раз повторяет автор «Архипелага»: «большая пайка губит. Самый крепкий работяга за сезон выкатки леса доходит вчистую. Тогда ему дают временную инвалидность: 400 грамм хлеба и самый последний котел. За зиму большая часть их умирает (ну, например 725 из восьмисот). Остальные переходят на «легкий физический» и умирают уже на нем».¹⁵⁰

Опровергая самого себя, Александр Солженицын взял в герои «Одного дня Ивана Денисовича» — заключенного работающего не за страх, а за совесть. Противоречие это, однако, только кажущееся.

Неожиданность первого опубликованного произведения Солженицына, необычность «Одного дня Ивана Денисовича» в советской литературе была связана не только с темой и не только даже — с несомненно совершенно новым — подходом к теме, но прежде всего с героем. Характерная черта советской литературы — ее антидемократичность. В книгах о войне — герой — офицер, в книгах о строительстве — инженер, в книгах о колхозах — секретарь райкома или, на худой конец, председатель колхоза. И даже в книгах о лагерях — главным герой, как правило — как это было и у самого Солженицына в его двух первых произведениях — интеллигент. Антидемократичность заложена в самом принципе советской литературы, требующей «положительного героя», дающего пример читателю. Совершенно очевидно, что если герой сам не преуспел, не добился видимых знаков своего успеха — орденов, положений в обществе — он не может ничему читателя научить.

Иван Денисович — герой уникальный, но для времени, о котором рассказывает писатель — герой типичный. Мало того, что он простой мужик, рядовой колхозник, он еще простой солдат, осужденный за то, что по вине своих командиров на два дня попал в плен к немцам. Это тот «типический герой в типических обстоятельствах», которого Энгельс считал необходимым условием реалистической литературы.

Сам писатель так объясняет свой выбор: «Выбирая героя лагерной повести, я взял работягу, не мог не взять никого другого, ибо только ему видны истинные соотношения лагеря (как только солдат пехоты может взвесить всю гирю войны, — но почему-то мемуары

¹⁵⁰ Там же, стр. 214.

пишет не он)». ¹⁵¹ Солженицын отнюдь не идеализирует своего героя. Трудно не видеть наметки образа Шухова в рассуждениях Нержина: «Они (мужики) не стойче его переносили голод и жажду. Не тверже духом были перед каменной стеной десятилетнего срока... Зато были они слепей и доверчивей к стукачам. Были падче на грубые обманы начальства... А еще они были много жадней к мелким благам: «дополнительной» прокислой стограммовой пшенной бабке, уродливым брюкам, лишь бы чуть поновей и попестрей. В большинстве им не хватало той точки зрения, которая становится дороже самой жизни». ¹⁵² Но Солженицын берет в герои именно Шухова — и потому, что он представляет собой ту «Россию безъязыкую», рассказать о которой считает своим долгом писатель, и потому, что именно Шуховы несли на своих плечах главную тяжесть всех лагерных работ, потому, что им было тяжелей, чем интеллигентам, чаще становившихся «придурками». Писателю кажутся бесстыдно несправедливыми упреки в адрес Ивана Денисовича, работавшего в лагере в охотку. Солженицын не отрицает, что труд Шухова — рабский, он лишь замечает: «я не понимаю-чем... интеллигентный рабский труд (труд придурков. М. Г.) чище и благороднее рабского физического?» ¹⁵³ Тем более — и это особенно подчеркивает Солженицын — у Ивана Денисовича (у Иванов Денисовичей) нет никакого другого выхода: «если фельдшером его не возьмут, санитаром тоже, даже освобождения липового ему на один день не дадут? Если у него недостаток грамоты и избыток совести, чтоб устроиться придурком в зоне?» ¹⁵⁴

Лагерь следовательно — это модель советского общества, в котором «младшему брату разрешается владеть рабский труд». ¹⁵⁵

Писатель объясняет увлеченность Ивана Денисовича своей работой — природой человека, которая «такова...», что иногда даже горькая проклятая работа делается им с каким-то непонятным лихим азартом». ¹⁵⁶

¹⁵¹ А. Солженицын — Архипелаг ГУЛаг, т. 2, стр. 250.

¹⁵² А. Солженицын — В круге первом, стр. 450.

¹⁵³ А. Солженицын — Архипелаг ГУЛаг, т. 2, стр. 254.

¹⁵⁴ Там же, стр. 214.

¹⁵⁵ Там же, т. 2, стр. 252.

¹⁵⁶ Там же, стр. 253.

Но, конечно, не на эту странную человеческую черту, заставляющую увлекаться даже рабским трудом, рассчитывали создатели лагерей. Лагерная система принудительного труда покоилась на использовании голода, как главного стимула. Не исключено, однако, что нашлись бы заключенные, которые выбрали бы голодную смерть, предпочтя ее рабскому труду, также несущему смерть. Но возможность выбора у зэка была отнята, система кормления «по труду» была дополнена — бригадой. «Придумана была — бригада. Да и как бы нам не додуматься? У нас и народники в социализм идти хотели через общину, и марксисты через коллектив. Как и поныне наши газеты пишут? — «Главное для человека — это труд и обязательно труд в коллективе»!¹⁵⁷ Норма выработки дается уже не на одного человека, а на всю бригаду, в зависимости от выполнения нормы лагерь кормит не отдельного зэка, а всех членов бригады: бригада становится тем двигателем, который вынудит всех отдавать рабовладельцам последние силы.

«О, без бригады еще пережить лагерь можно! Без бригады ты — личность, ты сам избираешь линию поведения. Без бригады ты можешь хоть умереть гордо — в бригаде и умереть тебе дадут только подло, только на брюхе».¹⁵⁸

Норма — заменила все моральные критерии. Лагерная бригада — стала синонимом коллектива, базы социалистического общества.

«Темпы», о которых Сталин заявил, что они «решают все», «срочность задания» — заменили понятия рентабельности, рационального использования рабочей силы, экономического смысла.

Строят дорогу узники Соловецкого лагеря: «11 километров за один зимний месяц... Задание казалось невыполнимым. 300.000 кубов земляных работ — должны были быть выполнены исключительно ручной силой — киркой, ломом и лопатой».¹⁵⁹ Цитируя эти строки из официального журнала «Соловецкие лагеря», Солженицын спрашивает: а почему за месяц? Почему до лета нельзя было отложить? Он напоминает: строительство шло за Полярным кругом, в веч-

¹⁵⁷ Там же, стр. 155.

¹⁵⁸ А. Солженицын — Архипелаг Гулаг, т. 2, стр. 116.

¹⁵⁹ Там же, стр. 55.

ной мерзлоте, в земле, ставшей гранитом. Но — таково было задание! «Срочной стройкой объявлен был и Беломорканал. «Канал должен быть построен в короткий срок и стоит дешево», — приказал Сталин, давший на все строительство — 20 месяцев. «Потому что, — объясняет Солженицын, — ничего не срочного в те годы в нашей стране не делалось. Если бы она (стройка) была не срочной — никто бы не поверил в ее жизненную важность — а даже заключенные, умирая под опрокинутой тачкой, должны были верить в эту важность».¹⁶⁰

Срочность, спешка, темпы, лихорадочная гонка, «время вперед» — не позволяют оглянуться, разобратся в происходящем, оправдывают происходящее, становятся важным психологическим средством принуждения, действующим наряду с физическими средствами принуждения. Психология спешки, гонки становится фундаментом мировоззрения, философии, выражаемой словами: «важен результат». Солженицын пишет: «Это — заразная мысль... Представление о том, что важен только материальный результат, настолько у нас въелось, что когда, например, объявляют какого-нибудь Тухачевского, Ягоду или Зиновьева — изменниками, снюхавшимися с врагом, то народ только ахает и многоустно удивляется: «чего ему не хватало?! Поскольку у него было жратвы от пуза и двадцать костюмов, и две дачи, и автомобиль, и самолет, и известность — чего ему не хватало?! Миллионам наших соотечественников невместимо представить, чтобы человеком... могло двигать что-нибудь кроме корысти!»¹⁶¹

Писатель прослеживает корни этого мировоззрения. Откуда оно к нам пришло? — спрашивает он. И отвечает: «Сперва — от славы наших знамен и так называемой «чести нашей родины». Мы душили, секли и резали всех наших соседей, расширялись — и в отечестве утвердилось: важен результат». Потом — перечисляет Солженицын далее — от наших первых капиталистов, от русских купцов. «А потом — от всех видов социалистов, и больше всего — от новейшего непогрешимого нетерпеливого Учения, которое все

¹⁶⁰ Там же, стр. 85—86.

¹⁶¹ Там же, стр. 595—596.

только из этого и состоит: важен результат! Важно сколотить боевую партию! захватить власть! удержать власть! устранить противников! победить в чугуне и стали! запустить ракеты!»¹⁶²

Редкие, наиболее прозорливые из советских писателей отметили в конце 20-х годов факт утверждения идеологии «пользы», «результата во что бы то ни стало». Герой «Зависти» Юрия Олеши не только провозглашает очевидное для него преимущество колбасы над душой, но, услышав возражения, немедленно произносит «волшебное слово»: в ГПУ.¹⁶³ Герой романа Вениамина Каверина «Художник неизвестен» высказывается с обезоруживающей прямоотой: «Мораль? У меня нет времени, чтобы задуматься над этим словом. Я занят. Я строю социализм. Но, если бы мне пришлось выбирать между моралью и штанами, я бы выбрал штаны».¹⁶⁴ А четверть века спустя после этого заявления руководитель нового типа — герой романа Владимира Дудинцева «Не хлебом единым» — не только повторит слова своих предшественников: «Мы бежим наперегонки с капиталистическим миром. Сперва надо построить дом, а потом уже вешать картиночки».¹⁶⁵ Он получил уже — в 4 главе «Краткого курса истории ВКП(б)» — философское обоснование этой теории и практики: «У того, кто работает на материальный базис, крайностей не может быть. Потому что материя первична. Чем лучше я его укрепляю, базис, тем прочнее наше государство».¹⁶⁶

«Архипелаг ГУЛаг» показывает как шел процесс утверждения философии «результата», все оправдывающего «материального базиса», уничтожения морали. Лагерь — наиболее полное, идеальное практическое воплощение этой философии. Его яд, проникая множеством каналов в тело страны, растекаясь, уничтожает границы между маленьким лагерем (зоной) и большим лагерем (всей страной). Опоганенный рабский труд в лагере прививает отвращение к труду у

¹⁶² Там же, стр. 596.

¹⁶³ Юрий Олеша — Повести и рассказы. М. 1965, стр. 78.

¹⁶⁴ В. Каверин — Собрание сочинений, М. 1964, т. 2, стр. 68.

¹⁶⁵ Владимир Дудинцев — Не хлебом единым. «Новый мир», 1956, № 8, стр. 39.

¹⁶⁶ Там же, стр. 40.

всех жителей страны, рабская идеология эзков становится идеологией всех граждан, культ «результата» становится государственной религией.

Александр Солженицын определил жанр «Архипелага ГУЛаг», как «опыт художественного исследования». Определение это очень точно излагает огромную задачу, поставленную себе писателем: художественное исследование лагеря, как феномена, определяющего характер государства, исследование лагерной цивилизации, концлагерного мира и человека — готовящегося прийти в лагерь и живущего в лагере. «Да, лагерное растление было массовым, — пишет Солженицын. — Но не только потому, что ужасны были лагеря, а потому еще, что мы, советские люди, ступали на почву Архипелага духовно безоружными — давно готовыми к растлению, еще на воле тронутые им...»¹⁶⁷

«Олень и шалашовка», «В круге первом», «Один день Ивана Денисовича», показывая человека на разных островах Архипелага, на разных ступенях ада, демонстрировали результат процесса разложения страны. «Архипелаг ГУЛаг» показывает как происходило растление народа, зачем оно было нужно государству и — найденные писателем пути духовного возрождения.

А. Солженицын не претендует на написание истории советского государства, он пишет историю советского закона, его «созревания». В начале — как известно — было слово. Писатель ведет начало со слов Ленина, провозгласившего в январе 1918 г. общую цель: очистить «землю российскую от всяких вредных насекомых».¹⁶⁸ «Еще и до всякой гражданской войны, — пишет Солженицын, — увиделось, что Россия в таком составе населения, как она есть, ни в какой социализм, конечно, не годится, что она вся загажена».¹⁶⁹ Следовательно необходимо было «очистить» Россию, чтобы сделать ее достойной социализма, в который намеревались ее вести — пусть даже против воли большинства — победители. Самым действенным средством «очистки» был массовый, всеохватывающий террор. Анализируя историю «мужания» закона, кото-

¹⁶⁷ А. Солженицын — Архипелаг ГУЛаг, т. 2, стр. 613.

¹⁶⁸ В. И. Ленин — Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 204.

¹⁶⁹ А. Солженицын — Архипелаг ГУЛаг, т. 1, стр. 39.

рый становится все более жестоким, коварным и бесстыдным, писатель использует стенограммы некоторых открытых судебных процессов, опускаясь, как по ступенькам, от процесса к процессу — от еще по-детски наивных, юридически беспомощных первых опытов, к более зрелым судилищам начала 30-х годов, до мрачно-торжественных зрелищ 37—38 годов. Судебные процессы — важнейший измерительный прибор, регистрирующий уровень напряженности террора в стране.

Когда закон «созревает», когда он окончательно становится беззаконием — островки ГУЛага сливаются в Архипелаг, одновременно заканчивается растление страны. «Для России оказалось нужным 20 лет». 1937 год «сломил душу нашей воли и залил ее массовым растлением».¹⁷⁰ История этого процесса — первая сюжетная линия «Архипелага ГУЛаг». Вторая — «перевоспитание» человека, превращение жителей страны в его обитателей и потенциальных обитателей. Писатель внимательнейшим образом прослеживает метаморфозу, происходящую с людьми, и средства, используемые государством для ускорения процесса. «Очищение» России происходило постепенно: один вид «насекомых» за другим, один поток за другим гнали «по сточным трубам тюремной канализации». Но пока уничтожали одних — другие, убежденные, что их это не коснется, молчали, Происходила атомизация общества, в значительной степени облегчавшая дело властей. Страх становится главным стимулом поведения человека. Но мало было напугать людей, оставить их в одиночку с государственным чудовищем, вынудить их согласиться с арестом всех вокруг. Следующим этапом на пути к созданию «нового человека» было, по выражению Солженицына, «всенародное участие в канализации». На этом этапе пассивное согласие на террор было уже недостаточным, требовалось его активное одобрение: «те, кто своим телами еще не грохнулись в канализационные люки, кого еще не понесли трубы на Архипелаг — те должны ходить поверху со знаменами, славить суды и радоваться судебным расправам».¹⁷¹ Солженицын отмечает важнейший феномен советского общества: взаимосвязь между палачом и жертвой, в некоторых случаях свободная взаимосвя-

¹⁷⁰ А. Солженицын — Архипелаг ГУЛаг, т. 2, стр. 627.

¹⁷¹ А. Солженицын — Архипелаг ГУЛаг, т. 1, стр. 59.

меняемость местами. Сегодняшний палач завтра становится жертвой, а вчерашняя жертва готова была по первому слову превратиться в палача. Всеобщая невинность и всеобщий страх способствовали возникновению этой взаимосвязи, усиленно культивируемой властью как важнейшее средство растления души. В этом постепенном растлении будущих жертв путем привлечения их к участию или — всего лишь! — к одобрению преступлений видит Солженицын, в частности, разгадку «тайны» процессов старых большевиков, с готовностью признававшихся в самых чудовищных — несовершенных ими — преступлениях.

Соучастие — пассивное или активное — в преступлениях ломало души. Растлевал страх. После ареста одним из средств, применявшихся для получения ложных показаний, для согласия сотрудничать с палачами была пытка. Глава, посвященная пыткам, описанию 52 видов «физического давления с целью получения признания», кажется переписанной из «Руководства инквизитора», написанного в XVI веке Николау Эймерихом: та же бесчеловечность и жестокость, тоже отсутствие технических средств.¹⁷² Третьей причиной признания невинных людей в несовершенных преступлениях является, по мнению писателя, отсутствие у них «нравственной опоры», силы убеждения, необходимой для сопротивления злу. И в результате: «Мы утратили меру свободы. Нам нечем определить, где она начинается и где кончается».¹⁷³ Итог, подведенный писателем: «Не хватало нам свободолюбия. А еще прежде того — осознания истинного положения. Мы истратились в одной безудержной вспышке семнадцатого года, а потом *спешили* покориться, с *удовольствием* покорились».¹⁷⁴

Третья сюжетная линия «Архипелага ГУЛаг» — судьба его автора. Легко обнаружить автобиографические черты (особенно легко теперь, после появления «Архипелага») в героях первых книг Солженицына:

¹⁷² На международном конгрессе тюремных чиновников, состоявшемся в Брюсселе в 1900 г. делегат России заявил: «Средние века оставили в наследство России пытки, кнут и ссылку. Восемнадцатый век отменил пытку, в девятнадцатом исчез кнут, а первый день двадцатого будет последним днем системы, основанной на ссылке».

¹⁷³ А. Солженицын — Архипелаг ГУЛаг, т. 1, стр. 152.

¹⁷⁴ Там же, стр. 27.

в Родионе Немове, Глебе Нержине, в Олеге Костогло-
тове. В «Архипелаге ГУЛаг» писатель выступает под
своим собственным именем, с откровенностью, прису-
щей быть может только героям Достоевского, расска-
зывает писатель о себе. Он тоже — сын своей страны.
И он вырос в атмосфере «всенародного одобрения су-
дебных расправ над «врагами», и он вдыхал воздух
революционных лозунгов и мифов, и его отравила
«золотая пыль погон», когда в армии вручили ему лей-
тенантские звездочки. Упрекая миллионы в молчании,
в согласии на зло, в покорности, он не щадит и себя.
И он молчал, хотя имел много раз возможность кри-
чать. И он в тюрьме уже, продолжал пламенно защи-
щать марксизм, убежденный, что Сталин «искажил»
Ленина.

В истории Архипелага, в истории бесчисленных его
потоков писателя больше всего потрясает судьба рус-
ских военнопленных, ровесников Солженицына, ро-
весников Октября, «тех, кто вместе с Октябрем ро-
дился». Эта «история нескольких миллионов русских
пленных пришивает меня навсегда, как булавка та-
ракана».¹⁷⁵ В судьбе русских пленных раскрылась
Солженицыну до конца бесчеловечность, жестокость
и неблагодарность советского государства. Миллионы
советских солдат оказались в плену — все они были
объявлены «изменниками родины», после возвращения
домой по окончании войны — все они были заключены
в советские лагеря. «Иногда мы хотим солгать, — пи-
шет Солженицын, — а язык нам не дает... Их хотели
объявить изменниками Родине, но никто не говорил и
не писал даже в судебных материалах иначе, как «из-
менники Родины». Не они, несчастные, изменили Ро-
дине, но расчетливая Родина изменила им...»¹⁷⁶ Пи-
сатель обращается к истории своей страны: «Сколько
войн вела Россия... и много ли изменников знали во
всех тех войнах?... Но вот при справедливейшем в
мире строе наступила справедливейшая война — и
вдруг миллионы изменников из самого народа. Как это
понять? Чем объяснить?» «А может быть дело все-таки
в государственном строе?»¹⁷⁷ Для Солженицына ответ
очевиден: миллионы бывших пленных были брошены

¹⁷⁵ А. Солженицын — Архипелаг ГУЛаг, т. 1, стр. 245.

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ Там же, стр. 248.

в лагеря в превентивных целях, дабы сохранить, нарушенную войной, изоляцию страны от остального мира: «Всех этих пленников . . . посадили, чтобы они не вспоминали Европу среди своих односельчан. Чего не видишь, тем и не бредишь . . .»¹⁷⁸

Как бы замыкается круг, начатый в 1918 г. словами Ленина о необходимости очистки России от насекомых, продолженный десятилетиями непрекращавшейся чистки, созданием Архипелага, ставшего фундаментом государства. Отказ Родины от своих солдат, измена Родины им — логическое завершение процесса, первым этапом которого было отождествление Родины с революцией, а следующими — отождествление с государством, с единоличной властью тирана, с концентрационным миром.

Александр Солженицын нарушает самое запретное из табу, скрывающих сознание советских граждан, он утверждает: нельзя отождествлять Родину и государственный строй. Писатель приходит к внутреннему духовному освобождению. «Я межзвездный скиталец, — говорит он о себе, вспоминая узника из романа Джека Лондона. — Тело мое спеленали, но душа — не подвластна им».¹⁷⁹ Духовное освобождение приходит к Солженицыну в тюрьме: в мучениях, в страдании человеческий дух проходит испытание и, выдержав его, укрепляется, очищается, оживает. Вывод писателя можно сформулировать так: в принципиально неморальном обществе, возникшем в результате нарушения нормального хода истории, породившем Архипелаг и отравленном им — только страдание позволяет возвыситься духовно, понять невозможность жить без морали. И благодарный за открывшиеся ему в тюрьме истину и веру, он провозглашает: «Благословение тебе тюрьма, что ты была в моей жизни!» Но — беспощадный правдолюбец и реалист — тут же добавляет: «А из могил мне отвечают: — Хорошо тебе говорить, когда ты жив остался».¹⁸⁰

«Архипелаг ГУЛаг» — книга о духовном прозрении, о возможности остаться человеком на дне ада, но прежде всего — это памятник Неизвестному зэку, миллионам заключенных погибших в советских лагерях,

¹⁷⁸ Там же, стр. 249.

¹⁷⁹ Там же, стр. 587.

¹⁸⁰ А. Солженицын — Архипелаг ГУЛаг, т. 2, стр. 604.

прошедших через них, сломленных или выдержавших. «Архипелаг ГУЛаг» — возвращение народу памяти. В романе Евгения Замятина «Мы» граждан Единого государства, чтобы окончательно и навсегда убить в них желание свободы, подвергают операции: выжигают в мозгу узелок, порождающий фантазию. В советском Едином государстве выжиганию подверглась память. «Мы все забываем. Мы помним не было, не историю, — а только тот штампованный пунктир, который и хотели в нашей памяти пробить неустанным долблением . . .»¹⁸¹

Фальсификация истории утверждалась лживой литературой. Уже в 1920 г. Виктор Шкловский писал: «Величайшее несчастье русского искусства, что ему не дают двигаться органически, так как движется сердце в груди человека: его регулируют, как движение поездов».¹⁸² А в 1924 г. Евгений Замятин констатирует лживость литературы: «*Правды* — вот чего в первую голову не хватает сегодняшней литературе. Писатель — изолгался, слишком привык говорить с оглядкой и опаской».¹⁸³ Тридцать лет спустя В. Померанцев осторожно повторяет все тот же упрек: «*Искренности* — вот чего, на мой взгляд, нехватает иным книгам и пьесам».¹⁸⁴ Александр Солженицын, как бы итожа историю советской литературы, заключает: «В тридцатые, сороковые и пятидесятые годы *литературы* у нас не было. Потому что без *всей* правды — не литература».¹⁸⁵

В своем стремлении передать «всю правду» Солженицын широко использует сатиру. Великолепный сатирический талант писателя проявился уже в первых произведениях писателя. Причем писатель кладет сатирические краски не только на портреты тюремщиков, он не щадит и героев, которым симпатизирует. Есть, разумеется, разница не только в дозе сатиры, но и в ее цели. Портреты Сталина и его приспешников, Шишкина-Мышкина и писателя Галахова — в

¹⁸¹ А. Солженицын — Архипелаг Гулаг, т. 1, стр. 305.

¹⁸² Виктор Шкловский — Ход коня. Москва/Берлин, 1923, стр. 16.

¹⁸³ Е. Замятин — Лица, стр. 213.

¹⁸⁴ В. Померанцев — Об искренности в литературе. «Новый мир», 1953, № 12, стр. 218.

¹⁸⁵ А. Солженицын — Архипелаг Гулаг, т. 2, стр. 467.

«Круге первом», интеллигентов — в «Одном дне Ивана Денисовича», начальника лагеря и придурков в «Олене и шалашовке», Авиеты Русановой в «Раковом корпусе» — это сатира на уничтожение. Нет у писателя к этим персонажам ничего кроме ненависти и презрения.

Использование сатирических красок в портретах заключенных преследует иную цель. Обличая некоторые черты в поведении и рассуждениях Немова, Нержина, Сологодина, Рубина, Спиридона, Ивана Денисовича, писатель выжигает в себе: неспособность до конца отрешиться от некоторых иллюзий, доверчивость, наивность, недостаток веры в силу человеческого духа. Солженицын производит «гранение души», которое кажется ему необходимым условием становления человека. Сатиричность прозы Солженицына — форма освобождения писателя: «Не думай, Левка, что мне легко, — отвечает Нержин на упреки Рубина. — Скептицизм у меня, может быть, сарай при дороге — пересидеть непогоду. Но скептицизм есть форма освобождения догматического ума».¹⁸⁶

Писатель использует широчайшую гамму сатирических средств: от жесточайшего беспощадного сарказма до убийственной иронии. Охотно пользуется Солженицын приемом, который можно бы назвать «наивным комментированием». Перечисляя, например, некоторые случаи осуждения по «общедоступной» 58 статье, писатель называет, в частности, случай некой Фаины Ефимовны Эпштейн, которая «пораженная преступностью Троцкого, спросила на партсобрании: «А зачем его выпустили из СССР?» (Как будто перед ней партия должна отчитываться! Да Иосиф Виссарионович может быть локти кусал!) За этот нелепый вопрос она заслуженно получила (и отсидела) один за другим три срока».¹⁸⁷ Такое «наивное» комментирование подчеркивает ужас бессмысленных, бесчеловечных приговоров. Писательская ирония становится формой «остранения», обнажающей ставшую привычной преступность власти.

Один из главных объектов солженицыновской сатиры — советский официальный, газетный язык, кон-

¹⁸⁶ А. Солженицын — В круге первом, стр. 47.

¹⁸⁷ А. Солженицын — Архипелаг ГУЛаг, т. 2, стр. 293.

центрированный в языке Сталина, вторгшийся в разговорную и книжную речь. Этот официальный язык — основа советской идеологии — складывающийся из готовых формул, лозунгов, цитат призван вызывать определенные, готовые чувства и действия. Язык этот препятствует творческому мышлению: готовые формулы вызывают рефлекторные действия и мысли. Солженицын разрывает то, что биологи называют рефлекторной дугой, он разоблачает подлинный смысл привычной фразы. В 1929 г. на Соловках разразилась эпидемия страшной болезни: черные бляшки образовывались на теле, и неизбежно человек умирал. «То не могла быть чума или оспа, как предполагали соловчане, — пишет автор «Архипелага», — потому что те две болезни уже полностью были побеждены в Советской Республике, а назвали болезнь «азиатским тифом».¹⁸⁸ Говоря о процессе «развития» советских лагерей, писатель снова вспоминает близкую советским гражданам формулу: «А может это гегелевская триада: Соловки — Беломор — Колыма! Тезис-антитезис-синтез? Отрицание отрицания, но обогащенное?»¹⁸⁹ Образец сатирического мастерства Солженицына — глава: «Зэки как нация». Взяв «широко-известное единственно-научное определение нации, данное товарищем Сталиным», писатель творит «этнографический очерк», убедительно доказывающий, что зэки — это особая нация («нас особенно освобождает, — замечает сатирик, — гениальное замечание товарища Сталина, что расово-племенная общность крови совсем не обязательна!»)¹⁹⁰

В конце 20-х годов, когда сатира была окончательно изгнана из советской литературы, один из ее самых рьяных гонителей заявил: нам еще рано смеяться, пусть наши враги смеются! Солженицын, как бы перефразируя эту формулу, иронически замечает: «... нет у нас ничего смешного, все смешное на Западе!»¹⁹¹ Но вся его книга показывает: есть у нас очень много смешного, только всегда это смешное — трагично.

Цель и смысл солженицыновской сатиры могут быть лучше всего выражены словами Достоевского:

¹⁸⁸ А. Солженицын — Архипелаг ГУЛаг, т. 2, стр. 51.

¹⁸⁹ Там же, стр. 126.

¹⁹⁰ Там же, стр. 491.

¹⁹¹ Там же, стр. 570.

«... В подкладке сатиры всегда должна быть трагедия. Трагедия и сатира две сестры и идут рядом, и имя им обеим, вместе взятым: правда».¹⁹²

«Архипелаг ГУЛаг» — правда о лагерях, о стране носившей и несущей их в себе. Это одновременно — размышление о человеке и истории, об истории и месте России в мире, о пути человека к свободе духа, о духе и вере.

¹⁹² Неизданный Достоевский. «Литературное наследство», т. 83, М. «Наука», 1972, стр. 608.

7 глава

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В октябре 1917 года в крестьянской России совершается пролетарская революция. «Простым правительственным декретом», по выражению Петра Ткачева,¹ меняется не только политический, но и экономический строй государства. В первые же месяцы после революции обнаруживается необходимость применения насилия не только по отношению к свергнутым классам, но и по отношению к крестьянству и рабочим.

Обнаруживается необходимость принуждать к труду, используя при этом методы не экономического, а административного принуждения. Тем самым расширяются prerogatives органов диктатуры, становящихся, наряду с армией, основой государственной власти.

Рождается концентрационный лагерь, — «судьба десятилетий! Провозвестник Двадцатого века»² — становящийся символическим выражением неспособности нового государства найти иные — кроме принуждения — способы управления страной. Формула Дзержинского — «концентрационные лагеря — школа труда» — выражает противоречие между лозунгами революции, провозглашавшими переход власти в руки большинства населения страны, и действительностью.

Каждая революция, ломающая структуру общества, вынуждена прибегать к временным чрезвычайным средствам принуждения. После каждой революции начинают действовать силы, стремящиеся к превращению временных чрезвычайных мер и учреждений в

¹ Цит. по: Б. Козьмин — П. Н. Ткачев и революционное движение 1860-х годов. М. «Новый мир», 1922, стр. 106.

² А. Солженицын — Август четырнадцатого, стр. 492.

постоянные. Этот социологический закон с особой силой проявил себя после Октябрьской революции в связи с ее главной особенностью — почти полным отсутствием класса, от имени которого она была произведена.

Насилием будет установлен новый строй; при помощи насилия он будет укрепляться, — пророчествовал Ткачев.³ Советский историк указывает, что Ткачев «не только намечает идею диктатуры пролетариата; он облачает ее в определенные формы, и, что всего любопытнее, эти формы дают поразительное совпадение с практикой русской революции . . .»⁴

Система чрезвычайных мер, основанная на использовании чрезвычайных органов насилия, сохраняется и после того, как новый строй закрепляется. Эта система упрочивается, кодифицируется, освящается, возводится в ранг главного критерия социалистического общества.⁵ Механизм диктатуры пролетариата, созданный в период борьбы и установления новых форм власти, по мере упрочения власти и нормализации положения внутри страны проявляет тенденцию к замещению всех других форм управления насилием. «Государство, казавшееся средством, стало целью . . . Государство из слуги обратилось в угрюмого самодержца».⁶

Молодая советская литература, в первый послереволюционный период, объясняет и оправдывает революционной необходимостью насилие, ликвидацию свободы. В этот уже период отходит она от традиций русской литературы — защитницы униженных и обездоленных. Впервые в русской литературе виновным становится не убийца, а убитый, впервые приобретает права гражданства принцип — падающего толкни. Впервые героем становится не узник, а тюремщик.

Литература о «кающемся чекисте», которую, мне кажется, следует считать первой главой советской лагерной литературы, носит однако, еще черты дореволюционной психологии. «Кающийся чекист» — это ре-

³ См. Б. Козьмин — П. Н. Ткачев и революционное движение 1860-х годов, стр. 110.

⁴ Там же, стр. 112—113.

⁵ См. Władysław Bieńkowski — *Motory i hamulce socjalizmu*. Instytut literacki, 1969, стр. 16.

⁶ Вас. Гроссман — Все течет, стр. 160.

волюционер, волей революции ставший тюремщиком, понимающий необходимость «грязной», «кровавой» работы, но верящий, что это работа временная. Эти революционеры, прямые наследники людей 60-х годов, убежденных, что «каким бы прекрасным и «теплым» телом ни обладала женщина, какою бы «сладкой гармонией» ни звучал ее голос, и каким бы небесным блеском ни светились ее глаза, — она все-таки не выдержит ни малейшего соперничества с неотразимой силой... идеи...»⁷

Горький открывает новую главу в истории советской лагерной литературы. То, что изображалось, как революционная необходимость, представляется отныне — как добродетель. Исчезают сомнения, исчезает представление о временности насилия, остается и проповедуется убежденность в пользе и вечности лагерей как школы труда, лжи, как «возвышающего обмана», помогающего человеку идти в лучшее будущее, страха, как важной воспитательной меры.

Литература утверждает насилие, ложь, страх — как вечные необходимые категории новой цивилизации.

Смерть Сталина, разоблачение «культа личности» подрывают основу тюремной цивилизации — веру в непогрешимость вождя, «органов», государства. Из фундамента вынимается один кирпичик и здание начинает шататься.

Первым словом, произнесенным литературой, очнувшейся от летаргического сна, было слово: «искренность». Годы господства «возвышающего обмана» превратили советскую литературу в зеркало, отражавшее несуществующий мир, вымышленный литературой же. Писатели отправляются на поиски фактов, на поиски «информации» о мире, в котором они живут.

Рассказы Варлама Шаламова завершают этап сбора информации. Писатель говорит правду о лагерях, о людях, живших и умиравших там. Изображая людей перед лицом смерти, на самом дне ада, которым была лагерная цивилизация, Шаламов судит ее и не находит смягчающих обстоятельств. Он отвергает эту цивилизацию как нечеловеческую.

⁷ П. Н. Ткачев — Люди будущего и герои мещанства. «Дело», 1868, №№ 4 и 5, цит. по: В. Козьмин — П. Н. Ткачев и революционное движение 1860-годов, стр. 93.

Ад, созданный людьми, страшнее дантовского ада. Надпись на вратах дантовского ада — оставь надежду, сюда входящий — приобретает в шаламовском аду и второе значение. Да, оставь надежду, ты не выйдешь отсюда, но и — оставь надежду, ибо она приносит излишние мучения, обманывая, она мешает умереть достойно.

Одновременно со сбором информации идет процесс ее осмысливания. Литература — впервые за долгие годы — ставит два вопроса: что произошло и почему это случилось?

Сразу же намечаются два направления в литературе в зависимости от ответа, даваемого на второй вопрос.

Первое, официальное, изложив определенное количество фактов, свидетельствовавших о беззакониях, насилии, лжи, страхе, не щадивших никого, отнесло все это на личный счет Сталина, быстро объяснило все «культом личности».

Писатели, творившие официальную литературу (литература ли это?), делили историю советского государства на две неравные части: первая — с 1917 года примерно до 1929 года, вторая — период правления Сталина. Для них этот второй период был искажением ленинского учения, социалистических идей. Сталин — изображается верховным жрецом, восставшим против Бога, то есть против партии. Повесть Алдан-Семенова «Барельеф на скале» — наиболее полное выражение этих идей.

Рой Медведев, считает, что «конкретная форма управления обществом, которая сложилась у нас (в Советском Союзе) в период 30—40-х годов... во многих отношениях противоречит принципам социализма и Советской власти».⁸ С этим полностью согласны все писатели, относящиеся к официальному крылу разоблачителей «культа личности».

Разница между Роем Медведевым и этими писателями в том, что Медведев, признавая имевшие место — после смерти Сталина — изменения в системе, находит их «недостаточно глубокими».⁹ «Официальные писатели» находят изменения вполне достаточными.

⁸ Ж. А. Медведев, Р. А. Медведев — Кто сумасшедший? «Макмиллан», 1971, стр. 149.

⁹ Там же.

Евтушенко в стихотворении «Страхи», вспоминая о том времени, когда страхи были «во власти и силе при дворе торжествующей лжи», когда люди смертельно боялись «разговаривать сами с собой», утверждает: «Это стало сегодня далеким».¹⁰

Аркадий Васильев, утверждая в самом названии своего роман — «Вопросов больше нет», — сжато изложил кредо официальной литературы: все факты названы, все выводы сделаны — виноват Сталин, партия все ошибки исправила. Недостатки нынешней политической структуры не являются какими-то имманентными и внутренне присущими советскому социалистическому государству.

Заявив «вопросов больше нет», это направление в литературе по существу совершило самоубийство. Нет вопросов, следовательно нет и ответов, следовательно не о чем писать, следовательно нужно вернуться к практике «сталинской» литературы.

И такое возвращение происходит. Типичным героем — становится «старый чекист». В нем нет ничего от «кающегося чекиста»: он не испытывает никаких угрызений совести, он не испытывает и чувства обиды, если случилось так, что в благодарность за палаческую деятельность, партия посадила его в лагерь. Он вышел из лагеря, получил пенсию и с тоской вспоминает эпоху «бури и натиска», счастливые годы террора.

Второе направление в советской литературе — подлинная литература — направление вопросов и поисков ответов. Как правило, это литература, не находящая издателей в Советском Союзе, распространяемая «Самиздатом», выпускаемая — без ведома и согласия авторов — на Западе.

Главные темы, волнующие этих писателей — революция, народ, государство. Если для представителей официального направления трагедия «ежовщины» и послевоенного террора была трагедией партии, то для писателей второго направления — это была трагедия всего народа. Марксистский историк Исаак Дейтчер, отказывая в каких либо достоинствах роману Бориса Пастернака «Доктор Живаго», противопоставляет ему «таких писателей, как Каверин, Галина Николаева, Зорин и другие», утверждая, что их «после-

¹⁰ Евг. Евтушенко — Катер связи, изд. «Молодая гвардия», 1966, стр. 46.

сталинские повести и пьесы... ставят в центр трагедию внутри революции, трагедию, которую они наблюдают изнутри». ¹¹

Для Дейтчера «изнутри» означает «из рядов коммунистической партии». Действительно, почти все писатели второго направления не были членами партии. Но именно они наблюдали все происходившее изнутри, ибо они были жертвами. Именно их — в отличие от перечисленных Дейтчером авторов — силой заставляли молчать, лишали права печатать книги, арестовывали, преследовали. Именно они были «внутри».

«Доктор Живаго» был первой, ставшей известной миру книгой советского писателя, задавшего на 35-ом году революции — вопрос о смысле революции, о ее необходимости, показавшего несходство образа революции, который виделся русской интеллигенции до катаклизма, с действительностью. Пастернак первым обращается к истокам нового государства, возведшего страх, ложь, криводушие в систему. ¹² Первым он вносит в советскую литературу духовные, религиозные мотивы.

Беспощадная сатира Андрея Синявского была следующим шагом на пути самопознания, на пути возвращения русской литературы к правде. В повести «Суд идет» писатель констатирует превращение средства в цель. Процесс, предсказанный Замятиным, завершился: Христос превратился в Великого инквизитора. Пророчество «Интернационала» исполнилось: «Весь мир насилия мы разрушим до основания, а затем...» А затем, говорит писатель, раздается приказ: «Пли!» ¹³

Во второй повести — «Любимов» — Синявский, заявляя устами своего героя: «Мы крупно просчитались в своих расчетах», ¹⁴ выводит и того, кто «просчитался» — Ленина.

В первой повести Синявского есть лишь образ Хозяина, Верховного жреца новой, нечеловеческой цер-

¹¹ Isaak Deutscher — Pasternak and the Calendar of the Revolution. „Pasternak. Modern judgments”. Macmillan, 1969, стр. 255.

¹² Борис Пастернак — Доктор Живаго, стр. 560.

¹³ Абрам Терц (А. Синявский) — Суд идет. «Фантастический мир Абрама Терца», Международное литературное содружество, 1967, стр. 243.

¹⁴ Абрам Терц — Любимов. «Фантастический мир Абрама Терца», стр. 360.

кви, которой служит прокурор Глобов, не жалея ни жены, ни матери, ни детей. Во второй повести — писатель показывает и основателя новой церкви — Ленина, Владимира Ильича, воющего на Луну перед смертью. Понявшего, что произошел просчет, что ничего не получилось.

В статье «Что такое социалистический реализм», Синявский формулирует итоги своих размышлений: «Во имя цели приходилось жертвовать всем, что у нас было в запасе, и прибегать к тем же средствам, какими пользовались враги... порою казалось, что для полного торжества коммунизма не хватает лишь последней жертвы — отречься от коммунизма».

Писатель говорит о созданном в результате революции обществе: «Чтобы навсегда исчезли тюрьмы, мы понастроили новые тюрьмы. Чтобы пали границы между государствами, мы окружили себя китайской стеной. Чтобы труд в будущем стал отдыхом и удовольствием, мы ввели каторжные работы. Чтобы не пролилось больше ни единой капли крови, мы убивали, убивали и убивали».¹⁵

Главный упрек писателя: в построенном на крови обществе, человек утерял свободу, перестал быть самим собой, вынужден всегда носить маску, парик, вязать себя по рукам и ногам, чтобы казаться «как все». Герой удивительнейшего рассказа Абрама Терца «Пхенц» — умирает задыхаясь, в лишенной влаги атмосфере.

Едкость иронии, безжалостность сатиры Терца-Синявского не должны обманывать. С болью в сердце, по живому мясу отрезает он себя от переродившейся революции, по каплям, по выражению Чехова, выдавливая он из себя раба, но это — капли крови.

«Память о революции, — признается писатель, — так же священна как образ умершей матери. Нам легче согласиться, что все последовавшее за ней — измена революции, чем оскорбить ее словами упрека и подозрения».¹⁶ Эмоциональная привязанность к революции диктует писателю наполненные горечью упреки ей. Отсюда, мне кажется, идет и основной сатирический прием Синявского, который можно бы назвать «обнажением лозунга». Это раскрытие, разоблачение

¹⁵ Абрам Терц, стр. 411.

¹⁶ Там же. Стр. 436.

подлинного содержания, скрывающегося за лозунгами о «свободном советском человеке», о «труде — деле чести», о радости трудящихся, приветствующих решения мудрого вождя. Прием этот используется и другими писателями. На нем построен весь рассказ Юлия Даниеля «Говорит Москва», начинающийся передачей по радио указа Верховного Совета СССР, объявляющего «в связи с растущим благосостоянием . . . , идя навстречу пожеланиям трудящихся . . . День открытых убийств». Пользуется этим приемом Василий Гроссман в романе «Все течет . . .», очень часто прибегает к нему Владимир Максимов, прежде всего в романе «Карантин», важное место занимает он в сатирической палитре Солженицына. Можно сказать, что необходимым этапом внутреннего освобождения советских людей — прежде всего это касается, разумеется, писателей — является освобождение от магического воздействия привычных слов — заклинаний.

Надежда Мандельштам пишет, что «решающую роль в обуздании интеллигенции сыграл не страх и подкуп, хотя и того и другого было достаточно, а слово «революция», от которого ни за что не хочется отказаться . . . Это слово обладало такой грандиозной властью, что в сущности, непонятно, зачем властителям понадобились еще тюрьмы и казни . . .»¹⁷

Творчество Андрея Синявского — парабола положения писателя в концентрационном мире. Произведения, написанные им под псевдонимом Абрам Терц, выражали боль, смятение, страх человека, вынужденного — под собственным именем — говорить «ненавистным и неизбежным человеческим языком»,¹⁸ мечтающего о возможности отбросить «местный диалект», «чужое наречие». Арестованный и осужденный за свои книги на 7 лет заключения в лагере, Андрей Синявский в письмах жене ведет дневник узника. Но составленная из дневниковых записей книга — «Голос из хора», — книга внутренне освободившегося человека. В ней прозрачное спокойствие, уверенная радость и нескрываемое облечение писателя, отбросившего страх. В лагере писатель почувствовал себя свободным. Сбылась мечта Пхенца: «Как приятно скинуть одежды, снять парик, оторвать ушные раковины из настоящей

¹⁷ Надежда Мандельштам — Воспоминания, стр. 133.

¹⁸ Абрам Терц, стр. 192.

гуттаперчи и отстегнуть ремни, стягивающие спину и грудь. Мое тело раскрылось, точно пальма, принесенная в свернутом виде из магазина».¹⁹

Наконец-то зазвучал уверенный и спокойный голос писателя — в лагере.

«Воспоминания» Надежды Мандельштам и «Все течет...» Василия Гроссмана принадлежат к числу серьезнейших попыток преодолеть «гипноз» революции, дать объективный анализ общества, рожденного революцией, превратившейся из цели в средство.

Обе книги сходны по выводам, по эмоциональной напряженности. Но интимные воспоминания Надежды Мандельштам написаны сдержаннее, чем роман Василия Гроссмана. Этот парадокс объясняется, как мне кажется тем, что Надежда Мандельштам значительно раньше Гроссмана поняла механизм, приведший революцию к гибели. Поэтому в романе «Все течет...» есть то, чего нет в «Воспоминаниях» — боль и обида обманутого влюбленного, обманутого изменившей ему Идеей.

Надежда Мандельштам с добросовестностью историка и проницательностью психолога, с силой и честностью настоящего писателя показывает общество, в котором произошла переоценка ценностей в котором «из обихода исчезло множество слов и понятий — доброта, честь, совесть, свобода».²⁰ Христианская мораль с легкостью отождествлялась с буржуазной, а вместе с ней древняя заповедь «не убий».²¹

Надежда Мандельштам разоблачает миф «двадцатых годов», доказывая, что все началось именно тогда: «В двадцатые годы наши карающие органы еще набирались сил, но они уже действовали». Главное же, именно в тот период «были сделаны все заготовки для нашего будущего: казуистическая диалектика, развенчивание ценностей, воля к единомыслию и подчинению».²² Именно в двадцатые годы были найдены формулы, «без которых не обойтись и сейчас: молодое государство, невиданный опыт, лес рубят — щепки летят».²³ Лишь немногим дано было почувствовать

¹⁹ Там же, стр. 190.

²⁰ Надежда Мандельштам — Воспоминания, стр. 141, 173.

²¹ Там же, стр. 173.

²² Там же, стр. 176.

²³ Там же, стр. 175.

«ужас эпохи». Среди них был Осип Мандельштам, в самом начале тридцатых годов пророчески предупреждавший: «Нам кажется, что все благополучно, только потому, что ходят трамваи».²⁴ Великий поэт стал свободным, ибо «освободился из плена общего мнения».²⁵

В поисках причины, приведшей к гибели «Революцию с большой буквы»,²⁶ писательница приходит к выводу, что этой причиной была победа идеи о существовании непреложной научной истины и людей, владеющих ею. «Эта религия — адепты скромно называли ее наукой — возводит человека, облеченного авторитетом на уровень Бога. Она разработала свой символ веры и свою мораль — мы видели ее в действии».²⁷

Новая «религия», «целостное мировоззрение» ослепляли людей, соблазняли людей миражом «счастья всему человечеству», запрещали им «сравнивать теорию с практикой и взвешивать последствия своих поступков».²⁸

В этом писательница видит причину всеобщей покорности и беспомощности: «Все мы были овцами, которые дают себя резать или почтительными помощниками палачей, потому что не хотели переходить в отряд овец... Раздавленные системой, в построении которой так или иначе участвовал каждый из нас, мы оказались негодными даже на пассивное сопротивление».²⁹

Все кто дышал воздухом террора, — говорит Надежда Мандельштам, «тот погиб, даже если случайно сохранил жизнь. Мертвые есть мертвые, но все остальные — палачи, идеологи, пособники, восхвалители, закрывавшие глаза и умывавшие руки и даже те, кто по ночам скрежетал зубами — все они тоже жертвы террора».³⁰

«Воспоминания» Надежды Мандельштам — история русской интеллигенции в эпоху террора, история падения, капитулянства и гибели интеллигенции, подавлявшейся соблазну «целостного мировоззрения», соблазну Великого инквизитора, соблазну силы и власти.

²⁴ Надежда Мандельштам — Вторая книга, стр. 213.

²⁵ Там же, стр. 214.

²⁶ Надежда Мандельштам — Воспоминания, стр. 177.

²⁷ Там же, стр. 172.

²⁸ Там же, стр. 170.

²⁹ Там же, стр. 388.

³⁰ Там же, стр. 317.

В своей оценке роли интеллигенции в революции, критикуя взгляды Н. Бердяева, считавшего, что жертвенная интеллигенция боролась за народ, а победивший народ ее уничтожил, Надежда Мандельштам близка взглядам Махайского. Она пишет: «Интеллигентская верхушка революционного лагеря использовала народ для победы, а захватив власть, тотчас прибрала его к рукам».³¹ Но эта «победа» интеллигенции — стала ее гибелью, как интеллигенции.

Книга о гибели интеллигенции, капитулировавшей перед Идеей и перед силой, и о гибели великого поэта, не пожелавшего капитулировать, полна веры в возможность возрождения уничтоженных человеческих ценностей.

Писательница верит в то, что эти ценности сохранились в народе даже «в самые черные времена»,³² несмотря на все попытки «воспитывать народ». «Зачем народу, чтобы его воспитывали? — спрашивает Надежда Мандельштам, добавляя, что «только в России стремление к образованию народа подменили лозунгом о его воспитании».³³

Писательница разделяет веру Осипа Мандельштама в то, что народ произносит свой суд, даже когда безмолствует. И подчеркивает свое несогласие с основной мыслью романа Пастернака «Доктор Живаго», которую она понимает как желание воздвигнуть «защитную стену государства» между взбунтовавшимся народом и интеллигенцией.³⁴

Надежде Мандельштам чужда вера в государство, надежда на него. Она верит в народ и в тех, кого называет «Хранителями огня», в настоящих поэтов и любителей настоящей поэзии. Поэзия пробуждает к жизни, будит совесть и мысль. Поэзия, сохраненная несмотря ни на что, будит людей, формирует их сознание, рождает новую интеллигенцию.

Трагическая книга завершается твердой уверенностью в победе добра над злом, в победе мысли над смертью.

«Мысль живет. Хранители огня прятались в затемненных щелях, но огонь не угас. Он есть».³⁵

³¹ Надежда Мандельштам — Вторая книга, стр. 321.

³² Надежда Мандельштам — Воспоминания, стр. 352.

³³ Там же, стр. 212.

³⁴ Надежда Мандельштам — Воспоминания, стр. 160.

³⁵ Надежда Мандельштам — Воспоминания, стр. 353.

Жанр книги Василия Гроссмана определить нелегко. «Все течет . . .» можно назвать романом лишь условно. Это исторический очерк о событиях, свидетелем которых был сам автор, в которых он принимал участие. Сюжетная линия, введенная в этот очерк, должна служить иллюстрацией мыслей писателя, излагаемых иногда героем — Иваном Григорьевичем, а иногда — непосредственно автором. Особенностью книги является ее высокая эмоциональная напряженность, объясняющаяся трагичностью выбора автора, отвергающего идею, в которую он беззаветно верил.

Многие страницы своих книг посвятил Гроссман героям революции, не шадившим для нее ни своей жизни, ни жизни других. В своей последней книге он дает собирательный образ такого фанатика революции, не жалевшего для нее свой крови и чужих страданий.

Лева Меклер очень похож на Льва Рубина из романа Солженицына. И своей беспощадностью к себе и другим, и своей преданностью Той, которая его отвергла.

«Революция посадила его в камеру внутренней тюрьмы, выбила ему восемь зубов, стуча на него офицерскими сапогами . . . требовала, чтобы он, сын, возлюбленный апостол ее, признал себя тайным отравителем ее, смертельным ее ненавистником».³⁶

Солженицын благожелателен к своему герою, но слегка иронизирует над ним. Слепая вера Рубина уже чужда писателю. Гроссману она гораздо ближе. Черты Меклера легко обнаружить в образах Степана Кольчугина,³⁷ Факторовича,³⁸ Варнавицкого.³⁹

Лева Меклер — собирательный образ героев Гроссмана — не отрекся от революции. «Не дрогнула даже на миг его вера на сточасовых допросах, не дрогнула, когда лежа на полу, он видел начищенный, блестящий носок хромового сапога у своего окровавленного рта».⁴⁰

³⁶ Вас. Гроссман — Все течет . . ., стр. 155.

³⁷ Василий Гроссман — Степан Кольчугин. Роман. «Советский писатель», М. 1941.

³⁸ Василий Гроссман — Четыре недели. Сборник «Старый учитель». «Советский писатель», М. 1962.

³⁹ Василий Гроссман — Если верить пифагорейцам. Пьеса в 7-ми картинах. «Знамя», 1946, № 6.

⁴⁰ Вас. Гроссман — Все течет . . ., стр. 155.

Писатель оказался умнее своих героев. Он спросил себя: вера героев осталась неизменной, но не изменился ли объект веры? Писатель оказался умнее своих героев, но от этого не уменьшилась боль, пронизывающая книгу. Чувство вины по отношению к погибшим, верящим до конца, придает роману Гроссмана трагическую силу, заставляет писателя идти в своих выводах до самого конца.

Социализм ли это? — спрашивает писатель. — «С Колымой, с людоедством во время коллективизации, с гибелью миллионов людей?»⁴¹

И отвечает: государство ликвидировало революцию. «Государство, казавшееся средством, оказалось целью».⁴² Именно государству, а не народу нужен был террор, уничтожение свободы, тюрьмы и лагеря. «Человек строил то, что не было нужно человеку, — бесполезны были ему Беломорско-Балтийский канал, арктические рудники, заполярные железные дороги... Иногда казалось, что эти могучие стройки нужны лишь для того, чтобы оковать тяжким трудом миллионные массы людей».⁴³

Писатель задает второй вопрос: как это случилось, каким образом государство уничтожило революцию и вместо нового мира стало строить тюремную цивилизацию, кто в этом виноват? Кто виноват? — спрашивает писатель. — Кто ответит за все происшедшее, за измену светлым идеям, за гибель миллионов, за растление оставшихся в живых?

Гроссман вызывает на суд доносчиков: и тех, кто не выдержав пыток на допросах, выдал товарищей, и тех, кто выдавал, чтобы спасти свое положение, и тех, кто выдавал, ибо верил, что кругом враги и тех, кто писал доносы на соседей, чтобы поживиться их имуществом.

Нет ничего гнуснее Иуды — предателя. Но писатель видит, что одного заставили битьем, другого загниготизировало могущество наслия, третий выполнял свой партийный долг, четвертый полжизни голодал.

«Начните с государства, судите его»,⁴⁴ — говорит писатель. Судите атмосферу, в которой жили люди, идеи, которыми они дышали.

⁴¹ Вас. Гроссман — Все течет ..., стр. 31.

⁴² Там же, стр. 160.

⁴³ Там же, стр. 143.

⁴⁴ Вас. Гроссман — Все течет ..., стр. 68.

Все виновны — и палачи, и жертвы. Гроссман приходит к тому же выводу, что и Надежда Мандельштам. В эпоху террора — выжить нельзя.

Но Гроссман идет дальше. Он анализирует роль Ленина в судьбе революции и послереволюционного государства. Он рисует сложный, порой трагичный портрет: «Бешеное политическое властолюбие, соединенное со стареньким пиджаком, со стаканом жиденького чая, со студенческой мансардой... Неумолимая жестокость, презрение к высшей святыне русской революции — свободе, и тут же рядом, в груди того же человека, чистый юношеский восторг перед прекрасной музыкой, книгой».⁴⁵

В Сталине Гроссман видит продолжателя дела Ленина, продолжателя того, что было в Ленине главным. «Сталин казнил ближайших друзей и соратников Ленина потому, что они, каждый по своему, мешали осуществиться тому главному, в чем была сокровенная суть Ленина. Борясь с ними, казня их, он как бы и с Лениным боролся и Ленина казнил».⁴⁶

Гроссман делает глубокий вывод: Сталин боролся с Лениным за настоящего Ленина. И заключает: «Государство без свободы... заложил Ленин. Его построил Сталин».⁴⁷

Этому государству не нужны идейные борцы, ему нужны слуги. И поэтому оно убивает Леву Меклера, как убивает хозяин собаку, которая стала ему обузой, и развращает своих слуг, подкупая их.⁴⁸

Кровавый террор был нужен государству, — пишет Гроссман, — для уничтожения свободы. «Дело это давнее, началось оно при Ленине».⁴⁹

В поисках причины возникновения «государства несвободы» писатель, однако, отправляется еще дальше, в глубь российской истории. Там находит он истоки

⁴⁵ Там же, стр. 171.

⁴⁶ Там же, стр. 186.

⁴⁷ Там же, стр. 197.

⁴⁸ Один из персонажей романа «Все течет...» — Николай Андреевич — верный слуга государства признается в душе, что больше всего он боится потерять свое «место за столом», получить «вместо зернистой икры кетовую» (стр. 31). В пьесе «Если верить пифагорейцам», написанной до войны, верный слуга государства Монахов — бывший герой революции — тоже боится потерять «зернистую икру».

⁴⁹ Вас. Гроссман — Все течет..., стр. 193.

государства, заложенного Лениным и построенного Сталиным.

«Неумолимое подавление личности, — пишет Гроссман, — неотступно сопровождало тысячелетней истории русских». В то время как развитие Запада оплодотворялось ростом свободы, развитие России оплодотворялось ростом рабства.⁵⁰

В связи прогресса с рабством видит писатель основной принцип русской жизни.

Вывод к которому приходит Василий Гроссман чрезвычайно сходен с выводом, который сделал крупнейший русский историк Ключевский, изучая эпоху Петра I.

«Реформа Петра была борьбой деспотизма с народом, с его косностью. Он надеялся грозой власти вызвать самодеятельность в поработанном обществе... хотел, чтобы раб, оставаясь рабом, действовал сознательно и свободно. Совместное действие деспотизма и свободы, просвещения и рабства — это политическая квадратура круга, загадка, разрешавшаяся у нас со времени Петра два века и доселе не разрешенная».⁵¹

Как бы продолжая мысль Ключевского, Василий Гроссман утверждает, что эта «политическая квадратура круга» не была решена и Октябрьской революцией, что Ленин не сумел вырваться из потока русской истории, не сумел изменить ее хода.

Конечный вывод из размышлений Гроссмана о судьбе русской революции лучше всего, мне кажется, выразить словами Ключевского о реформе Петра:

«Она была революцией не по своим целям и результатам, а только по своим приемам и впечатлению, какое произвела на умы и нервы современников».⁵²

Гроссман добавляет к этому лишь наблюдение, связанное с мировым значением Октябрьской революции. Писатель замечает, что «ленинский синтез несвободы с социализмом ошеломил мир больше, чем открытие внутриатомной энергии».⁵³

В 1921 г. Владимир Короленко предупреждал: «Бедная Россия поплатится за эти «государственные опы-

⁵⁰ Там же, стр. 174.

⁵¹ В. Ключевский — Курс русской истории. М. 1910, часть IV, стр. 293.

⁵² В. Ключевский — Курс русской истории, стр. 292.

⁵³ Вас. Гроссман — Все течет..., стр. 181.

ты» так, что ее пример надолго отобьет охоту у остальных стран и вызовет буржуазные реакции. Может быть долго будут говорить: «видели, видели на примере России».⁵⁴

Сорок лет спустя Гроссман констатирует: «Тысячелетний русский закон развития волей, страстью, гением Ленина стал законом всемирным».⁵⁵

Проведший 30 лет в лагерях герой книги Гроссмана — потерявший все — сохраняет веру в свободу. И самыми тяжелыми минутами в его жизни были те, когда в тюремной камере, после пыток, слушал он неопровержимые рассуждения своего товарища по заключению, доказывавшего, что насилие в мире вечно. Что как существует закон сохранения энергии, так существует закон сохранения насилия.⁵⁶ Несмотря на логичность этого вывода, несмотря на подтверждение его практикой советского государства, герой Гроссмана — вместе с писателем — верит, что придет время и «свобода соединится с Россией».⁵⁷

В романе «Семь дней творения» Владимир Максимов, повествуя о судьбе Петра Васильевича Лашкова — большевика — железнодорожника, активного участника революции и его семьи, размышляет о судьбе послереволюционной России. Вместе со своими героями, писатель отвергает революционную идеологию: «... кровь у всех одинаковая, сколько хошь лей, добра не будет. Крик один будет и беда такая, что и тысячу лет не расхлебать».⁵⁸ Вместе со своими героями писатель находит спасение в вере в Бога. Петр Васильевич, подводя итог своей судьбе «с испепеляющей душу трезвостью должен был сознаться себе, что век прожитый им, — прожит был попусту, в погоне за жалким и неосязаемым призраком».⁵⁹ Шесть глав романа носят названия шести дней недели. Седьмая глава ограничивается только названием: «Седьмой

⁵⁴ В. Короленко — письмо Горькому от 29 июля 1921 г. Литературное приложение к «Накануне», № 4, 22 мая 1922 г.

⁵⁵ Вас. Гроссман — Все течет . . ., стр. 181.

⁵⁶ Вас. Гроссман возвращается к мысли о цикличности истории, о повторяемости всего, подробно изложенной в пьесе «Если верить пифагорейцам».

⁵⁷ Вас. Гроссман — Все течет . . ., стр. 204.

⁵⁸ В. Максимов — Семь дней творения, стр. 267.

⁵⁹ Там же, стр. 497.

день — день надежды и воскресения». Содержание этой главы — верит писатель — напишет будущее, от которого он ждет — надежду и воскресение. Находят спасение в вере и герои второго романа Владимира Максимова — «Карантин». Бывшая некогда символом России гоголевская тройка, мчавшаяся неизвестно куда, уступила в романе Максимова место остановившемуся где-то в пустоте поезду, окруженному вооруженными часовыми. Стоит на путях между пунктом отправления и пунктом прибытия Россия, в карантине, в чистилище. А пассажиры беспробудно пьяны, ибо: «когда кругом, что называется, чума, почему бы и не попить? Люди устали от самих себя».⁶⁰

Нельзя считать случайным, что поиски правды, смысла событий, потрясавших Россию с 1917 г., поиски духовных ценностей и человека привели крупнейших русских писателей нашего времени к религии и отрицанию революции. Александр Солженицын выразил это очень четко и лаконично: «... Я понял правду всех религий мира: они борются со злом в человеке (в каждом человеке) ... Я понял ложь всех революций истории: они уничтожают только современных им носителей зла (а не разбирая впопыхах — и носителей добра) — само же зло, еще увеличенным, берут себе в наследство».⁶¹ Полувековой опыт советского государства, проповедывавшего поочередно мистическую непогрешимость пролетариата, марксистской науки, Вождя и, наконец, Партии и Государства, показал, что оборотной стороной этой мистической веры является бесчеловечность, аморальность, террор.

Нельзя, однако, не видеть, что вера — сегодня — в Партию и Государство — тоже вера. Ее цель — оправдать нечеловеческие машины — партию и государство. Но эта вера и вера в духовные ценности имеют две общие черты. Во — первых, отрицание рационального мировоззрения, во — вторых, стремление найти корни в русской истории, в русской революционной мысли.

Можно сказать, что в старинном споре западников и славянофилов, после временного успеха марксизма, западники потерпели сегодня поражение. После пятидесятилетнего перерыва возвращаются в Советский

⁶⁰ В. Максимов — Карантин, стр. 69.

⁶¹ А. Солженицын — Архипелаг ГУЛАг, т. 2, стр. 603.

Союз идеи «сменовеховцев», идеи национал-большевизма.

Профессор Устрялов, заявивший в 1920 г., что «логикой вещей большевизм от якобинизма будет эволюционировать к наполеонизму (не в смысле конкретной формы правления, а в смысле стиля государственного управления)»,⁶² понял, как сегодня видно, суть нового государства, созданного революцией, лучше, чем Ленин. Статья Н. Устрялова в сборнике «Смена вех» содержит утверждения и программу, наиболее полно отражающие современную советскую идеологию: «Большевизм с его интернациональным влиянием и всюду проникающими связями, становится ныне прекрасным оружием международной политики России, и слепы те русские патриоты, которые хотели бы в настоящий момент видеть страну лишенной этого орудия какой бы то ни было ценой».⁶³ Без труда можно обнаружить в сегодняшней официальной литературе эхо утверждений Устрялова: «Лишь «физически» мощное государство может обладать великой культурой... Души «малых держав не лишены возможности быть изящными, благородными, даже «героическими», но они органически неспособны быть великими».⁶⁴

Сегодня нет никаких сомнений в ответе, который следует дать на вопрос, поставленный Устряловым более полувека назад: «Над Спасскими воротами, по-прежнему являющими собой глубочайшую исторически национальную святыню, древние куранты поют «Интернационал»... В глубине души невольно рождается вопрос: «Интернационал» ли нечестивыми звуками оскверняет Спасские ворота, или Спасские ворота кремлевским веянием влагают новый смысл в «Интернационал?»⁶⁵

Давно уже «Интернационал» перестал «осквернять нечестивыми звуками» Спасские ворота. Давно уже гимн революции перестал тревожить слух жителей столицы Советского Государства. Используя революцию для уничтожения «носителей зла», взяв в наследство это зло увеличенным, государство, создав «тю-

⁶² Н. Устрялов — В борьбе за Россию. Изд. «Окно», Харбин, 1920.

⁶³ «Смена вех», № 6, 1921, Париж, стр. 16.

⁶⁴ Там же, стр. 17.

⁶⁵ Там же, стр. 19.

ремную цивилизацию», концлагерный мир, стремится к его увековечиванию.

Литература, исследующая причины возникновения концлагерного мира, раздумывающая над судьбой русского народа, на его историей, защищающая духовные ценности, которым угрожает «тюремная цивилизация», неизбежно и неизменно приходит в столкновение с государством. И государство делает все, чтобы ее заглушить, подавить, уничтожить. Место подлинной литературы занимает литература рептильная, воспевающая в готовых формулах концентрационный мир, как высшую форму человеческого духа. В 1921 г., через три года после революции, Евгений Замятин предупреждал: «Я боюсь, что настоящей литературы у нас не будет, пока не перестанут смотреть на демос российский, как на ребенка, невинность которого надо оберегать. Я боюсь, что настоящей литературы у нас не будет, пока мы не излечимся от какого-то нового католицизма, который не меньше старого опасается всякого еретического слова. А если неизлечима эта болезнь — я боюсь, что у русской литературы одно только будущее: ее прошлое».⁶⁶ Было время, когда казалось, что пророчество это сбылось. Оказалось, однако, что настоящая литература сумела выжить даже в концентрационном мире, в котором отношение к народу, как ребенку, невинность которого надо беречь, стало законом. «Ни на миг не прерывалась русская литература! — а со стороны казалась пустыней!»⁶⁷

Два качества определяют подлинную литературу. Об одном, непреходящем качестве говорит мудрейший, все еще малоизвестный Евгений Замятин: «Только тогда, когда мы вместо ненависти к человеку поставим любовь к человеку — придет настоящая литература».⁶⁸ О другом, непреходящем качестве говорит Солженицын: в борьбе с ложью искусство всегда побеждало, всегда побеждает. «А едва развеяна будет ложь — отвратительно откроется нагота насилия — и насилие дряхлое падет».⁶⁹

⁶⁶ Е. Замятин — Лица, стр. 190.

⁶⁷ А. Солженицын — Нобелевская лекция по литературе, стр. 10.

⁶⁸ Е. Замятин — Лица, стр. 177.

⁶⁹ А. Солженицын — Нобелевская лекция по литературе, стр. 10.

Любовь к человеку и беспощадная живительная правда — сохранили подлинную русскую литературу, предвещая победу над злом.

Слова, написанные Герценом 125 лет назад, кажутся написанными сегодня: «Великий обвинительный акт, составляемый русской литературой против русской жизни, это полное и пылкое отречение от наших ошибок, эта исповедь, полная ужаса перед нашим прошлым, эта горькая ирония, заставляющая краснеть за настоящее, — и есть наша надежда, наше спасение, прогрессивный элемент русской натуры».⁷⁰

⁷⁰ А. И. Герцен — Сочинения в девяти томах, т. 3, стр. 496.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Общие труды

- Александрова Вера — *Литература и жизнь*, Нью-Йорк, 1969.
- Аникст А. — *Организация рабочей силы*. Москва, 1920.
- Артемьев В. — *Режим и охрана исправительно-трудовых лагерей МВД*. Мюнхен, 1959.
- Авторханов А. — *Технология власти*. Мюнхен, 1959.
- Бухарин Н. — *Путь к социализму в России*. Нью-Йорк, 1967.
- Бушуев И. А. — *Исправительно-трудовые работы*. Москва, 1968.
- Ваганов Ф. М. — *Правый уклон в ВКП(б) и его разгром*. Москва, 1970.
- Вехи — *Сборник статей о русской интеллигенции*. Москва, 1909.
- Вольский А. — *Умственный рабочий*. Нью-Йорк—Балтимор, 1968.
- Всесоюзное совещание историков. *Всесоюзное совещание о методах подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам*. 18.—21. 12. 1962. Москва, 1964.
- Вышинский А. Я. — *Теория судебных доказательств в советском праве*. Москва, 1950.
- Гернет М. Н. — *История царской тюрьмы в пяти томах*. Москва, 1960—1963.
- Голиков Д. А. — *Крах вражеского подполья*. Из истории борьбы с контрреволюцией в Советской России 1917—1921. Москва, 1971.
- Голубцов В. С. — *Мемуары как источник по истории советского общества*. Москва, 1970.
- Горбачев Г. — *Очерки современной русской литературы*. Ленинград, 1925.
- Горчаков Н. А. — *История советского театра*. Нью-Йорк. 1956.
- Горчаков Н. К. — *Режиссерские уроки Станиславского*. Москва, 1951.

- Дзержинский Ф. — *Стенограмма выступления на 8 заседании ВЦИК 17. 2. 1919.* «Исторический архив» № 1, Москва, 1958.
- Еженедельник Чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией.* №№ 1—6. Москва, 1918.
- Из истории Всероссийской Чрезвычайной Комиссии, 1917—1921.* Сборник документов. Москва, 1958.
- Из глубины.* Сборник статей о русской революции. Париж, 1967.
- Классы, социальные слои и группы в СССР.* Москва, 1968.
- Ключевский В. — *Курс русской истории.* часть IV. Москва, 1910.
- Кожевников М. — *История советского суда 1917—1956.* Москва, 1957.
- Козьмин В. — *П. Н. Ткачев и революционное движение 1860-х годов.* Москва, 1922.
- Красная книга ВЧК под редакцией Макинцана.* т. 1. Москва, 1920
- Крыленко Н. В. — *Обвинительные речи по наиболее крупным политическим процессам.* Москва, 1937.
- Лацис (Судрабс) М. — *Два года борьбы на внутреннем фронте.* Москва, 1920.
- Ларин Ю. — *Государственный капитализм военного времени в Германии.* Москва—Петроград, 1920.
- Ларин Ю., Крицман Л. — *Очерк хозяйственной жизни и организации народного хозяйства Советской России 1. 11. 1917 — 1. 8. 1920.* Москва, 1920.
- Лазарев Л. — *Военные романы К. Симонова.* Новый мир, № 8, 1964.
- Левидов М. — *О пятнадцати-триста строк.* ЛЕФ, № 1, Москва, 1923.
- Ленин В. И. — *Полное собрание сочинений.* 5-ое издание. Москва, 1958—1965.
- Маньковский В. С. — *Проблема ответственности в уголовном праве.* Москва, 1949.
- Медведев Рой — *К суду истории.* Нью-Йорк, 1971.
- Мельгунов С. П. — *Красный террор в России 1918—1923.* Берлин, 1924.
- Меньшутин А., Синявский А. — *Поэзия первых лет революции. 1917—1920.* Москва, 1964.
- Московские большевики в борьбе с правым и левым оппортунизмом, 1921—1929.* Москва, 1969.
- Мусьяков П. И. — *Флагман Константин Душенов,* Москва, 1966.
- Некрич А. М. — 1941, 22 июня. Москва, 1965.

- Очерки по историографии советского общества. Москва, 1965.
- Первый всесоюзный съезд советских писателей — 1934. Стенографический отчет. Москва, 1934.
- Пионтковский А. А. — Сталинская конституция и проект Уголовного кодекса СССР. Москва, 1947.
- Полонский В. — О современной литературе. Москва—Ленинград, 1929.
- Преступный мир Москвы. Под редакцией М. Гернета. Москва, 1924.
- Прокопович С. — Народное хозяйство СССР, в 2-х томах. Нью-Йорк. 1952.
- Сахаров А. — Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе. Франкфурт-на-Майне, 1968.
- Смена вех. Еженедельный журнал. Париж, 1921.
- Смена вех. Сборник статей Ю. В. Ключникова, Н. В. Устрялова, С. С. Лукьянова, А. В. Бобрищева-Пушкина, С. С. Кахотина и Ю. Ю. Потехина., Тверь, 1921.
- Советское уголовное право. Общая часть. Москва, 1952.
- Спирин Л. М. — Классы и партии в гражданской войне в России. Москва, 1968.
- Сталин И. В. — О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и других двурушников. Доклад на пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937. Правда, 29. 3. 1937.
- Сталин И. — Сочинения, тт. 1—13. Москва, 1946—1951.
- Тишков А. В. — Первый чекист. Москва, 1968.
- Троцкий Л. — Сочинения, т. 15. Хозяйственное строительство в Советской России; т. 17. Советская республика и капиталистический мир. Москва, 1925—1927.
- Троцкий Л. — Как вооружалась революция. На военной работе т. 1, 1918; т. 2, книга 1, 1919; книга 2, 1919—1920;
- Троцкий — враг ленинизма. Сборник. Москва, 1968.
- Уранов С. — О некоторых коварных приемах вербовочной работы иностранных разведок. Москва, 1937.
- Устрялов Н. — В борьбе за Россию. Харбин, 1920.
- Ушерович С. — Смертные казни в царской России. Харьков, 1933.
- Фарбер Л. М. — Советская литература первых лет революции. 1917—1920. Москва, 1966.
- Фишер Л. — Жизнь Ленина. Лондон, 1970.
- Хрущев Н. С. — Доклад на закрытом заседании XX съезда 30 июня 1956.
- Чунтулов В. Т. — Экономическая история СССР. Москва, 1969.

- Шаргородский М. Д. — *Наказание по советскому уголовному праву*. Москва, 1958.
- Шешуков С. — *Неистовые ревнители*. Из истории литературной борьбы 20-х годов. Москва, 1970.
- Ширвиндт Е. Г. — *Наше исправительно-трудовое законодательство*. Москва, 1925.
- Шуб Д. — *Политические деятели России (1850—1920 гг.)*. Нью-Йорк, 1969.
- Эффективность уголовно-правовых мер борьбы с преступностью. Под редакцией В. С. Никифорова. Москва, 1968.

Воспоминания

- Андреев В., Соснинский В., Л. Прокша — *Герои Олерона*. Минск, 1965.
- Андреев Г. — *Соловецкие острова 1927—1929*. Грани, № 8, 1950.
- Аронсон Г. — *На заре красного террора*. Берлин, 1929.
- Афиногенов А. — *Пьесы*. Москва, 1956.
- Афиногенов А. М. — *Статьи, дневники, письма, воспоминания*. Москва, 1957.
- Баграмян И. Н. — *Так начиналась война*. Москва, 1971.
- Батов М. И. — *В походах и боях*. Москва, 1966.
- Безсонов — *Двадцать шесть тюрем и побег с Соловков*. Париж, 1928.
- Валентинов Н. — *Встречи с Горьким*. Новый журнал, № 78, 1965.
- Валентинов Н. — *Встречи с Лениным*. Нью-Йорк, 1953.
- Валентинов Н. — *Малознакомый Ленин*. Париж, 1972.
- Воспоминания об Иване Катаеве*. Москва, 1970.
- Всегда по ту сторону*. Воспоминания о Викторе Кине. Москва, 1966.
- Гинзбург А. — *Крутой маршрут*. Франкфурт-на-Майне, 1967.
- Горбатов А. Б. — *Годы и войны*. Новый мир №№ 3, 4, 5, 1964. Отдельное издание. Москва, 1965.
- Далин Д. — *После войн и революций*. Берлин, 1922.
- Дан Ф. — *Два года скитаний 1919—1921*. Берлин, 1922.
- Дзержинская С. — *В годы великих боев*. Москва, 1965.
- Дзержинский Феликс. — *Сборник воспоминаний*. Москва, 1931.
- Емельянов В. С. — *О времени, о товарищах, о себе*. Москва, 1968.
- Жуков Г. К. — *Воспоминания и размышления*. Москва, 1969.

- Иванов-Разумник Р. В. — *Тюрьмы и ссылки*. Нью-Йорк, 1953.
- Клингер А. — *Советская каторга. Записки бежавшего*. 1926 год. *Архив русской революции* т. XIX, Берлин, 1928.
- Кольцов Михаил — *Каким он был*. Воспоминания. Москва, 1965.
- Кузнецов Н. Г. — *Накануне*. Москва, 1966.
- Кускова Е. — *На рубеже двух эпох: Памяти А. М. Горького*. Последние новости, 26. 6. 1936. Париж.
- Лацис М. — *Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем*. Москва, 1921.
- Ларсонс М. — *На советской службе. Записки спеца*. Берлин, 1930.
- Литовский О. — *Так и было*. Очерки, воспоминания, встречи. Москва, 1958.
- Луначарская-Розенель Н. — *Память сердца*. Москва, 1965.
- Мандельштам Н. — *Воспоминания*. Нью-Йорк, 1970.
- Мандельштам Н. — *Вторая книга*. Париж, 1972.
- Марголин Ю. Б. — *Путешествие в страну зэ-ка*. Нью-Йорк, 1952.
- Медведев Ж. А., Медведев Р. А. — *Кто сумасшедший?* Лондон, 1971.
- Михайлов Михайло — *Московское лето 1964*. Франкфурт-на-Майне, 1967.
- Олицкая Е. — *Мои воспоминания*. Франкфурт-на-Майне, 1973.
- Панин Д. М. — *Записки Сологодина*. Франкфурт-на-Майне, 1973.
- Парамонов И. В. — *Пути пройденные*. Москва, 1966.
- Петерс — *Воспоминания о работе в ВЧК в первый год революции*. Былое. Сборник по новейшей русской истории под ред. В. А. Бурцева, книга 47. Париж, 1933.
- Побожий А. — *Мертвая дорога*. Из записок инженера-изыскателя. Новый мир № 8, 1964.
- Попель Н. К. — *В тяжкую пору*. Москва, 1959.
- Попель Н. К. — *Танки повернули на запад*. Москва, 1960.
- Раскольников Ф. Ф. — *На боевых постах*. Москва, 1964.
- Розанов М. — *Завоеватели белых пятен*. Лимбург, 1951.
- Рокоссовский К. К. — *Солдатский долг*. Москва, 1968.
- Слонимский М. — *Книга воспоминаний*. Москва—Ленинград, 1966.
- Старинов И. Г. — *Мины ждут своего часа*. Москва, 1964.
- Суворин А. С. — *Дневник*. Москва—Петроград, 1923.
- Толстая Александра — *Проблески во тьме*. Вашингтон, 1965.

Тынянов — писатель и ученый. Воспоминания, размышления, встречи. Москва, 1966.

Черкасов Н. К. — Записки актера. Москва, 1953.

Шарагин А. (Георгий Озеров) — Туполевская шарага. Франкфурт-на-Майне, 1971.

Ширяев В. — Неугасимая лампада. Нью-Йорк, 1954.

Шкапа Илья — Семь лет с Горьким. Москва, 1966.

Штеменко С. М. — Генеральный штаб во время войны. Москва, 1968.

Яковлев А. — Цель жизни. Москва, 1967.

Художественная литература

Ажаев В. — Далеко от Москвы. Москва, 1967.

Аржак Николай (Юлий Даниель) — Говорит Москва. Повести и рассказы. Нью-Йорк, 1966.

Аросев А. — Записки Терентия Забытого. («Опальные повести» под ред. В. Александровой). Нью-Йорк, 1955.

Аросев А. — От желтой реки. Ленинград, 1927.

Ахматова А. — Сочинения в двух томах. Нью-Йорк, 1967—1968.

Багрицкий Е. — Стихотворения и поэмы. Москва—Ленинград, 1964.

Бакланов Г. — Июль 41 года. Знамя №№ 1—2, 1965.

Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. История строительства. Под редакцией М. Горького, Л. Л. Авербаха, С. Г. Фирина. Москва, 1934.

Бондарев Ю. — Тишина. Новый мир №№ 3, 4, 5, 1962.

Бондарев Ю. — Двое. Новый мир №№ 4, 5, 1964.

Бондарев Ю. — Горячий снег. Москва, 1970.

Брехт Б. — Высшая мера. Эпические драмы. Перевод С. Третьякова. Москва, 1934.

Быков В. — Круглянский мост. Новый мир № 5, 1969.

Быков В. — Мертвым не больно. Новый мир №№ 1, 2, 1966.

Васильев А. — Вопросов больше нет... Москва № 6, 1964.

Владиславлев В. — Литература великого десятилетия. 1917—1927. Москва—Ленинград, 1927.

Гастев А. — Пачка ордеров. Рига, 1921.

Герасимов М. — Завод весенний. Москва, 1919.

Горький М. — Несвоевременные мысли. Статьи 1917—1918. Париж, 1971.

Горький М. — Собрание сочинений в 30 томах. т. 17. Рассказы, очерки, воспоминания 1924—1936. Москва, 1952.

Горький М. — Заметки из дневника. Воспоминания. Берлин, 1924.

- Гроссман В. — *Если верить пифагорейцам*. Знамя, № 6, 1946.
- Гроссман В. — *За правое дело*. Новый мир, № 7 и № 10, 1952.
- Гроссман В. — *Всё течет . . . Франкфурт-на-Майне*, 1970.
- Даниель Юлий — *А в это время . . . Поэма*. Грани, № 77, 1970.
- Домбровский Ю. — *Хранитель древностей*. Новый мир №№ 7—8, 1964.
- Домбровский Ю. — *Художник Калмыков*. Простор № 9, 1970.
- Дудинцев В. — *Не хлебом единым*. Москва, 1968.
- Замятин Е. — *Лица*. Нью-Йорк, 1955.
- Ильин Я. — *Большой конвейер*. Москва, 1957.
- Каверин В. — *Двойной портрет*. Собрание сочинений в 6 томах, т. 6. Москва, 1966.
- Каверин В. — *Семь пар нечистых*. Новый мир, № 2, 1962.
- Кириллов Вл. — *Зори грядущего*. Петербург, 1919.
- Князев В. — *Песни красного звонаря*. Петроград, 1919.
- Князев В. — *Красные звоны и песни*. Петроград, 1918.
- Кольцов М. — *Избранные произведения* в 3 томах, т. 1. Фельетоны и очерки. Москва, 1957.
- Короленко В. Г. — *Письма к Горькому*. Литературное приложение к журналу «Накануне», № 4—21 мая 1922 года.
- Лелевич Г. — *Коммунера о чекисте Семенове*. Молодая Гвардия, № 2, 1923.
- Литературное наследство, т. 70. *Горький и советские писатели*. Неизданная переписка. Москва, 1963.
- Мандельштам Осип — *Собрание сочинений* в 3 томах. Нью-Йорк, 1967—1969.
- Максимов В. — *Семь дней творения*. Франкфурт-на-Майне, 1971.
- Максимов В. — *Карантин*. Франкфурт-на-Майне, 1973.
- Нилин П. — *Жестокость*. Испытательный срок. Москва, 1964.
- Пастернак Б. — *Доктор Живаго*, Милан, 1959.
- Пастернак Б. — *Стихотворения и поэмы*. Москва, 1965.
- Пиляр Ю. — *Всё это было*. Новый мир, №№ 10—11, 1955.
- Пиляр Юрий — *Люди остаются людьми*. Юность, №№ 3—5, 1964.
- Погодин Н. — *Аристократы*. Собрание драматических произведений в 5 томах т. 3. Москва, 1960.
- Померанцев В. — *Об искренности в литературе*. Новый мир, № 12, 1953.
- Розанов В. — *Избранное*. Мюнхен, 1970.
- Садофьев И. — *Динамо-стихи*. Петроград, 1918.

- Сейфуллина Л. — *Правонарушители*. Избранные произведения в двух томах т. 1, Москва, 1958.
- Симонов К. — *Солдатами не рождаются*. Москва, 1968.
- Симонов К. — *Живые и мертвые*. Москва, 1968.
- Солженицын А. — *Случай на станции Кречетовка*. Новый мир, № 1, 1963.
- Солженицын А. — *Олень и шалашовка*. Грани, № 73, 1969.
- Солженицын А. — *Август четырнадцатого*. Узел 1. Париж, 1971.
- Солженицын А. — *В круге первом*. Париж, 1969.
- Солженицын А. — *Один день Ивана Денисовича*. Москва, 1963.
- Солженицын А. — *Раковый корпус*. Париж, 1968.
- Солженицын А. — *Архипелаг Гулаг*. Париж, т. 1, 1973, т. 2, 1974.
- Солженицын А. — *Нобелевская лекция по литературе 1970 года*. Париж, 1972.
- Тарасов-Родионов А. — *Шоколад* («Опальные повести» под ред. В. Александровой). Нью-Йорк, 1955.
- Терц Абрам (Андрей Синявский) — *Фантастический мир Абрама Терца*. Нью-Йорк, 1967.
- Терц Абрам (Андрей Синявский) — *Голос из хора*. Лондон, 1973.
- Хикмет Назым — *А был ли Иван Иванович?* Новый мир, № 4, 1956.
- Чуковская Л. — *Опустелый дом*. Париж, 1965.
- Шаламов В. — *Рассказы*. (Рукопись).
- Шаламов В. — *Рассказы из жизни зэ-ка*. Грани №№ 76—77.
- Шаламов В. — *Колымские рассказы*. Новый журнал.
- Шаламов В. — *Дорога и судьба. Книга стихов*. Москва, 1967.
- Шелест Г. — *Колымские записи*. Знамя, № 9, 1964.
- Эйзенштейн С. — *Избранные произведения в 6 томах*. Москва, 1971.
- Эренбург И. — *Жизнь и гибель Николая Курбова*. Берлин, 1923.
- Эренбург И. — *Собрание сочинений в 9 томах*. Москва, 1962—1967.
- Ясенский Бруно — *Заговор равнодушных*. Новый мир, №№ 5, 6, 7, 1956. Избранные произведения в 2 томах, т. 1. Москва, 1957.
- Яшин А. — *Рычаги*, Литературная Москва, сборник второй, 1956.

- Bach Lydia — *Les droit et les institutions de la Russie Soviétique*. Paris, 1923.
- Barton Paul — *L'Institution Concentrationnaire en Russie 1930—1957*. Paris, 1959.
- Bieńkowski Władysław — *Motory i hamulce socjalizmu*. Paryż, 1969.
- Brzeziński Zbigniew K. — *La Purge permanente. La politique dans le totalitarisme soviétique*. Paris, 1958.
- Bullock Alan — *Hitler. A Study in Tyranny*. London, 1959.
- Bunyan James — *The Origin of forced labor in the Soviet State 1917—1921*. Baltimore, 1967.
- Carr T. H. — *A history of Soviet Russia. The bolshevik revolution 1917—1923*. London, 1966. *The Interregnum 1923—1924*. London, 1969. *Socialism in one country 1924—1926*. London, 1970.
- Chambre Henri — *Le marxisme en Union Soviétique. Idéologie et institutions*. Paris, 1955.
- Schapiro Leonard — *De Lénine à Staline*. Paris 1969.
- Conquest Robert — *The Great Terror. Stalin's Purge of the Thirties*. New-York, 1968.
- Dallin David, Nicolaevsky Boris — *La travail forcé en URSS*. Paris, 1949.
- Deutscher Isaak — *Pasternak and the Calendar of the Revolution*. „Pasternak — Modern Jugements“. London, 1969.
- Deutscher Isaak — *Staline. Biographie politique*. Paris, 1953.
- Deutscher Isaak — *Trotsky*. 1. *Le prophète armé 1879—1921*. Paris, 1962. 2. *Le prophète désarmé 1921—1929*. Paris, 1964. 3. *Le prophète hors-la-loi*. Paris, 1965.
- Fainsod Merle — *Smolensk à l'heure de Staline*. Paris, 1967.
- Gorki Maxime — *Lénine et le paysan russe*. Paris, 1925.
- Haupt G., Marie J. J. — *Les bolchéviks par eux-mêmes*. Paris, 1969.
- Herling-Grudziński Gustaw — *Inny świat. Zapiski sowieckie*. Paryż, 1965.
- Herling-Grudziński G. — *Siedem śmierci Maksyma Gorkiego*. „Przyjście oraz inne opowiadania i szkice“. Paryż, 1963.
- Koralz Walter — *Les colonies russes à l'Extrême-Orient*. Paris, 1955.
- Lukacs Georg — *Solschenizyn*. Neuwied und Berlin, 1970.
- Medvedev Roy — *Faut-il rehabiliter Staline?* Paris, 1969.
- Medvedev Zhores A. — *The Rise and Fall of T. D. Lysenko*. New-York & London, 1969.
- Medvedev Zhores A. — *The Medvedev papers. The Plight of Soviet Science today*. London, 1971.
- Nettle Peter — *Rose Luxembourg*. London-Oxford, New-York, 1969.
- Nicolaevski Boris — *Les dirigeants soviétiques et la lutte pour le pouvoir*. Paris. 1969.
- Payne Robert — *The Life and Death of Lenin*. London, 1967.

- Revolutionary Russia*. Edited by Richard Pipes. Cambridge-Massachusetts, London, 1968.
- Serge Victor — *Destin d'une Révolution. URSS 1917—1937*. Paris, 1937.
- Sorlin Pierre — *La société soviétique 1917—1964*. Paris, 1964.
- Souvarin Boris — *Staline. Aperçu historique du bolchévisme*. Paris, 1935.
- Soljenitsyne — *Cahier dirigé par Georges Nivat et Michel Aucouturier*. Paris, 1971.
- Sperber Manes — *Die Angst und die Herrschaft des Schreckens*. „Die Welt“ 3. 1971.
- Trotsky Leon — *La révolution trahie*. Paris, 1963.
- Trotsky Leon — *Terrorisme et Communisme*. Paris, 1920.
- Trotsky Leon — *Staline*. Paris, 1948.
- Ulam Adam F. — *Lenin and the bolsheviks. The Intellectual and Political History of the Triumph of Communism in Russia*. London, 1965.
- Ulam Adam F. — *Stalin. The man and his Era*. New-York, 1973.
- Wolfe Bertram D. — *The Bridge and the Abyss. The troubled Friendship of Maxim Gorky and V. I. Lenin*. London, 1967.
- Balabanoff Angelika — *Impressions of Lenin*. The University of Michigan Press, 1968.
- Berger Joseph — *Shipwreck of a generation*. London, 1971.
- Borowski Tadeusz — *Wybór opowiadań*, Warszawa, 1959.
- Buber-Neumann Margarete — *Von Potsdam nach Moskau. Stationen eines Irrweges*. Stuttgart, 1957.
- Buber-Neuman Margarete — *Déportés en Sibérie*. Paris, 1949.
- Cederholm Boris — *Au pays du NEP et de la Tcheka. Dans les prisons de l'URSS*. Paris, 1928.
- Chalamov Varlam — „Article 58“. *Mémoires du prisonnier Chalamov*. Paris, 1969.
- Chalamov Varlam — *Récits de Kolyma*. Paris, 1969.
- Czapski Józef — *Na nieludzkiej ziemi*. Paryż, 1962.
- Čiliga A. — 1. *Au pays du mensonge déconcertant*. 2. *Sibérie — terre de l'Exil et de l'Industrialisation*. Paris, 1950.
- Ciszek Walter — *L'Espion du Vatican. Vingt-trois ans d'activité d'un jésuite en Union Soviétique*. Paris, 1967.
- El Campesino — *La vie et la mort en URSS. 1939—1949*. Paris, 1950.
- Krakowiecki Anatol — *Książka o Kolywie*. Londyn, 1950.
- Lipper Elinor — *Elf Jahre in Sowjetischen Gefängnissen und Lagern*. Zürich, 1950.
- Lockart Robert Bruce — *Memoirs of a British Agent*. London, 1950.
- Rosmer Alfred — *Moscou sous Lenine. Les Origines du Communisme*. Paris, 1953.

- Rousset David — *L'Univers concentrationnaire*. Paris, 1946.
- Scholmer Joseph — *La grève de Vorkouta*. Paris, 1954.
- Sentaureus Andree — *Dix-sept ans dans les camps soviétiques*. Paris, 1963.
- Seriebriakowa Galina — *Huragan*. Paryż, 1967.
- Serge Victor — *Mémoires d'un révolutionnaire 1901—1941*. Paris, 1951.
- Weissberg A. — *L'Accusé*. Paris, 1953.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Авербах Л. — 133
 Адамс Д. — 86
 Алдан-Семенов А. — 263, 275
 — 278, 280, 321
 Алехин Г. — 181
 Антонов-Овсеенко В. — 24
 Аросев А. — 97—99, 101, 107,
 122
 Афиногенов А. — 126, 128—
 131, 158, 180
 Ахматова А. — 193—195, 198
 Бабель И. — 186, 286
 Баграмян И. — 223
 Багрицкий Э. — 66
 Бакланов Г. — 235, 236, 238
 Барбюс А. — 199
 Беньян Д. — 13
 Бердяев Н. — 280, 328
 Берия Л. — 240, 274
 Берман М. — 136
 Бондарев Ю. — 242, 246, 257,
 261
 Боровский Т. — 282
 Бош Е. — 44
 Булгаков М. — 181, 195, 197,
 198
 Бухарин Н. — 31, 34, 35, 60,
 101, 172, 203, 228
 Быков В. — 245, 246
 Васильев А. — 235—238, 322
 Винокуров Е. — 221
 Вольский А. (Махайский Ян
 Вацлав) — 18—23, 28
 Вышинский А. — 177, 178
 Гастев А. — 17, 101
 Герцен А. — 122, 337
 Гинзбург Е. — 264, 270
 Гиппиус З. — 281
 Гитлер А. — 161, 177
 Гольцман А. — 17
 Горбатов А. — 225—228, 262,
 264, 268
 Горький М. — 21, 26, 73, 84
 — 95, 129—133, 135, 138, 144
 — 147, 206, 289, 296
 Гроссман В. — 206—208, 215,
 234, 326, 329—333
 Дан Ф. — 166
 Даниель Ю. — 325
 Дейтчер И. — 322, 323
 Деникин А. — 48
 Дзержинский Ф. — 40, 43,
 46, 48—52, 61, 63, 66, 70, 72,
 73, 91, 143, 318
 Домбровский Ю. — 250—255
 Донн Д. — 253
 Дудинцев В. — 213, 215, 308
 Дьяков Б. — 262, 267, 269,
 270, 272
 Ежов Н. — 225, 235, 274
 Ефимов Б. — 231, 233
 Жуков Г. — 224
 Замятин Е. — 35, 107, 130,
 205, 314, 336
 Зиновьев Г. — 45, 46, 167,
 172, 199, 307
 Иван IV Грозный — 187, 189,
 201, 202
 Иванов-Разумник Р. — 256,
 265
 Каверин В. — 247—250, 257,
 308, 322
 Каменев Л. — 167, 172, 199
 Карр Э. Г. — 56
 Киров С. — 160, 161, 165
 Китченер Г. — 6
 Ключевский В. — 332
 Князев В. — 92
 Колчак А. — 48
 Кольцов М. — 231, 232
 Короленко В. — 73, 332
 Крицман Л. — 18
 Кузнецов А. — 9
 Курский Д. — 64, 172, 173

- Кускова Е. — 93
 Лазарев Л. — 244
 Ларин Ю. — 18, 28, 29
 Лацис М. — 70
 Ленин В. — 9, 11, 12, 14—16, 18, 20—33, 36, 39, 40, 43, 44, 51, 64, 74, 84, 85, 87, 101, 159, 172—175, 199, 200, 202—204, 276, 279, 312, 331
 Лец С. — 281
 Литовский О. — 129, 230
 Люксембург Р. — 32, 33
 Макиавелли Н. — 174
 Максимов В. — 325, 333, 334
 Махайский Я. В. (Вольский А.) — 18—23, 28
 Марченко А. — 9
 Мандельштам Н. — 8, 120, 127, 159, 164, 178, 250, 325—328
 Мандельштам О. — 120, 159, 163, 164, 181, 327, 328
 Медведев Р. — 47, 182, 202, 229, 230, 321
 Мороз П. — 91
 Немчинов В. — 12
 Нилин П. — 216, 217, 219, 220
 Ногин В. — 17
 Олеша Ю. — 180, 252, 308
 Олицкая Е. — 124, 125, 264, 268, 270
 Осадчий М. — 9
 Пастернак Б. — 179, 233, 322, 323, 328
 Петр I. — 194, 332
 Пильняк Б. — 132, 133, 178, 230
 Пиляр Ю. — 262, 267, 272
 Платонов А. — 132, 234
 Побожий А. — 271
 Погодин Н. — 151, 152, 156, 300
 Померанцев В. — 205, 206, 215, 220, 314
 Попель Н. — 224
 Прокопович С. — 15
 Пушкин А. — 99
 Розанов В. — 95, 150
 Робинс Р. — 25
 Розенфельд Я. — 13
 Рютин Н. — 259
 Рыков А. — 86, 172, 228
 Сахаров А. — 8
 Серебрякова Г. — 164, 264, 267
 Симонов К. — 240, 243—245
 Синявский А. — 323—325
 Снегов А. — 221
 Солженицын А. — 6, 7, 81, 141, 169, 215, 237, 256, 257, 280, 281, 289, 299—307, 309, 310, 312—315, 325, 334, 336
 Спирин Л. — 12, 13, 18
 Сталин И. — 8, 9, 47, 61, 78, 122, 133, 149, 159—161, 167—169, 171, 199—206, 222, 225, 228, 233, 238—246, 249, 252, 265, 271—279, 289, 301, 306, 312—316, 320—321, 331
 Суворин А. — 179
 Тарасов-Родионов А. — 97, 98, 107
 Твардовский А. — 256, 257
 Тейлор Ф. — 51
 Ткачев П. — 318
 Томский М. — 16
 Троцкий Л. — 43, 44, 48, 60—62, 86, 101, 147, 167, 315
 Устрялов Н. — 335
 Фадеев А. — 234
 Фирин С. — 134
 Френкель Н. — 83
 Хикмет Н. — 209, 210
 Хрущев Н. — 163, 165
 Чехов А. — 94
 Чуковская Л. — 190, 192, 193, 198, 242
 Шаламов В. — 82, 281—299, 303, 320
 Шелест Г. — 262, 270, 272
 Ширвиндт Е. — 77
 Шкловский В. — 135, 314
 Шляпников А. — 14
 Шолохов М. — 106 117
 Штейнберг И. — 38
 Эйзенштейн С. — 185—189, 201
 Эрдман Н. — 124, 127
 Эренбург И. — 97, 98, 101, 107, 209, 231, 233, 234
 Ягода Г. — 164, 274, 307
 Яковлев А. — 224
 Ясенский Б. — 181—185, 198
 Яшин А. — 210—212, 214, 216

О Г Л А В Л Е Н И Е

Вступление	5
----------------------	---

Глава I. НОВОЕ ГОСУДАРСТВО И ТРУД

1. «Владыкой мира будет труд»	11
2. Пролетарская революция и «Рабочая революция» Махайского	18
3. Труд как наказание	23
4. Рождение концлагерей и ВЧК	37
5. Концлагеря — школа труда	49
6. Конец первого этапа	59

Глава II. ДВАДЦАТЫЕ ГОДЫ

1. «На благо народа»	68
2. УК и ОГПУ — две параллельные системы	73
3. Соловки — первый опыт	79
4. М. Горький и лагеря	84
5. «Кающийся чекист»	95

Глава III. ГЕНЕРАЛЬНАЯ РЕПЕТИЦИЯ

1. Законодательная подготовка	109
2. Три кита тюремной цивилизации	123
3. Беломорканал — испытание системы	134
4. «Аристократы» — комедия о концлагере	151

Глава IV. ГОД 1937

1. Невиновных нет	158
2. «Зеркало эпохи»	179
3. По свежему следу событий	190
4. Цель достигнута	198

Глава V. ПОИСКИ ОТВЕТОВ

1. На поиски правды	205
2. На поиски фактов	220
3. На поиски обобщений	234

Глава VI. СМЕРТЬ И ЖИЗНЬ В ЛАГЕРЕ

1. После войны	256
2. Литература недоумения	261
3. От «святого» палача к «святой» жертве	272
4. Полюс лютости: Варлам Шаламов	281
5. «Архипелаг ГУЛаг»	299

Заключение	318
----------------------	-----

Избранная библиография	338
----------------------------------	-----

Именной указатель	349
-----------------------------	-----

